Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА

1657—1945

Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб

Walter Görlitz

The German General staff

ITS HISTORY AND STRUCTURE

1657—1945

Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА

1657—1945

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2005

ББК 68(4Гем)
Г37

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Гёрлиц Вальтер
Г37 Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657—1945 / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 478 с.

ISBN 5-9524-1591-1

В. Гёрлиц увлекательно и подробно осветил историю создания германского Генерального штаба, начиная с XVII века, периода зарождения прусско-бранденбургской армии, когда впервые упоминается Генеральный штаб, и до окончания Второй мировой войны. Автор рассказывает, как складывалась каста генштабистов, подчеркивает особое значение связки начальник штаба — командующий, детально рассматривает «управленческую триаду», рисует яркие портреты офицеров Генерального штаба, объясняет сложную структуру командования немецкими войсками во Второй мировой войне.

ББК 68(4)Гем

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-1591-1

Глава 1
ИСТОКИ

I

Прусский Генеральный штаб — плод конкретной стадии европейского развития, порожденный сочетанием абсолютной монархии с регулярной армией, ставшей неотъемлемой частью государства после Тридцатилетней войны.

В 1525 году Великий магистр Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский передал в светское пользование последние территории бывшего орденского государства. Он перешел в протестантскую веру и принял от своего дяди, короля Сигизмунда, Восточную Пруссию. Военный историк фон Беренхорст уже в конце XVIII века утверждал, что не прусская монархия была страной, имевшей армию, а у армии была страна, которую она использовала в качестве территории дислокации. «Национальной профессией Пруссии является война», — писал Мирабо, а современники язвили, что если во всех странах армия существует для государства, то в Пруссии государство существует для армии. В сущности, это не так уж далеко от истины; история Пруссии является, по сути, историей прусской армии.

Во время Тридцатилетней войны спекулятивная торговля наемниками превратилась чуть ли не в основную отрасль экономики. Добровольной вербовки было уже недостаточно. Вербовщики хватали людей где попало и принуждали записываться в армию. Дело было поставлено на поток. Любой вербовщик за солидный выкуп отпускал пойманных людей и тут же был готов перекупить у другого вербовщика излишний «улов». Так Великий магистр заложил основы регулярной прусской армии и, соответственно, Пруссии. Династия Гогенцоллернов расширяла свои владения, насле-

дуя и завоевывая новые земли; армия железным кольцом окружала эти территории. Строго говоря, никогда не существовало прусской нации, но была прусская армия и прусское государство.

Помимо армии опорой абсолютной монархии Гогенцоллернов являлся протестантизм со специфическим прусским оттенком и патриархальная система землевладения в лице крупных землевладельцев, юнкеров. В зависимости от решения короля находились, несомненно, все вопросы церковного управления; что же касается землевладельцев, то посягательства монарха на некоторые привилегии, которые они имели благодаря своему положению, компенсировались личной юрисдикцией и правом распоряжаться своими крепостными.

Трудно вообразить прусскую армию без юнкеров Восточной Эльбы, без этой прусской аристократии, которая на протяжении двух столетий снабжала армию и прусский Генеральный штаб офицерским составом. Фактически история Генерального штаба неразрывно связана со сравнительно небольшим количеством знатных семейств. Юнкеры заметно отличались от остального прусского дворянства, однако следует заметить, что зачастую их владения не приносили прибыли. Они были освобождены от поборов, не считая ничтожно малого налога, сохранившегося еще с феодальных времен и регулировавшего отношения между феодалом и сюзереном. В случае войны крестьяне, присягнувшие на верность, были обязаны предоставить лошадей, а дворяне лошадь и всадника; вместо лошади разрешалось внести сопоставимую сумму.

С генетической точки зрения юнкерство являло собой невероятную смесь. Можно сказать, что своего рода основу составляли такие фамилии, как Вендиш, Кассубиан, Зитенс, Манштейн, Йорк, имевшие «прусские корни». В гугенотских поселениях преобладали французы. Объединение Силезии и польских территорий привело к наплыву поляков; обедневшее польское дворянство активно стремилось служить прусскому монарху. До 1806 года поляки составляли приблизительно одну пятую высшей и одну четверть низшей аристократии. Хотя поляки полностью онемечились и их привычки и мировоззрение ничем не отличались от германцев, придирчивый наблюдатель отмечал свойственное полякам непомерное высокомерие и склонность к необузданной расточительности.

II

Зарождение службы Генерального штаба (Generalstabsdienst) относится примерно к 60-м годам XVIII века, периоду формирования прусско-бранденбургской армии. В то время заслуженной славой пользовалась шведская армия, и великий курфюрст выбрал ее в качестве образца для создания так называемого штаба генерал-квартирмейстеров. В ведении штаба находились все инженерные службы. Штаб осуществлял контроль за передвижением войск, занимался выбором мест для палаточных лагерей и укрепленных районов. Первое упоминание о Генеральном штабе появляется в 1657 году в записях бранденбургского генерал-квартирмейстера, обер-лейтенанта инженера Герхарда фон Белликума. Судя по записям, его помощником был обер-лейтенант инженер Якоб Хольстен, называвшийся заместителем генерал-квартирмейстера.

Представление о начальной структуре Генерального штаба можно получить из платежных ведомостей того времени. Одним из первых упоминается генерал-интендант, отвечавший за обмундирование, вооружение, продовольствие и размещение. В распоряжении этого офицера находился главный сержант, звание, перешедшее из армии нового образца Кромвеля.

Далее идут: два генерал-адьютанта; генерал, отвечавший за продовольствие; генерал-аудитор (инспектор), занимавшийся вопросами, связанными с военным правом; генерал, ведавший транспортными делами, и «силовой», который курировал проблемы правопорядка. Фактически, ни генерал-квартирмейстер, ни «силовой» генерал не считались старшими офицерами Генерального штаба. Подобная честь выпала генералу артиллерии, Фрейхеру фон Спару, одному из по-настоящему великих генералов.

В 1670—1673 годах среди подчиненных Белликума мы находим некоего Филиппа де Чиезе, или Чиеза, известного скорее как создателя потсдамской крепости и берлинского монетного двора, нежели солдата, и, кроме того, как строителя подвесной почтовой дороги, так называемой «берлинки». До 1699 года дела Чиеза, как и таких французских офицеров, де Майстре, дю Пюи и де Бриона, шли весьма успешно. Что касается личного состава квартирмейстерской службы, то он, согласно старшинству, выглядел следующим образом: старший квартирмейстер, квар-

тирмейстер Генерального штаба и квартирмейстер штаба. Перечисленные должностные лица составляли технико-административную часть штаба, которая, по правде говоря, никогда не создавалась на постоянной основе. Стоило разразиться войне, и генеральный военный комиссариат, как поначалу назывался Генеральный штаб, собирался заново.

В Австрии, чьим правителям не хватало военного опыта, развивался несколько иной институт, так называемый Королевский военный совет, который включал правителя и группу людей с опытом действительной военной службы. Этот совет разрабатывал оперативные планы, то есть занимался тем, чем в сегодняшнем нашем понимании занимается Генеральный штаб.

Однако в Пруссии великий курфюрст сам был генералиссимусом и начальником штаба. Его внук, король Фридрих-Вильгельм I, заложил традицию, по которой король *ipso facto*[1] являлся Верховным главнокомандующим, руководящим армией на полях сражений.

При нем форма стала официальным нарядом правителя, и, тем самым, самой изысканной одеждой. Офицерская служба была привилегией аристократии. Офицер привык рассматривать себя в качестве слуги монарха, олицетворявшего собой государство, и воинская присяга, которой юнкер присягал на верность своему суверену, приобрела новую, глубокую значимость. Понимание личной преданности являлось реальной моральной основой армии. Действительно, прусских, а позже германских офицеров отличал высочайший моральный дух.

Новое государство, подобно Австрии и России, получилось милитаристским. Даже гражданская администрация перенимала военные манеры, и красноречивое тому доказательство наименование вышестоящих правительственных чинов — член военного совета (Kriegsrat). За исключением Академии наук, все образовательные учреждения служили исключительно военным целям. К примеру, кадетские школы (Ritterakademie) и Военная академия (Militarakademie) предназначались для обучения дворян. Инженерная академия (Ingenieurakademie) выпускала военных инженеров, а медицинская школа (так называемая Pepiniere) готовила полковых врачей.

---

[1] В силу очевидного факта (*лат.*). *(Здесь и далее примеч. пер.)*

При Фридрихе-Вильгельме I концепция так называемого «прусского повиновения и подчинения» стала основополагающим принципом поведения прусского офицерства, однако в те дни это не было слепым повиновением. Командир кавалерии фон Седлиц писал в мемуарах, что, когда в 1758 году в битве при Цорндорфе Фридрих Великий приказал атаковать русских пехотинцев, он ответил: «Скажите его величеству, что после битвы моя жизнь будет в его распоряжении, но пока продолжается бой, я намереваюсь использовать ее в своих интересах».

III

Великий курфюрст завещал тридцатитысячную армию своему преемнику. Фридрих I увеличил ее до сорока тысяч, а армия Фридриха-Вильгельма I составляла уже восемьдесят тысяч человек. К 1786 году, после смерти Фридриха Великого, армия насчитывала двести тысяч человек. Эти данные свидетельствуют о выходе Пруссии к концу XVIII века на уровень великой державы. Три победы, одержанные в Силезских войнах, и раздел Польши в 1772 году прибавили к владениям Фридриха Западную Пруссию и Силезию, а его победы в Семилетней войне упрочили репутацию прусской армии в Европе. Однако не военное искусство Фридриха уберегло Пруссию от уничтожения более мощными соседями.

Подобно предшественникам, Фридрих Великий являлся начальником штаба. Его квартирмейстерская служба была схожа с ранее описанной и включала около двадцати пяти офицеров. Правда, теперь в штаб входил корпус связных и ординарцев, и появился институт начальников оперативно-разведывательного отделения штаба. Эти офицеры перемещались с места на место и оказывали помощь генералам, поставляя необходимую информацию, разведывательные данные и тому подобное. Естественно, эти службы должны были действовать в непосредственном контакте с королем. Фридрих Великий лично занимался подготовкой штабных офицеров, и ежегодно двенадцать блестящих офицеров с академическим образованием (лучших выпускников Academie des Nobles) пополняли ряды оперативно-разведывательного отделения штаба. Но, несмотря на это, пока и речи не было о Генеральном штабе в нашем понимании этого слова. Король еще не имел авторитетного штата военных советников.

По нашему мнению, необходимо отметить зарождение института, с которым у военно-хозяйственного управления с течением времени развилась острая борьба. Речь идет о генерал-адъютантской службе, исходной ячейки наиболее характерной прусской особенности — военного кабинета прусских королей. При первых прусских королях эта служба была преимущественно занята документацией. Фридрих Великий несколько расширил сферу ее деятельности в связи с новой системой «директив», необходимость которых диктовалась исключительностью момента.

Известно, что во время Семилетней войны театры военных действий были разбросаны по значительной территории, и от командующих большими группами армий ожидалось большей самостоятельности действий. Соответственно офицерам следовало дать определенную свободу для принятия решений. В подобных случаях король предпочитал, помимо штабных офицеров, прикомандировывать к полевым командирам генерал-адъютанта или личного адъютанта, чьи обязанности, по сути, сводились к роли королевского комиссара. Во время Семилетней войны пять таких адъютантов были прикомандированы к пехоте, два к кавалерии и самый известный из адъютантов, Ганс фон Винтерфельд, один из ближайших друзей короля, служил под его непосредственным началом.

С 1758 года Генрих Вильгельм фон Анхальт единственный из генерал-адъютантов имел секретаря. Он был незаконнорожденным сыном принца Вильгельма фон Анхальт-Дессау и славившейся красотой дочери священника. Этот человек вступил в прусскую армию под именем Густавсон и служил в квартирмейстерской службе. В 1761 году Фридрих пожаловал ему дворянское звание, и с 1765-го по 1781 год в ранге полковника он занимал посты первого генерал-адъютанта и начальника квартирмейстерской службы. Особый интерес представляет тот факт, что в период раздела Польши и в войне за баварское престолонаследие в 1778 году этот человек сыграл такую большую роль в решении задач, касающихся различных отрядов войск, что о нем можно говорить как о начальнике штаба Фридриха. Он вряд ли относился к разряду приятных людей, напротив, за ним закрепилась репутация грубого солдафона. Но одна характерная черта объединяла его с будущими начальниками Генерального штаба: по большей части его деятельность держалась в секрете, и он оставался практически неизвестен широкой публике.

IV

В XVIII столетии войны велись по своим собственным правилам. Экономическое и даже политическое могущество государств, сторонников абсолютизма, было ограниченным, а это, соответственно, сказывалось на военных нуждах. Профессиональные армии Гогенцоллернов, Габсбургов и Бурбонов требовали больших затрат. Финансовая проблема решалась благодаря отработанной системе налогообложения и рациональному и интенсивному использованию наследственных земель. В жертву дисциплине было принесено абсолютно все: в прусской армии не существовало таких понятий, как гуманность, права личности, частные интересы. Пехота вступала в бой развернутым, математически выверенным строем. Солдаты выполняли все по команде, действуя абсолютно синхронно. Цель состояла в том, чтобы солдаты перемещались и вели огонь как нечто единое целое, словно хорошо отлаженный механизм. Личность как таковая в расчет не принималась. Фридрих Великий отмечал, что солдат должен бояться палки унтер-офицера больше, чем вражеских пуль; если солдаты начнут думать, то ни один из них не останется в армии. Следует учитывать только два момента: скорость передвижения и огневую мощь. Использование железного шомпола, введенного в обиход прусской армии герцогом Леопольдом Анхальт-Дессау, оказало значительную помощь в решении этой задачи, поскольку деревянный шомпол имел склонность быстро приходить в негодность.

В те годы командирам не требовались специальные приборы, чтобы следить за ходом сражения. Достаточно было просто расположиться на небольшой возвышенности, поскольку малая дальность действия оружия ограничивала размеры поля битвы, и отдавать команды голосом. Цели, преследуемые войнами, были столь же скромными, как масштабы военных операций. Войны велись за овладение крепостью или областью. Еще не было и в помине смертельной борьбы между народами, не говоря уже о войнах на идеологической почве.

Военная стратегия того времени, напоминавшая шахматную стратегию, концентрировалась на разумном маневрировании и, насколько возможно, избегала принятия трудных решений, связанных с прямым столкновением. Граф Вильгельм фон Шаумберг-Липпе, один из наиболее значимых

военных историков того времени, писал в своих воспоминаниях, что военное искусство должно состоять в том, чтобы избежать войны, или, по крайней мере, постараться уменьшить причиняемое ею зло. Одной из наиболее типичных войн XVIII века была война за баварское наследство, когда в 1778 году Фридрих Великий повел борьбу с целью воспрепятствовать объединению Австрии и Баварии. В данном случае король и его брат, принц Генрих, каждый во главе восьмидесятитысячной армии, двинулись из Силезии и Лозницы в Богемию, в то время как австрийцы укрепили свои позиции на Верхней Эльбе. Однако проблема была урегулирована не с помощью военных действий, а путем дипломатических переговоров. Пока понятие войны на уничтожение проявлялось только в турецких войнах против Габсбургов на Балканах; Османская империя свято чтила традиции Тимура и Чингисхана. Но эти войны происходили на территориях, располагавшихся в какой-то степени на периферии внимания Европы XVIII столетия.

Однако уже наступали перемены. В середине века в изысканный мир рококо ворвались два события: индустриальная революция и просвещение. С наибольшей очевидностью это произошло в Англии и Франции. Спекулянты скупали родовые имения, и это было знамением времени. Деловая активность буржуазии и ее способность «делать деньги» начали ощутимо прорывать заколдованный феодальный круг. Эти изменения тут же нашли отражение в сфере военной деятельности. Техническая компетентность стала представлять опасность традиционной табели о рангах, особенно в артиллерии, которая теперь, по существу, стала оружием государства. Герхард Иоганн Шарнхорст, сын фермера-арендатора, начал карьеру в качестве офицера артиллерии в ганноверской армии. Даже Пруссии не удалось устоять против скрытой классовой войны, которая была вызвана стабильным притоком офицеров из среднего класса в артиллерию и инженерные части.

Тем временем военная мысль XVIII века занималась тем, что называется *reductio ad absurdum*[1]. В неких умах возникла убежденность, что военное искусство, по сути, является предметом математических вычислений. Этого мнения придерживались фон Темплехоф, прусский полковник артиллерии, и Дитрих Генрих фон Бюлов, барон,

[1] Доведение до абсурда (*лат.*).

гвардейский офицер. Теории Бюлова страдали метафизичностью; он чрезвычайно увлекался формальными моментами. В квартирмейстерском штабе самым известным представителем «математического» направления был полковник Кристиан фон Массенбах. Вне всякого сомнения, измышления подобного рода привели к исчезновению эффективных форм борьбы. После чего фон Салдерн, один из генералов времен Фридриха Великого, заявил, что суть всей военной подготовки лежит всего лишь в преобразовании учебного плаца.

V

Застой военной системы Фридриха Великого привел к бюрократизации армейского командования. При Фридрихе-Вильгельме II, преемнике Фридриха Великого, стало ясно, что для управления всеми делами монархии сил одного человека слишком мало, в особенности если этот человек предается радостям жизни, как это делал монарх. Вот почему в 1787 году был образован Высший военный совет (Ober-Kriegs-Kollegium), под руководством двух фельдмаршалов, графа Брунсвика и фон Меллендорфа, совет, исполнявший роль верховного военного органа. В совет входили три ведомства: одно занималось вопросами мобилизации и снабжения, другое — оснащением армии, а третье патронировало инвалидов войны. Кроме того, по крайней мере теоретически, под контролем совета находились генерал-адъютантское и квартирмейстерское ведомства. Генерал-адъютант пехоты, кем бы он ни был, подчинялся генерал-адъютантскому департаменту, который занимался вопросами, связанными с офицерским составом, гарнизонами, вооружением и всеми правовыми и уставными вопросами. В состав квартирмейстерского штаба входило от двадцати до двадцати четырех человек; теперь у них появилась собственная форма. В пехоте форма штабных офицеров состояла из бледно-голубого мундира с красной обшивкой и темно-желтого жилета и брюк; у артиллерийских офицеров мундир был белым. Помимо уже перечисленных обязанностей этот департамент в 1796 году попросил разрешения заняться типичной для Генерального штаба деятельностью, а именно составлением военных карт. С этой целью к квартирмейстерскому штабу были прикомандированы тринадцать ин-

женеров-географов, топографов, местом расположения для которых был избран королевский замок в Потсдаме. По большей части эти «инженеры-географы» являлись представителями среднего класса, буржуазии; юнкеры считали ниже своего достоинства возиться с цветными карандашами и циркулями.

В дальнейшем время от времени происходил кадровый обмен между генерал-адъютантским и квартирмейстерским департаментами. Первый пехотный генерал-адъютант полковник фон Гессау впоследствии возглавил квартирмейстерский департамент. Но даже в этом случае департаменты продолжали соперничество. В конечном итоге генерал-адъютантская служба добилась господствующего положения не только по отношению к генерал-квартирмейстерской службе, которой так и не удалось подняться выше уровня обычной технической службы, но и над Высшим военным советом, который, имея весьма смутные представления о круге своих обязанностей, в значительной мере пострадал от этих разногласий. В результате генерал-адъютантская служба превратилась во всемогущий военный кабинет прусских королей, государство в государстве. По крайней мере одна из причин активных призывов Штейна к реформированию военного кабинета заключалась в способности кабинета с помощью секретной информации оказывать влияние на короля. Однако, несмотря на недостатки, генерал-адъютантская служба, как показало время, была наиболее близка к современному Генеральному штабу.

VI

Как ни странно, прусская армия продолжала оставаться признанным образцом для Европы, причем настолько, что непосредственно перед французской революцией французский военный министр подумывал о переносе во Францию военной структуры и строевого устава Пруссии. Французская революция явилась поворотным моментом во всех сферах жизни, включая военную, и в очередной раз продемонстрировала жизнестойкость Франции.

Ничто в то время не представляло большего контраста, чем настроения, царившие в Германии и Франции. После изнурительной Семилетней войны Германия истосковалась по миру. Это стремление к миру нашло свое отражение в

трактате Канта «К прочному миру», в котором война обличается как разрушитель добра и источник всяческого зла; подобные рассуждения встречаются у Шиллера и в работах Гердера. Во Франции торжествовали иные чувства. Французская революция несла не только идею свободы и равенства, она породила национальное государство, которое, в свою очередь, создало феномен вооруженного государства, да и в целом продемонстрировала новые потенциальные возможности. Развитие Пруссией этой концепции стало одним из непредвиденных следствий революции, которое, по примеру Германии, в свое время подхватили восточные славяне.

Французы постепенно стали разочаровываться в существующем положении, и умеренные лидеры Национального собрания, искренне стремившиеся примирить старорежимных офицеров с революцией, неожиданно столкнулись со следующей проблемой. Высказывалась мысль предложить командование революционной армией графу Брунсвику или гессенскому генералу и министру графу Эрнсту Генриху фон Шлифену, последователям школы Фридриха Великого. В 1791 году строевой устав французской армии практически не отличался от устава королевской армии.

Борьба со старыми порядками в армии началась в то время, когда к власти пришли наиболее радикальные элементы революции, якобинцы. Многих офицеров казнили только по причине их благородного происхождения; казармы, парадные плацы и все то, что напоминало о прежней железной муштре, стало вызывающими отвращение символами старого порядка. Во многих полках были сформированы «солдатские комитеты», прообразы «солдатских советов» 1918 года. В то время как в Страсбурге проходил съезд полковых делегатов, двадцать тысяч моряков подняли мятеж в приморском Бресте.

Национальная гвардия, организованная с целью защиты имущих классов, постепенно превратилась в исходную ячейку народной армии. Когда в 1792 году Пруссия, Австрия, Англия и Испания создали коалицию против французской революции, лидеры революции взывали к патриотизму широких масс, и депутат Дюбои-Кранч внес в Национальное собрание законопроект о всеобщей воинской повинности. Этот законопроект тут же обрел силу закона, и с легкой руки Бара началось прославление ставшего под ружье народа.

VII

Кампания 1792 года, этот крестовый поход королей, потерпела неудачу. Французская народная армия, полностью опрокинув традиции, продемонстрировала новую манеру боя, что-то вроде наступления разомкнутым строем огромной массы людей. Французов не отличало особое мастерство, но действовали они чрезвычайно эффективно. Мало того, революционные французские войска, имея мало общего со стоящей особняком властью, не рассматривали войну как какое-то исключительное событие. Этим, вероятно, объясняется их беспрецедентная жизнеспособность. В ситуациях, когда с вышколенными, хорошо вооруженными войсками было бы уже покончено навсегда, они умудрялись оправиться от поражений.

Существовал и экономический момент. Дешевого пушечного мяса с появлением народной армии стало в изобилии. Теперь не требовалось силой загонять народ в армию, а значит, не было необходимости иметь дорогостоящий мобилизационный аппарат. Старый феодальный порядок рухнул. Появилась новая народная армия. С Францией следовало заключить мир, поскольку, как заметил князь Гогенлоэ, нельзя взять верх над сумасшедшими.

Уроки пошли на пользу. Кант, Шиллер, Гельдерлин и Гердер были не единственными, кто с энтузиазмом приветствовал революцию. Ряд молодых офицеров, вроде майора генерал-квартирмейстерского штаба фон дер Кнезебека и лейтенанта фон Бойена (в то время простого пехотного офицера из Восточной Пруссии), продемонстрировали заметное расположение к новым тенденциям, пришедшим с Запада. Военные писатели, такие, как Георг Генрих фон Беренхорст, теперь отказались от математической концепции войны и принялись объяснять военную тактику с точки зрения политических переворотов. Беренхорст пришел к заключению, что следует заменить профессиональную армию кадровой армией на основе местной милиции (ландмилиции). Фон Бюлов активно поддерживал его точку зрения и в особенности настаивал на значении новой тактики перестрелки.

Однако новая «доктрина ползания по-пластунски» не нашла отклика в Высшем военном совете и в генерал-адъютантском штабе, а к ее сторонникам отнеслись с насмешкой и презрением. Особому остракизму подвергся фон Бюлов.

Только горстка генералов во главе с генерал-лейтенантом фон Рюхелем и генерал-лейтенантом Курбье, который возглавлял прусскую гвардию в последней кампании, настаивала на всеобщей воинской повинности и неожиданно получила поддержку со стороны штабных офицеров, близких Кнезебеку. К сожалению, их взгляды вошли в столкновение с принципами юнкеров Восточной Эльбы, поскольку затрагивали права землевладельцев в отношении крестьян и личной собственности. Последствия французской революции отозвались в сердце Пруссии. По Силезии, отличавшейся особенно деспотичной системой, прокатились крестьянские восстания. Целые деревни испытали на себе самое варварское обращение со стороны командиров.

Тем не менее французская революция опрокинула прежний порядок вещей, приведя к изменениям во всем мире. Прусская армия не могла не признать этого факта. Изменения привели к беспрецедентному расширению театра и целей войны; борьба стала ожесточеннее и бесчеловечнее. Довольно интересно, что рождение народных армий совпало по времени не только с французской и английской промышленной революциями, но и с биологической фазой, связанной с увеличением народонаселения в странах Европы.

Революционные массы опрокинули существовавшее в XVIII веке мнение, что война является занятием аристократов. Теперь Франция воевала на Рейне, в Южной Германии, Бельгии, Северной Италии, Египте, Сирии, на своих южных и западных окраинах. Она сражалась с армиями Пруссии, Австрии, Испании, Англии, России, Турции и против собственных контрреволюционеров. В 1794 году Франция имела миллионную армию.

Теперь один командующий не мог руководить огромным войском. Столь же невероятным представлялось одновременно осуществлять руководство на нескольких театрах войны, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Стало ясно, что новое положение дел требует радикальных изменений в стратегии и тактике войны: требовалось точно определить такие понятия, как армия, дивизия, корпус. При Фридрихе Великом существовало понятие групп, но эти группы не представляли конкретную функциональную модель. Их состав менялся по ходу возникающей ситуации. Теперь все изменилось: появилось новое войсковое соединение — дивизия.

В связи с этим возникла новая проблема: как осуществлять связь между командованием и дивизиями? Штабные офицеры, прикомандированные к дивизиям, обеспечивали доставку и разъясняли приказы, направляемые сверху. По всей видимости, эти офицеры должны были иметь высокую профессиональную подготовку. Ведомство военного министра Карно играло роль своего рода поставщика таких офицеров. Хотя оно являлось скорее организацией, связанной с вопросами пополнения и снабжения армии, и не имело никакой власти, однако готовило специалистов в соответствии с требованием времени. В связи с этим хочется отметить одну характерную особенность этого ведомства: его работа отличалась стремлением к анонимности. Сегодня это является практически сутью штабной работы. Как однажды заметил генерал фон Сект, у штабных офицеров нет имен.

Таким образом, процесс ведения войны постепенно оказывался в руках специалистов. Этот процесс, ведущий свой отсчет с французских революционных войн, ускорился благодаря техническому прогрессу XIX века. Никто более офицеров Генерального штаба не ощутил на себе воздействие деперсонализации. Две диаметрально противоположные силы оказали влияние на процесс формирования германского Генерального штаба: расслоение феодального общества старой Пруссии и новый национализм французской революции. Великому реформатору Шарнхорсту была предоставлена возможность примирить эти противоречивые силы и тем самым совместить старое с новым.

Глава 2

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Шарнхорст и Гнейзенау, идеалисты

I

В 1801 году Герхард Иоганн Шарнхорст обратился к королю Пруссии с просьбой принять его на службу в прусскую армию. Его желание было понятно: в то время служба в прусской армии сулила большие возможности для продвижения, чем в датской армии, где ему предлагалась соответствующая должность. Заявление Шарнхорста сопровождалось тремя любопытными просьбами. Он просил присвоить ему звание подполковника, пожаловать дворянский титул и позволить провести реформу прусской армии. По всей видимости, как доказательство профессионального уровня, к заявлению были приложены три проекта реформирования различных направлений военной науки.

Безусловно, подобное заявление в случае Шарнхорста носило необычный характер. Не было никаких видимых причин, подтолкнувших бы его к избранию карьеры военного. Он родился в 1755 году в Боденау в семье крестьянина-арендатора, бывшего сержанта ганноверской артиллерии. Мать Шарнхорста была племянницей одного из придворных поставщиков. Брат отца поставлял рыбу к столу ганноверского курфюрста. Шурин был мельником. Мало того, у Шарнхорста отсутствовало то, что пруссаки обозначают словом stramm[1], а его лицо с мясистым носом и саркастически изогнутыми губами ни в коей мере не подходило кадровому прусскому офицеру.

Он производил жалкое впечатление на парадах; его приказы не выполнялись неукоснительно, и он не обладал тем

[1] Подтянутый, молодцеватый (*нем.*); strammer offizier — бравый офицер (*нем.*).

особым искусством красноречия, которое способно вдохновить рядовых солдат.

Однако к чести прусской армии следует сказать, что, несмотря на всю необычность ситуации, заявление Шарнхорста было принято. Шарнхорст учился в знаменитой военной школе графа Вильгельма фон Шамбург-Липпе, реорганизатора португальской армии и сторонника революционной идеи всеобщей воинской повинности. Шарнхорст приобрел известность в период революционных войн в Бельгии. Будучи начальником штаба генерала фон Гаммерштейна, коменданта крепости Менин, Шарнхорст руководил вылазкой из осажденной крепости. После чего Шарнхорст был назначен начальником штаба графа Вальмодена, командующего ганноверскими войсками. К этому времени Шарнхорст был уже на весьма хорошем счету, но скорее производил впечатление рассеянного ученого, чем бравого офицера. Кроме того, он блестяще владел пером и редактировал серьезный военный журнал.

II

Вступление Шарнхорста в прусскую армию совпало с разногласиями во второй антифранцузской коалиции между Россией и Англией и захватом неограниченной власти после переворота 18 брюмера Наполеоном (он фактически стал диктатором). В это время Пруссия переживала одну из наиболее закрытых стадий своей богатой событиями истории. Действительно, она не была больше Пруссией Фридриха-Вильгельма II, который находил удовольствие в обманчивом, но восхитительном закате старого режима. Исчезли толпы ярких любовниц. Произошли и другие благотворные изменения, но, хотя возмутительные явления исчезли из прусской жизни, на их месте образовалась пустота. В области дипломатии, обороны, администрирования и в социальной сфере государственная машина работала с самодовольной некомпетентностью, удивительной даже по стандартам XVIII столетия. Большинство признавало необходимость реформы, но почти никто не отваживался на действия. Таким образом, не осталось ничего от прусской политики, отмеченной осторожным консерватизмом. В это время Наполеон установил власть над Южной и Западной Германией, Бельгией, Швейцарией и Италией. Из Египта он угрожал британскому вла-

дычеству в Индии. Однако Пруссия, насытившись территориями, полученными после второго раздела Польши, всеми силами старалась сохранить нейтралитет, что было не политикой, а скорее отсутствием вообще какой-либо политики.

Внутреннее положение было ничем не лучше. Дворянство, повязанное кровным родством, упрямое, амбициозное и жадное, удерживало все ключевые посты в своих руках. В особенности в армии. Только в артиллерии можно было обнаружить полковника, имевшего недворянское происхождение. По правде сказать, юнкерству, которое таким людям, как Штейн, казалось пародией на истинное дворянство, уже пора было отказаться от всегдашней тупоумной самоуверенности и упрямства, с которым оно цеплялось за старую жизнь.

Между тем именно под руководством юнкерства армия, главная опора этого государства воинов и колонизаторов, двигалась от плохого к еще более худшему. Устаревшие приемы муштры, издевательские методы поддержания дисциплины, наказания плетьми и прогон сквозь строй делали армию чем-то сродни огромной средневековой тюрьме. Довольно часто в небольших гарнизонных городах Восточной Эльбы мирные бюргеры вздрагивали от доносящихся из темноты резких залпов сигнальной пушки, сообщавшей, что солдат или группа солдат дезертировали из армии.

Требовалась более сильная личность, чем правящий монарх Фридрих-Вильгельм III, чтобы держать в повиновении это расшатанное хозяйство. Но в любом случае Фридрих-Вильгельм прекрасно осознавал существующее положение, даже если и был не в состоянии что-то изменить. Какое-то время он носился с идеей освобождения крестьян, хотя это так ни во что и не вылилось, и, безусловно, осознавал, что необходимо что-то делать с армией. В меморандуме 1795 года он ссылался на этот институт как на больной организм, которому необходимо оказать помощь в оздоровлении. Весьма меткое замечание!

III

Несмотря на вышесказанное, в случае с Шарнхорстом Пруссия сдержала свое слово, и его необычное требование о получении дворянского титула было выполнено вскоре после зачисления в прусскую армию. Более того, зачислен-

ному в штаб квартирмейстерской службы, ему поручили руководство военными школами, а уже в июле 1801 года Шарнхорст основал в Берлине Военное общество (Militarische Gesellschaft), поставившее перед собой цель реформировать армию.

Президентом этого общества стал генерал-лейтенант фон Рюхель, губернатор Потсдама и инспектор гвардии. Адъютант Рюхеля, майор фон Кнезебек, с энтузиазмом относился к идее 1789 года относительно укрепления армии с помощью местной милиции. Приблизительно в то же время Шарнхорсту пришла мысль использовать национальную милицию при создании народной армии.

Общество пополнили молодые офицеры, лейтенанты и капитаны, в их числе были Бойен, Грольман, Клаузевиц и Рюхле фон Лилиенштерн, горячие сторонники Шарнхорста. Однако приверженцы старой школы сдерживали пыл этих энтузиастов, проявляя определенный научный интерес к новым тенденциям, но и внося критический дух, желая сдержать излишний пыл молодых офицеров. К старой гвардии относились полковник фон Пфуль, сотрудник штаба, и полковник Ганс фон Йорк, в то время командир стрелкового полка. Из этих двоих фон Йорк отличался особой придирчивостью и критиканством. Он служил в иностранном легионе на Яве и в Кейптауне и во время службы ознакомился с нововведениями, касающимися структуры армии. Будучи непреклонным старым прусским традиционалистом, он, естественно, отказывался признать, что новая тактика предполагает изменение социального строя. Кроме того, он заявлял, что в обществе ведется слишком много «заумных» разговоров, гораздо больше, чем могут переварить «честные прусские» умы.

Большинство генералов сомневалось в успешности применения французской модели массовой народной армии, предлагаемой для пересмотра системы Фридриха Великого. Рюхель имел обыкновение говорить, что в прусской армии есть ряд генералов, обладающих качествами «господина Бонапарта». Однако Шарнхорст, изучая Наполеоновские войны, ни на минуту не сомневался в том, что французская революция привела в движение мировую систему, вызвала серьезные изменения в мире. Шарнхорст видел военное значение происшедших изменений. Наполеон с помощью всеобщей воинской повинности в полной мере использовал людские ресурсы; создал новую тактику построения пехоты

на поле боя; произвел деление армии на дивизии, укомплектованные всеми видами вооружения; и последнее, но отнюдь не менее важное, создал Генеральный штаб армии. Авторитета Шарнхорста и силы его убежденности было вполне достаточно, чтобы доказать необходимость использования новых идей для проведения реформ в прусской армии.

Однако следует заметить, что Шарнхорст отнюдь не был революционером. Он стремился, сохраняя ценные традиции прошлого, органично перейти от старой системы к новой. В этом отношении он был своего рода копией Штейна, который рассматривал реформирование гражданского общества как естественное развитие исторического процесса. Кроме того, Шарнхорст ясно представлял, что создание милиции, введение всеобщей воинской повинности неизбежно повлекут за собой ослабление крепостной зависимости. Освобождение крестьян и принятие всеобщей воинской повинности — два взаимосвязанных условия. Гегель, ставший впоследствии философом всемогущего государства, уже предавался мыслям об идеальном немецком устройстве. Для Шарнхорста была очевидна зависимость между всеобщей воинской повинностью и освобождением народа, и он требовал и того и другого.

Возглавив Военную академию, Шарнхорст взялся за обучение нового поколения офицеров, которые должны были сыграть важную роль в последующие десятилетия. Это поколение отличалось высоким чувством ответственности и идеализмом. Среди учеников Шарнхорста были молодые люди, впоследствии завоевавшие известность. Лейтенант Карл фон Клаузевиц, выходец из обедневшей семьи теологов-протестантов; штаб-капитан Карл Вильгельм фон Грольман, сын высокопоставленного судейского чиновника; лейтенант Август фон Лилиенштерн, сын возведенного в дворянское достоинство прусского офицера из Франкфурта; штаб-капитан Герман фон Бойен. Показательно, что все эти люди, так же как Штейн и Гарденберг, вели свое происхождение не от юнкеров Померании, а совсем из других областей и слоев общества. Ученики Шарнхорста, впоследствии сформировавшие ядро прусского Генерального штаба, получили достойную нравственную и интеллектуальную подготовку. Не напрасно программа элитной военной школы 1790 года включала философию Канта; категорический императив (принцип этики Канта, основанной на понятии долга) воодушевлял этих людей.

Шарнхорст, человек повышенной восприимчивости, искренне верующий христианин, полностью осознавал все неприятные аспекты военной профессии. Он понимал, какую серьезную ответственность влечет за собой ведение войны. Шарнхорст вырастил поколение людей, которым нельзя отказать в уважении, и воспитал их в уверенности, что война как способ решения политических проблем допустима только в экстраординарных обстоятельствах, когда нет уже другого выхода. Снова и снова Шарнхорст предостерегал против кабинетной политики, ведущейся тайно и недозволенными методами, в которой преобладала военная точка зрения.

Наполеон, сам того не желая, стал учителем немецких государств в сфере военной деятельности. Но в одном отношении его подражатели превзошли учителя. Наполеон стремился сам исполнять функции начальника штаба и составлять оперативные планы. Французский Генеральный штаб был не что иное, как обычный Генеральный штаб армии. Его штаб ничем не напоминал тот многофункциональный Генеральный штаб, который в конечном итоге появился в Германии. Начальник штаба французского императора, маршал Бертье, который в чине французского полковника принимал участие в американской Войне за независимость, был, строго говоря, всего лишь начальником военного управления, в чьи функции входило издавать и передавать приказы и распоряжения.

Следует отдать должное деятельности Шарнхорста в том, что Пруссия выбрала свой собственный курс в развитии военной отрасли. Кроме того, надо отметить изобретательность и организаторские способности такой несколько спорной личности, как полковник фон Массенбах, сотрудник генерал-квартирмейстерского штаба, один из наиболее активных членов Военного общества. Массенбах во многих отношениях был удивительной личностью. Отпрыск благородной семьи из Вюртемберга, невысокого роста, приземистый, лысый, с живым взглядом, он был человеком беспокойного ума, снедаемым честолюбием, и, между прочим, горячим поклонником Наполеона. Массенбах, безусловно, был более яркой личностью, чем Шарнхорст, но излишне взрывной, неуравновешенный, он страдал от своего дурного характера.

В 1801 году фон Массенбах уже составлял инструкции и распоряжения, относящиеся к генерал-квартирмейстерскому штабу. В двух важных документах, датированных январем и ноябрем 1802 года, Массенбах подчеркивал необхо-

димость создания постоянного Генерального штаба, который должен работать даже в мирное время в качестве планирующего органа. Он предложил (его предложение является сутью всей концепции) и в мирное время составлять оперативные планы с учетом возникновения различных ситуаций военного времени. Массенбах рассматривал три возможных театра военных действий: с Австрией, Россией и Францией. Следовательно, предлагаемый им Генеральный штаб должен состоять из трех отделов-бригад. Он предвидел войну с Пруссией и Россией, но отбрасывал мысль о войне с Францией, которой так восхищался.

Далее. Массенбах настаивал (крайне важное предложение) на том, что с разведывательной целью в мирное время должна регулярно проводиться рекогносцировка предполагаемых театров военных действий. Другие новшества были связаны с регулярной сменой места службы в Генеральном штабе и в войсках и с тем, что должно стать наиболее важным правом каждого будущего начальника штаба, — возможностью личного доклада королю, то есть абсолютным правом беспрепятственно общаться с Верховным главнокомандующим, оказывать влияние на решения монарха. Последнее предложение часто повторялось, но сравнительно поздно было проведено в жизнь.

Фридрих-Вильгельм III посчитал меморандум Массенбаха настолько важным, что разослал его генералам с целью получить их мнение об этом документе. Откровенно высказался только Рюхель; большинство дало неясные ответы. Фельдмаршал фон Моллендорф считал, что бессмысленно заранее готовить оперативные планы. Генерал фон Цастров сомневался в целесообразности рассматривать Генеральный штаб в качестве тренировочной базы. Теперь все генералы, считал Цастров, станут демонстрировать способность к руководству и ни один не пожелает выполнять приказы другого.

Тем не менее в 1803 году король, действуя в соответствии с предложениями Массенбаха, приказал генерал-майору фон Граверту провести реорганизацию генерал-квартирмейстерского штаба. Генерал-лейтенант фон Гесау был назначен начальником штаба. Одновременно на него было возложено руководство военным ведомством, Высшим военным советом и инженерным корпусом — значительное расширение сферы деятельности генерал-квартирмейстерского штаба.

Штат генерал-квартирмейстерского штаба состоял из двадцати одного офицера; они все, кроме Шарнхорста, были

из титулованных семейств. Трое были генерал-квартирмейстерами, что равносильно полковнику или, в отдельных случаях, генерал-майору; шестеро квартирмейстерами, то есть майорами; шестеро лейтенант-квартирмейстерами, то есть капитанами, и еще шестеро — адъютантами. В штаб входили также шесть «офицеров-географов» вместе с небольшим штатом клерков и связных. В соответствии с планом Массенбаха служба была разделена на три бригады, каждая под началом одного из генерал-лейтенантов-квартирмейстеров (Generalquartiermeisterleutnants); бригады отвечали за один из трех театров военных действий. Назначены были генерал-майор фон Пфуль, сын вюртембергского генерала, Массенбах и Шарнхорст. Первая, или восточная, бригада приняла на себя территорию, охватывающую правый берег Вислы; вторая, южная, бригада — территорию Центральной и Южной Германии, включая Силезию, а третья, западная, бригада — Западную Германию.

В некоторых отношениях обстоятельства, при которых начал действовать новый институт, были не слишком благоприятны. Начальник штаба и три бригадных командира существенно отличались друг от друга. Генерал-лейтенант фон Гесау был старым; его сообразительность до некоторой степени сменилась тугодумием, и он потерял способность с легкостью удерживаться на волнах бюрократического океана. Пфуль был попросту раздражительным педантом, хотя у него и случались проблески озарения, и, по крайней мере, он понимал необходимость реформ. Массенбах, *bel esprit*[1], к сожалению, был совершенно не способен адекватно оценивать собственное красноречие.

Кроме того, Массенбах, как уже говорилось, оставался последователем математического направления и неизменно возвращался к навязчивой идее, будто всеобщая постановка на военный учет в мирное время равносильна директиве на победу. Но главным препятствием служила его неуравновешенность, которая однажды едва не стоила ему жизни. Только Шарнхорст, которого Пфуль и Массенбах называли педантичным наставником, удачно сочетал интеллектуальные возможности и эмоциональное равновесие, отлично понимая истинное значение детища Массенбаха.

Однако, несмотря на все странности руководства, у Пруссии теперь был настоящий Генеральный штаб. Единственная

---

[1] Остроумный человек (*фр.*).

трудность заключалась в том, что никто не понимал практической пользы этой части государственной машины и весьма смутно вырисовывался круг ее обязанностей и реальная власть в организационном беспорядке военной иерархии. Рядом с генерал-квартирмейстерским штабом — теоретически над ним — Высший военный совет под началом фельдмаршала фон Моллендорфа и герцога Брунсвика; первому было к восьмидесяти, а второму к семидесяти. Однако не они, а генерал-адъютантская служба приобрела большое влияние на ведение военных дел. Как мы уже знаем, генерал-адъютантская служба функционировала как секретный военный кабинет и своего рода личный штаб короля. В то время его возглавлял генерал-адъютант от инфантерии, генерал-майор фон Кокритц, типичный представитель «монашеского смирения» потсдамского гарнизона, из тех, чей мир составляли карты, выпивка и табак. Он не задумывался, как в случае чрезвычайных обстоятельств будут согласовываться действия этих разнородных военных ведомств.

Пока ответственность за деятельность генерал-квартирмейстерского штаба была целиком возложена на Шарнхорста, но он был противником грубых методов. Шарнхорст отстаивал необходимость реализации новых идей, правильность которых была признана в последнее время, таких, как укрепление армии с помощью милиции, создание смешанных дивизий, представленных всеми родами войск, под руководством собственных штабов (Шарнхорст занимался подготовкой офицеров для службы в таких штабах) и корректировка боевых методик в соответствии с нуждами времени.

Стратегия Наполеона была нацелена на полное безжалостное уничтожение врага. Шарнхорст представлял себе иной тип войны. Растущая численность армий привела его к выводу о необходимости дробления сил на марше. Шарнхорст предвосхитил мысль Мольтке, сформулировав принцип: «Всегда вести военные действия, сконцентрировав войска, но никогда не стоять сконцентрировавшись». Отсюда вытекает мысль о создании «оперативного» штаба.

IV

В 1805 году Россия, Австрия и Британия сформировали третью коалицию против Наполеона. К альянсу присоединилась Швеция, и стало ясно, что в критический момент

присоединится и Пруссия. Предположение графа Кристиана фон Хаугвитца, прусского министра иностранных дел, что Пруссия могла стоять в стороне как *tertius gaudens*[1] и получать выгоду от борьбы великих держав, оказалось несостоятельным.

Появилось опасение, что за просьбой царя пройти через территорию Пруссии стоит желание аннексировать государство. Но царь, по крайней мере, попросил разрешения вступить на прусскую территорию, тогда как Франция, обойдя подобную формальность, не раздумывая вторглась в Пруссию. Результатом явилось поражение Хаугвитца и его сторонников. Пруссия вошла в антинаполеоновскую коалицию, хотя сохранила прежнюю осмотрительность, предпочитая вооруженную медиацию (т. е. состояние посредничества. — *Примеч. ред.*) статусу воюющего государства (если удастся выйти из этого положения с честью).

Такая неуверенность со стороны короля понятна и достойна всяческих похвал, поскольку Фридрих-Вильгельм не был уверен ни в собственных способностях, ни в своей армии. Однако Шарнхорст знал, что не удастся избежать столкновения с наполеоновской Францией, и, пользуясь моментом, сделал важный шаг. Он направил Гарденбергу, сменившему Хаугвитца на посту министра иностранных дел, меморандум. Это событие интересно тем, что впервые старший офицер генерал-квартирмейстерского штаба попытался сыграть роль советника в решении политического вопроса.

Тем временем прусская армия была приведена в состояние боевой готовности, и летом 1805 года, душная атмосфера которого была насыщена ощущением надвигающейся опасности, Шарнхорст, приняв решение произвести рекогносцировку некоторых территорий, отдал распоряжение офицерам своей бригады провести первые штабные тренировочные разведывательные действия, составлявшие важную часть предложений Массенбаха. Позже эти так называемые разведывательные поездки Генерального штаба стали одной из важнейших составляющих действий прусского Генерального штаба.

В октябре австрийская армия под командованием Мака была окружена в Ульме. Армия Наполеона двинулась в Мо-

---

[1] Третий радующийся, т. е. лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников (*лат.*).

равию, где в декабре австро-русская коалиция понесла полное поражение в битве при Аустерлице. Прусская идея сохранить вооруженный нейтралитет умерла, так и не реализовавшись. Австрия заключила мир с Францией. Наполеон объединил пятнадцать германских княжеств в Рейнский союз и очень ловко, чтобы оторвать Пруссию от Англии, предложил Пруссии в качестве приманки Ганновер.

Пруссия фактически оказалась в изоляции, а ее собственное неумение вести дипломатические переговоры завершило этот процесс. На стороне Пруссии остались только Саксония и Гессен-Кассель. В случае войны вряд ли можно было рассчитывать на помощь со стороны России. Теперь не приходилось возлагать больших надежд на прусско-австро-российское сотрудничество, и, кроме того, мобилизация преждевременно исчерпала прусские финансы.

Штейн, находившийся с 1804 года на посту министра финансов, понял, что наступил решающий момент. Он отчаянно боролся за проведение радикальной реформы и отстранение безответственного правительства. Штейн практически подготовил нечто вроде дворцового переворота, рассчитывая на поддержку со стороны генералов и министров. К сожалению, только Рюхель, Блюхер и Пфуль приняли его сторону. Шарнхорст считал, что время для подобных действий упущено, поскольку, если можно так выразиться, в двери Пруссии стучится война. Возможно, он был умным и здравомыслящим человеком, хотя трудно представить, каким образом реформы могли привести к худшим последствиям, чем это произошло в действительности.

V

В августе 1806 года в Пруссии вновь была объявлена мобилизация. На скорую руку формировались дивизии. Однако генерал-квартирмейстерский штаб не имел реальной власти, а армия и дивизионные штабы страдали от нехватки практического опыта. Шарнхорст планировал сосредоточение сил, которые могли бы перейти в наступление против французской армии на Рейне или Майне, рассчитывая нанести упреждающий удар. Подобная стратегия, вероятно, была единственно возможной, поскольку давала выигрыш во времени, и появлялась вероятность дождаться союзников. План Шарнхорста не получил поддержки. Было

решено действовать испытанным «дедовским» способом, используя главную и две вспомогательные армии, которые должны были защищать Тюрингию и Гессен, территории союзников. Получилось, что и без того незначительные прусские силы были понапрасну растянуты и практически молниеносно рассеяны во время наступления. Когда Наполеон начал разворачивать силы на территории между рекой Зиг и Верхним Палатинатом (княжество в Германии), Шарнхорст вновь выступил с предложением перейти в наступление и быстрым ударом прорвать фронт противника. И опять он не смог отстоять свою точку зрения; виной тому красноречие Массенбаха. «Я знаю, что мы должны делать, — писал Шарнхорст 7 октября 1806 года своей дочери. — Но что мы будем делать — известно только Господу Богу». Итак, война, предпринятая в самых неблагоприятных условиях, велась самым неподобающим образом, и в конечном счете на данном историческом этапе дебют прусского Генерального штаба закончился провалом. По сути, в этом не было его вины, поскольку с самого начала высший офицерский состав разъехался по армиям, тем самым оголив штаб. Фон Гесау и фон Пфуль были прикомандированы к королевскому штабу, в котором генерал-квартирмейстерский штаб играл роль своего рода секретного отдела. Фон Массенбах стал начальником штаба у герцога Гогенлоэ, командующего одной из двух прусских армий в Тюрингии. Шарнхорста назначили начальником штаба у герцога Брунсвика, командующего второй прусской армией. Таким образом, фактически имелось три Генеральных штаба, ставка главнокомандующего, два командующих армиями, не говоря уже о генерал-адъютантском департаменте, который не считался ни с чьим, кроме собственного, мнением.

Большинство командующего состава отличалось непомерным самомнением. Мы с легкостью погоним из страны этих беспородных французов, писал Блюхеру Рюхель. Прусская армия берет с собой на войну ружья и сабли, сожалел он, но, чтобы прогнать французов, было бы достаточно одних дубин. Однако Блюхеру, видевшему неразбериху, царящую в рядах командного состава, было не по себе.

По общему признанию в битвах при Йене и Ауэрштедте пруссаки имели численное превосходство, и было совершенно ясно, что причиной разгрома прусской армии является неправильная стратегия руководства. Прусские войска располагались растянутой линией; бивуаки находились на

большом расстоянии друг от друга. По замыслу Наполеона, его армия должна была выйти к Эльбе в тыл пруссакам с целью отрезать им путь к отступлению через реку. Принц Луи, разгадав стратегию Наполеона, начал мощную атаку. Пруссаки наступали по всем правилам устаревшей линейной тактики: подойдя к неприятелю на определенное расстояние, они открывали массированный огонь без прицеливания. Тактика оказалась ошибочной, пруссаки потерпели поражение. Тем не менее даже Наполеон отдал должное принцу, принявшему героическую смерть на поле боя.

Но причина катастрофы заключалась не только в устаревшей тактике ведения боя. В основе полного разгрома прусской армии лежат три составляющие. Первое. Имея определенный шанс на успех, Гогенлоэ, стоявший у Йены лицом к лицу с главными силами противника, по непонятной причине не подготовился как следует к наступлению. Некоторым оправданием Гогенлоэ служит тот факт, что находившийся у него в тылу Брунсвик отдал приказ стоять в обороне. Отсюда плавно вытекает вторая составляющая. Брунсвик слишком долго не мог решить, то ли оставаться на месте, то ли переправляться через Эльбу. В результате оборонительная система Гогенлоэ сыграла роль заслона по отношению к главной армии, находящейся в тылу. Она была слишком обессилена, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью и спастись бегством. А третья составляющая поражения связана с Рюхелем, который слишком поздно появился на поле боя. Задержка была связана с тем, против чего так яростно боролся Шарнхорст, — с излишней растянутостью прусских армий.

И вот что интересно. Наполеон считал, что основные прусские силы сосредоточены под началом Гогенлоэ у Йены, а не в окрестностях Ауэрштедта. Таким образом, маршал Даву, направленный Наполеоном к Ауэрштедту, столкнулся с главной прусской армией, но одержал победу, наголову разбив не только армию герцога Брауншвейгского, но часть армии Гогенлоэ, сбежавшей из-под Йены в надежде соединиться с армией герцога Брауншвейгского. Таким образом, два поражения, у Йены и Ауэрштедта, слились в одно. Шарнхорст был ранен, но остался в строю.

Унылый осенний вечер стал свидетелем бегства прусской армии. Среди солдат из Южной Пруссии и новых восточных прусских провинций, еще недавно бывших Польшей,

были отмечены случаи мародерства. То тут, то там офицеры, вызывавшие особую ненависть, подвергались актам насилия.

В тот вечер Шарнхорст скакал на особенно непокорном коне. В темноте он отстал от королевского штаба. Судьбе было угодно, чтобы он встретился с Блюхером, который с остатками кавалерии пытался спасти тяжелую артиллерию. Грубый, необразованный, однако наделенный природным умом Блюхер первым оценил высокую подготовку и профессиональные качества начальника штаба. Блюхер отступал через Гарц к Мекленбургу. Армия Блюхера во время отступления отвлекла значительные силы французов, не позволив им решить основную задачу по оккупации восточных прусских территорий, но что, пожалуй, самое главное, во время этого перехода Шарнхорст превратился в незаменимого советника Блюхера. Это был первый пример плодотворного сотрудничества, который вновь и вновь повторялся в истории прусской и германской армий, — сотрудничество между одаренным от природы командующим и получившим специальное образование начальником штаба. Финальную стадию развития этого процесса представляют Гинденбург и Людендорф, Макензен и Сект. В конце концов, в связи с нехваткой боеприпасов и продовольствия, Блюхер и Шарнхорст были вынуждены сдаться. Это произошло в Ракау, недалеко от Любека. Они были практически единственными, кто в горький час поражения сумел сохранить честь прусской армии.

В остальном же история была в равной степени и жалкой, и позорной. В Магдебурге капитулировал генерал Клейст с двадцатичетырехтысячной армией, а бывший реформатор, генерал Лекок, сдался в Гамлине. Укрепленные крепости Кюстрин и Штеттин[1] сдались без боя.

Князь Гогенлоэ с остатками армии в двенадцать тысяч человек сложил оружие в Пренцлау. На этот шаг его толкнул фон Массенбах, к тому моменту окончательно потерявший голову.

Когда известие о разгроме прусской армии дошло до Берлина, министр фон дер Шуленбург не нашел ничего лучшего, как официально объявить, что его величество потерпел поражение и первейший долг граждан сохранять спокойствие. Дитрих фон Бюлов, узнав о двойном разгроме, позволил себе следующее высказывание. Это, заявил

[1] Штеттин — немецкое название польского города Щецин.

он, естественное следствие некомпетентности и закрытости генералитета. Он был не так уж не прав, но в те времена в Пруссии было слишком опасно оказаться правым в оценке подобных проблем. За критику не прусской монархии, а короля, который, как утверждал Бюлов, в битве при Аустерлице не сделал всего, что требовалось, Бюлов пришел к неизбежному концу. Его заключили в тюрьму, а вскоре по требованию монарха подвергли экстрадиции. Он умер по пути в Сибирь вследствие жестокого обращения со стороны казаков.

VI

Старый порядок продемонстрировал полнейшую несостоятельность. Выяснилось, что он не способен ни принимать решения, ни осуществлять руководство. Теперь он растерял остатки уважения со стороны рядовых граждан. Создалось положение, при котором рядовой пруссак зачастую получал удовольствие от ниспровержения властных структур. В Силезии дворянство больше опасалось негодования своих угнетенных крестьян, чем французского вторжения.

Наступил мрачный час прусской истории. Двор сбежал в Восточную Пруссию. Французские армии наводнили прусские доминионы. Штейн на основе английской модели составил план формирования достойного, отвечающего за свои действия правительства. По всей видимости, многие считали, что наступил момент согласовать абсолютную монархию Гогенцоллернов, которая поднялась как воинствующая сила, вскормленная на бесплодной почве восточных равнин, с армией и германским духом. Но даже теперь нерешительная монархия не могла набраться решимости и развязать Штейну руки для улаживания внутренних дел. Поскольку Штейн продолжал настаивать на своих требованиях, его предпочли уволить.

Внешние дела выглядели не менее безнадежно. Поддержки, обещанной монархом, оказалось недостаточно. Польские области были охвачены восстанием, и, несмотря на зиму, во время которой обычно прекращались боевые действия, французские армии готовились к наступлению на Кенигсберг.

В военной сфере царил полнейший хаос. Поскольку никто до конца не понимал функций генерал-квартирмей-

стерского штаба, он, фактически, оказался не у дел. Гесау был временно отстранен от командования. Массенбах находился во французском плену. Пфуль поступил на службу к русским. Начальник штаба, генерал фон Лоуренс, бессмысленно сидел в Кенингсберге. Генерал-адъютант фон Кокритц, старый и недалекий (если не сказать — туповатый), был единственным человеком, чьи советы король согласился выслушивать.

Произошел обмен военнопленными. Вернулся Шарнхорст, и его направили служить к генералу Лестоку, командующему специальным корпусом в Восточной Пруссии. Однако Шарнхорста назначили не начальником штаба, а военным «помощником» (Assistent), хотя до этого момента подобная должность без ясно очерченного круга обязанностей не была известна. Шарнхорст приобрел известность благодаря прекрасным личным качествам. Когда Беннигсен попытался приостановить продвижение французов в Эйлау, Шарнхорст выступил с прусским корпусом. Он провел войска сквозь буран и с фланга атаковал врага. Этот маневр решил исход битвы. Несмотря на серьезные потери, пруссаки и русские не отступили, но русский командующий не смог воспользоваться полученным преимуществом. Поражение при Фридланде летом 1807 года окончательно решило судьбу государства Гогенцоллернов. Русский царь оставил в беде прусского союзника и подписал Тильзитский мир. Большая часть прусской территории была оккупирована французскими войсками, а период оккупации был поставлен в зависимость от уплаты контрибуции, размеры которой не были определены.

Сложившееся положение было невероятно унизительным, но в то же время явилось поворотной точкой, послужило обновлению общественной атмосферы, а именно — появлению партий, до того момента беспрецедентного события в истории Пруссии. Их формирование имело скорее военно-бюрократическую, нежели политическую подоплеку, что было естественно для Пруссии. Вернувшись из плена, Массенбах, вместе с известным членом военного совета, Фредериком фон Колином, занял положение своего рода руководителя направления, критикующего систему, в отличие от тех, кто поддерживал нововведения, таких, как Шарнхорст, Бойен, Грольман, Клаузевиц и, в первую очередь, лейтенант-полковник фон Гнейзенау, создавший имя храброй защитой Кольберга.

Массенбаху было не дано почувствовать себя триумфатором в деле, с которым он в значительной степени, даже если и не всегда удачно, отождествлялся. Он рано вышел в отставку, навсегда покончив с военной карьерой. Массенбаха погубило собственное непостоянство. Даже возглавляя реформаторскую партию, клеветническими выпадами он в значительной степени наносил вред собственному делу. Его откровенно ненавидели за невыносимый догматизм. Кроме того, во время последней кампании его поведение явно не внушало доверия. Он отошел в тень истории. Патетическая фигура, которой потомки, возможно, не в полной мере воздали по заслугам за роль, правда, весьма незначительную, в планировании грандиозной системы.

Тем временем, хотя Наполеон настоял на увольнении из армии Гарденберга, группа реформаторов смогла заставить короля вернуть на службу Штейна. Это произошло в июле 1807 года, и в том же месяце была сформирована комиссия по реформированию армии, в которую были приглашены Шарнхорст, Гнейзенау, Массенбах, генерал-лейтенант фон Броникowский и недавно назначенный на должность генерал-адъютанта князь фон Лоттум.

В задачу комиссии входило устранение из армии так называемых «недостойных элементов» и создание боеспособных войск, удовлетворяющих требованиям современной войны. Со временем эта цель в значительной степени была достигнута, причем имел место беспрецедентный в истории армии случай самоочищения офицерского корпуса. Было рассмотрено поведение всего высшего офицерского состава во время войны. Часть офицеров была подвергнута дисциплинарным взысканиям, некоторых уволили из армии, а кто-то по приговору суда отбывал срок наказания в крепости.

Шарнхорст разработал детальную программу реформирования. Он планировал заменить сверхсрочную армию постоянной, на основе всеобщей воинской повинности, ввести для офицеров возрастной и образовательный ценз, позволить выходцам из буржуазии получать офицерские звания, причем не в порядке исключения, как это было во времена Фридриха Великого. Реформа предусматривала отмену телесных наказаний. Офицерам было предложено человечнее обращаться с солдатами, не пренебрегать приличиями и уважением по отношению к гражданским лицам. Армия Шарнхорста должна была, прежде всего, служить народу, а не королю. Следовало разбудить патриотизм и чувство на-

циональной ответственности, а этого, по мнению Шарнхорста, можно было добиться только с помощью введения всеобщей воинской повинности.

В планы Шарнхорста входило создание Генерального штаба армии, имеющего четыре отделения. Первое предназначалось для выработки стратегии и тактики, второе — для решения внутренних вопросов, третье — для решения вопросов, связанных с пополнением, четвертое — для обеспечения военным снаряжением. Штабы дивизий также должны были состоять из четырех отделений. Можно сказать, что эта модель послужила основой для формирования Большого Генерального штаба (Abteilungen), включавшего различные отделения. Далее. Королевский картографический отдел, занимавшийся составлением военных карт, должен был отойти в подчинение Генерального штаба. Фактически, высшей властью должно было стать военное министерство, которому бы подчинялись генерал-квартирмейстерский штаб и генерал-адъютантский департамент.

Понятно, что королю не пришлось по вкусу подобное посягательство на его права, но отсутствие энтузиазма со стороны короля было всего лишь одним из числа препятствий, стоящих на пути внедрения в жизнь новых предложений. В число препятствий входили сложное географическое положение страны, сомнительное состояние ее финансов, разоренное сельское хозяйство, составляющее основу прусской экономики, и, главное, полная неопределенность относительно будущего: в любой момент Наполеон мог одним росчерком пера покончить с прусским государством. Кроме того, проведению реформ всячески препятствовали старые прусские юнкеры, нашедшие сторонников в лице генерала фон Йорка и особенно в лице дворянина из Бранденбурга Фридриха Августа Людвига фон дер Марвиц ауф Фридерсдорфа. Эти твердолобые консерваторы придерживались идеи, что первейшая функция армии состоит в решении задачи обеспечения средствами к существованию сыновей обедневшего прусского дворянства, которым король по-прежнему должен предоставлять возможность получения образования в военных школах. Офицерский корпус должен оставаться закрытым обществом, чья исключительность не должна подвергаться опасности внедрения буржуазно-либеральной системы образования. Борьба в армии между этими двумя течениями заняла все XIX столетие.

Реакционеры, рассматривая вопрос реформирования армии под собственным углом зрения, продемонстрировали особую враждебность в отношении функций предложенного Шарнхорстом Генерального штаба. В программе Шарнхорста эти люди усматривали особый акцент на образовании и культуре, что было глубоко чуждо прусским офицерам старой школы. Кроме того, дворянство Померании протестовало против введения всеобщей воинской повинности, называя ее «революционным равенством торгашей». Реакционеры считали, что вооруженные подданные поднимут революцию, и, вообще говоря, король разделял эту точку зрения. На Шарнхорста и Гнейзенау навесили ярлык «якобинцев».

Но это были только цветочки на пути к достижению либерализации и созданию действительно конституционной монархии, которая могла бы послужить моделью для германских государств. Но кое-что все-таки удалось сделать. Штейн смог добиться отмены крепостного права, но представительное правительство осталось на уровне мечты, впрочем, как и оплот старого прусского феодализма, судебная власть юнкеров, и их право содержать собственную полицию. В военной сфере Шарнхорст умудрился получить одобрение на реконструкцию офицерского корпуса. После Йены исчезла глубокая пропасть, разделявшая простых граждан и офицеров. В старые «гармоничные» времена общество, к которому принадлежали богатые и образованные круги Магдебурга, взяло за правило «собак и офицеров не впускать». Теперь, когда сыновья незнатных людей могли стать офицерами в любых родах войск, рухнул барьер недоверия. Получение офицерского звания стало зависеть от способностей конкретного человека, а не от его происхождения, и могло показаться, что в обществе прежнее чувство кастовой принадлежности уступит место идеям равенства. Для поколений германской буржуазии получение офицерского звания превратилось в символ повышения социального статуса, и они ставили его намного выше предоставления политических прав и политической власти. Способы, которые использовала буржуазия для возрождения армии, не всегда были безукоризненными; она создала свой миф и настойчиво отстаивала свои права. Экспансионистские идеи, вроде современных пангерманских, оказывали гораздо меньшее воздействие на офицерский корпус, чем считают многие иностранцы; причина крылась, по всей видимости, в буржуазном происхождении.

Шарнхорсту приходилось бороться не только с традиционалистами. Будучи реформатором, он в то же время являлся спасителем старого офицерства. Шарнхорст решительно противился всем планам радикальной демократизации армии. Было время, когда Шарнхорст не столь решительно выступал против идеи выборности офицерского состава. Однако стоило Гарденбергу выдвинуть идею о выборных должностях в армии (солдаты избирают унтер-офицеров, а те, в свою очередь, младших офицеров), как Шарнхорст увидел в этом опасность для основных принципов построения армии и убедил комиссию по реформированию армии отклонить данное предложение. Шарнхорст страстно отстаивал точку зрения, что для каждого гражданина ношение оружия является делом чести, и именно это убеждение подвигло его к отмене позорных телесных наказаний в армии. Он был твердо уверен, что гарантия прочной нравственности армии заключается не в принятии выборной системы, а в обеспечении жесткой дисциплины.

Сущность плана Шарнхорста состояла в разумном сочетании постоянной армии с всеобщей воинской повинностью. Армия, основанная на принципе строгого подчинения законной власти, должна была стать общегосударственной школой, но, хотя в конечном итоге была принята концепция Шарнхорста, идея о менее авторитарной организации полностью не исчезла. Во время освободительных войн предпринималось несколько попыток ввести избирательную систему в прусский ландвер (Landwehr). Впоследствии основным пунктом Эрфуртской программы германской социал-демократической партии стал пункт о преобразовании постоянной армии в ландштурм. Само собой разумеется, что на протяжении всего времени Генеральный штаб, употребив всю силу своего влияния, настаивал на дисциплинированной постоянной армии.

Шарнхорст четко сформулировал понятие об армии мирного времени, состоящей из дивизий, представленных всеми родами войск. Поскольку финансовое положение Пруссии не позволяло содержать большую армию, были созданы подразделения сокращенной численности под названием бригады. Каждой области придавалась одна из таких бригад, а офицеры Генерального штаба прикомандировывались к бригадным штабам. Так были заложены основы оперативного Генерального штаба (Truppengeneralstab), не имевшего аналогии и работавшего в действующих армиях.

Король, исходя из соображений внешней и внутренней политики, по-прежнему возражал против введения всеобщей воинской повинности. Перед Шарнхорстом встала проблема резерва. Он попытался сформировать резерв из добровольцев, прошедших краткосрочную службу в армии, — «крюмперов» (Krumpers)[1]. Они предшественники временных добровольцев (Zeitfrewillige) периода рейхсвера и заложили основу территориальной армии, которая, в свою очередь, явилась черновым наброском для создания постоянной армии.

Мы уже упоминали о борьбе Штейна с королевским консультационным кабинетом и генерал-адъютантским департаментом. Мы помним, что он пытался заменить их сформированным на основе английской модели правительством, несущим ответственность за свои действия, и разработал план по созданию трех департаментов, которые должны были функционировать в рамках этой системы. По требованию Наполеона Штейна отправили в отставку, но Шарнхорст был в состоянии продолжить процесс преобразования бесполезного Высшего военного совета в военное министерство. Это было важное дело, и он уделял ему серьезное внимание. Если сначала Наполеон, считая, что разоренная страна не будет представлять никакой опасности, не ограничил численность прусской армии, то теперь у него возникли подозрения, что все не так просто, и он настоял на сокращении армии до сорока двух тысяч человек. Предполагалось, что новый министр сыграет решающую роль, поскольку будет выходцем из высшего офицерского состава типа Грольмана, Гнейзенау, Бойена или Шарнхорста, то есть из тех, кто поддерживал идею радикального реформирования армии.

В новое министерство входило два ведомства: главный военный департамент, осуществлявший общее руководство армией, и экономический департамент, решавший административно-хозяйственные вопросы. Военный департамент состоял из трех «отделов». Первый, под руководством Грольмана, принял на себя функции прежнего военного кабинета и генерал-адъютантского отдела, и в частности все дела, связанные с офицерским составом. Второй отдел, сформировавший Генеральный штаб, оказался в руках

---

[1] Krumpersystem — созданная в 1808—1812 гг. Шарнхорстом система призыва «короткослужащих» солдат-резервистов для усиления войск во время военных действий.

Бойена. Старый генерал-квартирмейстерский штаб упразднили. Шарнхорст отводил второму отделу особое место, поскольку видел в нем интеллектуальный центр армии и место обучения высшего офицерского состава. Гнейзенау, руководивший инженерным корпусом, возглавил третий отдел. Как ни странно, но Шарнхорста не сделали военным министром, хотя это было бы весьма разумно, и сам Шарнхорст наверняка этого ожидал. Однако министерский пост занял князь Лоттум, доверенное лицо короля. Возглавив главный военный департамент, Шарнхорст испытал сильное разочарование, поскольку военный министр фактически стал начальником Генерального штаба.

Назначив капитана фон Клаузевица начальником своей канцелярии, Шарнхорст энергично взялся за решение собственной задачи. Его цель оставалась неизменной, и следует отметить, что на протяжении всего времени военная и политическая реформы были просто двумя аспектами одной проблемы, неотделимыми одна от другой. Ему виделось слияние армии с народом, превращение субъекта в гражданина, который не только должен защищать страну, но может с помощью выборных представителей решать ее судьбу. Шарнхорст преследовал великие цели. Гнейзенау и Бойен настаивали на создании представительной ассамблеи, и делали это со всей страстью, на какую были способны. Они руководствовались не только внутриполитическими соображениями, мечтая обрести источник духовных сил для борьбы против тирании Наполеона. Символично, что Грольман стал активным членом тайного общества «Союз добродетелей» («Тугенбунд»), созданного с целью возрождения «национального духа» после разгрома Пруссии Наполеоном.

У разных людей были разные представления относительно характера будущих событий. Кто-то считал, что успех кроется во всеобщей мобилизации населения по типу французской, успешно использованной против коалиции в 1792 году. Некоторые вспоминали Вандею как центр контрреволюционных выступлений в период французской революции. Внимание наиболее многочисленной группы было приковано к борьбе испанцев в 1808 году против оккупации Наполеона, которая велась с помощью добровольцев и массированного налогообложения.

В отличие от Гнейзенау Шарнхорст целиком посвятил себя образовательной деятельности. Теперь три военные школы выпускали высококлассных офицеров. По его

предложению в Берлине была открыта Военная академия. И вновь руководство этими образовательными учреждениями и ответственность за военное образование в целом было возложено не на «якобинца» Шарнхорста, а на представителя старой школы, генерал-майора фон Дерке. Довольно любопытно, что лучший класс Военной академии, основанной в 1810 году, получил название «Генеральный штаб», несмотря на то что в действительности подобные вопросы относились к компетенции второго отдела военного департамента. Шарнхорст был просто обязан лично руководить этим лучшим классом, или «избранными».

VII

Настоящие либералы вроде Бойена и Гнейзенау остро воспринимали социально-нравственное значение реформ и столь энергично взялись претворять их в жизнь, что на начальном этапе вошли в конфликт с королем. Трезвомыслящий, неэмоциональный, лишенный воображения король с большим недоверием относился к идеям реформаторов поднять народную войну против Наполеона. У короля была единственная цель — сохранить династию.

Когда в 1809 году Австрия, посчитав невыносимыми мирные условия, принятые в Прессбурге (Братислава), начала новую войну против Наполеона, Шарнхорст и Гнейзенау решили, что пора приступать к активным действиям. Король категорически отказался разделить их точку зрения. Тогда Грольман ушел в отставку и уехал сначала в Австрию, а позднее в Испанию, где сражался против Наполеона в иностранном легионе. Гнейзенау тоже ушел в отставку, но остался в Пруссии в качестве секретного агента; в Лондоне и Санкт-Петербурге он собирал информацию относительно возможностей наполеоновской армии. Король полагал (беспристрастный критик вряд ли найдет в этом состав преступления), что попытка Пруссии оказать поддержку Австрии, в то время как французы по-прежнему занимают прусские территории, будет означать политическое и военное самоубийство.

Конечно, прусские патриоты были не правы в своей поспешности. Еще не пришло время для решительных действий. Однако, хотя реформаторы зачастую были близки к тому, чтобы потерять терпение, слухи о предполагаемом

восстании (считалось, что Шарнхорст имеет к этому отношение) были беспочвенными. Известно, что некий майор фон Шилль, командуя полком бранденбургских гусар, по собственной инициативе выступил из Берлина. Рискованное предприятие закончилось плачевно. Не получив ожидаемой поддержки, он нашел смерть в Штральзунде. Но это единичный случай. Нет необходимости придавать слишком большое значение неоднократным заявлениям Гнейзенау, что, если король упорно отвергает требования реформаторов, его должен сменить младший брат, принц Вильгельм. Подобные взрывы негодования обычно не оправдывали ожиданий. Любая мысль о военном перевороте была не утопической, а невообразимой. Прусские офицеры были верны присяге, данной королю, каким бы ни было их личное мнение относительно его действий. Пруссия это вам не Испания.

Однако вся эта болтовня о якобинской революции имела печальные последствия для Шарнхорста. Его влияние резко уменьшилось, и в результате он был смещен с поста начальника главного военного департамента. Но даже в этом случае граф Хаке, его преемник, преданный и исполнительный чиновник, снискавший особую благосклонность короля, получил приказ держать Шарнхорста в курсе всех важных дел.

Следующий 1811 год явился переломным. Русский царь отказался от политики континентальной блокады, и Наполеон принял решение о завоевании его империи. Итальянцы, португальцы, датчане, германцы были объединены под французским флагом в этом крестовом походе против России. На тот момент европейская история не знала более масштабного военного предприятия, чем затеянное Наполеоном выступление против огромной северной страны. В 1810 году Гарденберг опять занял место канцлера и столкнулся с требованием Наполеона о заключении союза и предоставлении армейского корпуса.

Вместо этого Шарнхорст отправился в Санкт-Петербург для проведения переговоров о союзе с Россией. Пруссия занялась секретными приготовлениями. Король впервые объявил, что в связи со сложившимся международным положением он готов согласиться на введение всеобщей воинской повинности. Тем временем Австрия после поражения при Ваграме и Асперне вновь стала союзницей Франции (была вынуждена заключить мир с Францией) и обратилась

к Пруссии с просьбой о предоставлении армейского корпуса, а также налаживании его снабжения. Пруссии ничего не оставалось, как отступить перед лицом превосходящей силы. Король с Гарденбергом решили временно согласиться с требованиями французов, поэтому, когда Шарнхорст, достигший блестящих успехов на переговорах в России, вернулся в Пруссию, он был поставлен перед *fait accompli*[1]: отказом признать его заслуги. Выразивший несогласие с подобной постановкой вопроса Бойен ушел в отставку. Клаузевиц и значительная часть офицерского корпуса отказались сражаться под французским флагом и поступили на службу в русскую армию. Шарнхорста фактически отстранили от выполнения служебных обязанностей и в конечном итоге отправили в Силезию инспектировать крепости. По стечению обстоятельств он встретился там с Блюхером, по требованию Наполеона снятым с должности командующего войсками в Померании, поскольку он якобы тайно занимался перевооружением армии. Начальником штаба был назначен полковник фон Раух.

Генерал Йорк, типичный представитель старых прусских традиций, отвечал за отправку во Францию прусского армейского корпуса. После неудач, постигших Наполеона в России, когда в последние дни 1812 года его могущественная армия, не выдержав лютых морозов, обратилась в беспорядочное бегство, Йорк принял историческое решение. Он заключил соглашение с вражеским командующим фон Дибицем (его адъютантом был не кто иной, как Клаузевиц), тем самым взяв на себя ответственность за разрыв отношений с Францией, и предоставил войска в распоряжение русского царя. Так зародилось прусско-русское сотрудничество, которое на протяжении трех поколений определяло методы европейской политики и заложило основы политики рейхсвера после Первой мировой войны.

Действия Йорка открыли путь для подъема Пруссии. Теперь, когда Йорк навел мосты и гарантировал сотрудничество с русскими, король прекратил бесполезное сопротивление. Он лично прибыл в Бреслау, место пребывания патриотов и реформаторов, будучи готовым уступить их требованиям. Успех Шарнхорста измерялся принятием в марте всеобщей воинской повинности и созданием ландвера.

---

[1] Свершившийся факт (*фр.*).

Тем временем был создан и Генеральный штаб, подтвердивший в 1813 году, во время освободительных войн, свою действенность. Командующие прусскими армиями в Бранденбурге и Силезии впервые стали получать надежную информацию от начальника штаба. Характерной особенностью новой организации являлось то, что, пока командование армией осуществлял сильный, надеющийся исключительно на собственные силы человек, штабные офицеры оставались в тени. Шарнхорст страстно желал выступать в роли главнокомандующего на полях сражений, однако с тяжелым сердцем подчинялся этому неписаному закону анонимности. Пренебрегая собственными эмоциями, он предложил Блюхеру занять место командующего в Силезии. Блюхер благодаря манерам «человека из народа» пользовался значительно большей популярностью, чем Шарнхорст. К тому же он был талантливым командиром. Шарнхорст довольствовался должностью начальника штаба, а вот Гнейзенау, вернувшись из Лондона, принял пост первого офицера Генерального штаба. Удивительный контраст составляла эта пара: непосредственный, энергичный, порывистый Блюхер и Шарнхорст, сдержанный, эрудированный, идеальный пример для подражания в деле воспитания начальников штабов. Он, главным образом оставаясь в тени, давал советы, информировал и направлял.

В тесном сотрудничестве с Гнейзенау Шарнхорст составил оперативный план для прусско-русских армий на весну 1813 года. План предусматривал наличие главной армии и двух фланговых подразделений. Одна из фланговых армий под командованием русского генерала, князя Петра Витгенштейна, должна была выступить из Померании через Берлин на Магдебург, а вторая — из Силезии через Лаузиц в Саксонию, чтобы занять Дрезден. Находящаяся в центре главная армия должна была отставать от фланговых армий приблизительно на трехдневный марш. В этом случае одна или другая армия, по ситуации, могла прийти на помощь главной армии. План осенней кампании, составленный Гнейзенау, тоже был основан на принципе разделения армии на составные части во время концентрического наступления для проведения общевойсковых боев. Надо было отличаться особой смелостью, чтобы использовать подобный принцип в сложившихся на данный момент условиях. Отвратительные дороги, недостаток транспортных средств делали любое предприятие невероятно опасным. Только

появление железнодорожного транспорта позволило Мольтке в полной мере обратиться в своих планах к принципу «разделения на марше, объединения в бою».

Крупные сражения в период весенней кампании у Лютцена и Бауцена показали, что пока объединенных усилий прусских и русских армий не достаточно для того, чтобы победить непревзойденного мастера военного искусства. Шарнхорст понимал, что для решения проблемы необходимо заставить Австрию принять участие в войне. Не обращая внимания на ранение в ногу, в мае 1813 года он отправился в Вену для ведения переговоров. По распоряжению Меттерниха Шарнхорст был задержан в Праге. Меттерних, строго придерживавшийся принципа европейского равновесия сил, понимал, насколько большую опасность, чем существование империи Наполеона, представляет для монархии Габсбургов усиление Пруссии и России. Меттерних выразил желание выступить посредником между воюющими сторонами, и в настоящий момент Наполеон был готов пойти на уступки. Наполеон нуждался в передышке для восстановления и перевооружения армии. Вот почему после сражения у Бауцена он согласился на перемирие.

Состояние здоровья Шарнхорста резко ухудшилось; у него начался сепсис. Шарнхорст умер 28 июня в Праге, всеми забытый. На протяжении всей жизни он испытывал чувство одиночества; может, виной тому его нижнесаксонское происхождение. Ему было не дано увидеть воплощение своих замыслов, но он указал путь, по которому следовало идти. Благодаря присущим ему качествам: справедливости, неподкупности, скромности, самоотверженности, храбрости — Шарнхорст сильно отличался от многих пришедших ему на смену.

VIII

В августе после окончания сроков перемирия вновь возобновились военные действия. На этот раз к коалиции, в состав которой входили Россия, Пруссия, Англия, примкнула и Австрия. Теперь на пост начальника Генерального штаба заступил Август Вильгельм фон Гнейзенау, человек совершенно не похожий на Шарнхорста. В отличие от молчаливого, эрудированного Шарнхорста («книжный червь из Ганновера», называли его прусские офицеры) Гнейзенау

имел вспыльчивый, можно даже сказать, буйный характер. Этот человек, одаренный большими способностями, прекрасный стратег, обладал острым умом и сильной волей. От франкских и австрийских предков он унаследовал круглую голову, толстые щеки, решительный рот и настороженный взгляд. Как-то он написал, что был св. Петром Шарнхорста (Клаузевиц утверждал, что был Иоанном Крестителем Шарнхорста). Хотя Гнейзенау говорил, что по отношению к Шарнхорсту испытывал те же чувства, что пигмей по отношению к великану, он великолепно осознавал собственные способности и тяжело переживал анонимность офицеров Генерального штаба.

Новое поколение офицеров Генерального штаба внесло изменения в прусскую армию. Гнейзенау являлся начальником прусского Генерального штаба и советником Блюхера. Бойен был начальником штаба у генерала фон Бюлова (брата незадачливого Дитриха Генриха фон Бюлова), командующего войсками северной армии. Грольман стал начальником штаба у генерала фон Клейста, командующего главной армией в Богемии. Люди подобные им олицетворяли новое поколение штабных офицеров. Гнейзенау разработал концепцию коллективной ответственности начальников штабов за любые решения, принимаемые командующими армиями. Он преследовал цель (и это имело первостепенное значение) обеспечить духовное единство Генерального штаба, тем самым давая ему возможность выступать как единый организм против армейских начальников, упрямых и несговорчивых. В случае возникновения разногласий между начальником штаба и командующим армией начальник штаба мог обратиться напрямую к начальнику Генерального штаба.

Гнейзенау создал типично прусскую, безупречную систему руководства армией. Он разработал серию директив, которые давали возможность подчиненным проявлять личную инициативу. Способность быстро осваиваться в любой обстановке, гибкость ума в сочетании с непреклонной решимостью и упорство в достижении главной цели — все это, фактически, были составляющие системы Фридриха Великого, ведь, как мы помним, эпоха массовых армий потребовала деления на корпусы и дивизии и, соответственно, культивирования перечисленных выше качеств.

Школа мысли Гнейзенау оказала большое влияние на развитие союзнической русской армии. Уже при Екатерине Великой главный штаб приобрел важное значение. В

основном штаб состоял из офицеров германского происхождения и образования, и его растущее значение было обусловлено тем обстоятельством, что женщина не могла вести военные действия. В 1813 году великолепно обученные в Пруссии офицеры Генерального штаба оказывали неоценимую услугу русской армии. Среди них были такие личности, как полковник Хофман, начальник штаба князя Вюртембергского, полковник фон Лютцов, начальник штаба кавалерийского корпуса графа фон дер Палена, и Клаузевиц, офицер связи в штабе Блюхера.

Грубо говоря, стратегия Гнейзенау, имевшая серьезное политическое значение, заключалась в следующем: безжалостное использование национального потенциала (Гнейзенау пытался применить этот принцип при формировании ландвера в период перемирия); поиск всех доступных средств для полного уничтожения вражеских сил; использование во всех оперативных планах стратегии окружения. Отсюда становится ясно, что Гнейзенау не только решил проблему, связанную с наступательной тактикой армии Наполеона, но и стал духовным отцом тактики, связанной с окружением армии противника.

Однако Гнейзенау, Бойен, Грольман и Раух не были ограниченными людьми, компетентными только в военных вопросах. Высокоодаренные, можно сказать, талантливые люди, они были тесно связаны с духовной жизнью своего времени. В их глазах война, принявшая новую форму народной войны, могла быть оправдана только в том случае, если она приводила народ к духовной и политической свободе. Гнейзенау намеренно проводил различие между кабинетной войной, которую вели монархи в XVIII веке, и современной войной государств. Не случайно он причислял Штейна к своим друзьям. Необходимо, считал он, чтобы современная война стала освободительной войной для всех европейских государств, что приведет их к дальнейшему развитию. Его идеи относительно парламентаризма Гогенцоллернов были гораздо более радикальными, чем у Штейна, который пока еще до некоторой степени находился в плену старых порядков, и даже Шарнхорста, который никогда не испытывал особого интереса к внутренней политике. Гнейзенау наверняка вызывал у Фридриха-Вильгельма III некоторое раздражение.

История Гнейзенау довольно любопытна. Он происходил из благородного, но обедневшего рода, носившего фами-

лию, полученную по названию замка Гнейзенау, недалеко от Эфердинга в Верхней Австрии. Его отец был лейтенантом в саксонской артиллерии. Мать, дочь артиллерийского офицера (человека незнатного происхождения), сопровождала мужа во время Семилетней войны и во время отступления из Торгау умерла сразу после рождения сына. Отец Гнейзенау перебрал множество профессий, в том числе был топографом и архитектором. Он вновь женился и последние годы жизни работал инспектором по строительству в Эрфурте. Осиротевший мальчик, без средств к существованию, рос в жалкой нищете среди простолюдинов, пока богатые родственники из Вюрцбурга не взяли его под свое крыло. После краткосрочной службы в гусарском полку в Австрии в 1782 году он прибыл в Канаду. Однако Версальский мирный договор завершил Войну за независимость в Северной Америке прежде, чем лейтенант Гнейзенау получил возможность принять участие в боевых действиях.

Тогда Гнейзенау поступил на службу в прусскую армию, в надежде получить пост в генерал-квартирмейстерском штабе. Но его надежды не оправдались. На протяжении двадцати лет Гнейзенау служил младшим офицером в маленьких гарнизонах в Силезии. Только в 1807 году успешная оборона Кольберга явилась стартовой площадкой для его продвижения по службе. Спустя какое-то время мы находим Гнейзенау в комиссии по реорганизации армии и в военном ведомстве, сражающемся с ветряными мельницами прусской реакции. Затем он был отправлен в Англию, откуда вернулся с твердой верой в английский либерализм и в принципы конституционной монархии, добавив военный опыт к имевшимся у него большим способностям к военному делу и политической интуиции.

IX

Генеральные стратегические планы осенней кампании 1813 года и зимней кампании 1814 года в значительной степени являлись плодом деятельности Гнейзенау. Оперативный план осенней кампании с наибольшей очевидностью отразил его способности к решению стратегических задач. Проблема, с которой столкнулись союзники, заключалась в следующем. Наполеон занял позицию на Эльбе; с правого фланга до крепости Кенигштайн и гор Северной Богемии,

а с левого фланга через крепости Магдебург и Виттенбург до Гамбурга. В центре находился укрепленный Дрезден. Наполеон, имея полумиллионную армию, словно огромным щитом укрылся этим бесконечным развернутым строем от смертельных ударов, которые могли быть направлены в сторону Вены и Берлина.

Фронт был слишком растянут, и маршалы убеждали Наполеона выстроиться не вдоль Эльбы, а по Саару или Рейну. Но Наполеон рассудил, что невозможно обойти четырехсоттысячную армию, занявшую опорные пункты на такой реке, как Эльба. Действительно, линия фронта была настолько протяженной (и укрепленной), что враги не могли обойти ее с фланга, не подвергнув себя огромному риску излишне рассредоточить войска.

Наполеон прекрасно представлял, какую сложную проблему он поставил перед врагом. Союзникам пришлось растянуться по длинной дуге, и Наполеон разумно предположил, что рано или поздно они совершат неверный шаг и он сможет их постепенно уничтожить.

Силы союзников были сгруппированы в составе трех армий: северной — под началом шведского наследного принца, состоявшей из прусских и шведских войск и базировавшейся в Бранденбурге и Померании; силезской, состоящей из пруссаков и русских, под командованием Блюхера, и главной армии под командованием Шварценберга — прусско-русско-австрийской, базировавшейся в Богемии.

Командующие армиями коалиции зачастую не могли прийти к общему знаменателю. Шведский наследный принц, по политическим соображениям, не испытывал желания двигаться вперед; австрийский командующий был приверженцем стратегии старой школы. Это весьма устраивало Гнейзенау, поскольку силезская армия получала значительную оперативную свободу. Несмотря на явное противодействие со стороны штабов союзных монархов и тот факт, что царь и фон Шварценберг считали, что имеют законное право осуществлять руководство ключевыми операциями, Гнейзенау настоял на своем. Блюхер и Гнейзенау получили возможность действовать сообразно обстановке.

Союзники преследовали единую стратегию, и следует отдать должное гению Гнейзенау, что его понимание этой стратегии выражалось в каждом сделанном им шаге. Союзники надеялись, что им удастся в какой-то момент заста-

вить Наполеона открыться, и тогда они нанесут решающий удар. Но до того, как это произойдет, неизбежен период ложных атак и маневрирования, период, в течение которого им придется уклоняться от вражеских ударов, однако врагу эти удары должны доставаться, по возможности, дорогой ценой.

Блюхер четко придерживался данной стратегии. Когда Наполеон атаковал его в Ловенберге, Блюхер отступил в Силезию, а затем блестяще нанес ответный удар по Кацбаху, находившемуся на значительном расстоянии от вражеской базы. На протяжении августа союзники настолько успешно следовали выработанной тактике, что на периферии Наполеон даже потерпел ряд поражений. Однако он прочно удерживался в центре и наносил больше ударов, чем терпел поражений. Наполеон отбил атаку Шварценберга на Дрезден с помощью быстрого сосредоточения сил.

Далее последовали два события. В Кульме прусские силы под командованием Клейста, продемонстрировав блестящие тактические действия, спасли Шварценберга от полного поражения и сдержали натиск Наполеона. Второе событие было связано с предложенной Гнейзенау передислокацией южной армии, двинувшейся через правый фланг Наполеона к Лейпцигу, в то время как силезская армия под командованием Блюхера пересекла Эльбу у Виттенберга. Наполеон немедленно отреагировал на действия со стороны врага, которого он не сумел полностью уничтожить и теперь получившего поддержку. Наполеон отступил к Лейпцигу, где союзники, получившие подкрепление из Баварии, практически окружили его.

X

Фридриха-Вильгельма устраивал вариант освобождения Германии до Рейна. Меттерних вновь ухватился за идею о балансе европейских сил, неотъемлемой частью которой должна оставаться Франция. Война несла угрозу этой концепции. Теперь Гнейзенау (несмотря на яростное сопротивление со стороны Блюхера) выступал ярым сторонником полного уничтожения Наполеона, то есть проводником политики, при которой на первый план выдвигалась оккупация Франции. Шварценберг, по-прежнему строго придерживавшийся традиционных взглядов на войну, считал, что Францию мож-

но и должно принудить к капитуляции, захватив важные стратегические объекты. Однако Гнейзенау требовал двигаться на Париж для полного уничтожения наполеоновского режима. Благодаря поддержке царя (Штейн выступал в роли его консультанта) победила точка зрения Гнейзенау. Прусские войска вошли в Париж в марте 1814 года. Наполеон отрекся от престола. Это была не только победа прусской непреклонности, но и, вне всякого сомнения, неотложная необходимость. Гнейзенау рассматривал войну как поход в защиту европейской свободы; Наполеон должен предстать перед мировым судом и быть расстрелян за преступления против законности и правопорядка. Парижу должен быть *продиктован* мир, требовал Гнейзенау. Но его требования вступали в противоречие с принципами солидарности между коронованными особами.

В октябре 1814 года в Вене открылся конгресс представителей европейских государств, которому предстояло перекроить политическую карту Европы. Наполеон был сослан на остров Эльба. Оттуда он сделал еще одну попытку захвата власти. Ему удалось продержаться у власти сто дней, после чего он был вынужден вновь отказаться от престола, чему в немалой степени способствовали действия со стороны Гнейзенау. Он опять стал начальником штаба у Блюхера и очень сетовал, что согласился на это. В бою у Линьи Блюхер сильно пострадал. Его лошадь была убита, а сам он получил серьезные ранения. Именно Гнейзенау принял эпохальное решение, отдав приказ прусской армии отойти к Льежу. Несмотря на кровопролитный бой, пруссаки были разбиты, но не уничтожены. Наполеон, стремившийся вбить клин между Блюхером и Веллингтоном, потерпел неудачу. Побежденная армия должна была двинуться прямо на восток, но Гнейзенау не считал себя побежденным. Ему в голову пришла оригинальная мысль, как поддержать британцев. В соответствии с планом Гнейзенау корпус Блюхера, когда Веллингтон скомандовал общее наступление, неожиданно вышел с правого фланга французов. План Гнейзенау дал возможность Блюхеру решить исход битвы при Ватерлоо, сделал возможной победу и разгром Наполеона.

Вновь прусская армия двинулась в Париж. А вместе с тем самого Гнейзенау постигло самое тяжелое разочарование в жизни. Его политическая программа, как и у Штейна, предусматривала создание германского федерального государ-

ства, управляемого с помощью централизованной власти. Венский конгресс, созванный в июне 1815 года, отклонил программу Гнейзенау и сохранил политическую раздробленность Германии. Следует ослабить Францию, считал Гнейзенау, отрезав от нее Эльзас-Лотарингию, и, укрепив Бельгию, создать буферное государство на севере. Эти требования были продиктованы беспокойством, связанным с особенностью географического положения Пруссии, окруженной более сильными государствами. Но подобные взгляды шли вразрез с политикой Австрии и России, которые рассматривали прусско-французский антагонизм как средство ослабления этих государств.

Гнейзенау рассчитывал, что в результате победы над Наполеоном прусский народ освободится от иноземного владычества и получит, наконец, возможность обрести государственное единство и политическую свободу. По решению Венского конгресса к Пруссии отошли Вестфалия и западная часть Саксонии, и, по мнению Гнейзенау, было необходимо произвести объединение всех территорий. Энтузиазм, с которым в 1813 году молодежь из всех слоев общества по призыву короля устремилась на военную службу, был вызван не только патриотическим порывом, но и определенными надеждами. Студенты, к примеру, лелеяли надежду, что наступивший после войны мир даст им возможность принимать участие в общественных делах и решении политических вопросов. Именно с этой точки зрения образованный средний класс рассматривал освободительные войны. После объявления всеобщей воинской повинности в Померании, Восточной Пруссии и Бранденбурге крестьяне, совсем недавно получившие свободу, в силу сложившейся традиции последовали примеру помещиков. А вот ткачей и другой рабочий люд из самых нищих частей Силезии полиция зачастую тащила в армию на аркане. Рабочие просто не понимали, в чем смысл войны. В мае 1815 года король торжественно пообещал ввести конституционную монархию и создать народное собрание.

XI

После второго падения Парижа Гнейзенау решил, что наступило время для выполнения этих обещаний. Но время шло, и, вместо долгожданного либерализма, наступила

реакция. После войны начальником Генерального штаба стал Грольман. По мнению двора, Гнейзенау был излишне либерален — и слишком упрям. Его отправили в Кобленц в качестве командующего в звании генерала. Время от времени из Нассау к нему приезжал Штейн, и они вспоминали о замечательных планах по реформированию армии. Штейн тоже впал в немилость, и в Берлине кто с тревогой, а кто с удивлением говорили о круге друзей Гнейзенау как о «лагере Валленштейна». Тайный страх в отношении этих людей был не более чем ребячеством. Было нелепым полагать, что Гнейзенау двинется на Берлин. По всей вероятности, Гнейзенау и Штейн обсуждали реформы в отношении дворянства. Гнейзенау мечтал застать то время, когда на смену старому, обнищавшему юнкерству придут помещики, использующие английскую модель хозяйствования. В отличие от Гнейзенау Фридрих фон дер Марвиц, выразитель идей старой Пруссии, настаивал на превращении дворянства в касту воинов. Все физически неполноценные или лица, имеющие склонность к научной и культурной деятельности, должны были лишиться дворянского звания.

Неудачи ожесточили Гнейзенау, и в 1816 году он вышел в отставку. Он, как Йорк, Бюлов и Клейст, получил графский титул и в качестве награды поместье Зоммершенбург. В 1825 году, в честь годовщины битвы при Ватерлоо, Гнейзенау был возведен в ранг фельдмаршала. Он не принимал никакого участия в общественной жизни, и только в 1831 году, когда вспыхнувшая в Польше революция, направленная против России, стала угрожать прусским владениям в Польше, о Гнейзенау вспомнили и назначили его командующим армией, охранявшей восточные границы. Он пригласил Клаузевица на должность начальника штаба, разместившегося в Посене. 21 августа Гнейзенау умер от холеры, пришедшей в Европу с востока. В душе он был либералом, поэтому, как и Шарнхорст, оставил о себе не слишком добрую славу. Пруссия, после победного участия в освободительных войнах, оставалась реакционным государством. В ней пропагандировался культ насилия, презрения к низшим сословиям, прославлялась война. От людей поколения Штейна избавлялись по той простой причине, что их действия были порождены странной смесью из воинственности и рабской приверженности.

Прусский Генеральный штаб выдержал первое серьезное испытание благодаря военному таланту Гнейзенау. Следует

помнить, что в период формирования Генерального штаба важную роль сыграли независимость взглядов Гнейзенау и его уверенность в собственных силах. Генеральный штаб стал превосходным инструментом в руках руководства войсками. Однако даже теперь его структура, функции и в особенности отношения с военным министром, генерал-адъютантским департаментом и возобновившим деятельность королевским военным кабинетом вызывали споры и недоумение. При всем том даже в мирное время Генеральный штаб оставался в военном министерстве.

По своей природе человеку свойственно стремиться к экспансии и увеличению сфер влияния. В мирное время Генеральный штаб занимался подготовкой к следующей войне. Воспитывал и обучал высокоразвитых в умственном и моральном отношении офицеров, составлял военные карты, изучал армии соседних государств. Помимо этого, независимо от международной обстановки Генеральный штаб подготавливал планы нападения и обороны с учетом различных ситуаций, которые могут возникать в военное время. Подобная деятельность не является исключительной прерогативой прусского Генерального штаба; во всем мире Генеральные штабы заняты такой же работой. И только в период потрясений, возникновения напряженности в отношениях между великими державами деятельность Генерального штаба обретает особый смысл.

Однако на тот момент у Генерального штаба еще не было точного места в официальной структуре, хотя и определен круг обязанностей. Вполне естественно, что он не оставался в стороне и от политических и общегосударственных проблем.

Своим рождением прусский Генеральный штаб в значительной степени был обязан политическому кризису. Однако, со временем «забыв» об обстоятельствах своего появления, Генеральный штаб превратился в высокоэффективный и абсолютно аполитичный инструмент.

Глава 3
ФИЛОСОФ ВОЙНЫ
Генеральный штаб в эпоху Клаузевица

I

После поражения Наполеона в 1814 году можно было ожидать, что реформированием Пруссии озаботится генерал-майор фон Бойен, в то время военный министр. Сын прусского лейтенанта, горячий поклонник Канта, Бойен придерживался гораздо более радикальных взглядов, чем Носке, единственный социал-демократ на посту военного министра (военный комиссар правительства).

Бойен наметил широкомасштабный план социально-политического реформирования, и армия должна была проникнуться духом этих реформ. По мнению Бойена, следовало покончить с такими анахронизмами, как королевская гвардия и военный кабинет, поскольку они вступали в противоречие с ролью, отведенной армии, ролью защитника и борца за интересы народа. Рост промышленного производства неизбежно вел к изменениям в жизни нации, и Бойен настаивал на принятии мер, способных защитить промышленных рабочих. Он разработал программу переселения крестьян. Все это было, конечно, несерьезно. А вот что в действительности было серьезным, так это его мнение, что военный министр новой эпохи в первую очередь должен нести ответственность перед народом, а уже потом перед королем.

Затем вопрос всеобщей воинской повинности. Последующие поколения были склонны рассматривать всеобщую воинскую повинность как символ прусской воинственности в наиболее оскорбительном смысле этого слова. И король и юнкеры категорически противились введению всеобщей воинской повинности, которая, по их мнению, могла привес-

ти к революционным процессам. Крестьяне, с формальной точки зрения в соответствии с декретом получившие свободу, по-прежнему оставались несвободны. 3 сентября 1814 года был принят закон о всеобщей военной повинности (Wehrgesetz). Ландвер и ландштурм были не чем иным, как военными организациями в общенародном масштабе, и нет ничего удивительного в том, что Бойен испытывал определенные трудности, добиваясь утверждения закона о всеобщей воинской повинности. Ландвер, в особенности дорогой сердцу Бойена, был основным камнем преткновения. Он являлся чем-то вроде милиции, резервным формированием второй очереди, составленным из военнообязанных запаса. Считалось, что в подобном формировании будет трудно поддерживать дисциплину. Кроме того, офицеры, по большей части представители среднего класса, зачастую имели крайне либеральные убеждения. Однако следует признать, что опасения оказались абсолютно необоснованными. Единственными формированиями, проигнорировавшими приказ о мобилизации во время беспорядков 1848 года, были формирования ландвера.

Если ландвер являлся просто спорным вопросом, то проблема объединения различных отделов военного министерства, Генерального штаба и генерал-адъютантского департамента была источником особого беспокойства. Король продолжал рассматривать армию как личный инструмент королевской власти. Когда король издал указ об учреждении караульной бригады (достигавшей размеров армейского корпуса) и потребовал того, что полагалось ему по праву, — назначения собственного генерал-адъютанта, Бойен потерпел первое поражение. Бойен в одиночку вел борьбу против династической защиты своих прав. Князь Гарденберг, государственный канцлер Пруссии, либерал, был слишком стар и далек от мысли затевать борьбу с королем и его камарильей. Вскоре третий департамент военного министерства, который принял на себя руководство военным кабинетом, продемонстрировал явные симптомы возрождения прежнего военного кабинета в качестве личного штаба короля, в то время как второй департамент, подхватив эту инфекцию, проявил незаурядный аппетит в отношении административного самоопределения.

Все это усугублялось тем обстоятельством, что совершалось с молчаливого одобрения полковых офицеров, которые яростно противились конституционному правлению. Не-

смотря на реформирование армии, офицеры были в основном выходцами из юнкеров.

Незадолго до освободительных войн в армии было сорок процентов нетитулованных офицеров, с которыми зачастую не считались, относясь к ним как к «некачественным офицерским кадрам». Офицеры из юнкеров не могли смириться с вторжением «инородных элементов» в свое закрытое сообщество; в кадетских школах сыновья высшего офицерства находились на особом положении. Таким образом, постепенно дело дошло до того, что между словами «офицерский корпус» и «реакция» можно было смело ставить знак равенства.

Россия многое позаимствовала у своего прусского партнера, да это и неудивительно. Начиная с 1813 года король Пруссии и русский царь обменивались полномочными представителями. Зачастую эти официальные лица, явные предвестники тайной дипломатии, следовали собственным путем. У русского царя, как и у прусского короля, был свой военный кабинет. Брат и преемник царя, Николай I, взяв за образец прусский Генеральный штаб, основал Академию Генерального штаба. Между армиями были настолько близкие отношения, что генерал фон Раух, инспектор крепостей, а позже военный министр Пруссии, совмещал инспектирование русских крепостей с аналогичной деятельностью в Пруссии. Главный штаб в России, как и прусский Генеральный штаб, находился на привилегированном положении до появления военного министра, князя Чернышева, установившего главенствование военного министерства. В последующие десятилетия в мирное время не назначали начальника штаба. А вот во Франции, хотя в 1818 году маршал Гувьон Сен-Сир создал Академию Генерального штаба, никогда не вставал вопрос о приоритетности военного министерства.

II

Казалось бы, генерал-адъютантский департамент и Генеральный штаб решали разные проблемы, но, по сути, являлись соперниками. Генеральный штаб, как и его конкурент, стремился оказывать влияние не только на армию, но и на политику короля. Особенно усердствовал начальник второго департамента в военном министерстве Бойе-

на, Грольман, человек с четко выраженным мнением. Карл Вильгельм фон Грольман, новый начальник Генерального штаба, был сыном высокопоставленного судейского чиновника (президента тайного высшего трибунала), дворянином из Вестфалии. В 1813 году Грольман был принят майором в Генеральный штаб, а в 1815 году занимал в штабе Блюхера пост генерал-квартирмейстера. Высокий, крепкого телосложения, с мужественным лицом, этот человек невольно обращал на себя внимание. Грольман отличался гордым, решительным и независимым нравом. Он, как и Бойен, был горячим сторонником реформирования армии. Под его руководством Генеральный штаб достиг интеллектуальных и научных высот, став явным антифеодальным элементом феодальной Пруссии. Его педагогическая деятельность шла вразрез со старыми традициями прусского офицерства. Где, гневно вопрошали противники, обедневшее дворянство найдет средства, чтобы дать своим сыновьям необходимое образование, если теперь подготовка, получаемая в кадетских школах, признается недостаточной? От офицера требовался высокий уровень культуры и научно-технические знания, то, что являлось характерными признаками надвигающегося буржуазно-промышленного века. Но солдат пока еще поклонялся другим богам.

По Грольману, задача Генерального штаба заключалась в воспитании грамотных, образованных военачальников, сочетающих высокий профессионализм с независимым, сильным характером. Грольман считал, что каждый офицер Генерального штаба должен периодически проходить стажировку в войсках на различных должностях, совершенствоваться в искусстве ведения войск. У офицера Генерального штаба должны быть в высшей степени развиты профессиональные качества, присущие солдату и офицеру: мужество, решительность, готовность взять на себя ответственность, находчивость, физическая выносливость, выдержка.

Ради удобства мы все время говорим «Генеральный штаб». Однако такое название второй департамент получил только в 1817 году; прежде была проведена некоторая реорганизация. В 1816 году Грольман разбивает второй департамент на три театра военных действий и военно-исторический сектор, который теперь стал играть важную роль в работе Генерального штаба и использовался как средство профессионального обучения. По мнению Грольман-

мана, важнейшей функцией Генерального штаба является сбор информации об армиях соседних государств, военной обстановке, мобилизации и подготовка развернутых планов с учетом всех непредвиденных обстоятельств.

Кроме того, Грольман придавал большое значение развитию транспортной системы. Использование высококачественных коммуникаций, «внутренних линий», для отражения нападений сразу по нескольким направлениям могло решить проблему, связанную с невыгодным географическим положением Пруссии и отсутствием естественных границ. На этом основывались все оперативные планы и планы развертывания. В подобных обстоятельствах было просто необходимо иметь хорошие дороги.

Деятельность Грольмана, тесно связанная с деятельностью Бойена, продолжалась под несчастливой звездой. Когда в 1819 году король выступил против дальнейшего расширения ландвера, Бойен ушел в отставку, и Грольман последовал его примеру. Это был год карлсбадских постановлений; германские государства под давлением Меттерниха приняли меры против растущего духа либерализма, ввели жесткую цензуру в школах и университетах.

III

С уходом в отставку Бойена и Грольмана оборвалась последняя связующая нить либерализма с прусской армией. Впредь армия оставалась реликтом абсолютистской эпохи, находившимся вне пределов влияния общественного мнения. Любопытно, что в прежние времена основной целью либерализма в Пруссии был контроль за деятельностью армии и расходованием средств на ее содержание. Кроме того, пруссаки не могли и помыслить, чтобы гражданский чин стал военным министром. Только солдаты могли управлять королевской армией, этим символом веры, каким она оставалась вплоть до революции 1918 года. Бойен и Грольман были последними представителями идеализма в отношении освободительных войн. Постепенно образованные пруссаки разделились на две группы. Одну составляли неявные либералы, другую консерваторы в мыслях. Теперь либерализм предполагал германский, антипрусский взгляд на вещи. Национальные либералы времен Бисмарка придавали большее значение экспансионистской

внешней политике, чем либеральным идеям отцов-основателей.

Из прусского офицерского корпуса исчезли «якобинцы». Лишь немногие отдельные личности симпатизировали великим идеям того времени. Молодых прусских лейтенантов, высказывавших еретические мысли, признали чуждыми элементами и убрали из армии. После провала революции большая часть из них эмигрировала, некоторые уехали в Америку и приняли участие в гражданской войне. Большой оригинал, но при этом самый бестолковый из инакомыслящих Август фон Виллих, сменивший оружие прусского артиллерийского офицера на плотницкую пилу, уехал в Лондон, примкнул к социалистическим и коммунистическим кругам и выдвинул идею о военной диктатуре на социалистической основе. В один «прекрасный» день претворение в жизнь концепции Виллиха привело к катастрофическим последствиям.

Прусский офицерский корпус был похож на небольшую аристократическую республику. Формально назначением офицеров занимался король. Фактически, офицерский корпус опять превратился в то, чем он был при Фридрихе Великом, — в закрытую касту, куда не было доступа людям из средних слоев общества. Никоим образом нельзя провести параллелей между изменениями в положении гражданских служащих (от личных слуг монарха до служащих конституционного государства) и рангами прусских офицеров. Офицеры давали клятву королю, но не конституции или народу, даже в те дни, когда конституция была фактически принята.

Экономика оказалась одним из самых решающих факторов, повлиявших на формирование мировоззрения офицерской касты. Кризис в сельском хозяйстве, последовавший за освободительными войнами, вкупе с проникновением капитализма в сферу экономики привели к еще большему обнищанию юнкеров, положение которых и так не отличалось особой экономической стабильностью. Земельная собственность составляла основу благосостояния прусского дворянства, которое на протяжении XIX века в буквальном смысле теряло эту основу. В Берлине в начале 40-х Вильгельмштрассе и Вильгельмплац все еще были символами власти таких знаменитых семей, как Арнимы, Блюхеры, Радзивиллы, Шлиппенбахи, имевших здесь дворцы. Затем там поселились чиновники различных министерств и ведомств. В 1857 году часть знаменитых семейств все еще владела

огромными состояниями. Клейсты были владельцами пятидесяти трех поместий, Веделы сорока четырех, Виндерфельды двадцати. В прусской армии в 1857 году служили двадцать четыре офицера из семьи Виндерфельда.

В основном это были небольшие поместья. В воспоминаниях фельдмаршал фон дер Гольц пишет о Фабиансфельде, поместье в Восточной Пруссии, в котором он родился, и перед нашим мысленным взором предстает типичное поместье обедневшей семьи юнкеров. Мы видим квадратный двор фермы в окружении выкрашенных в белый цвет строений, покрытых соломенными крышами, пруд. Главная гордость семьи — дом (тоже крытый соломой) с каминами. Добавьте к этому домик для прислуги, жалкий сад с несколькими дубами и дикорастущими грушами, и вы получите полную картину. Мать фон дер Гольца не смогла сберечь даже это убогое поместье и была вынуждена его продать. Денег было так мало, что мать подумывала отдать сына в обучение к бондарю.

Естественно, что в период кризиса больше всего пострадали мелкие, нерентабельные поместья. Мольтке, Гинденбург, Гольц, Сект, входившие в руководство прусской армии и Генерального штаба в период с 1820-го по 1920 год, были выходцами из таких обедневших, безземельных дворянских семей. Исключение составлял Шлифен, чьи родители относительно долго сохраняли собственность. Это обедневшее дворянство избрало военную карьеру, поскольку армия давала им то, что им хотелось получить от жизни. Они были большими националистами, чем, скажем, члены богатейших семей силезской знати или некоторых известных южногерманских фамилий с их потускневшим великолепием и международными связями.

Юношеские воспоминания Гинденбурга дают наиболее точное представление о спартанских идеалах старых прусских офицерских семей. Настоящее богатство прусского офицерства, с гордостью пишет Гинденбург, в его непритязательности. Воины во все времена отличались спартанской выдержкой. Воспитание сыновей из дворянских семей в кадетских школах в значительной степени способствовало развитию стремления к простому образу жизни. Повиновение, самопожертвование и служба! Но служба на благо правящего дома, а не народа.

Итак, накануне революции 1848 года армия превратилась в символ реакции. В 1817 году в Вартбурге, во время пер-

вой серьезной революционной демонстрации, германские студенты сожгли ненавистную палку унтер-офицера. Этот символический акт имел определенные последствия. Бездушный формализм раз и навсегда заведенных порядков вынуждал горячие головы вроде Отто фон Корвина прибегнуть к открытому неповиновению. Однако это были исключительные случаи.

IV

После отставки Грольмана временное руководство Генеральным штабом принял генерал-майор Август фон Лилиенштерн, некогда любимец Шарнхорста, а в 1814 году советник Штейна по вопросам ландвера. Его сменил стойкий консерватор, генерал-лейтенант фон Мюффлинг.

Фридрих Карл Фрейхер фон Мюффлинг в 1813 году был генерал-квартирмейстером у Блюхера, а впоследствии командовал прусскими оккупационными войсками, оставленными во Франции. Он был доверенным лицом короля и невероятно придирчивым начальником. Другим доверенным лицом был преемник Бойена на посту военного министра граф Хаке, противник реформирования. Мюффлинг приспособился к реакционной камарилье, задававшей тон при дворе, и вскоре после назначения, состоявшегося 11 января 1821 года, значительно расширил полномочия Генерального штаба. Начальник Генерального штаба армии теперь не подчинялся военному министру. Начальник штаба не мог действовать против воли военного министра, но в соответствии с новыми правилами должен был консультироваться с военным министром, что предполагало возможность будущего выхода из-под опеки военного министерства. Гнейзенау был среди сторонников подобного курса, который совпадал с предложениями, сделанными Массенбахом королю.

В 1825 году был официально расформирован второй департамент, тем самым положив конец подчинению Генерального штаба военному министру. Незначительные причины зачастую приводят к значительным последствиям. Мюффлинг, начальник Генерального штаба армии, был выше по должности фон Лилиенштерна, начальника второго департамента, и не мог получать приказы от нижестоящего.

С этого момента Генеральный штаб существовал на равных с военным министерством. Правда, начальник штаба пока еще не был официальным советником Верховного главнокомандующего, как об этом мечтали Массенбах, Шарнхорст и Гнейзенау, а только советником военного министра. Мало того, его советами редко пользовались в мирное время, и штаб оставался не более чем проектной организацией. Подобная история произошла и с третьим департаментом, генерал-адъютантским. В 1824 году был вновь создан военный кабинет под названием «Отдел по личным делам» под руководством генерал-адъютанта, генерал-майора фон Витцлебена, умного, трудолюбивого, придерживавшегося консервативных взглядов, одного из ближайший друзей короля. Этот департамент в скором времени достиг огромного влияния. Витцлебен, ставший в 1833 году военным министром, был советником короля даже по таким вопросам, как мобилизация, хотя фактически они входили в компетенцию Генерального штаба. Таким образом, сформировался триумвират (военный кабинет, военный министр и Генеральный штаб), который воздействовал на военную политику Гогенцоллернов вплоть до 1918 года.

Под давлением военного кабинета и Генерального штаба влияние министерства как конституционного органа постепенно сходило на нет. С течением времени стало казаться, что зять Витцлебена, всесильный и крайне честолюбивый генерал-адъютант Эдвин фон Мантейфель, одержит победу в борьбе двух неконституционных дворцовых сил и обеспечит доминирующее влияние военного кабинета. Позднее, в эпоху Мольтке, благодаря победам в датской, австрийской и франко-германской войнах, пальма первенства, казалось, перешла Генеральному штабу.

Мюффлинг провел реорганизацию Генерального штаба, который теперь состоял из трех «главных отделов». Первый отдел занимался вопросами личного состава (предшественник Главного управления), второй занимался вопросами, связанными с подготовкой, маневрами, дислокацией и мобилизационными планами, а третий — всеми техническими вопросами, включая артиллерию.

Изменения коснулись и военной формы, которая стала необыкновенно красивой. Синий мундир с пунцово-красным воротником и отделкой по обшлагам, расшитым серебром; белые брюки, серебряные эполеты и шляпа с белыми перьями. На полевой форме пунцово-красная от-

делка являлась отличительным знаком офицеров Генерального штаба. Согласно записям от 1821 года Генеральный штаб в составе восемнадцати офицеров (два генерал-майора, девять майоров, три капитана и четыре лейтенанта) базировался в Берлине. Пять офицеров были людьми незнатного происхождения. Во взаимодействии с Генеральным штабом работали тригонометрическое бюро (три офицера) и топографическое бюро (тридцать пять офицеров). Более половины штата топографического бюро составляли люди незнатного происхождения. Напрашивается вывод: для среднего класса технические службы являлись входной дверью в армию. Двадцать семь офицеров Генерального штаба служили в штабах армейских корпусов, двадцать в дивизионных штабах и шесть в качестве военных атташе за границей.

Мюффлинг возобновил принятые при Шарнхорсте поездки офицеров Генерального штаба с целью проведения рекогносцировки. Кроме того, он ввел собственные новшества. Например, военные игры (Kriegsspiel), в ходе которых оперативные ситуации разыгрывались на карте или в «песочнице».

Рассказывали, что как-то прусский военный атташе князь Карл фон Гогенлоэ описывал эти методы группе высокопоставленных австрийских офицеров. Они слушали его с неприкрытым удивлением. Наконец один из офицеров поинтересовался, как они ведут счет в ходе игры. Пруссак ответил, что никто не вел счета, ведь, в конце концов, они же не играли на деньги. «В чем же тогда смысл игры?» В 1866 году прусский Генеральный штаб равнодушно и беспощадно разделался с людьми подобного психического склада.

Мюффлинг, разрабатывая штабные поездки, находился под влиянием поражения 1806 года и считал, что расположенная среди равнин Пруссия может быть опять атакована коалицией, которая может прийти, как в Семилетней войне, с запада, юга и востока. Мюффлинга одолевали те же проблемы, связанные с географическим положением Пруссии, которые толкнули Фридриха Великого на превентивную войну с Саксонией. Придуманные Мюффлингом ситуации были связаны с вторжением врага с запада, из Вестфалии и Рура, с войной против австро-саксонского альянса (вполне реальное предположение, учитывая, что в 1815 году Пруссия приобрела значительные территории) и организацией обороны против вторжения с востока. Его мысли были строго ограничены оборонительными войнами. Ему была чужда, и с мо-

ральной, и с практической точки зрения, идея о превентивной войне.

Главное, что отличает эпоху Мюффлинга, это сосредоточение на военном образовании и возникновение связей между Генеральным штабом и знаменитым берлинским издательским домом «Эрнст Зигфрид Миттлер и сын» («Ernst Siegfried Mittler & Son»). На протяжении ста двадцати пяти лет этот издательский дом оставался постоянным издателем Генерального штаба; в нем печаталось большинство военных писателей. Именно в эти годы фон Лилиенштерн и Клаузевиц заслужили право называться духовными отцами прусского офицерского корпуса. Сам Мюффлинг всячески содействовал созданию военных школ и составил первый устав для офицеров Генерального штаба армии. Кроме того, ему принадлежит подробный отчет о кампании 1813—1815 годов.

V

При Мюффлинге Клаузевиц написал свой классический трактат «О войне», труд, ставший основополагающим документом для офицеров Генерального штаба. Клаузевиц служил в Генеральном штабе в 1808 году, затем с 1813-го по 1815 год и в 1831 году, однако его по праву можно причислить к самым выдающимся личностям, когда-либо служившим в Генеральном штабе.

Карл фон Клаузевиц родился 1 июня 1780 года в одной из тех обедневших семей низшего дворянства, столь характерных для Пруссии. Прадед Клаузевица был протестантским пастором в Лейпциге, дед — профессором теологии в Галле. Отец, Фридрих Габриэль Клаузевиц, во время Семилетней войны служил лейтенантом в гарнизонном полку; был тяжело ранен, в связи с инвалидностью вышел в отставку и получил низкооплачиваемую должность акцизного чиновника в Бреге, где женился на дочери городского чиновника из Мерсебурга.

Сын, стройный, приятный юноша, лицом и прической напоминавший Гете, уже в двенадцатилетнем возрасте был зачислен в прусскую армию юнкером и позже стал одним из любимейших учеников Шарнхорста. Король считал Клаузевица «якобинцем», и только Бойену удалось добиться повторного назначения Клаузевица в Генеральный

штаб. В период Бельгийской кампании Клаузевиц был начальником штаба второго армейского корпуса. В 1818 году, находясь в звании генерал-майора, он был назначен директором Всеобщего военного училища (Kriegsakademie) в Берлине. В 1831 году Гнейзенау пригласил Клаузевица в свою армию на должность начальника штаба. В конце лета 1831 года Клаузевиц, как и Гнейзенау, умер в Польше от холеры.

«Моя жизнь — это существование, которое не оставляет следов», — написал Клаузевиц после катастрофы 1806 года. Его опасения оказались необоснованными, хотя это стало известно лишь после его смерти. Снедаемый честолюбием, Клаузевиц производил впечатление застенчивого человека. Он не стремился увидеть прижизненное издание своих трудов. И только после смерти Клаузевица его вдова позволила опубликовать трактат «О войне». В своей работе автор рассматривает пять войн, в которых он принимал участие (война 1792—1795 годов, кампании 1806, 1812, 1813—1814 и 1815 годов), и сто тридцать две более ранние кампании. Автор ставил своей целью заложить основу философии войны и дать войне нравственную оценку.

Какие-то черты характера Клаузевиц унаследовал от предков, протестантских пасторов. Подобно им, Клаузевиц основывался на философии христианства. Однако по сути он был сыном эпохи идеализма; человеком высокого интеллекта, чувствительным, временами доходящим до фанатизма, который плохо согласовывался с его кантианским воспитанием. Философия Клаузевица вобрала в себя особенности переходного периода между распадом института абсолютизма и эрой растущего национализма. Война, учил Клаузевиц, инструмент деспотов, возвращенный народу. Отказ ограничить средства, использовать огромные территории (как в русской кампании 1812 года) и всю народную мощь с помощью всеобщей воинской повинности, эти непременные действия человека на войне, ближе всего к его истинной природе и абсолютному совершенству. Стратегия и тактика всегда определяются характером эпохи.

В век баланса сил, «шахматных войн» и «кабинетных войн» существовали свои способы урегулирования международных разногласий. Новый век потребовал новых форм ведения войны. Теперь не стоял вопрос о владении крепостью, провинцией или стратегической точкой, как это было в дни династических войн. Теперь даже не стоял

вопрос о поражении или выводе из строя армии врага. Теперь народы сражались за право жить. Следовательно, заявляет Клаузевиц, военное руководство должно решить, как максимально быстро и наиболее жестоким образом достигнуть поставленной цели — разрушить существующий строй вражеского государства. В XIX веке война связана с принятием решений и направлена на полное уничтожение.

Чем грандиознее и мощнее мотивы войны, пишет Клаузевиц, тем глубже они охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем ближе война к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической акцией. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью идеальной войны, тем больше будет казаться, что война становится политической.

Бесконечные военные приготовления, которыми занимался Генеральный штаб, строились на этом законе «напряженности». Концепция Клаузевица о войне решений и полного уничтожения, благодаря неблагоприятному расположению Пруссии (а позже Германии), оказала влияние на всех известных стратегов, начиная с Мольтке, Шлифена, Людендорфа и до Гитлера.

Между рассуждениями Клаузевица и Людендорфа существовало одно коренное отличие. Клаузевиц был современником Гегеля. Не существует доказательств, что философия Гегеля оказала на него влияние или что он читал труды Гегеля, но частенько его идеи, если можно так сказать, витают в воздухе. По Гегелю, государство есть Божье проявление в мире. Клаузевиц рассматривал государство как сверхличность, которая раскрывает себя по ходу разворачивания истории. Для прусского офицера, а не для человека государство было абсолютной реальностью, а политика олицетворяла ум государства. Путем сложных доказательств Клаузевиц приходит к своему знаменитому заключению: «Война есть продолжение политики, только иными средствами».

Основной составляющей войны и политики является борьба как творческий принцип жизни, а поскольку война является продолжением рационального процесса, то человек должен быть хозяином войны. Ведение войны не является исключительно делом военных. Война затрагивает политиков, государственных деятелей. Клаузевиц отдает дань не воинственности, а мужеству, храбрости, отваге.

Война, писал Клаузевиц, последнее средство государственного деятеля. Как опасно, если вероломная политика надеется с помощью воинственных средств добиться цели, противоречащей природе. По мнению Клаузевица, во время войны командующий должен входить в кабинет министров, однако не должен иметь неограниченной власти. Государственные деятели просто должны опираться на его суждения и советы для выработки правильных решений. Высочайший уровень согласованности государственной системы является основным условием при принятии решения о войне на полное уничтожение.

В концепции войны как инструмента политики неявно просматривается идея, что в какой-то момент этот инструмент окажется ненужным. С течением времени Клаузевиц счел ее утопической. Когда в жизни народов будет расчищен путь для справедливости, можно будет создать общие правила для европейского сообщества. Но пока это не так, мечта о прочном мире остается грехом, поскольку противоречит божественному упорядочению человеческих дел, и война будет для людей *ultima ratio*[1].

Из рассуждений Клаузевица следует, что единственными факторами, играющими роль, являются государство и армия. Свобода, справедливость, личность отодвигаются на задний план, а ведь изначально Клаузевиц был среди радикальных реформаторов. Однако в период разгрома Пруссии мысль, что армия составляет суть государства, помогла задвинуть старые идеалы на задний план. В безвыходной ситуации, так теперь учил Клаузевиц, существование армии становится приоритетным по отношению к существованию самого государства. Типично прусское мнение, ведь армия была объединяющей силой монархии Гогенцоллернов. Сознательно или бессознательно, но этим принципом с 1918-го по 1933 год руководствовался рейхсвер. Пропасть между армией и либерализмом, возникшая

[1] Последний довод, решающий аргумент (*лат.*).

после 1815 года, превратила Клаузевица в консерватора. Демократия для него была сродни катастрофе. Его идеал воплощался в «сильном государстве», гарантирующем народу военное образование. Государство создает народ. Эта мысль впоследствии оказала влияние на философов итальянского фашизма.

А вот какими были представления Клаузевица относительно внешней политики. Франция — главный организатор беспорядков. Единение Германии, которое по замыслу Штейна могло произойти в результате естественных исторических процессов, по мнению Клаузевица, могло осуществиться только силой оружия. Одно государство должно было подчинить все остальные. И этим государством должна стать только Пруссия со своей мощной армией. Пока еще не наступило это время, но Клаузевиц был уверен, что оно наступит. Вот почему в 1815 году он требовал усиления Пруссии за счет уничтожения Саксонии, Тюрингии и Гессена. Это было преддверие политики Бисмарка.

Доктрина Клаузевица получила подтверждение только после его смерти; создание неограниченного военного потенциала было напрямую связано с развитием науки и техники. Правда, еще при жизни Клаузевица Альфред Крупп основал в Эссене ружейный завод, превратив кузницу, унаследованную от отца, в один из ведущих арсеналов Европы. В 1846 году Крупп впервые изготовил нарезное ружье с дальностью стрельбы, намного превышающей показатели гладкоствольного оружия. В 60-х годах он начал производство казнозарядных ружей, помимо прочего обладавших еще и повышенной скорострельностью. Пруссия, Австрия, Италия и Россия использовали артиллерийские орудия, изготовленные на заводе Круппа. В 1870 году у Круппа работали десять тысяч рабочих.

В 1838 году в Пруссии между Постдамом и Берлином была построена первая железная дорога. Паровой двигатель произвел революцию на транспорте, а электрический телеграф коренным образом изменил систему связи. В 1840 году Пруссия вооружила свою пехоту казнозарядными ружьями с игольчатым ударным механизмом Дрейзе, обладавшими еще более высокой скорострельностью. Таким образом, промышленная революция создала новый тип войны по Клаузевицу — войну с привлечением огромных масс народа и современных технических достижений. Маркс, первый интерпретатор идеи о том, что экономический фактор фор-

мирует судьбы масс, был учеником Гегеля. С точки зрения Пруссии государство и история были двумя единственными реальностями, и эта точка зрения совпадала с марксистской теорией, рассматривавшей классовую борьбу как единственно возможную форму социальной борьбы, а экономический процесс как единственный двигатель хода истории. Это не простая случайность, что Маркс, сын еврейского раввина, женившегося на прусской аристократке, родился в Пруссии. Растущая численность и энергия масс, развитие прикладных наук привели к исчезновению германского гуманистического идеала. Наука создала специалиста. В военной сфере это означало победу анонимного офицера Генерального штаба, олицетворение военной специализации высочайшего потенциала.

VI

В 1829 году Мюффлинг ушел из Генерального штаба и был назначен чрезвычайным послом Пруссии, посредником в русско-турецкой войне. Его преемником стал генерал Вильгельм фон Краузенек, сын нетитулованного чиновника. Краузенек начал карьеру в прусской армии в должности инженера-географа. Затем был произведен в офицеры, служил в стрелковом батальоне и получил дворянский титул. При Шарнхорсте принимал участие в составлении нового прусского устава. Впоследствии стал командующим шестым армейским корпусом. Краузенек был начальником Генерального штаба, когда в июле 1830 года произошла революция во Франции и следом восстание в Польше. В тот момент казалось, будет трудно избежать вооруженного столкновения с Францией, и именно тогда на правый, немецкий берег Рейна вышли караульные части. Эти события подвигли Краузенека на создание плана защиты западных границ с помощью системы крепостей, своего рода «западной стены».

Как раз при Краузенеке в Генеральном штабе появились вдохновители великих войн 60-х и 70-х годов. В 1833 году в Генеральный штаб вошел премьер-лейтенант Гельмут фон Мольтке, в 1836 году капитан Альбрехт фон Роон, железный военный министр времен Бисмарка. Произошло еще одно примечательное событие: установление отношений с турецкой армией. По просьбе турецкого султана Мольтке вместе

с другими офицерами Генерального штаба выступали в качестве инструкторов турецкой армии.

Эти были первые аккорды великой симфонии, однако эпоха Краузенека все еще испытывала влияние реакции. Даже возвращение Бойена, приглашенного Фридрихом-Вильгельмом III, мало что изменило. Краузенек, имевший до некоторой степени либерально-прогрессивные взгляды, не мог, даже если бы захотел, повлиять на ход событий. В 1848 году он с удовольствием воспринял известие о революции во Франции, но, когда революция докатилась до Берлина, он в испуге стал молиться о возвращении старого порядка. Когда в марте 1848 года в Берлине началось восстание, армия после тяжелых уличных боев ухитрилась остаться целой и невредимой. Казалось, победа гарантирована, но король отдал приказ войскам покинуть столицу. Офицерскому корпусу было нанесено оскорбление, о котором помнили спустя десятилетия. Для рабочих и представителей среднего класса, которые боролись за равенство в правах, армия превратилась в оплот реакции. Только ландвер в какой-то мере разделял чувства восставших.

Армия повела себя не самым лучшим образом. Для офицеров слово «демократ», писал Вальдерзе, ставший впоследствии начальником Генерального штаба, стало сродни словам «негодяй», «темная личность». Бисмарк, представитель юнкерства, заявил, что войска являются единственным ответом на демократию. «Жалкая клика вынашивала идею восстания» — такой была реакция знаменитого прусского гусарского полка. Когда некий лейтенант-инженер Рустов посмел опубликовать статью, в которой подверг критике армию, это государство в государстве, его по приказу военного министра арестовали. Позже он сбежал в Швейцарию и стал одним из наиболее известных военных писателей своего времени.

Армия холодно отнеслась к идее нового германского союза и франкфуртскому парламенту. Когда военный министр, сам некогда офицер прусского Генерального штаба, потребовал, чтобы войска принесли присягу конституционной монархии, и настоял на назначении члена династии Габсбургов на пост временного правителя Германии, офицерский корпус выразил бурный протест; преданность государству означает преданность королю, ничему и никому, кроме как королю. В 1849 году прусская армия подавила последние вспышки восстания в Саксонии и Южной Германии. Восста-

новился союз между королем, офицерским корпусом и протестантизмом. Возникла та особая атмосфера, которую мы связываем с Вандерзе.

В этой обстановке пост начальника Генерального штаба занял генерал-лейтенант фон Рейхер. Он был сыном органиста из маленькой бранденбургской деревушки. В юности пас овец. Поступил на службу в прусский пехотный полк в качестве клерка. Благодаря выдающимся способностям был произведен в офицеры, служил в уланском полку. В 1815 году был переведен в Генеральный штаб. Пользовался доверием брата короля, принца Вильгельма Прусского, человека, который в марте 1848 года сбежал в Англию. Во время мартовских беспорядков 1848 года Рейхер занимал пост военного министра.

Рейхер был простым человеком, но он был офицером, был возведен в дворянство и разделял точку зрения прусского офицерства. Он с отвращением наблюдал за революцией, поскольку она поставила под угрозу существующий порядок. Рейхер придерживался тех же простых убеждений, как бранденбургские крестьяне, которые в 1848 году отказались принимать участие в выборах в Национальное собрание, заявив, что король так долго управлял страной, что и теперь обойдется без их помощи. Все усилия Рейхера были направлены на поддержание особой позиции Генерального штаба в условиях, в которых осуществить это было особенно трудно. Как военный министр, он пытался сдержать власть военного кабинета. Однако в период реакции, последовавший после 1848 года, король, несмотря на парламент и конституцию, попытался превратить военный кабинет в личную канцелярию, занимающуюся делами армии, и дать ему исключительное право ведения всех военных вопросов. В период с апреля 1848-го по декабрь 1851 года сменилось более шести военных министров. Назревал конфликт. Неожиданно при Мантейфеле военный кабинет захватил власть, и возникла идея поглощения Генерального штаба военным кабинетом. Рейхер испытал огромнейшие трудности, пытаясь воспрепятствовать этой идее.

По сути, революция 1848 года была буржуазной. Но как либерализм периода Штейна—Гнейзенау в основном сопрягался с духовной и политической свободой образованных классов, так и революция 1848 года сопрягалась с классовой войной. Развитие промышленности вызвало появление новой сильной буржуазии, которая требовала полнейшего

равенства не только в политической, но и в социальной сфере. Стремление к национализму, охватившее верхние слои среднего класса, привело к постепенному исчезновению прежних понятий о преданности правящей династии. Эта тенденция наблюдалась и в России, третьей по счету огромной реакционной державе. Экономический подъем в сочетании с растущим национализмом в конечном итоге привел к милитаризму.

Наступил момент, когда в ведение войны вмешалась наука. В Генеральном штабе возросло число офицеров, выходцев из среднего класса, занявших технические должности. Рыцарские традиции и топот кавалерии отошли на задний план. Наступило время специалистов, узких специалистов, людей ограниченных, более податливых к восприятию националистических идей, чем старое поколение офицеров, которым были ближе великие идеи их времени. Они жили в век Гете и германского гуманизма, который давал ясное и всестороннее представление о жизни. Но прежде чем говорить о смене обстановки, следует остановиться на личности Мольтке-старшего, на которого еще упали лучи заходящего солнца гуманизма.

Глава 4
ЧЕЛОВЕК-ТАЙНА
Гельмут фон Мольтке

I

Интересно, что именно Мантейфель предложил кандидатуру Мольтке как преемника Рейхера на должность начальника Генерального штаба, тот Мантейфель, который сохранил ведомство, первоначально называвшееся военным кабинетом (затем получившее название департамент по личным делам), которое заняло приоритетное положение по отношению к своему сопернику, Генеральному штабу. Однако не кто иной, как Мольтке, его собственный кандидат, круто изменил положение и решительно повел с ним тайную борьбу.

Фон Мантейфель очень напоминал Рюхеля, и Клаузевиц мог бы сказать о нем то же, что говорил о Рюхеле: в этой личности словно сосредоточился дух прусской воинственности. Грубый, малокультурный человек, испытывавший отвращение к «писакам» (к тем, кого Теккерей в своих романах называет «литераторами»).

Снедаемый честолюбием Мантейфель, тем не менее, придерживался несколько старомодного понятия о благородстве и отваге. Основной движущей силой практически всех его действий была ярость от того унижения, которое он испытал в 1848 году, когда высшее руководство армии отдало приказ отступить перед чернью. Больше всего ему бы хотелось, как-то заявил Мантейфель, растоптать революцию. Пруссия ассоциировалась у него с армией, а все то, что не было связано с армией, вызывало у него не просто непонимание, а неприкрытую ненависть. Его совершенно не интересовал тот факт, что промышленная революция изменила облик Пруссии, введя в действие огромные потенциалы и поставив массу новых проблем.

Пятидесятисемилетний генерал-майор фон Мольтке был полной противоположностью всемогущему генерал-адъютанту. На тот момент Мольтке был практически неизвестен в армии. С 1855-го по 1858 год он был адъютантом принца Фридриха Прусского (впоследствии императора Фридриха III). Он никогда не командовал не то что дивизией, а даже полком. Изящный, с тонкими чертами лица, высоким лбом, тонкими губами, он не производил впечатления сильного и здорового человека, но его спокойная, взвешенная манера поведения выдавала в нем истинного пруссака. Говорят, что умение разбираться в музыке и в табаке характеризует мужчину с положительной точки зрения. Мольтке предпочитал Моцарта и любил в одиночестве выкурить хорошую сигару. Читал серьезную литературу и относился к тому типу эрудированных офицеров, последними представителями которого были Сект и Бек.

Гельмут Карл фон Мольтке родился 26 октября 1800 года в Мекленбурге в семье обедневшего дворянина. Отец Мольтке, на удивление неугомонный и непостоянный, умудрился спустить унаследованное состояние и стать первым прусским, а затем датским офицером. Мать Мольтке, происходившая из старинной любекской семьи, была более значимой личностью. Безусловно, именно от матери Мольтке унаследовал выдержку, самообладание, изысканный вкус и возвышенные чувства и мысли.

Мольтке, закончив обучение в королевском кадетском корпусе в Копенгагене, поступил на службу в чине лейтенанта в пехотный полк датской армии. Его юношеские годы были омрачены бедностью, безысходностью, отчаянием, в общем, обычными безрадостными спутниками обедневшей старинной фамилии. Его чувствительная душа долго помнила обиды и оскорбления, нанесенные в годы учебы в кадетском корпусе. Вдобавок ко всему он отличался слабым здоровьем.

В 1821 году, после поездки в Берлин, Мольтке сменил датскую форму на темно-синий мундир прусского офицера; прусская армия сулила большие возможности. Таким образом, Мольке начал восхождение по профессиональной лестнице с расположенного в тихом провинциальном Франкфурте-на-Одере лейб-гренадерского полка.

Семья не могла оказывать материальную поддержку молодому лейтенанту, и Мольтке, в надежде заработать хоть какие-то деньги, решил попробовать себя в качестве

писателя. Его труды издавались в основном без указания имени автора. Одна из работ была посвящена исследованию внутреннего положения Польши в период революции 1830 года. Он не пренебрегал и переводами. Когда предприимчивый издатель предложил ему перевести на немецкий язык «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона (в двенадцати томах), он с готовностью принял это предложение.

Мольтке, безусловно, имел художественную жилку, но, несмотря на восприимчивый ум, он был абсолютно равнодушен к политике. Он был солдатом и служил государству. Тому государству, которое, как ему казалось, находилось в процессе плодотворного развития. Реформы Штейна—Гарденберга сделали все необходимое для плавного протекания этого процесса. Пруссия, с подкупающим простодушием писал он в 40-х годах, находилась на переднем крае реформирования, была инициатором «обоснованных свобод».

Проработав несколько лет в топографическом бюро, где пригодились его способности к черчению, в 1833 году Мольтке был переведен в Генеральный штаб в чине премьер-лейтенанта. В 1835 году он был направлен в Турцию, где султан Махмуд II пытался привить западные приемы в своем государстве, находящемся на стадии упадка. Огромный опыт, приобретенный Мольтке в Турции, существенным образом повлиял на его дальнейшую жизнь.

Поездка была предпринята в момент, когда в Турции сложилась критическая ситуация. После ожесточенной борьбы Греция отвоевала независимость. Вице-король Египта стал фактически независимым правителем. Прошли времена, когда янычары и сипахи наводили ужас на врага. Теперь султан задумал заменить их армией, реорганизованной на европейский лад. Прусские офицеры считались лучшими со времен Фридриха Великого. Руководствуясь этими соображениями, Махмуд обратился к прусскому королю с просьбой направить в Турцию военных инструкторов. Так было положено начало отношений между Пруссией и Турцией, которые впоследствии имели важное значение.

Мольтке должен был отчитываться перед непосредственным начальником, фон Краузенеком, но формально он вместе с несколькими офицерами поступил на службу в турецкую армию. В 1839 году в качестве советника Мольтке сопровождал турецкого командующего Хафиз-пашу в походах на курдов, в Сирию и Египет. К сожалению, турецкий

командующий советам военных экспертов предпочитал предсказания астрологов, и решающий бой при Нисибе выиграли египтяне. По возвращении в Пруссию Мольтке написал книгу, в форме писем, о поездке в Турцию. Книга, отличавшаяся мягким юмором, прекрасными описаниями страны и людей, имела большой успех, принесла известность автору и заняла достойное место в германской эпистолярной литературе.

В 1842 году Мольтке женился. Невеста была падчерицей его сестры, вышедшей замуж за английского землевладельца Джона Барта. Мольтке, несмотря на отсутствие детей, был счастлив в браке. В 1855 году Мольтке получил назначение в Рим на должность первого адъютанта принца Генриха Прусского. Это странное назначение — ведь потомок Гогенцоллернов на протяжении двадцати лет был фактически отрезан от мира — предоставило возможность совершить путешествие в Рим. Таким образом, литературные изыски Мольтке получили продолжение.

Однако не только литературная деятельность Мольтке может вызвать интерес читателя. В гораздо большей степени нас интересует проблема, связанная с людьми, создавшими мощную культуру, продемонстрировавшими большие способности во всех видах искусств, но оказавшихся практически незащищенными.

Эта была беда Германии, а может, и всеобщая беда. Германия должна была осознать эту проблему еще в то время, когда национализм пошел в наступление, когда соображениям престижа придавалось большее значение, чем сегодня, когда войны внушали гораздо меньший ужас, чем современные войны, и, следовательно, вызывали меньший протест и воспринимались как обычные человеческие дела. Надо было заниматься проблемой безопасности, проблемой, о которой никогда не забывали германцы.

Мольтке, естественно, был озабочен проблемой безопасности, хотя его опасения не носили патологический характер. Он, как и многие, никогда не забывал, что Пруссия окружена сильными соседями, которые могут относиться к ее подъему со смешанными чувствами, а некоторые, к примеру Австрия (не забывшая Фридриха Великого), и затаить обиду. Эта мысль проходит красной нитью в статье 1841 года по проблеме германских западных границ. В статье Мольтке, исходя из чисто военных соображений, ратует за общегерманский союз и высказывает мнение, что даже в

мирное время Пруссия должна рассматривать себя как армию, разбившую лагерь перед лицом могущественного врага. Но вернемся в 1848 год.

В то время Мольтке был штабным офицером, и в революции он в первую очередь видел угрозу для боевой готовности Пруссии. Кроме того, будучи аристократом-консерватором, Мольтке верил, что прогресс возможен только в рамках закона. Как бы там ни было, но порядок был политическим кредо Мольтке. Демократические иллюзии, словно холера, охватили Европу, пишет Мольтке жене, любая власть лучше, чем управление страной юристами, литераторами или офицерами, уволенными со службы.

Его враждебность имеет еще одну причину. Как мы помним, Мольтке верил в объединение Германии и считал, поверьте на слово, что объединение может быть достигнуто только с помощью силы (безусловно, он читал Клаузевица). Он никогда не рассматривал другие способы достижения германского националистического идеала, никогда не испытывал доверия к франкфуртскому парламенту, чья усердная деятельность вызывала у него невыносимое презрение.

II

Октябрь 1848 года ознаменовался победой реакции. Виндишгрец захватил Вену. В Пруссии графом Бранденбургом были предприняты «жесткие меры», которых настоятельно требовал Мольтке. 10 ноября во главе пятнадцатитысячной армии фельдмаршал Врангель вступил в Берлин, разоружил отряды вооруженной гражданской самообороны и ликвидировал Национальное собрание.

Правда, были сделаны уступки. Была принята конституция. Законодательная власть перешла двухпалатному правительству (рейхстагу). Реакции удалось одержать существенную победу, хотя на протяжении последующих пятнадцати лет не только Мольтке, но и все прусское офицерство опасалось нового революционного всплеска. В 1850 году Мольтке написал брату, что наступил конец самого злейшего врага Пруссии, демократии.

Однако становилось ясно, что реакция (да-да, даже прусская реакция) не лишена изъянов. Мольтке находил особое утешение в мысли, что революция не смогла существенно поколебать основы прусского полицейского государства.

Однако события показали, как трудно устоять полицейскому государству под напором других государств.

Но вернемся в тот период, когда Мольтке являлся адъютантом принца Фридриха. В этом качестве он объездил Европу, посетил Виндзор (в скором времени Фридрих должен был стать зятем королевы Виктории), побывал в Тюильри, Кремле и Зимнем дворце. Императрица, с той глубиной, которая иногда отличает восприятие царственных особ, отмечала, что Мольтке был немногословен, но не производил впечатления мечтателя. Он показался ей человеком в высшей степени проницательным, мучимым внутренними противоречиями.

Таким был офицер, которого в 1857 году временно назначили на должность начальника Генерального штаба, а 18 сентября 1858 года официально утвердили на этой должности. Прямо скажем, момент был не слишком благоприятный. В отличие от департамента персональных дел под руководством Мантейфеля, который стремился командовать всей армией, влияние Генерального штаба при Краузенеке и Рейхере неуклонно снижалось. Особое положение, которого Генеральный штаб добился при Мюффлинге, является исключительно личной заслугой начальника штаба.

Но не стоит заблуждаться. Более подходящего времени для человека, обладающего такими качествами, как у Мольтке, трудно было придумать. Техническая революция уже достигла того уровня, при котором армия не могла оставаться в стороне. Но пока еще не все до конца осознали значение технической революции. Перевооружение пехоты на казнозарядные ружья с игольчатым ударным механизмом продолжалось до 1848 года, и только в 1861 году очередь дошла до артиллерии.

Что, прежде всего, отличало Мольтке, так это стремление использовать технические нововведения, и главное — железную дорогу. Мольтке мгновенно оценил тактическое и стратегическое значение железной дороги.

Наполеону приходилось прибегать к различным уловкам, чтобы сконцентрировать большие массы для нанесения сильного удара. Учитывая неудовлетворительное состояние дорог и ограниченность средств связи, задача была, прямо скажем, трудноразрешимой. Теперь ситуация изменилась. Новые средства связи в сочетании с новыми транспортными средствами открывали огромные возможности. Мольтке разработал новый метод развертывания в решающий

момент находящихся на большом расстоянии друг от друга подразделений.

Использование данного метода предполагало наличие у командиров «умственных способностей» и умение принимать собственные решения. Маршалы Наполеона были орудиями в руках деспота, который требовал слепого повиновения. Там, где подчиненные Наполеона действовали в одиночку, они терпели неудачу. Подчиненные Мольтке были приучены думать и действовать по собственному разумению. Некоторые писатели придают этому факту глубокое философское значение и связывают эту «духовную свободу личности» с мало понятной областью германской метафизики. Традиция ответственности подчиненных стала определяющим фактором прусской армии, и в особенности Генерального штаба. Принц Карл Прусский как-то высказал мнение о прусской концепции рабского повиновения штабных офицеров. Король, заявил он, направил меня в штаб, рассчитывая, что таким образом будет осведомлен о случаях неповиновения.

В свете этой идеи Мольтке вывел из системы основных директив руководящий принцип. Преимущество, которого, как думает командующий, он может достигнуть с помощью постоянного личного вмешательства, в значительной степени иллюзорно, позже писал Мольтке. Он выполняет задачу, которую на самом деле должны выполнять другие, и тем самым расстраивает их планы. Кроме того, он настолько перегружает себя работой, что уже не в состоянии решать весь объем свалившихся на него задач. Сам Мольтке не допускал подобной ошибки. Он был уверен в себе и доверял другим. Свое чувство ответственности он передавал подчиненным. Мольтке воспитал поколение офицеров Генерального штаба, отличавшихся высоким интеллектуальным развитием, принципиальностью, скромностью, непритязательностью. Эти люди оказывали большое влияние на армию, поскольку практически все командование прошло через школу Генерального штаба. В военной сфере школа добилась выдающихся успехов, но беда заключалась в том, что она полностью отгородилась от интеллектуальной и политической жизни.

Однако вернемся к вопросу, связанному с появлением железной дороги. Мольтке понял, что благодаря железной дороге Пруссия впервые получила возможность быстрой переброски войск. Основываясь на этом, Мольтке заявил,

что развитие железнодорожной системы намного важнее, чем строительство фортификационных сооружений на границе.

При Мольтке была проведена структурная реорганизация Генерального штаба. Прежние отделы большого Генерального штаба были заменены тремя департаментами (поначалу они назывались «театры военных действий»), окончательно сформировавшими принципиальную основу всей системы. Первый департамент занимался Швецией, Россией, Турцией и Австрией; второй, впоследствии известный как «германский отдел», Германией, Данией, Италией и Швейцарией, а третий, «французский отдел», Францией, Англией, Голландией, Бельгией, Испанией и Соединенными Штатами.

Ввиду постоянного использования железных дорог для мобилизации и переброски войск создали департамент железных дорог. Мольтке был убежден, что решающее условие оперативного успеха в будущей войне — быстрота переброски войск по железной дороге, поэтому требовал тщательно отработать расписание движения поездов. Этим занимался отдел Генерального штаба в сотрудничестве с министерством торговли, которое в то время отвечало за железнодорожную систему. Учитывая возможный конфликт с Данией, первые большие учения были проведены в 1862 году на перегоне Гамбург—Любек.

III

С 1858 года реформирование армии стало самым животрепещущим вопросом. Конфликт, возникший между парламентом, армией и королем, омрачил Мольтке первый год пребывания в должности начальника Генерального штаба. Предполагалось, что двадцать пять процентов государственных доходов будут уходить на проведение реформирования армии: введение трехлетнего срока службы, перегруппировку армии (теперь она состояла из тридцати девяти пехотных и десяти кавалерийских дивизий) и проведение других реформ. Сторонники прогресса, левые и так называемое прогрессивное большинство парламента, продолжали видеть в армии инструмент старого режима и категорически возражали против увеличения расходов на нее. Они относились к армии как к реакционной силе, враждебной по отношению к парламенту.

И это вполне объяснимо. Парламент практически не имел власти над армией. Ему досталась лишь весьма сомнительная честь проголосовать за увеличение ассигнований. Военный министр не являлся членом парламента, а на органы, подобные военному кабинету, парламент не имел никакого влияния.

Итак, разногласия по поводу увеличения ассигнований стали основной прусской проблемой. Мы уже говорили о том, что имущие классы обладали приоритетным правом при голосовании. Теперь они полностью осознали собственную значимость и боролись за право реально участвовать в делах государства.

Мольтке избегал вмешиваться в этот конфликт. Прогрессисты с невероятной энергией обрушивались на департамент личных дел, и Генеральный штаб просто не мог оставаться в стороне. Мольтке имел вполне определенное мнение. Народный протест соответствовал духу времени, но никогда нельзя позволять затрагивать армию, являющуюся основой государства.

К сожалению, многие из тех, кто разделял мысли Мольтке, не обладали его хладнокровием. Офицеры испытывали нечто похожее на ту ярость, которая охватывала офицерский корпус при воспоминаниях об оскорблении, нанесенном им в марте 1848 года; многих бы очень устроила возможность уладить вопросы с помощью небольшого кровопролития. Так что, когда в 1861 году на престол вступил король Вильгельм I, обстановка была, прямо скажем, накаленной.

Монарх, при условии сохранения королевской власти над армией, продемонстрировал откровенное желание сотрудничать с парламентом. Ряд министров, в том числе друг Мольтке фон Патов, министр финансов, не возражали против компромисса. В высших сферах имелись и другие признаки примиренческих настроений. Принцесса Фредерик, истинная дочь принца-консорта, еще годом ранее составила документ относительно прусского парламентаризма, и ее муж, безусловно, придерживался прогрессивных взглядов. Но все это было пустое. Армия Вильгельма не только не собиралась сдаваться, но и была готова поплатиться за собственную непримиримость. В тяжелые моменты Мольтке рисовал мрачные картины. Его вполне могли отстранить от должности, или, что еще страшнее, его могла постигнуть участь английского Чарльза I. Но уже ничто не могло остановить упрямого начальника Генерального штаба. Армия

была опорой монархии. Следовательно, о компромиссе не могло быть и речи.

Тремя годами ранее произошло событие, которое в некотором роде должно было оказать влияние на будущее. В политику неожиданно ринулась такая впечатляющая личность, как генерал фон Роон. В то время генерал командовал 14-й пехотной дивизией, расположенной в Дюссельдорфе. Это был человек-гора, темноглазый, с кустистыми бровями и вызывающе вздернутыми кверху усами; типичный прусский сержант. Он сам любил называть себя «королевским сержантом». Однако другие, умышленно стараясь провести различие между ним и остальными членами его семьи, называли его «негодяй Роон».

В 1858 году Роон создал документ под названием «Конституция Отечества». Этот любопытный документ предусматривал трехлетний срок службы, увеличение численности армии и слияние подразделений, в которые входили молодые члены ландвера, с основной армией.

Этот документ привлек внимание Вильгельма, в то время еще принца-регента, и в результате в 1859 году Роон оказался на посту военного министра. Теперь Роон стал высказываться еще более решительно. Армия, считал он, является профессиональной школой аристократии, и во главе ее, естественно, должен стоять король. Роон был в основном озабочен тем, чтобы, как он любил говорить, «в путанице конституционных идей» сохранить позицию монарха в качестве Верховного главнокомандующего. Нет ничего удивительного, что Вальдек, лидер прогрессистов, имел прямо противоположное мнение.

В 1861 году, помимо вступления на престол Вильгельма, произошел еще ряд интересных событий. В июле студент русско-германского происхождения предпринял неудачную попытку покушения на прусского монарха в Баден-Бадене. Мантейфель бросил вызов члену парламента Твестену, который сравнил Майтенфеля со всесильным австрийским генералом, в значительной степени ответственным за недавние беды, постигшие Австрию. В гуще событий неизменными оставались лишь парламент и Роон. Первый по-прежнему отказывался утвердить увеличение расходной сметы на армию, второй продолжал оставаться военным министром.

Хотя внешне все обстояло относительно спокойно, Мантейфель и Роон были уверены, что их противники из парламента в один прекрасный день выйдут с призывами на

улицы. Роон считал, что непременно будет предпринята попытка революции. По мнению Мантейфеля, пробил час, когда следовало принять меры по предупреждению возможной попытки. В результате был создан план военного *coup d'etat*[1], направленный против парламента.

Генерал фон Гаертрингенген получил приказ разработать детальный план наступления на Берлин. Любопытный факт. Когда план наступления был готов, Генеральный штаб начал препятствовать его выполнению. Десятью годами раньше подобный поворот событий был просто невозможен.

Данный план предусматривал захват Берлина войском численностью около тридцати пяти тысяч человек. Они должны были занять укрепленную позицию у дворца, расположенного в центре города, и ждать подхода воинских подразделений из других частей страны; между дворцом и казармами была установлена телеграфная связь. В случае сопротивления со стороны масс перед захватом следовало провести артиллерийский обстрел. Командующие в Штеттине, Бреслау и Кенигсберге получили секретные приказы, содержавшие план, с указанием: вскрыть конверты после получения телеграфной шифрограммы.

Руководить смелым предприятием Мантейфель и Роон доверили старому фельдмаршалу Врангелю. Король, ознакомившись с планом операции, лично подписал секретные приказы. Позже, когда король потерял самообладание и вновь заговорил об отречении, произошел интересный случай с фельдмаршалом Блюхером, который заявил, что не может идти речи об отречении. Секретные приказы угрожают военным судом любому офицеру, идущему на уступки народу. Король не может предстать перед военным судом, но перед Божьим судом предстает даже король.

В данный момент король решил, что у него нет оснований опасаться Страшного суда. План избавления от парламента насильственным путем допускал, что парламент обратится к массам с призывом выйти на улицы. К сожалению, парламенту этого не удалось. Лассаль, который весной 1862 года предпринял первую попытку формирования социал-демократической рабочей партии, посоветовал прогрессивным лидерам прибегнуть к пассивному сопротивлению и отказаться от какого-либо сотрудничества с государством. Прогрессисты, конечно, догадывались, что армия только и

---

[1] Государственный переворот (*фр.*).

ждет момента, когда они нарушат закон, чтобы тут же решительно вцепиться в букву закона. Таким образом, борьба свелась к парламентским дискуссиям, и 6 марта 1862 года Адольф Хаген вышел с требованием составить перечень всех расходных статей, в том числе и ассигнования на армию.

Парламент был распущен. Либеральные министры уволены. Однако в результате новых выборов вновь победило прогрессивное большинство. В соответствии с действующими правилами Мольтке с галереи наблюдал за парламентскими сессиями, чтобы «посмотреть на тех, кто, по мнению народа, будет руководить лучше, чем его величество». 25 сентября парламент принял решение запретить расходовать средства на реформирование армии. Король вновь вернулся к мысли о сложении полномочий. Мантейфель и Роон опять носились с идеей о *coup d'etat*. Но в этот момент в роли спасителя выступил человек, обладавший острым умом и в то время занимавший должность прусского посла во Франции. Им был Отто фон Бисмарк.

Бисмарк был достаточно проницателен, чтобы распознать слабость прогрессистов. С полной уверенностью он сказал, что будет поддерживать проведение реформирования армии. Он выполнил данное обещание, подчеркнув, что обстоятельства вынуждают его признать необходимость расходов на армию и он готов пренебречь формальным конституционным одобрением.

3 сентября он произнес знаменитую речь, в которой заявил, что насущные вопросы не были улажены, поскольку в 1848—1849 годах люди думали о речах и парламентских резолюциях, а не о крови и непреклонности. Не самое удачное из его высказываний. Позже он старался объяснить, что имел в виду. Возможно потому, что он сказал именно то, что имел в виду.

Секретные приказы оставались в силе до 1864 года и не изымались до окончания датской войны. События приняли новый оборот. Появился великий триумвират — Бисмарк, Мольтке, Роон.

IV

До 1862 года Мольтке испытал все неудобства нахождения во властном вакууме, и вполне естественно, что новые армейские законы должны были вызвать у него чувство об-

легчения. Текущие планы 1857—1858 годов предусматривали создание стратегических укреплений; Франция открыто демонстрировала враждебность по отношению к Пруссии.

Когда в 1859 году во время франко-австрийской войны в Италии появилась реальная угроза войны с Францией, фон Бонин, военный министр, одним из первых признавший Мольтке, выяснил его точку зрения и, как бы между прочим, распорядился, чтобы начальник штаба в дальнейшем отчитывался непосредственно перед ним, минуя каналы главного военного департамента. В данном случае Мольтке был на стороне Австрии. В конечном итоге Пруссия провела мобилизацию и штабные переговоры с Саксонией и Ганновером. Сомнительно, чтобы Мольтке воспринимал опасность с особым энтузиазмом.

Сложившаяся ситуация заставила Мольтке пересмотреть планы развертывания на западе. Результаты его соображений особенно интересны, поскольку теперь он считал, что Голландия и Бельгия примут участие в любой будущей войне с Францией на той или другой стороне. Если это произойдет, то Мольтке планировал двинуться через Бельгию к бассейну Сены и нанести удар по Парижу. Он предвосхитил план, впоследствии разработанный Шлифеном и оказавший серьезное влияние на историю человечества. Однако Мольтке не собирался осуществлять этот план, если Бельгия не пожелает вступить в войну.

Одно совершенно ясно. Мольтке не давал покоя извечный немецкий вопрос и в страшных снах представлялась перспектива войны с Францией. Мольтке предвидел, что Франция обязательно отреагирует на внезапное сосредоточение германских сил в Центральной Европе. Ко всему прочему война в Италии тоже усилила напряженность. Проникновение Франции на «романские территории» вполне могло возбудить у французов аппетит. Так почему бы им было не захватить Рейн? Что бы произошло, если бы Франция смогла договориться с другой державой? В конце концов, Наполеон способен нажить капитал и в случае трехстороннего конфликта.

Чем больше Мольтке рассуждал на эту тему, тем мрачнее становился. В меморандуме, написанном в конце 1859-го — начале 1960 года, он в красках рисует картину возможного объединения романских и славянских народов, то есть Франции и России, против германской Центральной Европы, хотя и не верил, что скоро наступит время для такой «битвы ти-

танов». В 1862 году возросла его уверенность в могуществе Пруссии, и, когда в том же году Пруссия с целью восстановления правопорядка вмешалась в дела Гессен-Касселя и нависла угроза австро-баварско-французской коалиции, Мольтке был за принятие решительных мер в духе Фридриха Великого. К счастью, во всяком случае, в данной ситуации, благодаря благоразумию Бисмарка удалось избежать крайних мер.

Как удачно, что Мольтке был последователем Клаузевица! Профессиональные военные редко бывают милитаристами, но иногда они склонны недооценивать трудности, связанные с адаптацией военных средств применительно к обеспечению политических целей. Клаузевиц ясно дает понять (по крайней мере, это подразумевается в его доктрине), что выбор цели лежит вне пределов компетенции солдата. Мольтке, являясь продолжателем идей Клаузевица, в основном подчинялся Бисмарку, хотя личные отношения между ними были более чем прохладные. Трагедия Германии заключалась в том, что эта звездная пара, состоявшая из великого солдата и великого государственного деятеля, была уникальной и никогда больше за всю историю государства не повторилась.

V

В 1864 году старая проблема с герцогствами Шлезвиг и Гольштейн обернулась открытой войной, в которую были втянуты Дания, Пруссия, Австрия и объединенная Германия. При этом положение Генерального штаба мало чем отличалось от положения генерал-квартирмейстерского штаба в 1806 году. Никто не понимал, как его следует использовать. Старик Врангель, назначенный Верховным главнокомандующим, заявил, что Генеральный штаб совершенно бесполезен и прусскому королевскому фельдмаршалу не просто стыдно, а позорно использовать этих «чертовых клерков».

Но постепенно Генеральный штаб освобождался от славы беспомощного, недееспособного органа. В начале войны деятельность Мольтке все еще была ограничена. Он только вносил предложения военному министру, в то время как директивные указания по ведению кампании исходили от короля и, пройдя военное министерство, поступали к Верховному главнокомандующему. К Мольтке не приходили даже отчеты о ходе кампании. На ранней стадии войны он пользо-

вался исключительно информацией, получаемой в частном порядке от генерала фон Блюменталя, начальника штаба принца Карла-Фридриха. Мольтке удалось посетить ставку Верховного главнокомандующего, только когда наступление шло уже полным ходом.

В истории с выдвижением Мольтке рассказчик, как в хорошей детской сказке, нашел элемент счастливой случайности. После того как датчане отошли на укрепленные позиции и встал вопрос о наступлении на их позиции, Роон попросил короля привлечь к обсуждению Мольтке. Даже в том случае, когда король начинал военные действия, Мольтке оставался в Берлине. Основная причина продвижения Мольтке по служебной лестнице скорее связана не с объективным признанием его достоинств, а с тем фактом, что следовало уволить начальника штаба Врангеля генерала фон Фалькенштейна, неуживчивого, невероятно упрямого человека. Потребовался преемник, и Мольтке был временно назначен на эту должность.

Первой крупной прусской победой был штурм Дюппеля. Когда вмешательство Англии и Швеции привело к перемирию и Врангель был смещен с поста главнокомандующего, принц Карл-Фридрих попросил Мольтке остаться. После возобновления военных действий прусские войска заняли остров Алсен и всю Ютландию. Осенью был заключен мир.

Эти успехи впервые принесли Мольтке широкую известность и привлекли к нему внимание короля. Мольтке терпеливо ждал момента, когда его деятельность будет подтверждена успехом, и теперь, сославшись на возраст, можно будет уйти в отставку. Но король, как и Роон, признал заслуги Мольтке. Роон предпринял важный шаг. Он добился отставки Мантейфеля и заменил его на посту руководителя департамента личных дел генерал-майором фон Тресковом, выдержанным, объективным человеком, во многих отношениях близким по духу Мольтке. Это назначение имело далеко идущие последствия. Именно Тресков убедил короля приглашать Мольтке на все министерские заседания, где обсуждались вопросы Генерального штаба. Это было началом важнейших событий, но ни в коем случае не означало конец истории.

В вопросе герцогств Габсбург и Гогенцоллерн выступали как союзники; больше не требовался ответ на вопрос — кто из двоих должен занимать первенствующее положение в Германии. Мысль о войне против Австрии вызывала у Мольтке

искреннюю неприязнь, и в этом он был не одинок; католики Силезии и Рейна активно выражали свой протест. Однако Бисмарк уже видел австрийцев на подходах к Берлину.

Можно было не сомневаться в направлении политики Бисмарка, и зимой 1865/66 года Мольтке анализировал положение исключительно с военной точки зрения. Он предвидел, что Франция и Россия будут сохранять нейтралитет, в то время как Саксония и государства Южной Германии останутся союзниками Австрии. Он не был уверен в отношении Курхессена и Ганновера, но не сомневался, что общие интересы сделают потенциального прусского союзника из Италии. Мольтке считал, что австрийцы перейдут в наступление и пройдут на Берлин через Саксонию. Поэтому внес предложение, двинувшись в Богемию из Саксонии и Силезии, нанести встречный удар.

Несмотря на поддержку Трескова, положение Мольтке как советника короля и посредника между королем и военным министром было все еще крайне ненадежно. Король предпочитал обсуждать военные вопросы с генерал-адъютантом фон Альвеншлебеном. Мольтке было трудно отстаивать свою позицию. Однако, несмотря на все сложности и протесты со стороны консервативных теоретиков вроде Альвеншлебена и полковника Доринга из Генерального штаба, Мольтке планировал нанести удар по основной австрийской армии с помощью четырех отдельных армейских подразделений, которые должны были сойтись в Богемии. Пруссия, имевшая в своем распоряжении пять железнодорожных линий, находилась в более выгодном положении, чем Австрия, имевшая всего одну железнодорожную ветку.

Мольтке составил план развертывания на дистанции около трехсот километров, от Саксонии до Нижней Силезии. По его замыслу армии, наступавшие по огромной дуге, должны были сойтись, только находясь в непосредственной близости от врага, можно даже сказать, фактически на поле боя. В этой операции должно было быть задействовано шесть седьмых всех прусских сил; никого не интересовала, к примеру, судьба Силезии, лишившейся защиты. В Центральной Германии слабая армия под командованием генерала фон Фалькенштейна должна была маскировать Ганновер, поскольку он решил присоединиться к государствам, находящимся в состоянии войны. На последней стадии эта армия, заявив о поддержке австрийцев, двинулась в направлении Рейна против контингента государств Южной Германии.

Безусловно, стратегия Мольтке была разумной. Однако стратегические принципы (по сути, простые) в основном не находили понимания, а может, те, с кем требовалось проводить консультации, были излишне осмотрительны. Тем не менее, Мольтке, успешно поборов доринтов и альвенштейнов, столкнулся с внушительной и труднопреодолимой преградой в лице кронпринца. Последний настаивал, и весьма успешно, на необходимости оставить в Силезии часть армии. Мольтке энергично протестовал. Защита и спасение Силезии, утверждал Мольтке, произойдет в Богемии.

Количество армий было сокращено до трех. Следует отметить, что, когда Бисмарк, не без помощи Роона, но в основном силой собственной власти приказал 8-му армейскому корпусу остаться в Кобленце для защиты Рейнской области, Мольтке, заручившись поддержкой короля, добился противоположного решения.

Теперь король формально поддерживал позицию Мольтке. Согласно приказу кабинета от 2 июня 1866 года, начальник штаба получил право издавать приказы. До последнего времени Мольтке занимался только составлением оперативных планов, но не их приведением в жизнь. Приказ кабинета отметил первый шаг Генерального штаба на пути к освобождению от зависимости.

VI

К сожалению, принадлежность к королевской фамилии не гарантирует наличия тактических способностей. Действительно, две из трех прусских армий под руководством принцев крови скорее препятствовали, чем способствовали успеху операции. Но Мольтке, как никогда, был уверен в себе и в безупречности своих планов.

Часть планов Мольтке состояла в следующем. Ограничить роль итальянской армии и свести ее к удерживающим боям в Южных Альпах; более честолюбивый план, который включал наступление на Вену, был (пожалуй, разумно) отвергнут. Учитывая роль, отведенную итальянцам, австрийцам пришлось бы попусту растратить лучшие силы. Именно так и произошло. Эрцгерцог Альбрехт, наиболее видный кандидат из членов династии на командование войсками, поспешил устроиться на спокойный итальянский фронт под

тем предлогом, что нельзя ставить репутацию династии под угрозу поражения от какой-то Пруссии.

Самое плохое, что могло бы произойти с Мольтке, так это то, что ему помешали бы в каких-то частностях, а лучшее, на что он мог надеяться, была победа, не имевшая решающего значения, которой он действительно добился. Командование богемской армией император передал генералу фон Бенедеку, прекрасному знатоку Италии, но совершенно незнакомому с Богемией. Бенедек умолял использовать его там, где бы он мог принести больше пользы. Франц-Иосиф категорически отмел его возражения. После войны Бенедеку, проигравшему битву, пришлось с почтительным вниманием выслушивать недовольство со стороны императора.

12 мая в Пруссии была объявлена мобилизация. В целом развертывание прошло согласно плану, несмотря на некоторые ошибки со стороны командиров и неуместную оригинальность, продемонстрированную фон Фалькенштейном. Прусские колонны ворвались в Богемию с трех сторон. Австрийская пехота, вся в белом, все еще вооруженная оружием, заряжаемым с дула, словно в старые времена, шла в штыковую атаку. Смертоносный огонь игольчатых ружей помог одержать победу в боях при Сооре, Скалице, Мюнгенграце, Тратенау и Швейнхаделе. 3 июня три прусские армии сошлись на поле боя, как это и было запланировано Мольтке, и провели невиданный по размаху бой на окружение (охватывающий бой).

Однако когда в Кенигграце гремели орудийные залпы, Мольтке все еще оставался неизвестен большинству генералов. «Все в полном порядке, — отмечал дивизионный командир, получая приказы от начальника штаба, — но кто такой генерал фон Мольтке?» И все-таки Кенигград был сражением Мольтке и его триумфом. Размытые дороги задержали прибытие армии кронпринца. С утра положение казалось критическим. Мольтке вместе с королем и Бисмарком прибыли в деревню Садова. Один из командиров, сражавшихся на реке Быстрица, вновь и вновь взывал о помощи, но Мольтке оставался глух к его призывам. Он упорно следовал заранее разработанному плану. Мольтке не торопясь выбрал лучшую из сигар, предложенных Бисмарком, и заметил, обращаясь к королю: «Ваше высочество сегодня не выиграет сражение. Вы выиграете всю кампанию».

Так и произошло. Армия кронпринца, как и предсказывал Мольтке, нанесла удар в центр австрийцев. Перед

прусской армией открылась Вена. Но Бисмарк преследовал конкретные политические цели, и захват Вены не входил в его планы.

Тем временем в замке Николсбург, недалеко от театра военных действий, шел бой, имевший не меньшее значение, чем сражение в Кенигграце. В этой битве впервые Генеральный штаб, невзирая на опасность, продемонстрировал невероятную преданность своему делу. Никто больше, чем Мольтке, не боялся, что кто-то будет рассматривать войну как конечную цель (он был слишком хорошим учеником Клаузевица, чтобы думать иначе).

Генеральный штаб настаивал на использовании в своих интересах военных успехов; многие офицеры мечтали пройти парадным маршем по Вене. Король встал на сторону генералов, настаивая на аннексии Саксонии (сражавшейся на стороне Австрии) и австрийской Силезии. Бисмарк проявлял большую дальновидность. Рано или поздно наступит момент заключения соглашения с Францией, а она ни за что не допустит прусской гегемонии в германских делах.

Борьба была ожесточенной. Генералы осыпали Бисмарка упреками, обвиняли в том, что он легкомысленно делился военными секретами с женой, которая с тем же легкомыслием заявила, что на приемах делилась ими с иностранными дипломатами. Однако Бисмарку удалось справиться и с королем, и с генералами. Мир, подписанный с Австрией, был разумным миром. Пруссия довольствовалась аннексиями в Северной Германии, Ганновером, Гессен-Касселем, Франкфуртом и Нассау. Северные и центральные германские государства объединились в северо-германский союз под гегемонией Пруссии.

Когда-то Штейн мечтал об объединении Германии и думал, что прусская модель послужит основой для реформирования всех государств. Теперь Бисмарк подчинил стремление к единству прусскому стремлению к власти. Показательно, что северо-германский союз не признал федерального военного министра. В федеральном собрании прусский военный министр выступал в качестве представителя не только прусской армии, но и группы членов федерации, связанных с прусской армией военными соглашениями. Трудно найти аналогию подобной конституционной аномалии.

Что касается Мольтке, то победа принесла ему славу. Прусские короли никогда не скупились, награждая за во-

енные успехи. На полученные деньги Мольтке купил поместье в Крейсау. Времена изменились, и Мольтке стал членом федерального собрания.

Теперь он был известной личностью. После Кенигграца его узнали в Европе, а Генеральные штабы южногерманских государств, подобно Бадену и Вюртембергу, зондировали почву в Пруссии. Прусский Генеральный штаб неожиданно приобрел влияние в международной политике.

VII

Пруссия вершила историю без согласия Франции, а Франция вряд ли бы простила подобную дерзость и молча согласилась с рождением новой власти в центре Европы. На этот счет Бисмарк не испытывал никаких иллюзий. Он считал, что проблему удастся решить только силой оружия. Он был достаточно расчетлив, чтобы повернуть проблему к собственной выгоде.

Франция делала попытки установить контакты с Австрией. Эрцгерцог Альбрехт поехал в Париж для ведения переговоров с французскими генералами и военным министром. Обговорили план, согласно которому французская армия должна была пробиться к Майну и объединиться с австрийцами для решающей битвы у Лейпцига. В то время у Франции уже были первые магазинные винтовки и скорострельное оружие. Все это было замечательно, но беда в том, что переговоры так и застыли на стадии обсуждения.

В начале 1867 года, когда Мольтке уже собирался начать наступление, Наполеон предъявил права на Люксембург. Бисмарк дожидался возможности поставить Францию в затруднительное положение, и Франция попалась в ловушку. Когда Гогенцоллерны выдвинули кандидата на освободившийся испанский трон, Франция действовала в лучших традициях мелодрамы, но едва ли предполагала, что в дело ради достижения политических целей вмешался такой изощренный политик, как Бисмарк. Хотя Наполеон, уже до смерти уставший, в целом не стремился к борьбе, а прусский король не интересовался объединением Германии, Бисмарк, сделавший ход конем, добился войны.

В ночь на 16 июля в Пруссии прошла третья за декаду мобилизация. Мольтке отлично провел подготовительную работу. Генеральный штаб теперь работал в полную силу с

точностью часового механизма. На театр военных действий были отправлены три мобильные группы. Кроме начальника, двух его адъютантов и трех подполковников, которые стояли во главе групп, в состав штаба входили девять офицеров, три майора, шесть капитанов и один премьер-лейтенант, скромная цифра, если учесть недавно обретенную значимость и ответственность, возложенную на Генеральный штаб.

В создании планов Мольтке исходил из учета двух моментов: отставание Франции в развитии железнодорожной системы и общее разложение французской армии. Да, ядро армии составляли профессиональные солдаты, имевшие скорострельное оружие, но командующие французской армией не обладали ни высокими интеллектуальными способностями, ни гибкостью ума. И даже в этом случае пруссаки вполне могли попасть в невыгодное положение. В общих чертах план французов заключался в наступлении двумя армиями (в направлении Шварцвальда) с тем, чтобы разделить северные и южные государства. По мнению Мольтке, при самых неблагоприятных обстоятельствах французы могли пересечь Рейн 25 июля и прорвать прусскую оборону. С другой стороны, если французы затянут с наступлением до 4 августа, то можно поискать решение на левом берегу Рейна. Решение вопроса Мольтке намеревался осуществить на французской земле.

Первоначально его план заключался в следующем. Три армии начинают наступление с территории, ограниченной Майнцем, Шпайером и Триром, выходят с фланга противника и уничтожают его на Саарской земле. Несмотря на то что французы действовали именно так, как предвидел Мольтке, первоначальный план подвергся изменениям, поскольку генерал фон Штейнмец, один из командующих армиями, слишком вырвался вперед во время наступления. Внеся коррективы, Мольтке отдал приказ развернуть прусские войска, пересечь реку Мозель с тем, чтобы отрезать французов от Парижа и прижать их к границе нейтральной Бельгии. Из-за ошибок, допущенных командующими армиями, вроде Штейнмеца, принца Фридриха-Карла, неуместного вмешательства короля и военного министра этот план также удалось осуществить лишь наполовину. Некоторые августовские сражения принесли неожиданный успех. Одна из французских армий под командованием маршала Базена оказалась запертой в Меце, где и капитулировала после длительной

осады, а другая, в сопровождении императора, была окружена в Седане и, не устояв перед пруссаками, сдалась. Эта была самая большая победа прусского Генерального штаба, а главное, Мольтке и его сотрудники стали считаться в армии полубогами. Двое, в то время не получившие известность, а впоследствии ставшие командующими германской армией, стали свидетелями драматических событий в Седане. Одним из них был Август Макензен, в то время сержант 2-го лейб-гусарского полка, другим — батальонный адъютант 3-го полка Пауль фон Гинденбург.

Несмотря на явный успех, Мольтке столкнулся с двумя силами, ограничивающими сферу его влияния. Главной из этих сил был опять же Бисмарк. Он, как и прежде, выступал выразителем идеи ограниченной войны. Мольтке был в корне не согласен с подобной концепцией. Осталась запись разговора Мольтке с кронпринцем, во время которого кронпринц поинтересовался, что произойдет после взятия Парижа. Мольтке ответил: «Мы двинемся на юг Франции, чтобы окончательно уничтожить врага».

Кронпринц. А что случится, когда мы исчерпаем собственные силы, когда больше не сможем выигрывать сражения?

Мольтке. Мы должны всегда выигрывать сражения. Мы должны полностью разгромить Францию.

Кронпринц. А потом?

Мольтке. Будем диктовать такой мир, какой захотим.

Кронпринц. А если по ходу дела мы умрем от потери крови?

Мольтке. Мы не должны умереть от потери крови. Если мы сделаем все, как надо, то в результате получим мир.

Затем кронпринц спросил, может ли Мольтке проинформировать его о текущей политической ситуации. «Нет, я занимаюсь исключительно военными вопросами», — ответил Мольтке.

Различия в точках зрения Бисмарка и Мольтке со всей очевидностью проступили во время обсуждений условий мирного договора. Война затягивалась, и Бисмарк, опасавшийся австрийского и британского вмешательства, хотел любой ценой закончить войну. Следовательно, обязательным условием является захват Парижа, и в этом случае не обойтись без артобстрела. Мольтке возразил, что они испытывают нехватку в тяжелой артиллерии и в первую очередь следует навести порядок в Германии. В ответ Бисмарк напомнил ему ряд случаев, в которых был виноват Мольтке,

и заявил, что усмотрел личные мотивы там, где место было только техническим соображениям. И в самом деле, был момент, когда кронпринцесса, дочь королевы Виктории, высказалась против обстрела Парижа; к тому же Мольтке был женат на англичанке.

Бисмарк обвинил Мольтке в том, что он попал под английское влияние. Защищаясь, Мольтке настаивал, что действовал исходя исключительно из военных соображений. Дело зашло так далеко, что Мольтке решил поставить короля перед выбором: или Бисмарк, или он. Мольтке изложил свои мотивы в докладной записке, но записка так никогда и не была отправлена; она была только зарегистрирована и подшита в дело. Думается, что Мольтке просто хотел выплеснуть накопившееся возмущение и обиду на бумагу.

Но вот дело дошло до обсуждения мирных условий. Предложения Мольтке отражали чувства победителя. Он требовал объединить старые имперские территории Эльзаса-Лотарингии с новой германской империей; создать стратегический гласис на западе, состоящий из Западной Лотарингии, части Бургундии и таких важных пунктов, как Нанси, Люневиль, Бельфор, Монбельяр. Впоследствии именно они сформируют часть восточной оборонительной системы Франции. Он хотел закрепить победу и считал, что в следующей франко-германской войне с самого начала Франция должна оказаться в невыгодном положении. Бисмарк, руководствуясь скорее политическими, чем военными соображениями, требовал вернуть Эльзас и Лотарингию. Он не хотел слушать ни о каком стратегическом гласисе. Единственно чего удалось добиться Мольтке, так это крепости Мец.

Второй силой, с которой столкнулся Мольтке, оказался Леон Гамбетта. Этот молодой юрист был лидером крайне левых буржуазных республиканцев во Франции. В его лице Мольтке впервые столкнулся с современной демократией. В правительстве национальной обороны Гамбетта совмещал должности военного министра, министра финансов и иностранных дел Франции. С невероятным фанатизмом он штамповал новые армии на севере и западе Франции и умышленно развязывал народную войну против прусских захватчиков.

Для обороны Парижа были стянуты все свободные силы, которыми располагала Франция. Мольтке всегда рассматривал войну как противоборство регулярных армий. Само по себе достаточно плохо, писал он в то время брату Адольфу,

что теперь, как никогда, война приобретает новый характер, замешенный на ненависти народов. Нельзя натравливать народы друг на друга. Такой путь ведет нас не к прогрессу, а возвращает обратно к варварству. Этот семидесятилетний человек, любимой книгой которого была Библия, уже вглядывался в очертания совершенно новый войны. Он, сам того не подозревая, участвовал в подготовке войны нового уровня. Любопытно, что Людендорф, представитель следующего поколения, заявил, что кампания 1870 года вообще не была войной.

VIII

Новая Германская империя представляла странную смесь из элементов конституционного государства и пережитков эпохи монархического абсолютизма. Империя имела рейхстаг, или имперский парламент, сформированный на основе всеобщего избирательного права, и канцлера вместе с горсткой государственных секретарей. Примечательно, что среди последних не было военного министра, но, как мы уже знаем, Бисмарк хотел возложить ответственность за решение военных вопросов на прусскую армию. В результате прусский Генеральный штаб стал высшей военной властью. Баварский Генеральный штаб был сохранен, но стал просто тенью, второстепенной властью. Зачастую государства империи направляли офицеров на службу в прусский Генеральный штаб. План создания федерального командного министерства так и остался на уровне обсуждения. Вообще говоря, возведение империи подгонялось под личную политику Бисмарка.

Теперь Германская империя обладала лучшей в мире армией, а Генеральный штаб служил образцом для других государств. Кроме того, один из величайших государственных деятелей своего времени решал вопросы, связанные с внешней политикой. Однако не все было так уж благополучно. Как нельзя собрать ягоды с чертополоха, писала в то время кронпринцесса своей матери, королеве Виктории, так нельзя ожидать от Бисмарка того, чего страстно желает Германия, а именно мира между различными классами общества и разными народами, религиями и партиями, дружеских отношений с соседями, свободы и справедливости. Возможно, принцесса была пристрастной, но нельзя отмахнуться от ее слов.

Отец принцессы, принц-консорт, когда-то мечтал о действительно свободной Германской империи. Еще живо было то поколение, которое являлось свидетелем больших социальных конфликтов. В нем был источник либерализма благородного кронпринца, а последовавший за войной экономический подъем, казалось, усилил его надежды. Однако приток новых денежных средств вызвал новые проблемы. Германия, как государство, поздно появилась на европейской сцене. По этой причине она боялась оказаться в отстающих. Вполне естественно, она испытывала чувство неудовлетворенности, которое выражалось в настойчивом отстаивании своих прав, принимавшем довольно грубые формы. Теперь высокомерный, презрительный тон, который так ненавидел Ницше, стал отличительным признаком типичного германского офицера. Сюда вписывалась и грубая демонстрация богатства со стороны новых деловых и промышленных магнатов. Дворец железнодорожного короля Страусберга в Берлине затмил старые дворцы землевладельцев. Мир Мольтке медленно приходил в упадок.

В 1874 году Генрих фон Трейчке получил кафедру истории в Берлинском университете. Трейчке был сыном саксонского генерала чешского происхождения. Он начал карьеру как либерал, но впоследствии стал типичным представителем нового «национал-либерализма» и в конечном счете полностью избавился от либеральных настроений. Он был сторонником «Великой Пруссии» и родоначальником школы тех беснующихся милитаристских литераторов, которые добились, что для большинства европейцев Пруссия стала олицетворением не столько жестокости, сколько претенциозности и дурных манер. Только усталые, скучные и нежизнеспособные поколения, объявил Трейчке, мечтали о прочном мире; война — «превосходное лекарство для человеческой расы», из которой человечество в результате извлечет огромную выгоду.

В этой «духовной» атмосфере Генеральный штаб приобрел над умами почти мистическую власть. Благодаря победам в 1866-м и 1870 годах он заслужил звание непобедимого, а крайняя сдержанность, которая проявлялась в отношении всех текущих вопросов, заставляла испытывать к нему глубокое почтение и страх. Так родилась легенда, что некая темная сила сплетает нити народных судеб согласно собственному страшному образцу.

Тем временем Генеральный штаб занимался прозаическими делами. Именно в это время напротив рейхстага выстроили здание из красного кирпича, в котором расположился Генеральный штаб. Неуклонно росла численность персонала. В 1857 году штат Мольтке состоял из шестидесяти четырех офицеров. В 1871 году штаб насчитывал сто тридцать пять сотрудников. Когда в 1888 году Мольтке ушел в отставку, в штабе было уже двести тридцать девять сотрудников, из которых сто девяносто семь относились к прусской армии, двадцать пять к баварскому Генеральному штабу, десять к саксонскому и семь к вюртембергскому. В 1872 году одну треть офицеров Генерального штаба составляли нетитулованные лица. Был даже один еврей.

Этот период отмечен дальнейшими организационными изменениями. Военная академия, основной центр подготовки офицерского корпуса, перешла в распоряжение Генерального штаба, тем самым значительно расширив его влияние. Железнодорожный отдел вошел во второй, «германский», департамент, который теперь отвечал за планы развертывания и оперативные планы. Сформированный для решения всех персональных вопросов центральный департамент подчинялся непосредственно начальнику штаба.

Признание Генерального штаба повлекло за собой наплыв слушателей в Военную академию. Кандидаты подвергались строгому отбору. По окончании выпускных экзаменов офицеры проходили двухлетнюю стажировку в штабе. Кульминационным моментом в процессе обучения являлись ежегодные практические занятия, проходившие под личным контролем Мольтке.

В 1871 году вышла статья Мольтке о стратегии, своего рода наследство, оставленное немцам. По сути, секрет его методы заключался в том, что не было никакого секрета. Во время войны все решают воля и энергия командира. Зачастую невозможно полностью предсказать различные ситуации. Стратегия — это не что иное, как система произвольных приемов, ценность которых определяется способностью достигнуть с их помощью поставленной цели.

Мольтке серьезно относился к историческим исследованиям. Использование архивных материалов и оперативных данных позволяло ознакомить офицеров прусской армии с новыми направлениями в стратегии и тактике, с новыми принципами современной войны. Настаивая на полной исторической достоверности изложенного материала, Мольт-

ке не забывал о чувстве патриотизма и уважительном отношении к традициям. При составлении официальной истории войны он руководствовался принципом «Правда, только правда, но не вся правда». В этом, в конце концов, не было ничего страшного. А вот система подготовки имела более серьезные погрешности. Знаменитый принцип Мольтке «Быть больше, чем кажешься» как нельзя лучше отражает его понимание образа штабного офицера. «Многого добиваться, но оставаться в тени», — говорил Шлифен. В результате сложился идеальный образ военного специалиста, который, несмотря на высокие моральные устои, был беспомощен и неуверен во всем, что не касалось сферы его профессиональной деятельности.

Между тем Генеральный штаб пользовался все большим уважением. Офицеры из Греции, Румынии и Турции приехали в Берлин для изучения методов работы прусского Генерального штаба. В 1871 году генерал Мирибель организовал на основе прусской модели собственный Генеральный штаб, который состоял из четырех отделов, один из которых в основном занимался изучением германской армии. В 1882 году в Турцию отправилась военная миссия под руководством генерала фон Кехлера, а на следующий год Абдул-Гамид II пригласил в Константинополь фон дер Гольца на должность инспектора военных училищ. В скором времени Гольц возглавил комиссию по реорганизации турецкой армии. По прусской модели были организованы Генеральные штабы в Италии и Японии. В 1884 году генерал Меккель был приглашен инструктором в японскую армию.

Вскоре последовали другие назначения. В 90-х годах в Китай в качестве военного советника отправился подполковник фон Фалькенхайн. Капитан Корнер уехал в Чили, где получил генеральский чин и возглавил чилийский Генеральный штаб. Сын фон дер Гольца, тоже офицер Генерального штаба, служил инструктором в высшей военной школе в Буэнос-Айресе.

В 1833 году начальник Генерального штаба получил право прямого доступа (Immediatvortrag) к главнокомандующему, даже в мирное время. Логика событий заставила пойти на этот шаг, которого добивались в течение полувека. В 1872 году Франция ввела всеобщую воинскую повинность, и Мирибель стал создателем французской резервной армии. Россия тоже ввела всеобщую воинскую повинность. Генерал Драгомиров, один из главных военных теоретиков своего времени,

участвовал в кампании 1866 года как военный представитель русского царя. Воспользовавшись прусской моделью, в Главном штабе России сформировали железнодорожный отдел.

А над Германией тем временем нависла прежняя опасность. Бисмарк отчетливо понимал, что Франция лелеяла мечту о мести. Но опасность крылась в другом месте. Недавней победой Бисмарк был в значительной степени обязан нейтралитету двух держав, и он сильно сомневался, что они будут и впредь сохранять столь необходимый Германии нейтралитет. Скажем без преувеличений, что эти державы, Россия и Австрия, практически все время находились в состоянии конфликта. Однако Германия отчаянно нуждалась в добром отношении со стороны обоих государств.

Пока Бисмарк действовал на дипломатическом фронте, Мольтке переживал тревожный период. Поражение серьезно сказалось на Франции; она была ослаблена. Русские гарнизоны были раскиданы по западной части своей огромной империи. Значит, сделал вывод Мольтке, в том случае, если Франция и Россия заключат союз, германская армия будет вынуждена начать наступление в двух направлениях. На тот момент между Берлином и Санкт-Петербургом были нормальные отношения. Кутузов, царский военный представитель при прусском дворе, с искренним удовольствием воспринял весть о победе под Седаном. Но Россию трудно понять. Как показала встреча в Берлине, недостаточный энтузиазм, который сосед проявил в отношении российских дел, был расценен как проявление откровенной враждебности.

В 1827 году состоялась встреча императоров Германии, Австрии и России, а на следующий год была заключена русско-германская конвенция. Однако теперь Франция вновь обрела равновесие и стремилась максимально использовать свои людские ресурсы с помощью введения всеобщей воинской повинности. В свою очередь, Мольтке был вынужден максимально использовать свой человеческий потенциал. Он обратился с просьбой об увеличении резервных формирований, усилении полевой артиллерии, создании абсолютно автономных подразделений связи и увеличении железнодорожных подразделений. К сожалению, Бисмарк, желая оградить армию от изменчивых настроений рейхстага, взял за правило пересматривать ассигнования один раз в пять, а затем в семь лет. В результате германской армии было очень трудно угнаться за изменениями, происходящими в армиях соседей.

Возможно, более гибкая и демократичная система вызывала бы большее доверие между законодательной и исполнительной властью и, не причиняя вреда армии, действовала в ее интересах.

В период между 1872-м и 1876 годами Мольтке, на случай войны, планировал наступление на Францию из Лотарингии. Он не сомневался, что Швейцария будет сохранять нейтралитет и что Франция, опасаясь вмешательства Британии, откажется от наступления через Бельгию. Поскольку Франция постепенно накапливала силы, Мольтке временами оценивал теоретические преимущества от превентивной войны, но позиция Бисмарка по этому вопросу не вызывала сомнений, и все осталось на уровне теоретизирования.

После встречи в Берлине Россия чувствовала обиду и неудовлетворение. В течение нескольких последующих лет она подтянула армии к западным границам. Одновременно Франция укрепила пограничные крепости Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, соединила их дополнительными внешними фортами, создав труднопроходимый барьер.

В 1879 году император, благодаря сообщению Мольтке о передислокации русских сил, перестал сопротивляться и согласился с предложением Бисмарка об альянсе с Австрией.

IX

В 1879 году к Мольтке обратился крестьянин с просьбой уговорить императора немного уменьшить бремя военных расходов. Мольтке ответил, что любая война, даже победная, оборачивается горем для народа и даже император не в силах помешать этому. Это станет возможным, только когда народы научатся лучше понимать друг друга, а для этого надо воспитывать высоконравственных и верующих людей. Но нам не удастся дожить до такого времени. Примерно в том же духе Мольтке ответил профессору конституционного права из Гейдельберга, когда тот выступил в поддержку международной организации и международных законов. Вечный мир, написал Мольтке в ответ на полученные от профессора книги, это мечта, и далеко не прекрасная мечта, а война — это звено в Божьем упорядочении мира. Международные соглашения никогда не будут иметь законной силы, и лучшее, что может сделать война, так это как можно быстрее уладить споры всеми возможными законными способами.

Как-то Гинденбург заметил, что, как старый солдат, он не верит, что существует какая-то реальная замена войны. То же самое мог бы сказать и Мольтке. Генеральный штаб признавал единственный принцип: *si vis pacem, para bellum*[1].

В 1879 году Генеральный штаб приступил к разработке двух планов наступления, против Франции и России. Усиление Франции оставляло меньше шансов на быстрый успех. Быстрые решения и короткие войны — вот идеал, к которому всегда стремился Мольтке, слишком хорошо знакомый с ужасами войны. Поэтому план развертывания предусматривал оборонительные бои на востоке (в случае необходимости был возможен отход к правому берегу Рейна в районе Майнц—Франкфурт) и совместное с Австрией наступление на западе с пятисоттысячной армией. Тогда, если Франция двинется через Бельгию, предполагалось встретить ее удар в низовьях Рейна и оттеснить к датским границам. Теперь и Бельгия прибегла к всеобщей воинской повинности и принялась за строительство системы фортификационных сооружений. Мольтке рассчитывал на помощь со стороны Италии при отражении удара с запада. Шесть итальянских корпусов должны были быть переброшены через Альпы в верховья Рейна.

В 1882 году армия получила первое серьезное пополнение. Были сформированы тридцать четыре новых батальона, сорок полевых батарей и два батальона тяжелой артиллерии. Спустя шесть лет армия пополнилась пехотными батальонами и двадцатью тремя батареями. Появилось два новых армейских корпуса, 16-й и 17-й, а в 1884 году, по примеру французов, были сделаны первые аэростаты, которые располагались прямо над Генеральным штабом.

В 1887 году Мольтке внес предложение совместно с Австрией выступить против России. Бисмарк счел это предложение «преждевременным». Канцлер полагал, что желание Генерального штаба начать превентивную войну вытекает из атмосферы, которой пропитано это учреждение, и со своей стороны посчитал такой шаг слишком опасным для Германии. Вставал единственный вопрос: что же произойдет, когда у вас будет энергичный начальник штаба в сочетании со слабым, некомпетентным монархом и канцлером без политических перспектив и без властных полномочий?

---

[1] Если хочешь мира, готовься к войне (*лат.*).

Когда Бисмарк писал эти строки, уже был заложен фундамент для подобного развития событий.

Начиная с 1882 года стареющий Мольтке, неоднократно обращавшийся с просьбой об увольнении, зачислил на службу в качестве генерал-адъютанта и заместителя генерала Вальдерзе. Однако Мольтке, этот морщинистый старик, ему уже было около девяноста лет, был все еще хозяином красного дома на Кенигсплац. Все, кто видели его идущим в Тиргартен в длинной генеральской шинели и фуражке, вполне могли принять его за какого-то философа древности. Он давно уже был одинок. В 1868 году умерла его жена, которую он любил больше всего на свете. Спустя двадцать лет он похоронил двух императоров, старого императора и несчастного, обреченного Фридриха, защитника германского либерализма.

1 августа 1888 года новый император Вильгельм II удовлетворил просьбу Мольтке об отставке. Мольтке уехал в Крейсау, в поместье своего племянника Вильгельма фон Мольтке. Однажды, в самый мрачный для Германии час, внук Вильгельма скажет, что тот дух, которым были отмечены последние годы жизни Гельмута фон Мольтке, был духом мудрости, великодушия и здравого смысла.

Эксцентричный, тщеславный и слабохарактерный новый император вызывал у Мольтке предчувствие, что Германию ждут тяжелые времена. В одной из последних речей в рейхстаге (он произнес ее в 1890 году) Мольтке вновь заговорил о неизбежности большой войны. Если вспыхнет война, повисшая словно дамоклов меч над головой немецкого народа, то трудно предсказать, каким будет конец, поскольку в ней примут участие самые сильные мировые державы. Ни одну из них нельзя уничтожить в одиночку. Война может продлиться семь, а может — двадцать лет. И горе тому, кто разожжет в Европе пожар. Картина короткой войны постепенно исчезала. Старик видел острее современников, хотя его глаза начали тускнеть.

Весной следующего года Мольтке нанес визит в Берлин. Утром 24 апреля он посетил заседание верхней палаты, а вечером слушал музыку в компании гостей. Почувствовав усталость, он вышел в соседнюю комнату. Один из племянников, заметив, что дядя слишком долго не возвращается, пошел выяснить, в чем дело. Он нашел дядю сидящим в кресле. Тот еще дышал, но уже не мог говорить. Мольтке перенесли в его комнату и положили на кровать. Последний вздох, и его не стало.

Глава 5
ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА ИЛИ *COUP D'ETAT*
Вальдерзе

I

На пороге нового столетия появился роман под названием «Йена или Седан»[1], написанный молодым малоизвестным автором Францем Адамом Бейерлейном. Книга затрагивала остросовременные вопросы и, хотя не обладала литературными достоинствами, вызвала значительный интерес.

Шарнхорст, Гнейзенау и Бойен настаивали, что армия должна быть школой нации, но теперь люди начали отклоняться от многих постулатов, на которых строилась армия, и это, как показал в своей книге автор, не могло не сказаться на морали. Повествование представляет историю вымышленного 8-го полка полевой артиллерии, офицеры которого, по большей части карьеристы, не слишком задумывались об истинном характере своих обязанностях и относились к ним как к скучной, рутинной работе. Среди них были бездельники, пижоны и вольнодумцы. Командир полка, гуманностью и выдержкой напоминавший Мольтке, производил впечатление безнадежно устаревшего человека. Единственный полковой идеалист пустил себе пулю в голову. Человек, который вынашивал в сердце идею реформирования и понимал, что старая система образования ведет в никуда, вышел в отставку и занял пост в военной промышленности. Там, по крайней мере, знали, как следует использовать его профессионализм. И последний, не менее типичный пример. Высокомерие одного из молодых офицеров буквально загоняет младшего капрала Вогта в ряды социалистов.

---

[1] Роман переведен на русский язык.

Книга, конечно, страдала преувеличениями (так случается во всех романах, написанных с определенной целью), но автор был искренне обеспокоен состоянием армии. Действительно, на протяжении сотен лет основы военной организации оставались неизменными. Предполагалось, что муштра и бесконечные построения воспитывают у рядовых чувство патриотизма, которого многие были полностью лишены, и являются основными средствами для поддержания дисциплины и дееспособности современной армии. Сродни безумию было предполагать, что армия всегда будет придерживаться системы полупатриархальных отношений и что крутые меры против всех, кто подозревался в симпатиях к социалистам, могут каким-то образом повлиять на этот процесс.

Серьезные изменения, происходившие в социальной и экономической сферах, не затрагивали армию. Большинство старых генералов не хотели никаких изменений. Когда один из по-настоящему значительных реформаторов своего времени генерал фон Шлихтинг в 1888 году отметил, что старые уставные правила помогли одержать победу в трех войнах, фон Папе ехидно поинтересовался, зачем же тогда вводить новые правила. К сожалению, фон Папе был весьма влиятельной фигурой.

Гениальная личность, захватившая в тот момент армию и имевшая полную свободу действий, вероятно, могла бы внести изменения, которые бы повлияли на будущее не только самой армии, но в целом Германии. Преемник Мольтке, Вальдерзе, не был гением, но был энергичным и высокоинтеллектуальным человеком. Кроме того, он обладал невероятным шармом.

Эта особенность, безусловно, способствовала его карьерному росту, но сказывалось и происхождение. Мы уже упоминали о роде Анхальт-Дессау и знаем, что член этой семьи был одним из генерал-адъютантов Фридриха Великого, другой, фон Беренхорст, военным историком. Вальдерзе относились к боковой ветви этого великого рода и более столетия отличались достижениями в гражданской и военной сферах деятельности.

Альфред фон Вандерзе родился в 1832 году. Его отец был прусским генералом, а мать дочерью генерала. Детство Вальдерзе прошло в Берлине, в котором господствующее положение занимала старая аристократия; их особняки располагались вдоль Вильгельмштрассе. Он, как положено, прошел

курс обучения в кадетской школе и в 1830 году в чине лейтенанта поступил на службу в артиллерию. Во время кампании 1866 года Вальдерзе был адъютантом принца Карла Прусского. Летом следующего года его перевели в Генеральный штаб. Опыт, приобретенный в качестве адъютанта, во время службы в Генеральном штабе и в качестве военного атташе в Париже, определил его дальнейшую карьеру. Из застенчивого и нерешительного молодого человека он превратился в офицера, который чувствовал себя как дома при дворе и в дипломатических кругах. Природа подарила ему привлекательную внешность, способность быстрого и острого восприятия, временами граничившую с поверхностностью, и уступчивый характер. Вальдерзе пребывал в полной уверенности, что нет такой ситуации, из которой он не сможет найти выхода, и нет задачи, которая бы оказалась ему не по плечу. К сожалению, он был не способен взглянуть на себя со стороны и трезво оценить свои способности. Обидно, что, несмотря на его привлекательность, временами в силу невероятной наивности он выглядел, мягко говоря, смешным. Как-то король сказал Вандерзе, что по сути он «прислуга за все», и эта шутка наполнила его огромной гордостью. Однако штабные офицеры называли его иначе.

Его депеши из Парижа, содержащие точные оценки сильных и слабых сторон французской армии, привлекли внимание Бисмарка, Мольтке и кайзера. Благодаря этим депешам Вальдерзе стал личным адъютантом кайзера. Сразу же после окончания военных действий Вальдерзе, как доверенное лицо Бисмарка, был назначен прусским поверенным в делах в Париже, а затем вернулся в армию.

Казалось, что судьба благоволит к Вальдерзе. Он получал военные назначения, которые сулили ему политическое влияние. Короткое время командовал 13-м уланским полком, затем стал начальником штаба 10-го армейского корпуса, вновь оказавшись под началом лица королевского происхождения, а именно принца Альбрехта Прусского. В довершение всего он женился на богатой американке, в девичестве мисс Мэри Ли, бывшей жене принца Шлезвигского. Это имело важные последствия. Во время кризиса, последовавшего за освободительными войнами, семья Вальдерзе понесла финансовые потери, и женитьба помогла ему сохранить дом и жить на широкую ногу.

Он сделал хорошую карьеру, но для историка интерес к Вальдерзе основывался на его дневнике. Привычка вести

дневник зачастую связана с желанием человека, лишенного возможности высказаться, на бумаге изложить свои наблюдения и впечатления. Большинство наблюдений, заполнивших многострадальные тома дневника Вальдерзе, отмечены самодовольством и глупостью, и кажется маловероятным, чтобы кто-то захотел выслушать его; ему бы просто не дали говорить. Тем не менее, он пользовался большой популярностью, и нам ничего не остается, как полагать, что Вальдерзе, ведущий дневник, сильно отличался от Вальдерзе-офицера, обаятельного, светского человека.

II

Однако у Вандерзе были и врага. В одном из писем королеве Виктории кронпринцесса заметила, что Вальдерзе и вполовину не обладает военным талантом Мольтке, что он неискренний и не заслуживает доверия. Во-первых, нет нужды придавать слишком большое значение суждениям этой экзальтированной особы. Во-вторых, есть простое объяснение ее нападкам. Вальдерзе вел неустанную войну против либерализма дочери принца-консорта и его зятя, называя их «английскими демократами». Вальдерзе действительно питал страсть к интриганству, и некоторые новшества, которые он вводил, довольно безобидные по сегодняшним меркам, должны были поражать тех, кто был воспитан в старых традициях, своей неискренностью и лицемерием. Начальник штаба, который с помощью прессы нападал на своих противников, вполне мог казаться совершенно неуместной фигурой.

Странная вещь. Ведь, по сути, Вальдерзе не наделен острым умом. Для него не существовало нюансов в политике и в морали. Он считал, что с революцией следует бороться предпочтительно с помощью силы. Угрозам с любой стороны следует противопоставить превентивную войну. Он не мог оценить по заслугам дипломатический артистизм Бисмарка; он называл это неустойчивой политикой. Подобная оценка вполне объяснима с точки зрения человека, не воспринимающего тонкие политические нюансы. Самое удивительное, что он был невероятно подвержен панике. Но это общая беда военных.

Вальдерзе совсем не разбирался в людях. Он связывал надежды с принцем Вильгельмом, считая, что нашел в нем родственную душу. Никогда и никто не обманывался силь-

нее! Чувство неуловлетворенности и разочарования омрачили последние годы жизни Вальдерзе.

Но безусловно, Вальдерзе обладал определенной привлекательностью. Бисмарк был о нем очень высокого мнения, а Мольтке считал человеком исключительных способностей. Вальдерзе завоевал любовь и привязанность многих людей. Казалось, от него исходили волны уверенности в этот измученный и нерешительный мир, и, как показывает его дневник, он сам заряжался этой уверенностью.

В 1878 году его кандидатура рассматривалась на должность посла в Вене. Теперь, когда была предпринята попытка покушения на старого императора, Вальдерзе стремился занять пост начальника берлинской полиции. Он был уверен, что может раз и навсегда покончить с подрывной деятельностью. «Как я презираю банду либералов, захвативших парламент! — писал он в связи с одной из попыток покушения на короля. — Они пленники собственного многословия и с каждым годом отодвигают страну назад». Блаженны те, кто видит мир в черно-белых тонах, но им редко удается повлиять на людские судьбы.

III

В один прекрасный день генерал Альбедиль, сменивший Трескова на посту начальника военного кабинета, заметил Вальдерзе, что тот должен беречь здоровье в ожидании своего часа. Казалось, Вальдерзе не усмотрел ничего странного в этом замечании. Гораздо удивительнее это кажется тем, кто, оглядываясь назад, создает мнение об этом человеке. Мы помним, как в 1881 году Мольтке считал свою ношу все более и более невыносимой и просил дать ему заместителя, на которого он бы мог переложить часть работы. В этом смысле он возлагал большие надежды на Вальдерзе. Он ценил Вальдерзе за оригинальность, смелость и готовность принимать решения. Высшие военные круги одобрили выбор Мольтке. В 1882 году Вальдерзе был назначен на должность генерал-квартирмейстера в большой Генеральный штаб и, поскольку Мольтке предоставил ему полную свободу, взял на себя решение всех практических вопросов.

Мольтке панически боялся всего, что было связано с политикой. Вальдерзе просто не мог держаться вне поли-

тики; не позволял характер. Он воспользовался возможностью, которую в полной мере предоставила ему новая должность. Теперь он мог говорить свободно. Его речь была непосредственной, наивной, но все же впечатляла. Ему, конечно, очень помог авторитет Мольтке, но, кроме того, он нашел союзника в лице генерала Альбедиля, который надеялся вместе с Вальдерзе освободиться от влияния военного министерства.

Особенно болезненным был вопрос о доступе к императору, и именно здесь был нанесен первый главный удар. Начиная с 1883 года Вальдерзе получил право прямого доступа к императору, минуя военное министерство. Мольтке этого даже не приходило в голову. Если он понадобится императору, говорил Мольтке, то тот пошлет за ним. У Вальдерзе был другой взгляд на вещи.

Начало было удачным, а дальше пошло еще лучше. Одним из первых действий, предпринятых Вальдерзе, опять же вместе с Альбедилем, стала замена Камеке более подходящим для должности военного министра генералом Паулем фон Шелендорфом, бывшим начальником оперативного отдела Генерального штаба. Новый министр был всецело за полнейшее использование прав прямого доступа и относился к тем, кто настаивал на избавлении Генерального штаба от опеки военного министерства. Но Вальдерзе целил еще дальше. Он стремился превратить военное министерство в обычную административную службу, а всю реальную власть передать Генеральному штабу. Ему не удалось достичь поставленной цели, однако в последующие годы (с подачи Вальдерзе) Генеральный штаб стал отвечать за разработку принципов военного искусства и проведение маневров. Но Вальдерзе был не из тех людей, которые замыкаются в узко ведомственной сфере. Он поддерживал контакт с министерством иностранных дел, в котором имел конфиденциальные отношения с Хольстеном. Кроме того, с помощью военного атташе он, неофициально, представляет собою наполовину военную, наполовину дипломатическую разведывательную службу. Вскоре посол в Санкт-Петербурге генерал фон Швейниц написал, что режим Вальдерзе—Альбедиля создал «весьма представительную дополнительную тиранию» в пределах режима Бисмарка.

Достигнув выигрышной позиции, отважный офицер погружался в неизведанные моря публичной деятельности. Под началом майора Заха, начальника разведыватель-

ной службы, было открыто пресс-бюро, и ряд офицеров в отставке, отличавшихся бойким пером, были приняты на работу в качестве так называемых «газетных гусар». Среди них был майор Шейберт, бывший военный обозреватель в армии Роберта Е. Ли. В основном эти господа писали для ультраконсервативной «Kreuzzeitung», издатель которой, большой любитель развлечений и по гроб жизни обязанный фон Гаммерштейну, был во всех отношениях в долгу и перед Вальдерзе; издатель получил от Вальдерзе на газету сто тысяч марок. Вальдерзе не избегал и окольных путей. Он установил контакт с сомнительной личностью, Эрнстом Шуманом (одно время он был корреспондентом «New York Herald»), который вроде бы принимал участие в ритуальном убийстве. Прямо скажем, странная компания для одного из духовных наследников Гнейзенау.

Такому неугомонному человеку, как Вальдерзе, было трудно удержаться от того, чтобы не влезать в вопросы высокой политики. Его высказывания были столь непосредственными, что должны были вызывать ужас у людей, воспитанных в традициях классической дипломатии. У империи, заявлял он с трогательной наивностью, слишком много врагов. Французы, славяне, католики — это все враги. Только большая война поможет избежать трудностей. В 1873 году ему хотелось сразиться с Францией, но, поскольку он разделял мнение Мольтке, что решающим является Восточный театр военных действий, Вальдерзе сосредоточил свое внимание на России. В 1878 году Вальдерзе хотел (с помощью Англии) воевать с Россией и охотно говорил о мобилизации Австрии, Италии и Турции.

В 1882 году Вальдерзе познакомился с молодым Вильгельмом, сыном кронпринца, который, как он написал в своем дневнике, «произвел приятное впечатление». Вальдерзе опять задумался о нападении на Россию и установил тесные связи с фон Беком, начальником австрийского Генерального штаба. Одновременно он развернул кампанию в прессе против перевооружения России, преследуя двойную цель. Во-первых, оказать влияние на рейхстаг по вопросу перевооружения Германии и, во-вторых, понизить курс русских акций на фондовой бирже. Кроме того, он напряженно работал над мобилизационными планами и настаивал на дальнейшем укреплении вооруженных сил. Были установлены тесные отношения с военной промышленностью, и

генерал Будде, глава железнодорожного отдела Генерального штаба, стал директором оружейного завода.

Огромную проблему представляла позиция рейхстага. После победы во франко-германской войне народ, в отличие от Генерального штаба, испытывавшего серьезное беспокойство, почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Военные же расходы тяжелым бременем ложились на плечи народа, и большинство людей считали излишним увеличивать расходы на укрепление армии.

Оппозиция существовала и при дворе, и в армии. Одну из таких оппозиций возглавлял кронпринц. Вальдерзе незамедлительно начал строить козни против генерала Мичке и маршала фон Нормана, активных оппозиционеров из окружения кронпринца. В оппозиции находился и ряд генералов; особенно усердствовал Винтерфельд. Генералы не делали политики, но в данном случае было крайне важно, что эти люди, придерживавшиеся умеренных взглядов, считали Шлихтинга преемником Мольтке на посту начальника штаба. В ряде превосходных книг Шлихтинг выразил идеи Мольтке. Вальдерзе доверил своему дневнику, что он лучше и достойнее Шлихтинга. Судя по всему, преобладало именно такое мнение.

Большие надежды Вальдерзе возлагал на внука императора, молодого принца Вильгельма, которого в 1884 году сопровождал к царю. В 1885 году он пишет в дневнике о тесной дружбе с этим тщеславным и неуравновешенным молодым человеком. Вальдерзе говорит о нем как о человеке непредубежденного ума, ярком, настоящем трудоголике. В те годы Вальдерзе полагал, что при принце Вильгельме ему удастся осуществить свои планы. Льстец поторопился. Он стремился выиграть больший приз, чем мог предложить принц с его неопределенным будущим.

IV

В 1886 году Вальдерзе повел наступление на проводимую Бисмарком политику и делал намеки на спад деловой активности старого канцлера. Он отчаянно стремился занять место канцлера, и последние годы его жизни были омрачены сознанием, что его не смогли оценить по достоинству. Его трагедия состояла в том, что, несмотря на внешний блеск, он, по сути, абсолютно не подходил на роль канцле-

ра, и даже погрязшая в интригах Германия времен Вильгельма II оказалась достаточно разумной, чтобы понять это.

Однако Вальдерзе упорно преследовал свою цель. Поводом к вражде послужил тот факт, что в рейхстаге Бисмарк полагался на национал-либералов, а Вальдерзе нашел поддержку у правого крыла консерваторов.

В 1887 году, когда неожиданно выяснилось, что кронпринц болен раком, соперничество достигло критической отметки. Кронпринц умер, не прожив и года. Вальдерзе ждал чего-то подобного. Теперь открывался путь для молодого принца Вильгельма, чьим фаворитом был Вальдерзе. Появилась пища для интересных размышлений. Обстановка становилась все более напряженной. Первый тур борьбы развернулся вокруг Стокера, придворного капеллана. Стокер происходил из незнатного рода, работал репетитором в домах богатых землевладельцев и находился под впечатлением, возможно чрезмерным, той жизни, которую вели эти люди. Кроме того, будучи пастором в промышленных районах, он смог достаточно глубоко изучить социальные проблемы. Теперь он возглавлял берлинскую миссионерскую организацию и стремился развернуть массы от социализма к христианству. Вальдерзе заключил со Стокером союз. Хотя трудно сказать, насколько сильно он разделял энтузиазм Стокера.

Стокер организовал социал-христианскую рабочую партию, которая с течением времени дала жизнь социал-христианскому движению. Вскоре это движение стало центром, вокруг которого объединились недовольные существующим положением мелкие буржуа, причем явной антисемитской направленности. Правда, в течение определенного промежутка времени Стокер сыграл отведенную ему Вальдерзе роль.

Бисмарк следил за карьерой Стокера, поскольку опасался, что создание католической партии может привести к появлению ее евангелического двойника. Деятельность Стокера фактически вызвала кризис. В конце 1887 года в доме Вальдерзе собрались ультраконсервативные аристократы. Присутствовали министры, председатель рейхстага и принц Вильгельм Прусский вместе с молодой женой. Принц произнес речь (на встрече стоял вопрос о финансировании берлинской миссионерской организации), в которой подробно остановился на необходимости пробудить христианские чувства трудящихся масс. Бисмарк насторожился. Преемник

на трон должен быть выше партии, заявил он Вальдерзе. Это был камешек в огород Вальдерзе, и он понял это. Вальдерзе сделал вид, что согласен с мнением Бисмарка, но с еще большей активностью повел тайную войну против канцлера. В этом раунде по очкам Бисмарк переиграл Вальдерзе, но разница была незначительной.

В конце года Вальдерзе уже был уверен, что дни ненавистного кронпринца сочтены. Стоит императору уснуть навеки, и, не дожидаясь передачи скипетра принцу Вильгельму, начнется настоящая драка.

Имея Альбедиля в военном кабинете и фон Шелендорфа в военном министерстве, Вальдерзе был готов к схватке. Против него выступали Бисмарки, отец и сын, кронпринцесса, «армейские либералы» и Каприви, в то время секретарь имперского военно-морского ведомства. До конца года Вальдерзе вступил в серьезное противоречие с Бисмарком. Он по собственной инициативе сообщил в Вену, что Австрии не следует опасаться нападения со стороны России. Бисмарк выразил недовольство, вполне обоснованное, подобным вмешательством Генерального штаба в дипломатические дела.

Вместо того чтобы удержаться от отражения атаки, Вальдерзе с возросшей энергией принялся развивать собственный политический курс, благодаря которому всегда мог получить определенную поддержку со стороны военной партии в Вене и которая шла вразрез с политикой конкурента. В 1888 году он вновь стал настаивать на необходимости наступления на Восток. Прошли штабные переговоры с представителями Италии и Австрии, и Вальдерзе рассчитывал, что, стоит начаться стрельбе, Румыния тоже окажет ему поддержку.

Вальдерзе не останавливался ни перед чем. В 1886 году генерал фон Лое написал Вальдерзе, что бисмарковская «политика умиротворения» потерпела неудачу и появились блестящие шансы для ведения «двойной войны». Следует настроить Англию, Турцию и Италию против России и направить британских офицеров в турецкую армию. Правда, британское военное министерство не изъявляло желания принимать участия в этом интереснейшем деле, да и турки не видели в нем никакого смысла.

Вальдерзе и его друзьям казалось, что все идет как по маслу. Россия, и это действительно так, становилась все более сильной, но Германия фактически завершила пере-

вооружение. С точки зрения Лое, как и Вальдерзе, наступил наилучший момент для начала «двойной войны», и, будь принц Вильгельм тем человеком, которого видел в нем Вальдерзе, война могла бы иметь место. Европу спас от Вальдерзе не гений Бисмарка, а счастливое обстоятельство.

V

Старый император умер в марте 1888 года, и его преемник встретил это известие в Сан-Ремо перед лицом собственной смерти. Имей новый император крепкое здоровье, и Вальдерзе пришлось бы уйти в отставку. Но Вальдерзе не задумывался об этом, и конфликт с канцлером вспыхнул с новой силой.

Конечно, по сравнению с умирающим отцом Вильгельм был полон энергии. Он муштровал стражу на Темплехофер-Фелд и иногда привлекал к этому Вальдерзе. Затем кронпринц и генерал-квартирмейстер верхом во главе войска возвращались в Берлин. Играл оркестр, били барабаны, и толпы народа шумно приветствовали их на улицах. Все было так, словно они уже репетировали победное возвращение с той великой войны, о которой мечтал Вальдерзе.

Вальдерзе напряженно ждал «своего момента». Бисмарк делал все возможное, чтобы его сын Герберт впоследствии стал канцлером, и Гаммерштейн умолял Вальдерзе спасти империю от династии Бисмарков. На страницах «Kreuzzeitung» майор Шейберт выступал в защиту войны на Востоке. Бисмарк подверг его яростным нападкам. В своем дневнике Вальдерзе с возмущением писал об этих «позорных нападках» и поносил «династию Бисмарков и их мамлюков».

Мольтке пока еще поддерживал Вальдерзе. Когда Бисмарк поинтересовался, действительно ли Вальдерзе занимает свое место, Мольтке, не задумываясь, дал положительный ответ. Возможно, Мольтке был не способен разглядеть за деятельностью Вальдерзе страсть к интриганству, а может, просто в силу возраста он страшился перемен. Трудно сказать.

Весной 1888 года в рейхстаге были уверены, что, если на трон взойдет принц Вильгельм, Вальдерзе станет начальником штаба. Даже Бисмарк находился под впечатлением же-

лания Вильгельма развязать войну. Но ни Бисмарк, ни Вальдерзе не представляли, что Вильгельм играл роль, в том числе и Верховного главнокомандующего. Его предшественники участвовали в боях. Они вдыхали пороховой дым, слышали крики раненых и умирающих, грохот канонады. Они занимались настоящим мужским, правда довольно кровавым, делом. Роль, отведенная ему предками, была слишком трудна для человека, испытывавшего врожденное отвращение к кровопролитию, поэтому он восполнял отсутствие необходимых для главнокомандующего качеств шумными речами и бряцанием оружия.

Согласно дневнику, Вальдерзе находил утешение в мысли, что сумел упрочить свое положение до смерти правителя. Вскоре после смерти несчастного мы находим такую запись в дневнике Вальдерзе: «Немногие смертные так же удачливы, как я. Вероятно, я в зените жизни». Как же он ошибался!

Подул ветер перемен. Старых генералов отправили в отставку. 10 августа в отставку ушел и Мольтке. Вальдерзе стал начальником Генерального штаба. «Назначение не удивило меня, — пишет Вальдерзе в дневнике. — Я сделал блестящую карьеру, и на меня смотрит весь мир. В этом не только моя заслуга. На то воля Божья... Временами меня посещает мысль, что это не может продолжаться бесконечно и должны наступить перемены».

Однако перемены коснулись других. Первым делом Вальдерзе нанес предательский удар по собственному окружению. Когда новый император выразил желание поставить во главе военного кабинета генерала фон Ханке, командующего 1-й пехотной бригадой, Вальдерзе, даже не опустившись до каких-либо объяснений, снял с поста старого друга Альбедиля. Аналогичным образом он повел себя в отношении смены военного министра. Выяснилось, что генерал Верди дю Вернуа больше подходит на должность военного министра, чем Шелендорф, и с помощью Вальдерзе Вернуа получил эту должность.

Многие предлагали объединить Генеральный штаб и военное министерство под началом Вальдерзе. Он отклонил это предложение (тем более что Бисмарк никогда бы не дал своего согласия). Однако в положении Генерального штаба произошли заметные изменения; теперь он не был простым придатком военного министерства. В значительной степени благодаря Вальдерзе.

VI

У нового начальника штаба была обширнейшая программа. Он был всецело за проведение реформы в армии, но ратовал не за внутреннюю реорганизацию, а за изменение численности. Его совершенно не интересовали новые достижения в области техники, хотя в армиях других стран уже давно проявляли интерес в этой области. Впрочем, тут не было ничего странного; Вальдерзе был убежденным антимодернистом. Не техника, а храбрость и дисциплина принесли Пруссии победы в войнах. Однако Вальдерзе полностью не отвергал значения физического фактора, считая, что Всевышний на стороне крупных формирований.

Вместе с военным министром он разработал новые, более жесткие принципы подхода к всеобщей воинской повинности. Каждый военнообязанный должен был пройти трехлетний курс обучения. Резко увеличился численный состав пехоты и артиллерии. Кроме того, Вальдерзе провел реорганизацию Генерального штаба. Все отделы были поделены между тремя обер-квартирмейстерами (Oberquartiermeisters). В ведении первого обер-квартирмейстера находился железнодорожный сектор и 2-й отдел («германский»); он отвечал за вопросы, связанные с организацией, мобилизацией и вооружением. Это был так называемый департамент развертывания. Другой обер-квартирмейстер занимался вопросами обучения, крепостями и картами. Третий обер-квартирмейстер, под началом которого находились бывшие 2-й и 3-й отделы, занимался вопросами, связанными с теми европейскими государствами, которые не входили в ведение «германского отдела». Центральный и военно-исторический отделы, как и топографическая служба, находились в непосредственном ведении начальника штаба.

Однако в воздухе витал дух коренных изменений. Развитие промышленности поставило на повестку дня вопрос о колониях. Появилось стремление расширить колониальные завоевания в Африке, Азии. Деятельность Гольца в Турции заложила основы восточной политики.

Генеральный штаб предстал в новом свете. Теперь на него смотрели как на организационно-технический аппарат, с помощью которого Германия будет удерживать положение в постоянно развивающемся мире. Вероятно, не случайно пятьдесят процентов офицеров Генерального штаба были

теперь буржуазного происхождения. В Генеральном штабе никогда не чувствовалось сильное влияние пангерманизма, однако его сторонники были именно из буржуазной среды. В Генеральном штабе ими были такие нетитулованные офицеры, как капитан Кейм и майор Либерт, первыми установившие связь с флотской пропагандистской организацией Flottenverein и другими подобными организациями. Старые прусские юнкеры никогда не представляли, какой реальной силой обладает флот. Новый богатый класс коммерсантов настойчиво требовал защиты торговли и заморских владений Германии. Император клятвенно заверил, что однажды у него будет собственный, могущественный флот.

Флот стал теперь новой путеводной звездой, показателем растущего благополучия Германии. Для простых людей он был камнем преткновения, а для настоящих мечтателей святой целью. В 1889 году в рейхстаге были рассмотрены первые планы относительно морского флота. Командование флота не подчинялось имперскому морскому министерству. Император создал собственный военно-морской кабинет, который вместе с военным кабинетом образовал имперский штаб под началом генерала фон Виттича. В течение какого-то времени шли разговоры о штабе Верховного главнокомандующего, имелось в виду что-то вроде высшего штаба или имперского Генерального штаба, и, хотя эти разговоры ничем не кончились, Вальдерзе понял, что столкнулся с новой проблемой, идущей вразрез с его собственными планами. При всех недостатках Вальдерзе в большинстве случаев трезво оценивал ситуацию. Германия, по сути, была континентальной державой. Перевооружение флота могло отразиться на сухопутной армии, являвшейся традиционным источником прусской мощи.

В августе 1888 года, как только всерьез встал этот вопрос, между императором и Вальдерзе появились первые признаки расхождения во взглядах. Вальдерзе прекрасно понимал, что империя не может позволить себе роскошь вдобавок к перевооружению сухопутной армии содержать еще и мощный флот. Кроме того, Вальдерзе считал, что флот не сможет иметь решающего значения в войне с Францией или Россией. Вальдерзе впервые понял, что начинает разочаровываться в императоре. Он постепенно приходил к мысли, что если раньше ему казалось, что все ясно, то теперь он столкнулся с проблемами, в которых ничего не понимает.

VII

Гаммерштейн укреплял уверенность Вальдерзе, что он станет канцлером, которому отводится лидирующая роль в переводе империи на новую стадию развития (примерно в это время издатель «Kreuzzeitung» получил от Вальдерзе сто тысяч марок), но, когда оппозиционная пресса открыто упомянула о его честолюбивых планах, Вальдерзе превзошел сам себя в изображении праведного негодования. Он задавал себе вопрос, не слишком ли он запутался в собственных происках, сможет ли он уловить психологический момент, чтобы в открытую попытаться прийти к власти. Сомнений добавлял и тот факт, что Бисмарк имел огромное влияние и дома, и за рубежом. Официально Бисмарк и Вальдерзе обменивались взаимными заверениями в том, что они ни в коем случае не являются соперниками, однако Вальдерзе по-прежнему атаковал Бисмарка, правда, делал это чужими руками. Для подобных дел у него были Стокер и Гаммерштейн.

Все было отнюдь не просто. Новые люди угрожали отнять у него расположение императора. Особенно усердствовал граф Филипп Эленбург, прусский посол в Мюнхене, мягкий, мечтательный человек, игравший на фортепьяно, сочинявший песни и стихи. У Вальдерзе хватило ума искать расположения Эленбурга. Еще один член большого восточнопрусского клана Эленбургов, граф Август Эленбург, был церемониймейстером, а граф Бозо Эленбург, бывший министр внутренних дел Пруссии, играл важную роль в качестве консервативного политика. Эта семья постепенно выдвинулась на передний план. Император стал частым гостем у родственников по боковой линии, с которыми любил поохотиться.

15 апреля 1889 года Вальдерзе доверяет дневнику следующее соображение: репутацию и мастерство Бисмарка следует использовать до завершения перевооружения Германии. По окончании этого процесса следует развязать войну с Францией и Россией. «До тех пор с канцлером, а когда положение осложнится, без него — или даже против него». Когда Россия обратилась с просьбой одолжить вооружение, Вальдерзе уговорил императора отказать России. Бисмарк вел себя более чем осмотрительно. Через прессу он подверг критике действия Вальдерзе, хотя понятно, что на самом деле объектом атаки был император. Вальдерзе открыто обвинили в желании вести войну ради войны. Он в сердцах

отмел все разговоры о «военной партии». Прусская армия, заявил Вальдерзе, не знает никаких партий. Однако это прозвучало неубедительно.

Вальдерзе стал продумывать, как найти подходы к другим партиям, к «свободным консерваторам» и национал-либеральной партии. Но тут случилось непредвиденное. Стало очевидно, что император избрал примиренческую тактику в отношении социальных проблем, а в таком случае антагонизм между императором и канцлером мог перерасти в открытое противостояние. Вальдерзе сам был разочарован позицией императора. Борьба с рабочим классом была именно тем, чего он всегда хотел. Он хотел этого и теперь. К концу 1889 года появилась причина поверить, что Бисмарк подумывал о государственном перевороте. Рейхстаг был его детищем, но дети зачастую разочаровывают своих родителей. Суть государственного переворота заключалась в следующем. Всеобщее избирательное право заменить реакционной выборной системой. Трудно поверить, что социалисты согласятся с подобной заменой, и, следовательно, у армии появится возможность решить проблему с помощью силы. По мнению Бисмарка, такая политика силового принуждения принесет дивиденды не только дома, но и за границей. Бисмарк чувствовал, что русский царь, которого нигилисты со своими бомбами привели в состояние хронического ужаса, будет очень доволен таким поворотом событий.

Вальдерзе мог только предполагать, что творится в голове Бисмарка, но он одобрительно относился к мысли о государственном перевороте и целиком поддерживал диагноз Бисмарка относительно всеобщего избирательного права. Конечно же это была злокачественная опухоль. Но как бы то ни было, а государственный переворот должен был стать делом его рук, а никак не Бисмарка.

Но ни один из этих планов не воплотился в жизнь. В марте 1890 года произошел кризис, который привел к падению Бисмарка. «Произошел жуткий скандал», — поведал Вальдерзе 15 марта дневнику. В присутствии императора Вальдерзе яростно атаковал канцлера, обвинив его в полном провале внешней политики. Интриган, по всей видимости, решил, что наступил час его триумфа. Увы, триумф не состоялся. Отставка канцлера, по всей видимости, подействовала на Вальдерзе сильнее, чем он мог предположить. «Я действительно не жажду удовлетворить тщеславие с помощью звания канцлера», — пишет он в дневнике и добавля-

ет, что если император прикажет ему, то, как солдат, он будет обязан подчиниться. Когда Вальдерзе, льстивый придворный, каким он оставался до конца, сказал императору, что молился, чтобы Господь позволил ему выбрать нужного преемника, император ответил: «О, я полагаю, мы справимся. Удачных поисков!»

VIII

Вальдерзе и Эленбург вбивали императору в голову мысль, что в данный момент самым подходящим преемником Бисмарка может быть только генерал. Говорили они одно, но цели у них были разные. В результате преемником Бисмарка стал Каприви, пехотный генерал, служивший в 60-х годах под началом Мольтке в Генеральном штабе. Он был действительно хорошим офицером, и Бисмарк сожалел, что такой хороший офицер должен идти в политику. Каприви отказался от политики, проводимой Бисмарком, заявив, что не владеет подобным искусством жонглирования. Какая ерунда! Он просто ничего не понимал в дипломатии.

Последствия допущенной ошибки не замедлили сказаться. В 1890 году заместитель начальника французского Генерального штаба генерал Буадефре присутствовал на маневрах русских. В 1891 году на свет появилось франко-русское соглашение. Частично оно было направлено против Англии, чьи колониальные захваты в Африке и на Ближнем Востоке вызывали определенное беспокойство, но в основном против Германии. Какое-то время Вальдерзе одобрял мобилизацию Англии против России, но теперь Гольштейн направлял политику министерства иностранных дел и не хотел поддерживать крепкие отношения с этой страной. Навязчивая идея, что Англия может использовать Германию в качестве континентального меча против России, преследовала его до конца жизни. В результате Россия стала союзником Англии, тем самым признав явную несостоятельность тезиса Гольштейна: лев и медведь непримиримые враги и всегда будут находиться в оппозиции друг к другу. Таким образом, не возникло англо-германского понимания, хотя это было бы очевидным ответом на франко-русское соглашение.

Однако Вальдерзе мучили другие проблемы. Сначала он приветствовал назначение Каприви. Но скоро со всей оче-

видностью понял, что «Der Biedermann» (серьезный гражданин, как он назвал его в своем дневнике) следует собственной политике. Вальдерзе никак не ожидал, что новая политика серьезным образом отразится в первую очередь на нем. Каприви сделал все для того, чтобы военные атташе подчинялись гражданским дипломатическим лицам, и тем самым фактически уничтожил созданную Вальдерзе личную разведывательную службу. Что касается реформирования армии, то планы Вальдерзе так и не были реализованы. Каприви решил сократить срок службы в армии.

Осенью Верди дю Вернуа сложил с себя полномочия, и место военного министра занял генерал фон Кальтенборн. Вальдерзе стало не по себе. Флотские проблемы целиком захватили императора, и в довершение всего, во время разбора маневров Вальдерзе высказал мнение, идущее вразрез с мнением императора. Замечание Вальдерзе случайно оказалось справедливым, но ведь его высочество никогда не ошибался. Не правда ли, довольно странная ошибка для такого угодливого придворного, каким был Вальдерзе, если не сказать катастрофическая?

Вальдерзе задавался вопросом, не ошибся ли он в отношении императора. Тщеславный и лихорадочно ищущий популярности Вальдерзе не переносил этих качеств в других. Осенью 1890 года император под нажимом Каприви предпринял попытку избавиться от своего упрямого, ставшего неудобным начальника штаба. Вальдерзе было предложено место командира 13-го армейского корпуса в Штутгарте. Вальдерзе отказался. Старый Мольтке, который относился к Вальдерзе с прежней пылкостью, попытался предостеречь императора, открыто заявив, что нельзя всякий раз, когда заблагорассудится, менять начальника штаба. Но кто теперь прислушивался к мнению старого Мольтке?

Наконец-то Вальдерзе понял, что император слишком рано сел на трон. Его дни, заполненные поездками, парадами, маневрами, инспектированием и охотой, прерывались бравурными звуками произносимых им речей. Он был опьянен своей ролью и уже говорил: «Я поведу вас навстречу великолепным временам». Больше всего Вальдерзе покоробила речь императора, произнесенная во время приведения рекрутов к присяге. Император, временно помешавшийся на революции, заявил, что если он прикажет, то они должны будут стрелять в своих отцов и братьев. Как ни прискорбно,

но ничего не поделаешь. Вальдерзе считал, что и речи не должно идти о неповиновении. Выступление императора задело его за живое. Он с каким-то жалким упорством продолжал преследовать идею о государственном перевороте, которую лелеял, как последнее средство в решении социальных вопросов, и успех планируемого им государственного переворота зависел от неукоснительного повиновения. Неудивительно, что речь Вильгельма произвела на Вальдерзе тягостное впечатление.

IX

К концу 1890 года император разработал план укрепления порта Мамель, чтобы использовать его в качестве морской базы. Вальдерзе был в принципе против фортификационных сооружений. Война, которую он планировал, была войной молниеносных атак. Наступательный бой был основным достоинством прусской пехоты. Примерно в это же время Вальдерзе вновь представил на обсуждение план нападения на Россию под тем предлогом, что она стремится к разделу Турции. Но Вильгельм не хотел войны. Он питал интерес к военным играм и маневрам, с кирасирами в белых мундирах и сверкающих нагрудниках.

15 января 1891 года Вальдерзе, полный мрачных предчувствий, записал в дневнике, что его больше не приглашают на обеды к императору. На своем дне рождения император, улучив удобный момент, сообщил Вальдерзе, что хочет поручить ему командование армейским корпусом.

Это был смертный приговор. После дня рождения императора на обеде с членами большого Генерального штаба у Вальдерзе состоялся разговор с генералами Шлифеном и Оберхоффером. Затем он подошел к императору и попросил разрешения выйти в отставку. Император был в превосходном настроении. «Я всего лишь хочу, чтобы мой начальник штаба был своего рода секретарем, — сказал он, — поэтому мне нужен более молодой человек». Он предложил Вальдерзе 9-й армейский корпус в Альтоне. Это прекрасное место; оттуда он сможет следить за Бисмарком, который после отставки жил во Фридрихсру. Кроме того, недалеко был Гамбург с десятками тысяч пролетариев. Вальдерзе был жутко потрясен и продолжал настаивать на просьбе об отставке. «Он сам хочет быть начальником штаба. Господи, помоги

нашей стране». Настоящий *cris de coeur*[1], один из немногих в дневнике Вальдерзе.

Однако император и письменно и устно продолжал отклонять просьбу об отставке. 31 января он принял Вальдерзе, и тот, воспользовавшись случаем, объяснил императору, что армия приходит в упадок. «Впервые слышу об этом!» — воскликнул пораженный император. На этот раз Вальдерзе подчинился и принял командование армейским корпусом. Шлифен сменил его на посту начальника Генерального штаба.

С уходом Вальдерзе резко улучшилась атмосфера и в самом Генеральном штабе, и в армии. Политические интриги были чужды обычному офицеру. Солдаты выполняли свой долг и повиновались приказам. Армия не простила Вальдерзе излишних политических амбиций, впоследствии по той же причине пострадал Шлейхер. Только крайние консерваторы и милитаристы, как среди военных, так и среди политиков, видели в Вальдерзе великого человека.

Он не был счастлив в Альтоне. Ходили слухи о скандалах, связанных с его именем. На офицеров Генерального штаба, майоров Заха и Либерта, бывших «газетных гусаров», было наложено дисциплинарное взыскание, а неподобающее с точки зрения офицера Генерального штаба сотрудничество с журналистами и парламентариями послужило причиной для снятия их с занимаемых должностей. Годом раньше расположения монарха лишился Стокер.

X

Стареющий Вальдерзе по-прежнему испытывал ностальгию по власти, но не впадал в отчаяние. Он все еще ждал знака, и время от времени казалось, люди манят его к себе. В период с 1892-го по 1894 год во Франции, Испании и Италии анархисты совершили ряд противоправных действий, завершившихся убийством президента Франции Карно. В ответ на эти события немецкий угольный магнат Фрейхер фон Штум начал кампанию по принятию энергичных контрмер. И вновь Вальдерзе решил, что пробил его час. Опять реакционеры бросали взгляды в сторону «сильного человека», находившегося в изгнании в Альтоне. Мудрый изгнанник из своего убежища Фридрихсру предостерегал соотече-

[1] Крик души (*фр.*).

ственников от бессмысленной политической эскапады. Но политики оставались вечными мальчиками, рассерженными романтиками, крестоносцами и прочими неисправимыми людьми.

Каприви вел ожесточенную борьбу за увеличение ассигнований на армию. В конце концов император был вынужден заявить, что, если этот «полусумасшедший рейхстаг» будет и впредь тормозить решение вопроса, он пошлет его к черту. Обстановка нагнеталась. Молодой Мольтке посоветовал Вальдерзе оставаться в тени, поскольку его величество пошлет за ним. Гаммерштейн упорно настаивал, что существует единственно возможный путь — спровоцировать рабочих и открыть стрельбу.

Вновь встал вопрос о военной диктатуре. Вальдерзе, похоже, воспринял эту ерунду достаточно серьезно. Гольштейн разволновался, забеспокоились и Эленбурги. Судя по всему, Филипп Эленбург боялся, что Франция и Россия могут воспользоваться внутренними разногласиями и задуматься относительно превентивной войны. Все действительно зашло довольно далеко. Французская пресса начала строить предположения относительно возможного распада империи, и некий капитан Молард из французского Генерального штаба издал книгу, в которой заявил о притязаниях Франции на левый берег Рейна.

26 октября 1894 года император, под давлением землевладельцев Восточной Пруссии, уволил Каприви. По мнению Стокера, наступил момент для «активных действий». Вальдерзе должен стать канцлером. Следует покончить с рейхстагом и подрывными элементами; заменить всеобщее избирательное право системой выборов с участием профессиональных и классовых представителей. Однако император не нуждался в Вальдерзе. Приход Вальдерзе означал борьбу, а император никогда не стремился к борьбе. Он хотел быть со всеми в дружеских отношениях.

Политика Каприви спровоцировала кризис у землевладельцев Восточной Эльбы, что, в свою очередь, привело к ввозу дешевого русского зерна. Ряд малопродуктивных фермерских хозяйств пошли с молотка. Появились очевидные признаки распада класса, который некогда снабжал германский народ лидерами. Придворный титулованный церемониймейстер по ложному анонимному заявлению был заключен в тюрьму; настоящий преступник, другой церемониймейстер, тоже был титулованной особой. Два берлинских

журналиста и чиновник из политической полиции были привлечены к суду за распространение ложной информации. Вальдерзе не остался в стороне. Шуман, которого Вальдерзе использовал в качестве источника информации, был замешан в этом деле, и Вальдерзе помог ему тайно бежать в Италию. В этой атмосфере невольно рождались мысли о диктатуре, и многим казалось, что в этом единственное спасение. Вальдерзе пребывал в полной боевой готовности. Теперь можно и пострелять. Армия будет подчиняться офицерам и пойдет против социал-демократов. Но никто не испытывал особого стремления к братоубийственной войне, и не было никакой стрельбы.

XI

Над Вальдерзе нависли тучи. В 1895 году любовница Гаммерштейна, актриса, проговорилась, что издатель «Kreuzzeitung», чей лозунгом был «С Богом за короля и страну», получил взятку в размере двухсот тысяч марок и пустил их на собственные нужды. Гаммерштейн был политическим наставником Вальдерзе и его самым горячим поклонником. Он сбежал в Тироль, оттуда в Грецию, где был арестован. Его вернули домой и приговорили к трем годам тюремного заключения.

Как это ни странно, но Вальдерзе все еще считался потенциальным военным лидером. Он мог оправдать себя, поскольку, если бы началась война, он командовал бы восточной армией. Вальдерзе отвергал новую теорию Шлифена, будто бы первый удар следует нанести по Франции. В 1897 году он вновь предлагает императору решить социальные вопросы с помощью силы, поскольку рассчитывать можно только на армию. Император с улыбкой отвечает Вальдерзе, что если дело дойдет до стрельбы, то он уверен, что Вальдерзе хорошо выполнит эту работу. В ответ Вальдерзе выражает надежду, что его величество не будет ждать, пока он слишком состарится. «Мы подумаем над этим», — по-прежнему улыбаясь, отвечает император. Вот так-то!

Вальдерзе постепенно терял надежду. Приняв участие в новогодней праздничной церемонии в берлинском дворце в 1900 году, Вальдерзе задавался вопросом в своем невероятном, неповторимом, бесконечном дневнике, состоится ли подобный прием спустя сто лет. Его ответ был

отрицательным. В 1900 году вспыхнуло боксерское восстание. В Пекине был убит немецкий посол. Вальдерзе был назначен командующим германской экспедиционной армией. Император заключил соглашение с другими державами, чьи армии поступили под начало Вальдерзе. Это послужило поводом присвоить Вальдерзе чин фельдмаршала. Правда, когда он появился в Пекине, город был уже оккупирован объединенными силами европейских государств. Либералы не упустили возможности посмеяться над новоявленным фельдмаршалом.

До самой смерти, наступившей в 1904 году, он занимал должность инспектора 3-й армейской инспекционной зоны в Ганновере, должность, предполагавшую в случае войны командование одним из фронтов. «Я молю Бога, чтобы не стать свидетелем наступающих перемен», — произнес Вальдерзе незадолго до кончины.

Эти слова, сказанные перед лицом смерти, могут означать, что Вальдерзе осознал неправильность выбранного пути, а может, он умер с убеждением, что близок конец страны, которая пренебрегла его советами.

Вальдерзе умер. Этот несомненно способный человек, фактически, бессмысленно растратил свою жизнь. Из всех знаменитых личностей, имевших отношение к большому Генеральному штабу, он единственный, хотя и весьма приблизительно, подходил к известному стереотипу. Он испытывал просто болезненную склонность к борьбе по случаю и без случая; ведь далеко не во всех случаях действует принцип — не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Именно это соображение, похоже, лежало в основе его теории превентивной войны. Вальдерзе не относился к типу грубых, придерживающихся репрессивных мер антидемократов, которые присутствовали в кошмарных видениях Вильсона, хотя некоторые из его высказываний заставляют предположить, что он находил удовольствие в грубости и жестокости.

Если бы Вальдерзе удалось удовлетворить свои амбиции, для Германии это могло обернуться катастрофой. Но существовала ли реальная опасность? Вальдерзе никогда не ладил с современниками. Он был слишком наивен, чтобы его можно было принимать всерьез как государственного деятеля, и слишком прямолинеен, чтобы быть приспособленцем. В результате он оказался между двумя стульями. Он не понимал, что история двигалась не в том направлении, которое выбрал он. Вальдерзе проиграл.

Глава 6
ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЛАН
Шлифен

I

Создатель рейхсвера генерал Сект часто отмечал, что задача Генерального штаба заключается не в том, чтобы поставлять гениев, а в том, чтобы сосредоточиться на обучении обычных людей, которые смогут проявить работоспособность и практический ум. По его мнению, идеальным было бы такое положение дел, когда один офицер Генерального штаба мог в любой момент принять на себя ведение дел другого офицера и оба они мыслили бы одними категориями. Он надеялся, что в результате обучения появится некий однотипный образ. Стремление воспитать своего рода ограниченных людей приобрело особый смысл с назначением на должность начальника Генерального штаба графа фон Шлифена.

Шлифен сильно отличался от своих блестящих предшественников. Его семья не могла похвастаться высоким происхождением. Их предками были жители Кольберга, мэры и члены совета района. Знаменитый потомок имел привычку объяснять собственное трудолюбие традициями этого простого, исполненного сознанием долга рода. Семья приобрела землю и титул только при прусских королях.

Граф Альфред фон Шлифен родился в 1833 году. Его отец в чине майора служил в гвардейской пехоте. Шлифен был высокообразованным, но до некоторой степени изнеженным аристократом. Надменно-отстраненное выражение его лица можно, вероятно, отнести за счет близорукости. Кстати, близорукость могла стать препятствием на пути к военной службе. После школы и берлинской гимназии он недолго изучал право. По всей видимости, школа оказала на

него серьезное влияние, поскольку благочестие осталось с ним на всю жизнь. Шлифен был глубоко религиозен; к тому же он был скрытным человеком и не испытывал особого вкуса к жизни, поэтому крайне нуждался в утешении и поддержке.

В 1854 году в чине лейтенанта он поступил на службу во 2-й уланский полк. На несколько лет Шлифен погрузился в полную развлечений жизнь молодых офицеров и заслужил прозвище «сумасшедший Шлифен». Невероятное сочетание: серьезный характер и более чем странное прозвище! Вероятно, эту безумную, можно сказать, безрассудную погоню за удовольствиями меньше всего следует относить за счет его личных качеств, скорее, это была дань времени. В 1865 году он получил назначение в Генеральный штаб. Женился на кузине, графине Анне Шлифен (она умерла спустя четыре года после свадьбы). Это были счастливейшие годы его жизни. Анна Шлифен была, по всей видимости, доброй и сердечной женщиной, поэтому после ее смерти муж не стремился возместить утрату.

Первый военный опыт Шлифен получил в Кенигграце. Он находился там на положении штабного офицера при кавалерийском корпусе принца Альбрехта Прусского, и у него остались на всю жизнь неизгладимые впечатления. Заметим, что битва при Кенигграце велась путем окружения. Во время франко-германской войны Шлифен был штабным офицером при корпусе эрцгерцога Мекленбургского, который сражался с рекрутами Гамбетты на Луаре. В 1884 году Шлифен возглавил военно-исторический сектор Генерального штаба (в то время Гинденбург в чине капитана также служил в Генеральном штабе). В 1889 году Шлифен стал генералом, первым обер-квартирмейстером и заместителем Вальдерзе.

Первый обер-квартирмейстер, поглощенный исключительно своими непосредственными обязанностями, являл полную противоположность начальнику штаба с его разнообразными интересами. Кроме того, если Вальдерзе стремился к войне, то Шлифен рассматривал войну как неотвратимое веление судьбы. Человек мог проявить свою волю только в борьбе малочисленной армии с превосходящими силами противника. А вот за кем останется победа, был вопрос. Этот вопрос рассматривал на страницах своих произведений один из офицеров Генерального штаба, который был к тому же довольно известным историко-политическим

обозревателем, граф Йорк фон Вартенбург. Шлифен ясно видел слабость и несостоятельность германской политики.

Шлифена абсолютно не интересовало все то, что лежало вне сферы его профессиональной деятельности. Как-то во время одной из штабных поездок, проведя утомительную ночь в пути между Кенигсбергом и Инстербургом, сопровождавший Шлифена адъютант обратил его внимание на живописную долину, лежащую в лучах утреннего солнца. «Ерундовое препятствие», — бросив мимолетный взгляд, заметил Шлифен и снова замолчал. Такое же равнодушие он проявлял и в отношениях с людьми. Один из ближайших сослуживцев Шлифена, генерал фон Куль, рассказывал, как в канун Рождества получил от Шлифена задание, которое должно было быть выполнено в первый день Рождества.

Сердечный и доброжелательный Мольтке с уважением относился к своим сотрудникам. При нем штаб был, по сути, одной большой семьей. Шлифен был высокомерным, с подчиненными держался сухо, и люди часто страдали от его сарказма. Во время военных учений он старался запутать подчиненных, и, похоже, ему доставляло удовольствие видеть их замешательство при решении особенно трудных задач. Генерал фон Шлихтинг писал, что Шлифен обладал талантом стратега, но имел отвратительный характер. Самый существенный его недостаток заключался в том, что он не выносил соперников, никого, кто бы обладал оригинальным умом, самобытностью. Таких офицеров либо снимали с занимаемых должностей, либо обрекали на бездействие.

Даже будучи полностью уверен в собственной правоте, Шлифен никогда не отстаивал свое мнение, даже в вопросах, касающихся проведения реформы в армии и планирования осенних маневров. Что касается последнего, то он предоставлял полную свободу действий императору, который с удовольствием брал инициативу в свои руки. Шлифен благодушно наблюдал за действиями Вильгельма. Это как-то не согласовывалось с холодностью и сдержанностью Шлифена. Те, кто знали его достаточно близко, вроде капитана Маккензи, который был его адъютантом в 90-х годах, в своих воспоминаниях пытались объяснить особое обаяние, исходившее от этого человека. Наши оценки обусловлены временем, в котором нам посчастливилось жить, а идеалом того времени был лишенный че-

ловеческих чувств специалист, поглощенный работой и не видящий ничего вокруг. Как мы видим, Шлифен идеально подходил для этой роли. Люди, стремясь понять крайнюю ограниченность Шлифена, тем не менее, восхищались ясностью его мысли.

II

Теперь Генеральному штабу стало абсолютно ясно, что Германии придется вести войну на два фронта. Находясь в безвыходном положении, военные разработчики должны были найти какой-нибудь обнадеживающий прецедент, и они, естественно, вновь обратили пристальный взгляд на Фридриха Великого.

Действуя на внутренних линиях, Фридрих Великий успешно вел войну на нескольких фронтах. В ноябре 1757 года он разгромил французские и имперские армии, а затем во главе тридцатидвухтысячного войска спешным порядком отправился в Силезию и, благодаря блестяще проведенной операции, обошел противника с фланга, победив восьмидесятидвухтысячную австрийскую армию в Лейтене. Эти победы не явились причиной для окончания войны. Только спустя шесть лет в результате изменений в составе вражеской коалиции войне был положен конец. Шлифену не давала покоя одна мысль. Сравнивать две великие державы, Францию и Россию, своих вероятных противников, с ними же в ситуации, в которой находился Фридрих, было, с одной стороны, соблазнительно, а с другой — бесперспективно.

Основная проблема заключалась в следующем. Требовалось сконцентрировать по возможности максимальные силы для нанесения удара по одному из противников, а затем молниеносно переключиться на другого. Мольтке гарантировал нанесение молниеносного удара, поскольку превратил железнодорожный транспорт в нечто вроде основного орудия. Это было на руку Шлифену, и он продолжал настаивать на дальнейшем укреплении армии. Он придерживался мнения, что должен давать советы и рекомендации, но не более того.

Между тем в период с 1893-го по 1905 год было сформировано три новых армейских корпуса и проведено усиление армии за счет технического усовершенствования

оружия. Несмотря на это, сотни тысяч военнообязанных не смогли пройти военную подготовку; рейхстаг был враждебно настроен к вопросу об увеличении военных ассигнований. Шлифен с интересом следил за развитием средств связи с помощью телеграфа, телефона и гелиографа. Он оценил потенциальные возможности двигателя внутреннего сгорания и, что самое важное, оснастил полевую армию мобильной тяжелой артиллерией калибра 150 и 210 мм.

В 1896 году в Генеральном штабе были проведены структурные изменения. Теперь руководство Генерального штаба состояло из начальника, его заместителя, генерал-квартирмейстера, и четырех обер-квартирмейстеров. Однако, изо всех сил стараясь усовершенствовать административный аппарат, Шлифен допустил серьезную ошибку. Он считал, что увеличение численности армии потребует больших затрат, и никакая держава не сможет профинансировать затяжную войну. Он не осознавал, что многочисленная армия повлечет за собой мобилизацию промышленности и освободит скрытые до этого времени ресурсы.

Главный вопрос заключался в том, чтобы определить, какой фронт, с большей вероятностью на успех, сможет нанести первый сокрушительный удар. Поначалу Шлифен придерживался планов Мольтке и Вальдерзе, которые предусматривали главное развертывание на востоке. Но малопомалу он сменил приоритеты. Франция закончила строительство фортификационных сооружений на восточной границе. Россия сосредоточила многочисленные войска в Польше и взялась за строительство крепостей в Ивангороде, Брест-Литовске, Ковно и Варшаве. Район реки Нарев, где по замыслу Мольтке следовало нанести главный удар, оказался закрыт.

В конечном итоге именно запад стал объектом пристального внимания Шлифена; Мольтке и Вальдерзе должны были ждать наступления французов в Лотарингии. Шлифену пришла идея обойти неприятеля с фланга, выйти в тыл французской фортификационной системы и заставить врага изменить направление наступления.

Фортификационная система французов была устроена так, что одним концом доходила до границы со Швейцарией, а другим — до границы с Бельгией. Слабо укрепленная Швейцария не представляла никакой трудности для прохождения войск. Иначе обстояло с Бельгией. Здесь Шлифену следовало принимать во внимание, что фран-

цузская армия может пройти через Бельгию, обойти с фланга развернутые вдоль Рейна войска и угрожать Руру.

Примерно в 1892 году у Шлифена зародилась идея послать мощную армию через Люксембург, оставаясь в обороне в Лотарингии. Однако планируемая территория была слишком мала для развертывания армии и не имела достаточного количества дорог. Правда, Арденны были наиболее слабым местом французской оборонительной системы. «Люксембургскую брешь» прикрывали только две устаревшие крепости; сложный рельеф местности не позволил французам укрепить это «слабое звено».

Когда Бельгия добилась независимости, Пруссия, подобно всем ведущим европейским державам, гарантировала ее нейтралитет. Четкое политическое руководство, каким оно было при Бисмарке, вероятно, отказалось бы нарушить обещание, но отношения Шлифена с канцлером Гогенлоэ и его преемником Бюловом были чисто поверхностными. По мнению Генерального штаба, ни Гогенлоэ, ни Бюлов не имели авторитета, сравнимого с авторитетом Бисмарка. Гольштейн (он информировал Шлифена о международных делах), узнав о планах нарушения нейтралитета Бельгии, предпочел не касаться неприятного вопроса, уповая на то, что не представится случая осуществить его на деле.

Шлифен довольно хорошо знал историю, чтобы понимать, что нарушение обязательств по отношению к Бельгии может повлечь за собой интервенцию со стороны Британии. Он не придавал большого значения возможной высадке англичан в Дании или нападению на Кильский канал, будучи уверен, что здесь можно будет обойтись ничтожными силами.

III

Планы ежегодно подвергались переработке, но постепенно, под влиянием происходящих событий, идея начала приобретать конкретные очертания. В 1898, 1899 и 1901 годах Англия запускала пробные шары, чтобы понять, нельзя ли достигнуть соглашения между великой морской державой и великой сухопутной державой. Ни Бюлов, ни Гольштейн не одобряли жестких мер по отношению к Германии, которая в этом случае лишилась бы козырей и потеряла бы опору. В конечном счете Англия отказалась от поисков пу-

тей сближения с Германией. В 1904 году она уладила с Францией спорные вопросы и выстроила политику в соответствии с политикой своей соседки. Тем временем Бельгия, встревоженная упорно ходившими слухами о намерении Германии пройти через ее территорию, начала укреплять Льеж и Намюр.

В начале века план Шлифена на западе предусматривал сосредоточение шести армий на линии Сен-Вит—Страсбург и фланговую армию, двигающуюся эшелонами из области Экс-ля-Шапель—Дюрен. В 1902 году штаб по-прежнему считал, что Германия не должна нарушать нейтралитет Бельгии и Люксембурга, если только этого не сделает Франция. Но даже в том случае, если французская армия будет наступать из Вогез, можно будет нанести фронтальное поражение, но вряд ли французы будут полностью уничтожены.

Положение осложнялось следующим. Первый удар следовало нанести по Франции, пройдя через территорию нейтральной Бельгии. До полного уничтожения французов необходимо было ухитриться удерживать русские войска восточнее Вислы. Не факт, что Шлифен с легким сердцем принял решение нарушить нейтралитет Бельгии. Он мучительно обдумывал возникшую проблему, и чем больше размышлял, тем яснее становилось, что задача имеет одно-единственное решение.

Наконец в 1905 году появился вошедший в историю план Шлифена. Основная часть западной армии (теоретически такая армия обычно состоит из девяти армейских корпусов, пяти кавалерийских дивизий и семи резервных корпусов) должна была собраться в районе Кельн—Дюссельдорф—Экс-ля-Шапель для наступления в направлении Бельгии. Семь армий, оставшихся в эшелоне, должны были двигаться в южном направлении к Саарбургу. Короче говоря, огромная армия должна была совершить колоссальный марш-бросок через Бельгию в направлении Меца, заставить противника сражаться в бассейне Сены и теснить до тех пор, пока французы не окажутся у своих приграничных крепостей или будут вынуждены отступить в Швейцарию. Верхний Рейн должна была удерживать итальянская армия из десяти пехотных и двух кавалерийских дивизий, хотя Шлифен вовсе не был против вражеского наступления через Верхний Рейн в Баден. В этом случае Франции пришлось бы оттянуть часть оборонительной армии.

На востоке оставался слабый заслон из трех армейских корпусов, четырех резервных дивизий, четырех кавалерийских дивизий и нескольких подразделений ландвера. Австрийская армия в Галиции должна была заниматься диверсионной деятельностью. С австрийским Генеральным штабом никогда не проводилось детального обсуждения всего плана. Даже командование германского военно-морского флота не было проинформировано о плане Генерального штаба.

План Шлифена (он настаивал, что каждый командир должен это понимать) требовал деперсонализации командиров. Только Фогель фон Фалькенштейн мог в определенных случаях проявлять собственную инициативу. Офицерам ничего не оставалось, как неукоснительно следовать этому условию. Когда один из молодых генштабистов решил высказать собственное предложение, касающееся стратегии, командующий корпусом тут же охладил его пыл. «Его величество признает только одного стратега, но это не вы и не я». Шлифен рассчитывал, что армии будут двигаться с точностью батальона на построение. План, казалось, исключал возможность появления такого понятия, как «помеха», то есть неожиданных побочных обстоятельств и непредвиденных ситуаций, которые, по мнению Клаузевица, характеризовали любую войну.

Когда-то Грольман предостерегал против «большого плана», разработанного на несколько лет вперед. Теперь «план» был абсолютным выражением военного опыта. Главнокомандующий должен был обладать железными нервами и волей. Он не имел права терять голову даже в том случае, если британские войска проведут успешную операцию в Дании или русские перейдут в наступление на Висле.

IV

Шлифену было не дано увидеть воплощение своего плана в жизнь. Не может быть никаких сомнений, что, если бы первоначальный план был претворен в жизнь человеком, обладавшим такой неукротимой энергией, как, скажем, Людендорф, да еще с учетом превосходной имперской армии и высокого профессионализма Генерального штаба, в 1914 году можно было бы добиться огромного успеха. Франция была бы стерта в порошок. Но тогда встает вопрос: от-

казались бы Англия или Россия от борьбы? Теперь мы можем почти с уверенностью сказать, что они бы не отказались.

К сожалению, этот факт не был в достаточной степени оценен. Самое опасное заблуждение того времени заключалось в уверенности, что победа в войне может быть достигнута с помощью политического урегулирования. Еще не пришло осознание, что современная война высвобождает все людские силы и, благодаря техническому и экономическому развитию и приросту населения, эти силы столь огромны, что придают даже народам, испытавшим серьезные неудачи, почти неограниченную способность к быстрому восстановлению. Правда, уже появлялись те, кто начинал осознавать существующую реальность. Кольмар фон дер Гольц, военный писатель, еще в 1877 году книгой «Леон Гамбетта и его армия» заложил основы своей будущей популярности. Позже он зачастую демонстрировал удивительную проницательность. Фон дер Гольц ясно видел, что будущая война, война Людендорфа, будет делом не просто армий, а целых народов, посвятивших себя задаче выжить. Решающее значение будут иметь не молниеносные победы в сражениях, а упадок физического и нравственного состояния одной из воюющих сторон. Гольц предвидел, что война массовых армий, все в большей степени использующих достижения науки и техники, неизбежно приведет к потере мобильности, а решающую роль в будущем сыграют мощные фортификационные сооружения. Вскоре пророчество сбылось.

V

С течением времени похвалы, расточаемые в адрес плана Шлифена, звучали все громче, и люди стали забывать, какой резкой критике подвергался создатель плана. Публикация военных исследований Шлифена придала новый блеск его имени. Для него не было секретом, что ни Генеральный штаб, ни большинство коллег-генералов не признают его фундаментальные идеи. Генерал фон Бюлов (в 1902—1903 годах он был генерал-квартирмейстером Генерального штаба) одобрял фронтальный прорыв. Такого же мнения придерживался генерал фон Бернарди, руководитель военно-исторической секции и один из ведущих воен-

ных писателей своего времени. Фон дер Гольц, который спустя какое-то время стал командующим в Восточной Пруссии, что вполне естественно, принимал в штыки концепцию «любой ценой». Он был сторонником строительства огромной системы пограничных защитных сооружений. Да это и понятно. Приближающаяся война не казалась ему исключительно сухопутной войной. Он видел в Англии основного противника растущему влиянию Германии в мире и хотел активизировать Турцию в противостоянии против Индии и Египта. Он был сторонником оккупации Голландии, которую можно было использовать как проход для внезапного наступления на Англию, и считал необходимым установление тесного взаимодействия с военно-морскими силами. По мнению Шлифена, это были самые что ни на есть безумные идеи.

Но на самом деле главным противником Шлифена был не Гольц, а генерал Сигизмунд фон Шлихтинг, одно время занимавший должность начальника штаба гвардейского корпуса, а в 80-х годах завоевавший авторитет в качестве военного писателя. В 1896 году по непонятным причинам Шлихтинг удалился в отставку. Спустя пять лет вышла его удивительно откровенная книга «Наследие Мольтке». Шлихтинг, яростный противник слепой подчиненности, не только противостоял идеям Шлифена, но на дух не переносил этого человека. Как генерал фон Бернарди предостерегал от убеждения, что победа в войне зависит от определенного набора рецептов, так и Шлихтинг боролся за более гибкие армейские принципы и, прежде всего, за права подчиненных брать на себя ответственность и принимать решения. Шлихтинг был противником массовых армий. Помимо этого он считал, что армии необходимы не только первоклассные штабные офицеры, прошедшие обучение в Генеральном штабе, но и полевые командиры, способные решать проблемы и принимать решения. К сожалению, в эпоху Вильгельма II не было таких командиров, а Шлифен не сделал ничего, чтобы устранить этот недостаток.

VI

Сам Шлифен, надо отдать ему справедливость, заявлял, что его план не является безошибочным рецептом победы более слабой армии над численно превосходящим против-

ником. Просто вера в планирование была вполне в духе времени, и сторонники Шлифена возвели «великий план» в догму. Шлифен трезво оценивал свое детище. Уже в 1905 году при обсуждении военной обстановки он предполагал, что Франция и Россия будут не единственными врагами Германии, что они объединятся с Англией, Бельгией, Италией, Сербией и Румынией. Когда Россия потерпела поражение в японской войне и вспыхнула первая русская революция, Шлифен, по крайней мере, в тот момент, задумался о превентивной войне против Франции. Императора и Бюлова не прельщала эта идея, хотя ряд генералов, включая Гинденбурга, впоследствии командующего 4-м армейским корпусом, поддерживали Шлифена.

Можно с легкостью преувеличивать уверенность Шлифена в собственном детище или излишне упрощенно понимать его отношение к прошлому, но, по сути, его план не был основан на историческом прецеденте. Предпочтительнее исходить из того, что современные средства связи и транспортные средства могли сыграть важную роль в отношении фактора пространства, в том смысле, что дали ему возможность производить развертывание на огромных площадях, атакуя врага с фланга и с тыла. Он понимал, что в эпоху массовых войн фронтальное наступление становится невозможным.

При всем том Шлифен считал необходимым изучать опыт прошлых сражений. Он не разделял мнения Шлихтинга, что современные армии стали слишком большими, чтобы подчиняться воле одного человека. Кроме того, Шлифен слишком глубоко проникся традициями прусского офицерского корпуса в отношении повиновения. Однако его не оставляли мучительные сомнения в совершенстве своего плана. Он перерыл всю военную историю в поисках обнадеживающих примеров, не находя ничего, что бы смогло успокоить его мятущуюся душу.

Как он считал, классическим примером боя на окружение являлась битва при Ульме. Все глубже зарываясь в историю в поисках примеров, подтверждавших его точку зрения, он наконец пришел к выводу, что победа Ганнибала при Каннах, в которой ему удалось окружить превосходящего по силе врага, является совершенной моделью сражения.

Шлифен опубликовал исследование по Каннам в военном журнале. Судя по всему, он не понимал, что этот успех является наглядным доказательством необходимости

использования такого рода победы соответствующим политическим руководством. Неизвестно, что было делать с триумфом Ганнибала. Война тянулась четырнадцать лет и закончилась поражением Ганнибала при Заме.

VII

В августе 1905 года во время утренней прогулки верхом Шлифена лягнула лошадь спутника. Он получил серьезную травму ноги и не мог приступить к своим обязанностям, когда мир затаил дыхание в связи с марокканским кризисом. Шлифен старел, и на повестку дня встал вопрос о преемнике ведущего стратега. Вне всяких сомнений, фон дер Гольц больше всех в армии подходил на эту роль, даже несмотря на то, что его голова была полна утопическими идеями. К сожалению, фон дер Гольц относился к тому типу непреклонных и решительных людей, которых император находил невыносимыми. Вторым возможным кандидатом был фон Бюлов, генерал-квартирмейстер, но осенью 1903 года этот офицер был снят с должности. В 1904 году генерал-квартирмейстером и заместителем Шлифена был назначен любимец императора, Гельмут Мольтке-младший, племянник создателя Генерального штаба. В добавление к фамилии, которая производила на императора гипнотическое воздействие, Мольтке-младший обладал впечатляющей внешностью. Он был высокий, широкоплечий, с фигурой кирасира, и император по простоте душевной верил, что, встав во главе Генерального штаба, этот человек вселит ужас в сердца других народов.

Во время одной из утренних прогулок верхом Бюлов, канцлер (не путать с его тезкой-военным), поинтересовался, уверен ли Мольтке-младший, что займет место Шлифена. Мольтке-младший был абсолютно уверен в себе, но, хорошо зная императора, пребывал в сомнениях. Когда император послал за ним, он сделал все возможное, чтобы обеспечить себе свободу действий. Он откровенно сказал императору, что не видит никакого смысла в больших маневрах, руководство которыми взял на себя император, если рассматривать их в качестве подготовки к настоящей войне. Император задумался, и тут Мольтке-младший добавил, что не слишком высокого мнения о его способностях. Многое из того, что было сказано, перекликается с

разговором, состоявшимся между Бенедеком и Францем-Иосифом. Мольтке-младший предупреждал, что грядущая война, которая станет войной народов, не закончится одним сражением. А ведь стратегические военные игры императора, при содействии Шлифена, всегда заканчивались взятием в плен вражеской армии.

В конце октября Шлифен вернулся к исполнению обязанностей. Во время его отсутствия, без его ведома, Мольтке-младший выпустил распоряжение, в котором генералам рекомендовалось упражняться во фронтальных атаках. Недвусмысленная реакция на несколько одностороннюю концепцию Шлифена. В записке, датированной 20 декабря, Шлифен вновь подчеркнул, что в случае войны Франция может быть разбита с помощью фланговой атаки через Бельгию. Соотношение сил между правым и левым флангами должно быть приблизительно семь к одному. В конце года Шлифен ушел в отставку.

После его ухода Генеральный штаб состоял из одного генерал-квартирмейстера, четырех обер-квартирмейстеров, один из которых был прикомандирован к императору, и ста двух офицеров. Сорок четыре офицера были выходцами из буржуазии, и среди них были те, кто получил известность в период Первой мировой войны. Ими были майор Людендорф и капитан Гронер. Примечательно, что более половины офицеров Генерального штаба закончили гимназии, и только тридцать процентов личного состава прошли курс обучения в кадетских школах. Сто восемнадцать офицеров были откомандированы в Генеральный штаб своими полками. Среди них был капитан Дастерберг, позже возглавивший формирование «Стальной шлем» (Stahlhelm). Кроме того, к штабу были прикомандированы члены королевской фамилии, и среди прочих брат императрицы принц Эрнст-Гюнтер Шлезвиг-Гольштинский и принц Фридрих-Вильгельм Прусский. Многие члены Генерального штаба, придерживавшиеся традиционных взглядов, с неодобрением относились к подобной практике.

VIII

Перед отставкой Шлифен уже говорил о себе как о ненужном слуге, с чьих плеч следовало снять непосильный для него груз обязанностей. Отставка в значительной степе-

ни была связана с его отношением к проблеме ведения войны на нескольких фронтах. Будучи военным специалистом, он подходил к задаче, не задаваясь вопросом о необходимости или уместности, при этом не считая нужным обращать внимание гражданских властей на опасности, сопряженные с подобной борьбой. Как солдат он придерживался принципа, что политические проблемы лежат вне сферы его компетенции. В этом он сильно отличался от Шлихтинга. Шлифен относился к окружению Германии как к свершившемуся факту, в то время как Шлихтинг предлагал, чтобы вместо разговоров об окружении Германии был создан дипломатический корпус для работы в нужом направлении. Теперь что касается географического положения Германии. Навязчивая идея о грозящем ущемлении Германии являлась, фактически, источником силы; все, что было необходимо, так это разумная политика в Центральной Европе. Шлифен считал, что Англия может стать самым могущественным врагом Германии, и не понимал, зачем беспричинно провоцировать ее. Но если такие мысли и посещали Шлифена, он не считал себя вправе произносить их вслух. Они лежали вне сферы его компетенции.

Это была позиция человека, посвятившего себя исключительно сфере военного искусства. Шлифен был первым и, возможно, самым серьезным военным специалистом угасающей Пруссии. В любой час, будь то раннее утро или поздний вечер, его можно было застать за работой. Позже, когда никто уже не слушал его, эту стареющую фигуру окутала трагическая атмосфера. Мы помним, как он перелистывал страницы истории в отчаянной надежде убедить себя и мир, что сможет найти спасительную формулу, формулу, которая будет гарантировать победу над всеми противниками. Он с ужасом в сердце наблюдал за тем, что происходит с его страной и с династией, которой честно служили он и его предки.

В 1909 году (когда умер Шлихтинг, забытый всеми и в разладе с миром, который он больше не понимал) Шлифен сделал попытку в «Deutsche Revue», имевшем широкий круг читателей, нарисовать картину современной войны. Он написал о Германии, окруженной китайской стеной. Французские крепости загородили пространство от Арденн до острова Джура (в Шотландии). Бельгийские крепости закрыли проход через реки Самбра и Мез. На востоке исходила угроза от русской системы крепостей, окруженных

реками и болотами. Дания превратила Копенгаген в огромный армейский плащ. Италия построила укрепления на границе с Южным Тиролем. Если когда-нибудь опустятся разводные мосты этих крепостей, то миллионная армия хлынет в Центральную Европу. Кошмар! Единственная надежда на мир заключена в экономической интеграции держав и в том, что все династии боятся революции. Основная мысль заключалась в том, что вражеская коалиция готова.

Единственное, что, по мнению автора, могло спасти Германию, так это правильное развертывание сил. Он нарисовал образ будущего командующего, находящегося вдали от линии фронта в окружении карт, телефона и телеграфа. Картину дополняли штабные офицеры в автомобилях и на мотоциклах, которые поддерживали связь командующего с армиями. Он предвидел потенциальные возможности аэросъемки с самолета и аэростата. Он показал себя истинным пророком. Единственное, в чем он ошибался, это в том, что война будет недолгой и что одно гигантское сражение решит исход дела.

В 1912 году он по-прежнему занимался теоретическим планированием, и, придя к осознанию крепнущего наступательного духа во Франции, начал развивать идею о наступлении по всей линии фронта от Бельгии до Швейцарии. Даже в смертный час «великий план» занимал все его мысли. «Позаботьтесь об укреплении правого фланга» — были его последние слова.

Глава 7

ВОЙНА БЕЗ ГЕНЕРАЛОВ

Мольтке-младший и Фалькенхайн. 1906—1916

I

Когда 1 января 1906 года Мольтке-младший несколько неуверенно принял руководство штабом, в котором его дядя служил с такой безупречностью, Европа выглядела довольно мрачно. История уже столкнулась с первой русской революцией, а марокканский кризис осложнил франко-германские отношения. Мольтке-младший, родившийся в 1848 году, с 1882 года служил адъютантом у дяди, а при новом императоре командовал различными гвардейскими полками. В то время много значила эффектная внешность, а Мольтке-младший к тому же имел очаровательные манеры. Он пользовался благосклонностью императора, который послал его в качестве личного представителя в Россию на коронацию Николая II и в Испанию на коронацию Альфонсо XIII.

Светские манеры в какой-то степени способствовали продвижению Мольтке-младшего. Как-то кронпринц сравнил его с Бенедеком и, как мы понимаем, попал в точку. Шлифен учил, что генералами рождаются, а не становятся. Мольтке-младший не считал, что родился генералом. Кроме того, как это часто происходит с теми, кто наследует великую фамилию, Мольтке-младший тяготился оказываемыми ему почестями. И в этом нет ничего странного, поскольку по натуре он был человеком застенчивым. Он много читал, причем его литературные вкусы отличались разнообразием. «Фауст» Гете сопровождал его во всех поездках. Женитьба на дальней родственнице, женщине разносторонне развитой, правда, излишне интересующейся восточными религиями, расширила круг его интересов.

Супруги с большим интересом относились к гипнозу и одно время увлекались углубленным изучением христианства. Мольтке-младший был на удивление плохим всадником. Во время штабных поездок верхом он так часто падал с лошади, что не было смысла делать ему замечания.

При всем интеллектуализме его взгляды отличались удивительным простодушием. Он мучительно боялся революции, и это заставляло его отчаянно цепляться за убеждение, что прусская армия и прусский офицерский корпус были своего рода духовной цитаделью и гарантией священного порядка. Он мирился с враждебностью со стороны Франции и России, а его мнение об Англии не шло дальше избитых фраз о вероломном Альбионе, лицемерных лавочниках и предполагаемых интригах Эдуарда VII.

Политические взгляды Мольке-младшего были столь же наивны. Он считал, что функция дипломата заключается не в том, чтобы избежать войны, а в том, чтобы обеспечить по возможности наиболее выгодное положение своей стране, когда вспыхнет неизбежная война. При всем том он с ужасом думал о грядущей войне и, находясь в унылом настроении, терял веру в возможность победы. Считая, что его способностей хватит для мирного времени, но не достаточно для трудных времен, он частично успокаивал себя тем, что император неоднократно заявлял, что в случае войны он примет на себя командование на Западном фронте.

Но, несмотря на это, он с головой ушел в работу, в значительной степени, чтобы спрятаться от мира, который с каждым годом становился все более вульгарным. Он придавал особое значение ежегодным маневрам; здесь он показывал себя во всем блеске и старался создать условия, приближенные к условиям настоящей войны.

Между тем красное здание на Кенигсплац окружала еще более густая атмосфера секретности, чем во времена Шлифена. Генеральным штабом была предпринята попытка, надо сказать, неудачная, ввести цензуру на все публикации, связанные с военной темой, даже на мемуары известных военачальников. Теперь армии соседей Германии стали объектом особого внимания. Благодаря реформам генерала Сухомлинова русская армия удивительно быстро оправилась от поражения и революции 1905 года. Британская армия сформировала экспедиционные войска, состоящие из шести пехотных и одного кавалерийского дивизионов. Учли, казалось бы, все, но недооценили воинственный потенциал Британской импе-

рии в целом и военные мощности Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Первое десятилетие XX столетия увидело значительные успехи по совершенствованию вооружения. Франция ввела в боевой состав свои знаменитые 75-мм пушки с противооткатным устройством и телескопическим прицелом для непрямой наводки. Германская артиллерия развивалась практически параллельно французской, но благодаря 75-мм полевым пушкам Франция до 1914 года удерживала военное превосходство. Во всех армиях стали вводить мотоциклетные и автомобильные подразделения, изыскивать новые возможности гелиографа, телефона и телеграфа, экспериментировать с дирижаблями и аэропланами. Германская военная авиация прилагала все усилия, чтобы использовать дирижабль графа Цеппелина в военных целях. Но когда в 1909 году Блерио перелетел через пролив Ла-Манш, Мольтке-младший понял, что самолет имеет значительно большие возможности, чем дирижабль.

Как ни странно, но начальник Генерального штаба не решал эти вопросы, поскольку вопросы вооружения являлись прерогативой военного министерства, этого оплота консерватизма. Консерватизм привел к ожидаемым последствиям. Французский Генеральный штаб делал все возможное для использования технических достижений в военных целях. Франция первой сформировала подразделения авиации, французская автомобильная промышленность выпустила первую бронемашину, а Берлин все медлил и сомневался. Когда три экспериментальных образца бронемашин, оборудованных пулеметами, появились на маневрах 1908 года, никто не понимал, что с ними делать.

Развитие военных отраслей Франции и России заставило Мольтке-младшего пересмотреть планы предшественников, но это в полной мере характеризует его методы, он привлек для консультаций только фон Штейна, первого обер-квартирмейстера, не воспользовавшись услугами других обер-квартирмейстеров. Вероятно, опасаясь утечки информации.

Соблюдая почти полную секретность, Мольтке-младший пришел к жизненно важному решению. Начальник австрийского Генерального штаба Конрад фон Генцендорф отчаянно пытался добиться одобрения относительно большого наступления на востоке, но Мольтке-младший слишком хорошо помнил о неудаче, постигшей Наполеона. Его сбивала

с толку идея о быстрой победе на западе. Однако в отличие от Шлифена он не хотел рисковать и придерживался мнения, что Эльзас и Верхний Рейн не следует оставлять без прикрытия. На это у него были причины. Мощная французская армия вполне могла нанести удар по Южной Германии. Кроме того, штабные специалисты, вроде Гронера из железнодорожной секции, откровенно беспокоились о саарском угле. Исходя из этих соображений план Шлифена был подвергнут серьезной переработке. Это был роковой шаг. Но Мольтке ухватился за «западный» вариант, и планы наступления на восток были отложены до лучших времен.

II

Международное напряжение нарастало. В 1908 году Австрия заняла Боснию и Герцеговину.

Стоит упомянуть и о двух внутренних кризисах: скандалы, связанные с именем Эйленбурга (гомосексуальные отношения в высших придворных кругах), и письмо в «Daily Telegraph». Шум, поднятый в прессе и парламенте, ясно показал императору, что ему уже никогда не восстановить доверие широких народных масс. С этого момента он принял решение возложить ответственность за ведение грядущей войны на начальника Генерального штаба. Еще один роковой шаг. Повторялась ситуация 1806 года; лица, ответственные за ведение войны, начали тем или иным образом выходить из дела. Глава военного кабинета Гальсен-Геселер умер от удара. При его преемнике фон Люкере кабинет опустился на уровень простого дополнения ко двору. Министерство не слишком занималось административными вопросами и проблемой проведения сметы на армию через рейхстаг. Генеральный штаб, высший планирующий армейский центр, по-прежнему окружала атмосфера тайны; для народа он олицетворял все достоинства старой армии. В действительности Генеральный штаб пребывал в опасной изоляции, а его начальника мучили тяжелые предчувствия.

В 1911 году произошли события в Агадире. По мнению Мольтке-младшего, «Пантера» внесла ясность в ситуацию, и он был целиком и полностью за продолжение решительных действий. В случае неудачи он грозился уйти в отставку. Горячность проявлялась по мере прояснения будущих событий.

В 1910 году Генеральный штаб в качестве темы военной игры выбрал высадку стотысячной британской экспедиционной армии в порту Эсбьерг на полуострове Ютландия. Уже было понятно, что не стоит рассматривать возможность вторжения Англии через Данию; в любом случае британская экспедиционная армия двинется через Бельгию или Северную Францию. Тем временем Франция изо всех сил наращивала военное превосходство. Она ввела трехлетний срок службы в армии. Военные расходы на душу населения во Франции по отношению к Германии были примерно как три к двум. Выдающиеся военные деятели Франции и России присутствовали друг у друга на маневрах. Во Франции появились весьма интересные военные публикации. В «Nos Frontidres de I'Est et du Nord» генерал Мэтрот предупреждал соотечественников о возможном нападении через Бельгию, а генерал Маллетерре обращал внимание на «брешь» в Арденнах. В Германии в связи с арестом большого числа шпионов создалась взрывоопасная обстановка, а в Австрии полковник Редль, начальник штаба пражского армейского корпуса, был застигнут при передаче австрийских планов развертывания русской секретной службе.

Еще одной стадией на пути к войне явились Балканские войны 1912-го и 1913 годов, в очередной раз поднявшие вопрос о стопроцентном использовании закона о всеобщей воинской повинности. В период с 1905-го по 1911 год произошло существенное увеличение пулеметных расчетов, инженерных подразделений, транспортных и авиационных формирований. В 1906 году обучение пехоты велось уже по новым правилам с учетом изучения опыта, полученного во время Англо-бурской и Русско-японской войн, опыта, который в 1910 году послужил основанием для введения серой полевой формы. Однако все эти меры не затрагивали сути военной проблемы. Десятки тысяч рекрутов из-за отсутствия необходимых условий для подготовки не могли поступить на службу в армию, в то время как во Франции призыв охватывал все слои населения.

III

В 1911 году у Мольтке-младшего развился хронический тонзиллит. Он был вынужден взять отпуск по болезни. Состоялся серьезный разговор о выходе в отставку. На этой

стадии внимание на себя обратил человек, до того пребывавший в относительной неизвестности. Речь идет о подполковнике Людендорфе, главе второго отдела («германского»), в который входил отдел развертывания. Как уже говорилось, Людендорф был сторонником войны в ее так называемой «естественной форме». Декларируя, что является продолжателем Клаузевица, он, фактически, опровергал его, развивая теорию, согласно которой война не являлась инструментом политики. По мнению Людендорфа, политика — часть войны. Жизнь народов, по сути, всего лишь биологическая борьба, и вполне логично, что Людендорф, вдохновленный примером Франции, испытывал чуть ли не преклонение перед массовой народной армией. Шлифен стремился компенсировать недостаточную в численном отношении армию увеличением мобильности и способностью быстро приспосабливаться к обстановке. Людендорф был сторонником более прямых, даже жестоких мер. Он был готов бросить на чашу весов весь потенциал германской нации. Число призванных во французскую армию составляло восемьдесят два процента от всех годных к службе, а в Германии — только пятьдесят два процента, и это несмотря на то, что Германия значительно опережала Францию по ежегодной рождаемости. В 1912 году не прошли обучение порядка пятисот сорока тысяч номинально военнообязанных. Людендорф был уверен, что способен изменить ситуацию.

Преследуя свои цели, Людендорф изложил требования устами Мольтке-младшего, который полностью доверял ему. Строго говоря, подобные вопросы находились в ведении военного министерства, поскольку, прежде всего, были связаны с увеличением финансирования. Поэтому Людендорф решил пойти по стопам Вальдерзе и приступил к работе над общественным мнением.

Для этой цели он использовал Кейма, вышедшего в отставку генерала, имевшего отношения с Классом и его пангерманцами и уже доказавшего свою полезность в этом отношении при Вальдерзе. Природа связи Генерального штаба с пангерманским течением требует тщательного рассмотрения. Позже мы еще вернемся к этой теме.

В 1912 году Кейм сумел вызвать к жизни Пангерманский союз (Wehrverein), представлявший интересы господствующих классов страны, особенно рейнско-вестфальской тяжелой индустрии и прусского юнкерства. В том же 1912 году

было получено разрешение на формировании двух новых армейских корпусов, увеличение численности тяжелой и полевой артиллерии и авиационных отрядов. Теперь армия насчитывала сто семнадцать тысяч человек. Расходы возросли до миллиарда марок. Людендорфу этого было мало. Он настаивал на формирование трех новых корпусов в 1913—1914 годах. Начальник главного военного департамента военного министерства генерал Вандель высказал мнение, что назойливость Людендорфа в конечном итоге приведет к революции.

Очень важное замечание, показывающее, что легендарное всемогущество Генерального штаба, о котором столько говорилось, существовало в основном в воображении его врагов. Фактически военный министр генерал фон Геерингген был против поспешного увеличения штата личного состава из-за боязни снижения уровня обучения. Существовала серьезная оппозиция в рейхстаге и даже в самом Генеральном штабе.

Подобная враждебность имела весьма конкретные результаты. В Генеральном штабе было принято, что в военное время руководитель сектора развертывания становится основным советником начальника штаба. Людендорф мечтал об этом моменте, но в январе 1913 года его сняли с должности, как «неудобного», и отправили командовать полком в Дюссельдорф. Вопрос об увеличении численности армии замер на мертвой точке.

В этом эпизоде поражает удивительная несогласованность в действиях властей, которых, казалась бы, должна была объединить перспектива надвигающейся войны. Армия и военно-морское министерство, формулируя свои требования, действовали абсолютно разобщенно. В дальнейшем военно-морской флот даже откажется обмениваться с Генеральным штабом разведывательными данными. Можно предположить, что к настоящему моменту канцлеру уже было известно о намерении двигаться через Бельгию, но он не стремился обсудить этот жизненно важный вопрос с Мольтке-младшим. Отсутствие несогласованности наблюдалось и между штабами Двойственного и Тройственного союза, отношения участников которых были омрачены недоверием. Начиная с боснийского кризиса 1908 года австрийский начальник штаба заверял, что после победы на западе, скажем, примерно через тридцать пять или сорок дней после мобилизации, можно будет послать подкрепление на восток.

Однако Мольтке-младший не хотел связывать себя точной датой. В Риме начальник штаба генерал Поллио считался активным сторонником союза с Германией, в то время как король был энергичным противником Габсбургов. В любом случае идея принять участие в войне, в которой Англия взяла сторону Франции, была для Италии несовместима со здравым смыслом. В марте 1914 года военная миссия провела какое-то время в Берлине, занимаясь обсуждением деталей переправки итальянской армии через Альпы. Однако было ясно, что эта договоренность вступит в силу только в том случае, если Франция будет единственным врагом на западе, а Германская империя станет явной жертвой агрессии.

IV

28 июня 1914 года сербские фанатики убили наследника австрийского престола. Министерство иностранных дел, похоже, понимало опасность создавшегося положения, и поначалу и в Берлине и в Вене поостереглись выражать чувства по поводу происшедшего. К сожалению, Бертольд, министр иностранных дел Австрии, убедил императора направить доверенное лицо в Берлин с тем, чтобы добиться от германского кайзера обещания решительной поддержки Австрии. Понял или нет кайзер опасность подобных обязательств, так и останется нерешенной задачей. Нам лишь известно, что внешне он действовал так, словно не существовало никакой серьезной опасности всеобщей войны, и именно в таком тоне он общался с руководителями всех видов вооруженных сил Германии. У него состоялась весьма непродолжительная беседа с военным министром Фалькенхайном, который, сообщив о беседе Мольтке-младшему, заметил, что у него не создалось впечатления о неизбежности военных действий и он не видит причин для беспокойства. Мольтке может продолжать лечение, а сам он уезжает на побережье.

Тем временем в Вене занялись составлением ультиматума в адрес Сербии, который включал требования, несовместимые с ее существованием в качестве суверенного государства. Подготовка проходила в атмосфере полной секретности, хотя германское министерство иностранных дел было в общих чертах информировано о ведущейся подготовке. Поскольку президент Французской республики Пуанкаре находился с

официальным визитом в Санкт-Петербурге, было признано нецелесообразным направлять ультиматум в то время, когда он еще находился в России.

Несмотря на предпринятые предосторожности, информация просочилась во все европейские столицы. 16 июля английский посол в Вене сэр Эдвард Грей телеграфировал, что «готовится своего рода обвинительный акт в адрес сербского правительства в связи с предполагаемым соучастием в заговоре, приведшем к убийству эрцгерцога», и что «правительство Австро-Венгрии настаивает на немедленном и безоговорочном согласии и в случае неудачи применит силу». Граф Лютцов, бывший германский посол в Риме, конфиденциально сообщил Банзену, британскому послу в Берлине, что «на сей раз Австрия полна решимости следовать своим путем». Само собой, эта информация дошла до находящегося в Санкт-Петербурге Пуанкаре, и на приеме, воспользовавшись благоприятной возможностью, он резко заявил австрийскому послу, что Франция будет стоять за своих друзей. Свое мнение он выразил и на банкете в Петергофе.

Утром 24 июля, сразу после того, как Пуанкаре отправился во Францию, австрийские послы во всех столицах сообщили правительствам об ультиматуме, который в тот же вечер был предъявлен Белграду. Немедленно отреагировал Санкт-Петербург. Россия заявила, что не может оставаться в стороне и пассивно наблюдать за уничтожением Сербии. Русский министр иностранных дел Сазонов первым делом предложил провести частичную мобилизацию, направленную против Австрии, которая должна была удержать Австрию от принятия окончательного решения. Предложение отклонили из-за технических трудностей, но на следующий день имперский совет, на котором председательствовал царь, принял решение объявить о так называемом «подготовительном периоде к войне». Это означало призыв на военную службу резервистов, создание пограничных постов, запрещение отпусков и т. п. Не столь уж сильная мера, но она отозвалась в большей степени на Германии, чем на Австрии. И хотя к войне Германию привело нападение на Австрию, меры, предпринятые Россией, по крайней мере, продемонстрировали теоретическую возможность начала военных действий с нападения на Германию.

Германия, оказавшись в положении человека, сидящего между стульями, начала ощущать растущую опасность. Пос-

ле предупреждения настроение министерства иностранных дел несколько изменилось, в основном благодаря позиции кайзера, и Германия стала склоняться к австрийской точке зрения, что было вполне естественно. Австрия была единственным надежным союзником Германии, и, если бы Австрия не отреагировала на заговор в Сараеве (есть серьезные основания полагать, что в заговор были вовлечены некоторые члены сербского правительства), это могло бы привести к распаду Австрийской империи. В то же время германское министерство иностранных дел не было заинтересовано в раздувании мирового пожара и, естественно, хотело иметь информацию о каждом шаге, предпринимаемом австрийским правительством.

В первой половине июля Австрия честно исполняла желание Германии. Но начиная с середины июля Бертольд становится все более скрытным. За два дня до вручения ультиматума Сербии Германия еще не была ознакомлена с текстом ультиматума. Помогла исключительная настойчивость германского министра иностранных дел и поддержка австрийского посла. Причина, безусловно, крылась в следующем. 14 июля венгерский премьер-министр, который до настоящего времени был противником войны с Сербией, позволил себя убедить в ее необходимости. С этого момента Бертольд закусил удила.

После объявления ультиматума и ответных действий со стороны России положение Германии стало критическим. Германия превосходила Россию по скорости мобилизации, но если Россия, прикрывшись «подготовительным периодом к войне», тайно провела мобилизацию, Германия теряла военное преимущество. Осознавая нависшую над страной опасность, кайзер взял на себя роль примирителя, обратившись к царю с просьбой помочь предотвратить беду. Тем временем, несмотря на поразительную уступчивость Сербии, Австрия объявила войну, и, хотя царь ответил в дружеском тоне, его слова вселяли мало надежды. «Позорная война, — написал он, — была объявлена слабой стране. Возмущению в России, которое я полностью разделяю, нет предела. Я предвижу, что очень скоро под давлением, которое на меня оказывают, буду вынужден пойти на меры, которые приведут к войне».

Такой была позиция правителей. Однако Мольтке-младший в большей степени был обеспокоен приготовлениями внутри России, понимая, что прошло время переговоров, и

проблема, с которой столкнулась Германия, не столько политического, сколько военного плана. В частности, Мольтке-младший опасался, что, если Австрия затянет с мобилизацией, вся сила русского удара обрушится на Германию. В полдень 30 июля, когда уже просочилась информация о мобилизации в России, Мольтке-младший, разговаривая с австрийским военным атташе Бинертом, убеждал его, что все попытки сэра Эдварда Грея примирить враждующие стороны были проигнорированы и Австрия должна немедленно мобилизоваться против России. Мольтке-младший, чья позиция до этого момента была безупречна правильной, подвергся критике за подобные действия. Вмешательство военного в политическую сферу было по меньшей мере неуместным, но нельзя сказать, что это каким-то образом повлияло на последующие события.

Австрия, мобилизовавшая пока только восемь армейских корпусов, назначила общую мобилизацию на 31 июля. Но к тому времени жребий был брошен. В какой-то степени после заявления германского посла, что Германия примет контрмеры, если Россия не прекратит подготовку к войне, частично из-за бомбардировки Белграда царь подписал приказ о всеобщей мобилизации. Надо уточнить, что царь, получив примирительную телеграмму от германского канцлера, приказал прекратить мобилизацию, но на следующий день под давлением Сазонова и военных, убежденных в том, что дипломаты исчерпали свои возможности, вновь отдал приказ о всеобщей мобилизации.

А тем временем в Берлине германский кайзер проявлял бешеную энергию в борьбе за мир, изо всех сил сопротивляясь давлению со стороны Мольтке-младшего, который рассматривал войну как неизбежное зло и требовал немедленно приступить к военным приготовлениям, хотя и его, похоже, беспокоили сообщения о мобилизации в России. Германского посла в Вене буквально завалили телеграммами с требованиями оказать давление на Бертольда, но мы знаем, что информация о русской мобилизации уже просочилась в европейские государства. Однако Бетман-Гольвег не терял надежды до тех пор, пока не убедился, что катастрофы не избежать.

Ранним утром 31 июля Мольтке-младшему сообщили по телефону, что русские полностью перекрыли восточную прусскую границу и вывесили объявления о мобилизации. Мольтке-младший попросил информатора достать

одно объявление; он не мог предпринимать никаких действий без наличия несомненного доказательства. Чуть позже немецкий посол в Санкт-Петербурге прислал телеграмму с требуемыми подтверждениями. «Нависшая опасность войны» послужила поводом для объявления всеобщей мобилизации.

Следом встал вопрос, должна ли Германия направлять официальное объявление войны. Мольтке-младший и Фалькенхайн были категорически против, считая, что тем самым Германия заклеймит себя как агрессор, но Бетман-Гольвег стремился твердо придерживаться гаагских конвенций и поэтому приказал Пурталесу, послу в Санкт-Петербурге, сообщить Сазонову о мерах, предпринятых Германией, и объяснить, что мобилизация будет продолжаться, если Россия не прекратит военных приготовлений. Время ответа истекает в полдень 1 августа.

1 августа в 5 часов Германия, не получив ответа от России, объявила о всеобщей мобилизации. Спустя четверть часа подобный шаг предприняла Франция. Спустя час Пурталес обратился к Сазонову. Трижды он спрашивал у русского министра иностранных дел, не может ли тот дать положительный ответ на поставленный днем раньше вопрос. И трижды Сазонов отвечал отрицательно. Тогда Пурталес вынул из кармана декларацию с объявлением войны, вручил ее Сазонову, отошел к окну и разрыдался. Началась Первая мировая война.

Пришло время для «большого плана». 31 июля сэр Эдвард Грей направил ноту правительствам Франции и Германии с просьбой соблюдать нейтралитет Бельгии. Германия теперь не могла давать подобных гарантий, и Англия поспешно переметнулась на сторону германских врагов. Генеральный штаб принял это к сведению.

Нельзя обойти вниманием еще одно существенное событие. Как мы помним, 1 августа император объявил о мобилизации армии и флота. В тот же день Мольтке-младший присутствовал на совете в императорском дворце. По окончании он пошел в Генеральный штаб отдать необходимые распоряжения, но император попросил его вернуться. Он хотел узнать, что за депеша пришла в Лондон, после которой Англия была готова гарантировать французский нейтралитет в ответ на заверения Германии, что против Франции не будет предпринято никаких враждебных действий. В присутствии прусского военного министра,

генерала фон Фалькенхайна и Бетман-Гольвега император заявил: «Что ж, тогда мы просто двинем всю армию против России».

Мольтке-младший ужаснулся. Развертывание миллионной армии нельзя делать без подготовки. На это император заметил: «Ваш дядя дал бы другой ответ». В мемуарах Мольтке-младший обиженно замечает, что никогда не претендовал на место фельдмаршала. В конце концов ему удалось убедить императора, что развертывание следует проводить, как было запланировано, а Францию заверить в отсутствии враждебных намерений. Позже войска можно будет направить на восток. В Лондон отправили телеграмму, в которой объяснили, что по техническим причинам развертывание нельзя остановить, и дали требуемые гарантии.

Поздно ночью выяснилось, что произошла ошибка. Никогда не стоял вопрос о гарантиях со стороны Британии. «Тогда, — заявил император, — вы можете делать что пожелаете». В своих мемуарах Мольтке-младший, который, по его собственному утверждению, заплакал после состоявшейся днем встречи, утверждает, что так никогда и не смог пережить охватившие его в тот момент чувства. Что-то сломалось в нем, и он уже не мог стать прежним. В мрачном расположении духа Мольтке-младший приступил к военным действиям.

V

В 1914 году немецкая полевая армия насчитывала два миллиона человек. Число обученных германских резервистов приближалось к 3,8 миллиона человек. Германия располагала восемнадцатью дирижаблями, тридцатью тремя авиационными подразделениями и примерно четырьмя тысячами грузовиков и автомобилей. Количество людей формально годных для службы в армии достигало двенадцати миллионов, из них 8,4 миллиона в случае крайней необходимости могли быть призваны в армию.

Семь полевых армий, включающих 1,6 миллиона человек, были развернуты между Крефельдом и Базелем. Пять из семи армий под командованием фон Клюка, фон Бюлова, фон Хойзена, герцога Вюртембургского и кронпринца были готовы к вторжению в Бельгию и Люксембург. На южном фланге к ним примыкали 6-я и 7-я армии под ко-

мандованием кронпринца Рупрехта Баварского и генерал-полковника фон Геерингена, бывшего военного министра. В задачу последних входило зажать противника в Лотарингии и удерживать его на границе Верхнего Рейна. С этой целью им были приданы несколько подразделений ландвера. На случай возможной британской высадки и для защиты Кильского канала в Шлезвиг-Гольштейне был оставлен один резервный корпус. Французские армии располагались от Арденн до швейцарской границы в следующем порядке: 5, 3, 2, 1-я; 4-я армия, находившаяся в тылу 3-й, была готова в случае необходимости выдвинуться в Бельгию. Четыре дивизии сгруппировались вокруг Лилля, а войска укрепленных районов вокруг большого Парижа. Кроме того, имелось пять пехотных дивизий и один кавалерийский эскадрон бельгийской армии, а также шесть пехотных дивизий и один кавалерийский эскадрон британской экспедиционной армии.

Основная масса австрийской армии перешла в наступление в Галиции, прикрывая Силезию и бассейн Дуная. Русское развертывание произошло именно так, как предсказывал Генеральный штаб. Две мощные армии, 1-я под командованием генерала Ренненкампфа и 2-я под командованием генерала Самсонова, начали концентрическое наступление с востока и юга на Восточную Пруссию. Армия под командованием генерала Эверта расположилась на правом берегу Вислы в районе Варшавы, а три армии под командованием Плеве, Рузского и Иванова напротив Галиции. Командующим Северо-Западным фронтом был генерал Жилинский, а великий князь Николай Николаевич командовал в Польше.

На западе «шлифенское каре», в чью задачу входил охват Мец—Диденхофен и движение в направлении Брюссель—Намюр, было в семь раз сильнее, чем силы, прикрывавшие фланг в Эльзасе-Лотарингии. Фронт наступательного фланга был достаточно силен, но не хватало резерва для осуществления отвлекающих маневров и осады крепостей, хотя, как только стало ясно, что Британия не собирается высаживаться в Дании, резервный корпус, находившийся в Шлезвиг-Гольштейне, должен был быть переброшен на Западный фронт. Тем временем Италия заявила о своем нейтралитете, и о помощи Италии на Верхнем Рейне, на которую так рассчитывал Шлифен, пришлось забыть. Теперь Франции не пришлось защищать границу в Альпах.

Основная проблема заключалась в том, что семь армий, растянувшихся на многие сотни миль, нуждались в более сложной системе командования. Следовало создать мобильные командные группы, которые могли бы отслеживать постоянно меняющуюся ситуацию и быстро передавать информацию от высшего командования командованию армий. Однако руководство всеми операциями возлагалось на штаб, который, слишком медленно двигаясь за армиями, находился на значительном расстоянии от действующих армий.

И это была не единственная проблема. Начальник Генерального штаба был всего лишь советником Верховного главнокомандующего, но теперь король ощутил, что не в состоянии справиться с командованием в боевых условиях. К сожалению, начальник штаба чувствовал себя еще менее годным для выполнения этой задачи, хотя, в отличие от монарха, не мог уклониться от выполнения своих обязанностей. Кроме того, Мольтке-младший был не вполне здоров. Великолепно обученная германская армия, действующая строго по плану и вышедшая к бельгийской границе, напоминала огромную, четко отлаженную машину с неисправным механизмом управления. В течение нескольких недель предполагалось провести сражения, в результате которых вражеские армии в Северо-Западной Европе должны были быть разбиты. Мольтке-старший мог только мечтать о ситуации, при которой маневренность огромной армии позволяла быстро оказываться в нужном месте в нужное время. Но это было бы возможно, если бы командование имело представление о всей картине в целом, а командующие армиями держали бы перед глазами общий план действий. Ни одно из этих условий не выполнялось.

Так же мало, как и Мольтке-младший, необходимым требованиям отвечал начальник оперативного отдела Герхард Таппен, сменивший на этом посту Людендорфа. Таппен был упрямым тугодумом. Из всех начальников армейских штабов только начальник штаба фон Клюка, фон Куль, по-настоящему проникся идеями плана Шлифена. Уже в 1912 году Шлифен опасался, что из-за отсутствия практического опыта у высшего командования вся операция может выродиться в беспорядочное преследование после удач, и, с некоторыми оговорками, так и случилось. Похоже, Генеральный штаб не видел необходимости в снабжении армий достаточным количеством средств передвижения (машин, грузовиков, броне-

машин) для обеспечения максимальной мобильности. В основном использовалась конная тяга. Зачастую лошади и во французской и в германской кавалерии лишались сил еще до начала боя.

VI

В 1908 году Людендорф, тогда еще начальник оперативного отдела, разрабатывал план внезапного нападения на Льеж. От успешности этой операции зависело вторжение в Бельгию. Предполагалось, что в случае войны Людендорф займет должность начальника штаба во 2-й армии под командованием Бюлова. Появлялась возможность использовать его в качестве офицера связи. В этом случае он взаимодействовал с командирами шести пехотных бригад, которые выполняли им же составленные планы. Суть замысла состояла в том, чтобы армии, прокравшись через внешние форты, ворвались в центр города; возглавить это рискованное предприятие должен был Людендорф. Предприятие удалось. Враг был застигнут врасплох. Не встретив сопротивления, Людендорф с адъютантом въехали в Льеж на реквизированном бельгийском автомобиле. В течение двух дней внешние форты пали под бешеным огнем германских осадных орудий.

Быстрый захват Льежа образовал огромную брешь в бельгийской системе обороны, и серо-зеленый поток хлынул в Бельгию. Марш германских войск через Бельгию был подобен нашествию южноамериканских муравьев, которые периодически выходят из джунглей, пожирая все на своем пути и не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Кое-кто был удивлен, что на этой стадии штаб-квартира не двинулась вперед, но, из уважения к императору, все остались в Кобленце. Кроме того, были и те, кто выражал сомнение, сможет ли Мольтке-младший удержать принятый курс. В основном война шла успешно и на 20 августа развивалась практически по графику Шлифена. Правый фланг достиг Брюсселя, и победные сводки посыпались одна за другой.

20 августа Жоффр, главнокомандующий французской армией, остановился на том, что Шлифен всегда определял как «наиболее благоприятное действие». Он перешел в наступление именно там, где его пытались окружить. Говоря иными словами, он отдался прямо в руки немцев.

В период между 21 и 24 августа ответственность за военные действия лежала на армейских командующих 1, 2 и 3-й армиями, вместе представлявшими огромную силу. 1-я и 2-я армии фон Клюка и фон Бюлова находились фактически под командованием фон Бюлова, и 24 августа фон Бюлов смог сообщить об очередном успехе. Британская экспедиционная армия тоже оказалась вовлеченной во всеобщую катастрофу. 25 августа Таппен заявил, что «вся история» закончится через шесть недель. 27 августа стало ясно, что открыт выход в бассейн Сены и в Париж. Защитные сооружения на восточной границе Франции ничего не стоили.

К сожалению, Мольтке-младший полностью утратил контроль над ситуацией, которая усложнилась вследствие того, что 6-я и 7-я армии тоже вступили в бой, хотя он все еще лелеял надежду, что кампания закончилась. Мольтке-младший принял решение отправить шесть корпусов на восток, где русские угрожали Восточной Пруссии.

Однако вскоре скептический ипохондрик Мольтке-младший, не разделявший растущей эйфории, решил сократить количество армий на востоке с шести до двух, поскольку понял, что в силу неконтролируемого наступления отдельных войск и отсутствия необходимой координации их действий наступление начинает терять сплоченность. Таппен заявил, что для победы необходимо лишь «продолжать наносить удары», но этот совет не имел под собой реальной основы. Как мы помним, правый фланг был ослаблен, а Мольтке-младший ослабил его еще больше, перекинув два корпуса к восточной границе. Кроме того, непрерывные бои и постоянное наступление сказалось на войсках, и к концу августа Бюлов счел разумным прекратить расширять свой фронт. Он приказал Клюку изменить направление несколько раньше, чем предполагалось по плану. Таким образом, был сформирован общий фронт, который мог двигаться на французов и теснить их в юго-восточном направлении, дальше от Парижа. Мольтке-младший знал о некоторых разногласиях между Бюловом и Клюком, но не вмешивался. Он одобрял действия Бюлова.

Мольтке-младший переместил штаб из Кобленца в Люксембург. 1-я и 2-я армии двигались к Сене и Уазе; 4, 5, 6 и 7-я армии прорывали французскую оборону между городами Туль и Эпиналь, чтобы зажать правый фланг французов в щипцы. Казалось безумием прорываться через наиболее укрепленные французские позиции, но Таппен был уверен в движущей силе германской пехоты.

В стратегических целях Жоффр отступил на запад для перегруппировки войск и подготовки нового наступления. Военный губернатор французской столицы генерал Галлиени подготовился к обороне Парижа. В его распоряжении находилась 6-я армия под командованием генерала Маноури. 3 сентября, когда германские аванпосты находились в восемнадцати километрах от Парижа, Галлиени решил нанести удар по флангу 1-й германской армии, пересекавшей Марну. После ожесточенного спора Жоффр дал свое согласие. Пробил решающий час.

Еще 29 августа Мольтке-младший писал жене, что никто в штабе не понимает серьезности положения и что у него вызывает отвращение царящая вокруг эйфория. 4 сентября министр внутренних дел Гельферих слышал, как Мольтке-младший сказал: «Не стоит обольщаться. У нас был успех, но мы не выиграем войну. Победа на поле боя не имеет особого значения, если не приводит к прорыву или окружению. Когда сражаются миллионные армии, победитель получает военнопленных. Где наши военнопленные?»

5 сентября Гронау с 4-м резервным корпусом отбил атаку Маноури. В тот же день Мольтке направил подполковника Хенча, начальника разведывательного отдела Генерального штаба, в 1-ю и 2-ю армии, чтобы он доложил о возникшей ситуации. Было необходимо произвести перегруппировку. Весь удар должен был упасть на левый фланг Клюка, поскольку между армиями образовалась слишком большая брешь, которую прикрывала немногочисленная кавалерия. 2-я армия далеко продвинулась относительно левого фланга 1-й армии.

Очевидно, какие-то решительные меры были предприняты. Но Мольтке-младший страдал от нервного истощения. Бюлов тоже был не в лучшей форме: сказывалось многодневное напряжение. 7 сентября Мольтке-младший получил сообщение от Хенча, что обе армии перешли к обороне. Жоффр развивал контрнаступление и мог, во взаимодействии со смело задуманной операцией Галлиени в Париже, взять немцев в щипцы. Тем временем застопорилась германская атака на французский укрепленный рубеж на востоке и, несмотря на отчаянные усилия, немцам не удавалось сдвинуться с места.

8 сентября в штабе Таппен заявил, что армия просто должна сражаться. Мольтке-младший был полностью согласен. Он вторично направил Хенча в армии, без каких-либо

четких инструкций. А в это время британская армия медленно прокладывала путь в бреши между двумя германскими армиями. Хенчу было абсолютно необходимо заставить 1-ю армию отойти на линию Суасон—Фим, чтобы восстановить контакт со 2-й армией.

Хенч приехал, чтобы встретиться с Клюком. В целом сражение развивалось успешно, и над французами нависла угроза окружения. Клюк отказался серьезно отнестись к бреши, образовавшейся между ним и Бюловом, поскольку британцы двигались крайне медленно. Однако во 2-й армии царила более пессимистическая атмосфера, и Хенч, отнюдь не оптимист, обрисовал Бюлову далеко не обнадеживающую ситуацию, в которой находилась 1-я армия. 9 сентября Бюлов приказал отступать и направил соответствующие инструкции Клюку. Непонятна роль Хенча в этом деле, но он, конечно, не оказывал влияния на Бюлова. Клюк и его начальник штаба Куль были не согласны с Бюловом, и Хенч несомненно высказался за отступление.

Это был, или должен был быть, решающий момент для Клюка. Галлиени включил свой последний резерв — алжирскую дивизию (два полка тунисских зуавов. — *Примеч. пер.*). Он посадил их на парижские такси и бросил на помощь фланговой контратаке. Интересно, что бы произошло, если бы Клюк не выполнил приказа? Не стоит гадать. Клюк позволил Кулю выполнять приказы Хенча. В результате Клюк начал отступление именно в тот момент, когда французские генералы обдумывали собственное отступление. Никто отступлению немцев не удивился больше, чем Жоффр, Галлиени и Маноури.

Без разрешения императора Мольтке-младший приказал отступать 3, 4 и 5-й армиям. В Варене кронпринц встретил изможденного человека, который со слезами на глазах рассказал ему, что армия разбита и катится назад, и никто не знает, когда все это закончится. Однако в этот момент армия была все еще боеспособна и не могла понять, почему отдан приказ прекратить наступление.

VII

Для Мольтке-младшего приближалось время, когда он должен был уйти в тень; такой была участь всех фаворитов императоров, от Вальдерзе до Эйленбурга. 14 сентября ге-

нерал фон Люнкер сообщил Мольтке-младшему, что его величество понимает, что начальник штаба слишком болен, чтобы руководить проведением операций, и в качестве его преемника назначает военного министра фон Фалькенхайна. Довольно странно, но Мольтке-младший цеплялся за свой пост, который так не хотел принимать. Вместе с Фалькенхайном он пошел к императору и объяснил, что создастся плохое впечатление, если сразу же после отступления будет снят с должности начальник Генерального штаба. В таком случае, ответил император, Фалькенхайн будет генерал-квартирмейстером, но фактически станет выполнять работу начальника штаба. Фалькенхайн возразил, что готов руководить операциями только в том случае, если ему будет предоставлена полная свобода действий. Мольтке-младший согласился, но позже объяснял, что очень страдал в последующие недели. Утратив влияние, он сумел уговорить императора позволить ему помочь генералу фон Беселеру в осаде Антверпена. В конце октября резко ухудшилось состояние его здоровья, и он обратился с просьбой об увольнении. Однако к концу году состояние здоровья улучшилось, и Мольтке-младший занял должность заместителя начальника штаба в Германии. Так закончилась карьера еще одного фаворита из длинного списка фаворитов императора.

Эриху фон Фалькенхайну было пятьдесят три года, когда он сменил Мольтке-младшего на должности начальника Генерального штаба. Фалькенхайн происходил из старой офицерской семьи, окончил кадетскую школу, служил военным инструктором в Китае, в качестве штабного офицера в дальневосточном экспедиционном корпусе и в Генеральном штабе. В 1913 году он был назначен военным министром. Это был первый случай, когда руководство Генеральным штабом и военным министерством осуществлял один человек. Фалькенхайн сильно отличался от Мольтке-младшего. Возможно, он был не столь образован, как Мольтке-младший, но зато наделен ясным и энергичным умом. Многим он представлялся «сильным человеком», и на него возлагали надежды.

Для Фалькенхайна, как и для многих, некий Большой План был последним словом военной мысли, и, получив должность генерал-квартирмейстера, Фалькенхайн первым делом решил воспользоваться чем-то вроде плана Шлифена между Верденом и Камбре. Однако в этом случае при-

шлось бы временно уступить часть территории в другом месте, но Таппен ни за что бы не отдал даже дюйм земли. Кроме того, заканчивались боеприпасы и продовольствие. Фалькенхайну так хотелось отказаться от навязанного боя и занять укрепленную позицию по линии Ньон—Реймс—Верден! Началась позиционная война, которой так страшился Шлифен и которую предсказывали Бернарди и другие военные писатели. Германия превратилась в осажденную крепость.

Молниеносность, которая, согласно Шлифену, должна была принести победное окончание войны, была утеряна, и профессиональные солдаты Германии устремили взгляд на грандиозное сражение между Шельдой и Вогезами. Судьба распорядилась иначе. Повторение совершенной битвы в Каннах, о которой грезил Шлифен, должно было произойти на востоке.

8-я армия Притвица, как мы знаем, предназначавшаяся для защиты Восточной Пруссии, состояла из четырех армейских корпусов, одной резервной дивизии, одной кавалерийской дивизии и нескольких соединений ландвера. На севере против них выступала армия Ренненкампфа, а на юге армия Сазонова. Конрад фон Хетцендорф перешел в наступление в Галиции и попытался оттеснить врага за Буг и Вислу в Польшу, но после нескольких обнадеживающих успехов попытка сорвалась. Австрийское наступление в Сербии постигла та же участь. Мольтке-младший раньше других осознал возможную перспективу заключения сепаратного мира между Россией и Австрией, перспективу, усугубляющуюся тем фактом, что новые армейские корпуса из Туркестана, Сибири и Кавказа стягивались в Восточную Польшу, образуя мощный ударный кулак. Теперь, в связи с несогласованностью действий армии Притвица и когда австрийцам плохо пришлось в Галиции, возросла опасность, что весь фронт от Луцка до Катовиц вскоре откроется для наступления русских.

Мольтке-младший подумал о Людендорфе, чей авторитет достиг невероятных высот после победной битвы в Льеже. 22 августа он вызвал Людендорфа. Исходя из «государственных соображений», сказал Мольтке-младший, Людендорф должен отправиться на восток. Притвиц и его начальник штаба сняты с постов. Мольтке-младший хотел на их место поставить Пауля фон Бенекендорфа и шестидесятивосьмилетнего фон Гинденбурга, который одно вре-

мя командовал 4-й армией, а на данный момент, уйдя в отставку, жил в Ганновере. Мольтке-младший телеграфировал Гинденбургу, спрашивая, готов ли он немедленно приступить к выполнению важного задания. Старик лаконично ответил: «Готов». Людендорф поехал на восток через Ганновер и сел в поезд, который вез нового командующего в Мариенбург. Эти двое были пока еще незнакомы.

В своих воспоминаниях Гинденбург сравнил отношения с Людендорфом со счастливым браком, но эти воспоминания преследовали определенную цель. Они писались в расчете разжечь патриотизм у молодежи побежденной Германии, и поэтому Гинденбург позволил себе некоторые преувеличения. На самом деле отношения между ними были довольно сложными. Людендорф очень переживал, что Гинденбургу ставились в заслугу их общие победы. Их отношения даже отдаленно не напоминали отношения, связывавшие Блюхера и Гнейзенау.

Когда 23 августа Гинденбург и Людендорф приехали в Мариенбург, они увидели огромное количество людей и техники. Это была германская армия, отступающая к Висле. Самсонов угрожал отступлению, а вот Ренненкампф не спешил развивать свой успех. Людендорф и Гинденбург приняли чрезвычайно смелое решение. Они оттянули части, стоявшие перед Реннекампфом, оставив кавалерийский заслон, чтобы скрыть отступление, и бросили все силы на защиту находящегося в угрожающем положении фланга. Они хотели окружить Самсонова и, разделавшись с армией на Нареве, направить войска для нанесения уничтожающего удара по Ренненкампфу. Реальность плана подчеркивалась тем фактом, что эти две русские армии были разделены Мазурскими озерами. Французские и германские критики, имея в виду принятое в данном случае решение, назвали Людендорфа азартным игроком. Ничего подобного. Оперативные методы Генерального штаба не имели ничего общего с азартными играми, а Людендорф был воспитан в традициях Генерального штаба.

Первые бои произошли 26 августа, и примерно тогда же Ренненкампф принял решение пробиваться к Кенигсбергу. Но Ренненкампф был излишне медлителен, и между 27 и 30 августа судьба Самсонова была решена. Самсонов застрелился, когда понял, что оказался в безвыходной ситуации. Немцы захватили тринадцать генералов, девяносто-

двухтысячную армию и триста пятьдесят орудий. Людендорф назвал эту битву «сражением при Танненберге», такое же название носит битва, состоявшаяся в 1410 году, в которой польский король Владислав II Ягелло и великий князь литовский Витовт разгромили Тевтонский орден (Грюнвальдская битва).

Хотя блестящая победа при Танненберге затмила даже битву при Седане, она всего лишь стабилизировала обстановку на Северо-Восточном фронте. Просто одна из побед в войне, идущей на нескольких фронтах одновременно. Неудача заключалась в том, что два корпуса (которые не просили ни Гинденбург, ни Людендорф и которые были так необходимы на западе) появились слишком поздно, чтобы принять участие в сражении. 9 сентября немцы одержали еще одну победу, теперь на Мазурских озерах, над Ренненкампфом. Однако в Галиции австрийская армия потерпела поражение. Кольцо войны, ведущейся на многих фронтах, сжалось вокруг Германии.

VIII

На западе Фалькенхайн все еще не желал отказываться от традиционной стратегии окружения. Германский правый фланг, если можно так выразиться, завис в воздухе, и еще существовала возможность вернуть себе инициативу. Британскую экспедиционную армию можно было отрезать от баз на Ла-Манше, обойти врага с фланга и нанести удар. Несмотря на победы на востоке, внимание Фалькенхайна по-прежнему было приковано к западу.

Четыре резервных корпуса волонтеров были более или менее готовы к военной службе. Это был цвет образованной молодежи Германии, основной источник пополнения офицерского корпуса. Резервисты, словно дрова в огонь, были брошены в новое сражение. В октябре эти молодые, наскоро обученные части перешли через Изер в районе Остенде—Менен—Ипр. Враг предпринял максимум усилий, чтобы сдержать смертельный натиск. Можно сказать, что британцы, оказавшись в безвыходном положении, продемонстрировали характерную для них твердость. Затем произошло то, чего никак не ожидал Генеральный штаб. В Северной Франции появились индийские войска. Канада, Австралия и Новая Зеландия немедленно сформировали добровольчес-

кие части для оказания помощи Антанте. В начале ноября германское наступление захлебнулось в море крови. В одном из германских полков сражался в ту пору никому не известный доброволец. Его звали Адольф Гитлер.

IX

Теперь начальник Генерального штаба рассматривал себя в качестве коменданта огромной осажденной крепости. Это подразумевало, что он, не представляя, как долго может продлиться осада, был обязан крайне экономно распоряжаться имеющимися у него силами и удерживать каждую пядь захваченной земли. В своих воспоминаниях он пишет, что никогда не грелся в лучах славы после нескольких впечатляющих побед. Он делал все возможное, чтобы затянуть войну, и продолжал наносить удары по врагу. Он не думал о капитуляции, но прекрасно понимал, что есть предел и его ресурсам. Он только надеялся, что собственное наступление подорвет силы врага.

Благодаря тому что Фалькенхайн возглавлял одновременно военное министерство и Генеральный штаб, Верховное главнокомандование, штаб которого переехал в Шарлевиль-Мезьер, обладало теперь огромной властью. Император ограничился ролью наблюдателя, а находившийся в Берлине канцлер постепенно уходил в тень. Такая ситуация сложилось не потому, что Верховное командование умышленно стремилось занять главенствующее положение. Просто в данном случае остальные ветви власти проявили себя недееспособными.

Нельзя сказать, что, обладая всей полнотой власти, Фалькенхайн был защищен от критики. Не кто иной, как Мольтке-младший, предпринял отчаянные усилия, чтобы исправить собственные ошибки, серьезность которых он теперь полностью осознал. Мольтке-младший больше не верил в возможность решения вопроса на западе и возлагал надежды только на уничтожение русской армии, за которой последует заключение сепаратного мира. Как только это произойдет, удастся обеспечить нейтралитет Италии и Румынии.

«Восточную партию» поддерживали Гинденбург и Людендорф, чье влияние резко возросло после победы при Таннеберге, а кроме того, кронпринц и императрица. Моль-

тке-младший (он был из тех, кто категорически противился сосредоточению в руках Фалькенхайна двойного руководства, над военным министерством и Генеральным штабом; в этом его горячо поддерживал канцлер) оказывал давление на Фалькенхайна, критикуя его за жесткую оборонительную политику на западе, при которой шла борьба за каждую пядь земли и проливались реки крови. Фалькенхайн, писал Мольтке-младший, не обладает ни мужеством, ни способностью выделить жизненно важные проблемы. В письме к Гинденбургу он говорит о Фалькенхайне как о человеке, который ведет страну к гибели. Если не удастся заключить с Россией сепаратный мир, война будет проиграна.

Фалькенхайн насторожился. Он распорядился не давать хода докладным запискам Мольтке-младшего и попытался запретить ему публично высказывать свое мнение без разрешения Генерального штаба. Однако Мольтке-младшего было не удержать, он даже начал бросать взгляды за границу. Осенью 1914 года Турция разделила судьбу стран Центральной Европы, и в ноябре стареющий фельдмаршал фон дер Гольц был направлен в Константинополь в качестве военного советника. К «восточной проблеме» теперь добавилась еще одна... «восточная проблема». Гольц планировал заключить союз с Румынией и Болгарией, чтобы сформировать балканскую коалицию против России и Сербии. Кроме того, он вынашивал планы нападения на Суэцкий канал смешанными силами Турции, Германии и Персии. Граф Каниц, военный атташе в Турции, должен был разрабатывать «восточную проблему» с помощью германских агентов и шведских офицеров, служивших в персидской армии, дружественно настроенных к Германии. Однако события показали, что отсутствие необходимой дипломатической и военной, а главное, финансовой основы «александрийской кампании» Гольца, как они себя называли, несколько оправдывает неудачу с их затеей.

Обстоятельства, связанные с крахом Австрии и нависшей над индустриальными центрами Силезии угрозой, фактически заставили Фалькенхайна направить максимальные усилия против России. В середине сентября он сформировал из резервных частей 9-ю армию под командованием генерала фон Макензена, который отлично зарекомендовал себя в битве при Таннеберге. Командование Восточным фронтом осталось за Гинденбургом и Люден-

дорфом. Дальше этого Фалькенхайн не пошел. Он предпринял несколько бессмысленных наступлений во Фландрии, по-прежнему отказывая Восточному фронту в какой-либо серьезной помощи. В результате, несмотря на крайне тяжелые бои и некоторые эффектные победы, Гинденбург смог всего лишь остановить врага. Уничтожить его он был не в силах.

X

Зимой 1914/15 года Фалькенхайн был вынужден создать новые армейские формирования. Теперь в состав каждого батальона входила пулеметная рота. Появилось новое оружие, необходимое в условиях позиционной войны. Проводились эксперименты с отравляющими веществами. Осадная война предъявила новые требования, причем столь значительные, что они привели к созданию новой отрасли промышленности. Осенью 1914 года в военное министерство вошел департамент сырья, который возглавил Вальтер Ратенау. Он был сыном и преемником основателя Всеобщей электрической компании («Allgemeine Elektrizitatsgesellschaft»), человеком, соединявшим в себе качества крупного промышленника и финансиста с благоразумием и житейской мудростью. Его назначение в военное министерство стало не чем иным, как бесшумным переворотом. За первым переворотом последовал следующий. Несмотря на предпринятые усилия, блокада со стороны Британии привела к прекращению поставок военного снаряжения, а нехватка чилийских нитратов грозила губительными последствиями. На помощь пришла германская наука в лице профессора Габера, впервые получившего жидкий аммиак из азота и водорода, а значит, стало возможно продолжать войну. Габер заложил основу химического отдела военного министерства. Это событие стало вторым бесшумным переворотом.

Пока дома шла отработка получения новых веществ, Гинденбург и Людендорф приступили к планированию грандиозной операции против русских, собираясь взять их в клещи. Но нерациональное распределение сил между востоком и западом позволяло проводить только ограниченные операции. Это полностью соответствовало стратегии Фалькенхайна о нанесении ограниченных, но эффективных ударов. С

помощью такой стратегии он надеялся парализовать наступление русских и добиться стабилизации Восточного фронта. Его целью было создание стратегического гласиса для защиты Силезии, Венгрии и Моравии.

Конечно, было необходимо принять и какие-то решительные меры. Становилось все более ясно, что Италия в скором времени выйдет из лагеря союзников, поскольку Австрия решительно отказывалась оплачивать ее нейтралитет ценой итальянского Тироля. Фалькенхайн безуспешно пытался оказать давление на Австрию, принудить ее согласиться на более примирительную позицию. Не удалось — за долгую жизнь Франц-Иосиф лишился слишком многих областей. Неудовлетворительной была и обстановка на Балканах. Сербия преграждала путь к Турции. Позиция Болгарии и Румынии в значительной степени зависела от успешности войны, ведущейся в России. Британский флот предпринял попытку захватить Константинополь, и в 1915 году Британия высадила войска в Дарданеллах. Теперь даже Фалькенхайн понимал, что главный театр военных действий расположен на востоке.

В начале 1915 года по предложению Фалькенхайна штаб перебрался в Верхнюю Силезию, и Фалькенхайн приступил к подготовке прорыва карпатского фронта в районе Горлице-Тарнова. С этой целью была сформирована новая 11-я армия под командованием Макензена. В ее состав входили три германских корпуса и один австрийский, две германские пехотные и одна венгерская кавалерийская дивизии. Начальником штаба был назначен полковник фон Сект, которого Людендорф считал одним из наиболее способных молодых штабных офицеров. Гинденбург и Людендорф должны были перейти в наступление в Курляндии и Литве. Если Людендорф рассчитывал предпринять попытку осуществить новые шлифеновские Канны, то Фалькенхайн хотел всего лишь обезопасить фронт, протянувшийся от Литвы до Восточной Галиции.

Сект писал о наступлении Макензена, которое началось 2 мая 1915 года, что перед войной подобный прорыв был бы запрещен. Однако действия Макензена оказались весьма успешными. Он двинулся на Перемышль и Лемберг, в то время как на севере германские дивизии двигались на Варшаву и Брест-Литовск. Победа следовала за победой. Единственная трудность состояла в том, что никто из них не принимал решений. Фалькенхайн надеялся,

что поражение русских армий даст возможность дипломатам договориться о сепаратном мире. Сект даже рассматривал возможность возобновления традиционных дружеских отношений между двумя странами. Но хотя в Стокгольме были предприняты попытки прозондировать почву, из этого ничего не вышло. Германия испытывала недостаток в дипломатах уровня Бисмарка. Кроме ослабления русских армий и захвата ряда гарнизонов, включая Варшаву, единственным ощутимым результатом операции стало то, что Болгария присоединилась к Тройственному союзу. А вот Италия объявила войну Австрии. Таким образом, счет остался прежним.

XI

С этого момента германским армиям уже не предоставлялось передышки. Единственное, что теперь волновало германский и австрийский штабы, так это сокращение численности людских ресурсов, продовольствия, боеприпасов и усиление британской блокады. Они напоминали капитана тонущего корабля, который пытается устранить течь в бурном море.

По-прежнему не удавалось прийти к общему мнению. Людендорф настаивал на мощном наступлении на востоке. Гольц, «военный романтик», защищал свой вариант решения «восточной проблемы». Хетцендорф был за вывод Италии из войны, а Фалькенхайн, опасаясь огромных территорий России, размышлял о невозможности прорыва на западе и не брал в расчет итальянский фронт. Осенью его стратегия против Сербии дала ощутимые результаты, когда совместными усилиями Австрии, Болгарии и Германии был открыт путь к Турции. Но даже в этом случае Фалькенхайн не мог сказать, когда утихнет шторм, в эпицентре которого оказался германский корабль, и каким курсом следует вести его в тихую гавань. По мнению Секта, ситуация складывалась таким образом. В начале войны Германия стремилась уничтожить военные силы трех западных противников. В тот момент она могла бы реализовать свою цель. Во всяком случае, имелась вполне реальная возможность выполнить намеченное. Затем Германия решила победить Россию. В этом она потерпела неудачу из-за нерационального распределения сил и неправильно распорядившись собственными первоначальными

успехами. С этого момента у Германии не оставалось сил для полного уничтожения врага. Не считая нового химического оружия, в 1915 году появилась надежда на использование субмарин для прорыва британской блокады.

Совершенно ясно, что исход войны для держав Центральной Европы заключался в основном в решении сырьевого вопроса, однако весьма сомнительно, что Германия была в состоянии вести подводную войну. Император создал мощный военный флот, но имеющиеся в наличии несколько субмарин не решали сути дела. Тирпиц безуспешно настаивал на введении в бой «флота открытого моря», но тот так и простаивал в порту, если не считать сражения, не имевшего решающего значения, у полуострова Ютландия в 1916 году.

Следовало более, чем когда-либо, сосредоточить внимание на подводной войне, и адмиралтейство стремилось заручиться в этом вопросе поддержкой Фалькенхайна. К сожалению, Фалькенхайн не мог правильно оценить свои возможности. Похоже, он не понимал, как низки его шансы на успех и какие возможности давала подводная война, которая могла бы втянуть в противостояние США.

Подводная война была, конечно, тесно связана с проблемой промышленного производства, что, в свою очередь, поднимало не менее сложные социальные вопросы. На протяжении десятков лет не складывались отношения между рабочим классом и офицерским корпусом, но в первые месяцы войны Генеральный штаб столкнулся с невероятным энтузиазмом тех, к кому до недавнего времени испытывал отвращение и недоверие.

В довершение ко всем трудностям наступила эпоха так называемого «военного социализма». Военное министерство и Генеральный штаб были вынуждены вмешиваться в процесс производства пищевых продуктов и вооружения. «Военный социализм» мог дать результаты только в случае существенного изменения традиционной экономики и удовлетворения требований рабочих в части повышения жизненного уровня. Таким образом, Фалькенхайн должен был сыграть роль Шарнхорста или Гнейзенау; полная нелепость для людей вроде Фалькенхайна. Так что ничего удивительного, что в этом вопросе Генеральный штаб потерпел фиаско.

Как бы то ни было, но в 1915 году резко возросло влияние Генерального штаба. Под давлением канцлера Фалькен-

хайн согласился на разделение офицеров военного министерства и Генерального штаба. Это не означало, что Генеральный штаб откажется от обретенного влияния, поскольку новым главой министерства был не кто иной, как генерал фон Гогенборн. В Верховном командовании не были представлены люди, имевшие реальную значимость, такие, как начальник имперского штаба, главы имперского военного, морского и гражданского кабинетов и даже начальник Генерального штаба. Власть принадлежала таким незначительным фигурам, как начальник оперативного отдела Таппен, полковник Бауэр, начальник отдела, связанного с техническими вопросами артиллерии, полковник Николаи, преемник Хенча на посту начальника разведывательного отдела. Самое главное, что начальники штабов различных воинских подразделений, Сект, Куль, Лоссберг, Хейс и Рейнхардт, благодаря интеллекту которых было проведено много блестящих боев местного значения, приобретали больший вес, чем командующие армиями. Началась эпоха правления Генерального штаба.

Время от времени возникала идея уступить место для ведения войны начальникам штабов нового поколения, при этом Фалькенхайма сделать канцлером, Людендорфа начальником Генерального штаба, а Секта генерал-квартирмейстером. Однако этому проекту было не суждено претвориться в жизнь, поскольку он затрагивал чувство собственного достоинства части офицеров. В этом отношении весьма типична позиция, которую занимал Сект, будучи начальником штаба у Макензена. Он не выносил, когда его сравнивали с Гнейзенау. Я, заявлял Сект, уникален. Эта самонадеянность и расчетливая холодность были абсолютно чужды традиции обезличенности, которую поддерживали офицеры Генерального штаба. По сути, это было нарушением традиций.

XII

В этом отношении интересны политические взгляды Секта, поскольку он был самым способным из своего поколения штабных офицеров. Для прусского офицера и юнкера у него были невероятно широкие интересы. Он объездил мир, побывав во время отпуска в мирное время в Испании, Англии, Франции, Северной Африке и Индии.

Как и большинство штабных офицеров, он был противником парламентаризма и либерализма, причем столь ярым, что, по его мнению, Гронер, начальник железнодорожного отдела, был южногерманским демократом. Демократия рассматривала личность в целом, в то время как Пруссия только с точки зрения выполнения долга и служения государству. Именно поэтому в то время Сект не испытывал интереса к пробуждающейся потенциальной мощи народа и стремился сдержать его с помощью власти «сильного человека», диктатора. Вероятно, свою роль в этом сыграли воспоминания об эпохе Бисмарка, поскольку он считал, что именно таким человеком и должен быть канцлер (об императоре и речи не шло). Он, похоже, не понимал, что подобная диктатура уничтожит монархию.

Огромный интерес вызывает отношение Секта к внешней политике. Он не верил, что соперничество между западными державами, послужившее причиной мирового пожара 1914 года, будет разрешено только с помощью оружия. Современная война, по мнению Секта, приведет к временному истощению воюющих государств. Затем последует период экономической борьбы. И только после этого произойдет решающее вооруженное столкновение. Следовательно, Германия должна готовиться к следующей войне и выделить тех, с кем ей наиболее выгодно бороться. Это вовсе не означает политику аннексионных притязаний, выдвинутую пангерманцами. Скорее это должна быть система альянсов между Атлантическим побережьем и Ближним Востоком, лига государств, куда бы входили Голландия, Бельгия, Швеция, Дания, Норвегия, Австро-Венгрия, Румыния, Болгария, Греция и Турция. Что касается России, то он надеялся достигнуть взаимопонимания, направив панславянские амбиции в сторону Азии, и прежде всего Британской Индии. Япония, как считал Сект, должна контролировать Восточную Азию.

Вот так рассуждал Сект. Но это было его личное мнение, а уж никак не мнение Генерального штаба. Правда, в то время подобные идеи витали в воздухе. К примеру, в 1916 году вышла работа (без указания имени автора) под названием «Следующая война», в которой делался упор на необходимость экономической подготовки ко Второй мировой войне. По всей видимости, ее автором был ведущий специалист в области артиллерии полковник Брухмюллер. Сект, тем не менее, придерживался более умеренных взглядов, чем большинство его современников. В отличие от Фаль-

кенхайна, решительно возражавшего против планов аннексии, Штресеман, который впоследствии превратился в горячего сторонника франко-германского и европейского сотрудничества, положительно относился к подобным проектам и разговорам о Германской империи, которая будет простираться от Фландрии до Эстонии. Сект не заходил так далеко, и не сложно понять, что идеи Секта были промежуточным звеном между целями Генерального штаба и пангерманцев и послужили их сближению. Известно, что Людендорф разделял взгляды Секта.

XIII

Более мощные силы, чем предполагали отдельные личности, добились взаимопонимания между пангерманцами и Генеральным штабом. Известные промышленники и финансисты, стоявшие за пангерманским движением, уже в конце августа 1914 года сформулировали цели, которые должны была преследовать война. В требовании больших частей Фландрии, Восточной Франции, польских и балтийских территорий национал-либералы вроде Штресемана и Бассермана были заодно с консерваторами типа Гугенберга и даже с таким «одиноким волком», как Стинес (который требовал аннексировать всю Нормандию), и с Эрцбергером из католической партии, который высказывал подобное мнение до тех пор, пока ему не стала очевидна его чудовищная сущность.

Весь ужас состоял в том, что желание крупного капитала овладеть рудными месторождениями Лонгви и установить контроль над разработкой полезных ископаемых в Бельгии и Северной Франции совпало со стратегическими устремлениями Генерального штаба создать перед германскими границами буферную зону. Деловой интерес и внушавшее постоянный страх географическое положение подвигли Генеральный штаб поддержать идеи пангерманцев.

Если принять во внимание и в дальнейшем учитывать отсутствие, начиная со времен Бисмарка, настоящего политического руководства, можно понять многое из того, что произошло, понять, например, как случилось, что, когда пангерманская лига начала кампанию против Бетмана-Гольвега, поскольку он стремился не дать хода наиболее рискованным военным разработкам, она нашла союзников

в Генеральном штабе. Германское руководство не могло придумать ничего хуже, чем заявить, что призыв к войне в основном исходит от крупного капитала. Это было не чем иным, как провокацией по отношению к простому человеку в окопах, чья семья в недалеком будущем должна была столкнуться с голодом.

XIV

После победы над Сербией Макензен и Сект надеялись, что Фалькенхайн прикажет двинуться к Эгейскому морю, и в частности к порту Салоники, что обезопасило бы Балканы от вторжения. Однако Фалькенхайн считал, что это потребует привлечения слишком больших сил. Самым опасным врагом для него была Англия. Он полагал, что существует единственное средство, не считая подводной войны, с помощью которого можно силой заставить Англию выйти из войны. Следовало сломить Францию, британский «континентальный меч», а для этого навязать французской армии бой там, где она не сможет отступить, не потеряв авторитета, и истечет кровью. Таким местом был Верден.

Верден, наиболее современная французская крепость, была окружена двумя укрепленными поясами. Казалось бы нелепым атаковать врага в таком месте, но Таппен любил говорить, что смешно атаковать там, где нечего разрушать. Сект, имевший «намного больше мозгов», чем Таппен, предсказывал провал этого предприятия.

В феврале 1916 года 5-я армия под командованием кронпринца атаковала крепость. Многомесячные артиллерийские дуэли и доставшиеся дорогой ценой штурмы привели к захвату нескольких укрепленных узлов. Франция истекала кровью, битва уничтожила цвет французской пехоты. Примерно семьдесят французских дивизий сгорели в этой печи; германская пехота пострадала немногим меньше. Потери Германии составили двести восемьдесят две тысячи человек, в то время как Франция потеряла триста семнадцать тысяч. Но за Францией стояла Британская империя, огромные армии России, ослабленной, но не побежденной, и, потенциально, огромная мощь Соединенных Штатов. За Германией — только мысли о родине, которой угрожали голод и социальные смуты, и два союзника — Турция и Австрия, находившиеся в процессе упадка.

Людендорф искал решение на востоке, и именно на востоке решилась судьба Фалькенхайна. Фон дер Гольц умудрился в Кут-элт-Амаре остановить британскую армию, намеревавшуюся захватить Багдад, и заставить ее сдаться. Гольцу не удалось пережить кампанию; тропическая лихорадка свела его в могилу. Во время поминальной службы в рейхстаге у Мольтке-младшего случился сердечный приступ. Удивительное совпадение: оба они были не в чести. Спустя неделю на Сомме сокрушительный удар нанесли превосходящие силы британцев, а в Галиции под мощным напором русских дрогнули австрийцы. Хетцендорф был вынужден отказаться от плана нападения на Италию. Была срочно сформирована германо-австрийская часть под командованием австрийского эрцгерцога Карла для спасения Карпат и бассейна Дуная.

Наступление русских имело серьезные последствия. Румыния ввела в войну семисопятидесятитысячную армию. Объявленное Румынией 27 августа решение о вступлении в войну стало для Фалькенхайна смертным приговором. Фалькенхайн не был вдумчивым стратегом и не относился к тем, кто мог вдохновлять массы. Он был типичным генштабистом, человеком, который предпочитал оставаться в тени и не искать популярности. Вот почему, в отличие от Гинденбурга и Людендорфа, он никогда не пользовался народным доверием.

Мы уже упоминали о полковнике Бауэре. После Таппена он стал самым влиятельным человеком в Генеральном штабе. Таппен напрямую обратился к военному министру с требованием заменить Фалькенхайна Гинденбургом. 28 августа Гинденбург и Людендорф были вызваны в штаб-квартиру, а тем временем Лункер объявил Фалькенхайну, что его величество решил воспользоваться его советом относительно командования Восточным фронтом.

Фалькенхайн был слишком гордым человеком, чтобы позволить вывести себя из игры. Он тут же объявил об отставке, которая была принята. 29 августа Лункер сообщил Людендорфу, что император принял решение назначить Гинденбурга начальником Генерального штаба, а Людендорфа его правой рукой. Людендорф предпочел стать генерал-квартирмейстером.

Это был первый случай, когда общественное мнение повлияло на назначение начальника штаба. В момент наибольшей неразберихи, под грохот канонады на всех фронтах, Гинденбург занял пост начальника Генерального штаба.

Глава 8

БЕСШУМНАЯ ДИКТАТУРА

Гинденбург и Людендорф. 1916—1918

I

Во время Первой мировой войны во всех больших городах были установлены деревянные статуи Гинденбурга. Пошлая идея! Сект, имевший потрясающий художественный вкус, спустя какое-то время написал, что невозможно представить статую Гинденбурга, выполненную в бронзе или мраморе. Ей подходит только материал, который использовали великие германские скульпторы Средневековья, изображавшие королей и святых.

Во времена Мольтке люди рассматривали Генеральный штаб как институт, в котором даже невозможное было возможно, и в этих статуях люди видели больше чем просто изображение человека. В годы заката правления Гогенцоллернов лицо, ставшее последним начальником прусского королевского Генерального штаба, воспринималось олицетворением в человеческом образе силы государства, утешением для нерешительных и надеждой для неуверенных.

Все же Гинденбург относился к прошлой эпохе. Он не кривил душой, когда говорил, что его место — в Германии Бисмарка и Вильгельма I. В этом он сильно отличался от Людендорфа, обладавшего почти бешеной работоспособностью и экстраординарными организаторскими способностями, но, по сути, бывшем ограниченной личностью. Людендорф являлся прекрасным специалистом, но для плодотворной деятельности ему была необходима руководящая рука человека, обладающего более широким и сбалансированным кругозором. В целом Гинденбург был не способен играть эту роль. Однако они прекрасно дополняли друг друга, хотя их личные отношения были да-

леко не так идеальны, как казалось многим. Эти два имени так же неотделимы друг от друга, как имена Блюхера и Гнейзенау, несмотря на то что их партнерство носило совершенно иной вид.

Гинденбург и Людендорф имели мало общего, за исключением частностей. Оба происходили из обедневших семей землевладельцев. Когда-то существовали огромные поместья Бенекендорфов в Восточной и Западной Пруссии, к которым после свадьбы наследников родов добавились поместья Гинденбургов. Практически все было потеряно в период аграрного кризиса, наступившего после освободительных войн. Поэтому, как у большинства офицеров из юнкеров, большая часть жизни Гинденбурга прошла в бедности, и только в старости он смог удовлетворить страстное желание вернуть семейное поместье в Нойдеке.

Его карьера, успешная в профессиональном плане, в общем-то ничем не примечательна. Лейтенант в гвардейской пехоте, два срока в Генеральном штабе, глава военного департамента прусского военного министерства (единственный случай, когда ему пришлось столкнуться с политической сферой деятельности), начальник штаба армейского корпуса, командир дивизии. С 1903-го по 1911 год он командовал 4-м армейским корпусом в Магдебурге. На протяжении всей жизни прусская армия и Генеральный штаб олицетворяли для него весь мир. Ничто иное его не интересовало. Человек не должен забивать голову всякой ерундой, резко заявлял он, когда речь заходила, к примеру, о гуманитарных науках. Он открыто признавался, что, кроме книг по военной тематике, за всю сознательную жизнь не прочел ни одной книги. Он был типичным представителем своего класса, полностью осознающим свое положение, тактичным, обладающим чувством собственного достоинства, рассудительным, лишенным воображения и отличавшимся свойственной крестьянам узостью ума. Он был тем, кого немцы называют «ein amusischer Mensch», человек, у которого отсутствует «чувство прекрасного», хотя настоящий генерал обязательно должен быть творческой личностью и обладать артистическим талантом.

Людендорф тоже был ein amusischer Mensch. Его отец, землевладелец, в 80-х годах обанкротился и стал зарабатывать на жизнь, занимаясь страховым бизнесом. Сын волей-неволей затаил обиду, что свойственно людям подобного склада, на несправедливость судьбы. В воспоминаниях Лю-

дендорф пишет, что отец был культурным человеком. Довольно странно, если учесть, что его поместье находилось на голых равнинах Восточной Эльбы, начисто лишенных каких-либо очагов культуры. Старший Людендорф во время кампании 1870 года был офицером запаса. В его комнате, кроме обычной мебели, было несколько военных сувениров в память о войне, а именно меч, патрон и кусок обоев из поместья близ Седана. Единственным украшением комнаты был алебастровый бюст Фридриха Великого.

Людендорф, как и Гинденбург, прошел через суровое испытание кадетской школой и стал пехотным офицером. В Военной академии его преподавателем был генерал Меккель, реорганизатор японской армии, который порекомендовал Людендорфа в Генеральный штаб. Темно-синяя форма с серебряной оторочкой по воротнику и брюки с красными лампасами значили для Людендорфа больше чем просто признак успешной военной карьеры. Это был знак восстановления его в социальных правах.

В 1908 году Людендорф возглавил сектор развертывания. Работа была для него всем. Он рассматривал все мыслимые и немыслимые обстоятельства, которые могут повлиять на изменение боевой ситуации. Причиной того, что он был более отгорожен от мира, чем офицер из любой страны, занимающийся такой же работой, была крайняя замкнутость именно германского офицерского корпуса. Во время штабных поездок Людендорф изучил свою родину и поездил по миру. Он побывал в России, Англии и Норвегии, но смотрел на все исключительно глазами офицера Генерального штаба.

Людендорф отличался невероятным честолюбием и вызывающей самонадеянностью, которая, при определенных обстоятельствах, толкала его на нарушение традиций Генерального штаба. Так, вскоре после сражения при Танненберге он заметил: «Когда *я* выиграл битву при Танненберге...» — непростительное пренебрежение кодексом Генерального штаба. Согласно его собственному признанию, Гинденбурга он рассматривал как некий полезный символ, считая, что массам необходим символ подобного рода. Подобное высказывание равносильно тому, что Людендорф рассматривал Гинденбурга как «соломенное чучело».

В свою очередь, Гинденбург, обладавший солидной долей здравого смысла и некоторой хитростью, унаследованной от предков, прекрасно понимал, что его советник

наделен высочайшей технической эрудицией и, как и большинство генералов, стремится к власти. Гинденбург принимал свое положение с тем смирением, которое зачастую отличает умного человека.

II

Произошел ряд серьезных изменений. Подполковник Ветцель сменил Таппена на посту начальника оперативного отдела. В этом не было ничего странного. Ветцель, одаренный богатым воображением, был не только человеком с широким кругозором, но и лучше, чем Таппен, разбирался в принципах современной войны. Тогда же значительно возросшие военно-воздушные силы, обнаружившие стремление выделиться в отдельную службу, поступили в распоряжение Генерального штаба. К политическому отделу добавился специальный сектор по взаимодействию с министерством иностранных дел, который возглавил некий капитан фон Шлейхер. Все это соответствовало основной тенденции, проповедуемой Людендорфом, о совместной ответственности командующих войсками и прикрепленных к ним офицеров Генерального штаба за принимаемые решения. В особенности это относилось к начальникам штабов. В результате Генеральный штаб смог больше прежнего навязывать свою волю.

Генеральный штаб стал занимать в жизни нации особое место. Теперь он занимался вопросами прессы, кинематографии, пропаганды, вооружения и продовольствия. Мы уже говорили, что император должен был удерживать равновесие между разными соперничающими структурами. Формально это положение сохранялось, но, как мы помним, чем дальше, тем больше император понимал, что эта задача ему не по плечу. В равной степени это относилось и к канцлеру. Бетман-Гольвег не был настолько сильной личностью, чтобы энергично воспротивиться военному влиянию. Не лучше обстояло дело с рейхстагом. Либеральная оппозиция равнодушно относилась к происходящему. Социалистов лишили возможности как-то повлиять на ход событий. Однако социалисты, несмотря на наличие в своих рядах таких людей, как Эберт, Винниг, Носке и Лиджон, испытывали недостаток выдающихся личностей. Штреземан, представлявший национал-либеральных реформато-

ров, совершил грубую ошибку, стремясь завязать партнерские отношения с высшим командованием. После Бисмарка никто уже не мог навести ужас на рейхстаг, а император, рассматривая законодательный орган не более как сборище болтунов, даже не пытался найти точки соприкосновения с ведущими парламентариями.

По логике такое положение дел должно было привести к военной диктатуре. На самом деле этого не произошло. Планы Людендорфа потерпели крах. Он пожаловался кронпринцу, что никто не хочет ничего делать, и предложил ряд далеко идущих планов, многие из которых серьезным образом затрагивали частную жизнь рядовых немцев. Среди прочего он предложил программу по увеличению рождаемости, по уменьшению численности уклоняющихся от военной службы, по улучшению жилищных условий, по борьбе с венерическими заболеваниями, по созданию льготных условий возвращающимся солдатам (путем переселения в сельские районы), по предвоенной подготовке молодежи и борьбе с подрывной агитацией (опасно увеличившейся в последнее время). Но самым важным было то, что Людендорф настоял на введении воинской повинности для всех лиц в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет и мобилизации женщин для работы на предприятиях по изготовлению военной амуниции.

Как ни странно, но Людендорф отвергал идею военной диктатуры. И хотя Макензен настаивал на необходимости военного канцлера, а Сект заявил, что имеющиеся проблемы проще всего решить с помощью военной диктатуры, одним словом, несмотря на благоприятные обстоятельства, Людендорф упорно отказывался от этой идеи и продолжал поиски сильного человека, «германского Ллойд Джорджа» в рядах политиков и парламентариев. Поиски оказались безрезультатны. Самое парадоксальное, что парламентарии вроде Штресемана все более склонялись к идее военной диктатуры, видя в ней единственную надежду на спасение, и видели в Людендорфе германского Кромвеля. Политика Людендорфа имела для молодых генштабистов далеко идущие последствия. Во времена Веймарской республики, заняв ведущее положение в рейхстаге, они придерживались принципа, что солдат не должен разбираться в политике и что военные не должны принимать на себя политических обязательств. Они не верили в военную диктатуру, инстинктивно понимая, что любая диктатура базируется на массах.

Но хотя Людендорф отвергал идею о военной диктатуре, военные, по сути, установили экономическую диктатуру. Возрастающий с каждой неделей контроль над производством продовольствия, сырья, военного снаряжения и тому подобного был сосредоточен под началом генерала Гронера. Это и понятно. Учитывая огромное превосходство врага в отношении имеющихся у него ресурсов, сектор производства требовал особого внимания.

Таким образом, первые серьезные шаги, предпринятые режимом Людендорфа—Гинденбурга, были связаны с увеличением роста производства. С благословения Людендорфа Гронер и Бауэр разработали программу, предусматривавшую значительное увеличение выпускаемых аэропланов, пушек, грузовиков и других атрибутов войны. Практически одновременно в декабре 1916 года удалось обеспечить на фабрики значительный приток женских рабочих рук, не говоря уже о военнопленных и «вспомогательных рабочих» из Бельгии и Польши.

Несмотря на негативное отношение к военной диктатуре, Людендорф с огромным энтузиазмом воспринял идею военного социализма (бельгийские рабочие дали бы этому другое название по вполне понятным причинам). Военный социализм обеспечивал безжалостную эксплуатацию человеческих и материальных ресурсов, что полностью соответствовало исповедуемой Людендорфом концепции войны. Тем не менее военный социализм не смог решить самую важную проблему — усилить мобилизационную активность германского народа.

Людендорф, безусловно, отдавал себе отчет, насколько трудно при существующей избирательной системе решить этот вопрос. Он считал, что необходимо назначить министра по пропаганде. Но правящий класс давно уже сбросил со счетов такое понятие, как патриотизм простых немцев, и не обращал никакого внимания на требования Людендорфа.

Лучшая часть офицерского корпуса пала на поле боя, и Людендорф настоял на пополнении офицерских рядов (не принимая во внимание происхождение) из наиболее перспективных людей среди резервистов и рядовых, проявивших себя в пылу сражений. Однако подбор офицерских кадров был последней оставшейся привилегией военного кабинета, а для него определяющим фактором служил социальный статус. Единственная уступка, на которую они согласились, —

создание некоего гибрида должности, «человека, занимающего офицерскую должность» (Offizierstellvertreter). Во время войны в некоторых случаях сержантам с хорошим послужным списком было разрешено исполнять офицерские обязанности, но по окончании войны им возвращались прежние звания.

Попытки Людендорфа заняться политикой потерпели фиаско. Призыв к независимости Польши в тот момент, когда царь только что назначил министром Бориса Штюрмера, имевшего репутацию человека, решительно поддерживающего междинастическое взаимопонимание, разрушил последние надежды на возможность заключения сепаратного мира с Россией. Фон Беселер, генерал-губернатор Польши, заставил Людендорфа поверить в то, что независимая Польша предоставит Германии от пятнадцати до двадцати дивизий. Людендорф всегда попадал под гипнотическое воздействие чисел и в данном случае стал жертвой беспочвенных фантазий фон Беселера. Хотя, казалось бы, кому, как не ему, было прекрасно известно, какую ненависть питают поляки к немцам.

Полагаясь на оптимистические сообщения адмиралтейства, Людендорф ошибочно считал, что предпринятые попытки к ведению неограниченной подводной войны помогут вступить в мирные переговоры с врагом. Главное — не дать почувствовать противнику свою слабость. Разговор, по его мнению, должен был идти только с позиции силы. Из-за ограниченных способностей он попросту не мог оценить усилия президента Вильсона по примирению враждующих сторон. Сект был уверен, что вступление в войну Америки, в результате все той же неограниченной подводной дуэли, отстаиваемой Людендорфом, может затянуть войну; он был не в состоянии понять, что может заставить Америку пойти на этот шаг.

III

В какой-то момент Людендорф осознал, что его политика тотальной войны может не осуществиться, пока на посту канцлера остается Бетман-Гольвег; он был чересчур гуманным. Многие в армии разделяли эту точку зрения. Не только пангерманцы, но даже ряд членов либеральной и левой партий, находившихся в оппозиции к действую-

щему канцлеру, настаивали на решении этого вопроса. Возникающая время от времени борьба за военные ассигнования приучила Людендорфа иметь дело с политическими партиями. Следовательно, он вполне мог рассчитывать на поддержку при назначении «военного канцлера».

Через полковника Бауэра были установлены связи с рядом оппозиционеров в рейхстаге. Многие стремились увидеть на этом посту самого Людендорфа, но он понимал, что не вынесет двойное бремя. Штресеман и Эрзбергер, две наиболее заслуживающие внимания политические фигуры, настаивали на кандидатуре принца фон Бюлова, безусловно обладавшего дипломатическим талантом, который, как они надеялись, способен найти политическое решение их проблем. Людендорф отдавал предпочтение Тирпицу, но его взгляды на подводную войну шли вразрез с мнением императора. Кроме того, Тирпиц был в немилости.

Занявшись политикой, Генеральный штаб продемонстрировал готовность к уважительному общению. В 1917 году впервые в истории члены рейхстага были приглашены на Кенигсплац для детального ознакомления с существующим положением дел. Вскоре императору и кронпринцу представилась возможность послушать, что думают партийные лидеры (в том числе социал-демократы). К сожалению, император и кронпринц не смогли воспользоваться предоставленной возможностью, причем кронпринц так обращался с парламентскими делегатами, словно они были капралами, пришедшими на доклад к командиру.

Потраченные усилия, тем не менее, не прошли даром. В конце концов, угрожая, Гинденбург и Людендорф добились снятия канцлера. Однако император по-прежнему противился назначению Тирпица или Бюлова, и даже начальник Генерального штаба не смог навязать свою волю главнокомандующему. Тогда генерал-полковник фон Плессен предложил кандидатуру доктора Михелиса, министра продовольствия, представив его человеком, способным всерьез взяться за решение проблем. Гинденбург и Людендорф не знали Михелиса, но заявили, что согласны, и Михелис стал канцлером. Наконец-то Генеральный штаб добился решающего голоса при назначении канцлера.

Однако Людендорф не успокаивался, стремясь заручиться поддержкой в проведении жесткой политики. И он нашел ее в организации (Vaterlandspartei), созданной в 1916 го-

ду Тирпицем и Вольфгангом Каппом, в партии, воплотившей цели всех аннексионистов и приверженцев политики грубой силы. Дух этой партии был враждебен настрою масс. Людендорф глубоко заблуждался, если считал, что с ее помощью удастся поднять моральный дух и усилить единство народа Германии. Следует отметить, что аппетит Людендорфа в отношении чужих территорий возрастал день ото дня. В меморандуме, датированном сентябрем 1917 года, он не только требует создать стратегический пояс, включающий территории Польши, Литвы, Курляндии и Восточной Франции, но, вдобавок к этому, предлагает включить в империю Бельгию. Присоединение Бельгии, утверждал Людендорф, не оставит Голландию равнодушной, и она рано или поздно начнет добиваться слияния с Германией. Дания должна будет установить тесное экономическое сотрудничество с Германией, а в дальнейшем такие же тесные связи будут установлены с Японией и с Африкой. Ллойд Джордж както спросил у Фоша, что он думает о Людендорфе. «Un bon soldat» (бравый солдат), — ответил Фош. Заметьте, он не сказал: «Un bon general». Фошу не откажешь в здравомыслии. Людендорф был солдатом, но не более того. Политика была для него вражеской территорией, и там он был беспомощен.

Тем временем Англия нашла ответ на подводные атаки в виде системы конвоев. Опять все надежды Людендорфа и Гинденбурга сконцентрировались на войне на суше, и, хотя перспектива была неутешительной, им удалось одержать одну заслуживающую внимания победу. Они создали объединенное германо-австрийское командование под номинальным руководством германского императора. К сожалению, смерть Франца-Иосифа в ноябре 1916 года и замена Гетцендорфа генерал-лейтенантом фон Штраусенбургом свели на нет их усилия. Новый император Карл IV решил спасать империю с помощью собственных методов, и если понадобится, то и отречься от германского союзника.

IV

В последние месяцы 1916 года Генеральный штаб доказал, что ему нет равных в применении традиционной тактики открытой войны. Требовалось выбить Румынию

из войны. Фалькенхайн и Макензен блестяще решили эту задачу. 6 декабря Макензен въехал в Бухарест на белом коне. Остатки румынской армии были оттеснены в Бессарабию. Фалькенхайн тут же отправился в Палестину в сопровождении человека, однажды сыгравшего значительную роль в германских делах, Франца фон Папена, майора Генерального штаба и бывшего военного атташе в Вашингтоне. Однако Гинденбург отчетливо понимал, что это всего лишь частичные успехи. В своих воспоминаниях он счел возможным подчеркнуть, что единственное, в чем преуспели центральные державы, так это в устранении противника в лице Монтенегро (Черногория). Вражеское кольцо пока не было полностью разбито, но бельгийскую армию удалось оттеснить за Изер, сербскую — на остров Корфу, а румынскую — в Бессарабию.

В стратегическом отношении 1917 год был посвящен обороне, «оперативному застою», как назвал его Сект, и это несмотря на то, что в начале года в России вспыхнула революция. На западе Людендорф применил новую тактику активной обороны, что привело к значительному снижению потерь.

Теперь, когда в войну вступила Америка, требовалось срочно добиться благоприятного решения до появления американской армии, которая решит исход дела. А для того, чтобы добиться этого, необходимо покончить с позиционной войной. Каким образом? Людендорф не видел никакого другого способа, как только использование тактики прорыва.

Но на самом деле имелось готовое средство. В 1916 году Британия стала использовать на полях сражений бронированные машины на гусеничном ходу, оборудованные пулеметами, которые впоследствии получили название «танки». Они были разработаны для разрушения траншей и заграждений из колючей проволоки и могли медленно двигаться по ландшафту, словно гигантские черепахи, и в определенных пределах, бесспорно, достигали цели.

В прусской армии, которую всегда отличала инертность в отношении внедрения технических новшеств, никто не разглядел потенциальных возможностей этого нового оружия. Гинденбург вообще заявил, что германская пехота может спокойно обойтись без этих нововведений. Единственно, были разработаны противотанковые орудия, способные пробить танковую броню.

Только полковник Бауэр оценил значение нового оружия и отдал распоряжение заняться конструированием германской модели. В мае 1917 года экспериментальный танк был продемонстрирован представителям Верховного командования, которые высказали недовольство представленным образцом. Только осенью прусское военное министерство нерешительно отдало распоряжение о конструировании тяжелых танков типа «A7V», в то время как полковник Бауэр по собственной инициативе дал указание Круппу подготовить производство для выпуска легких, быстроходных моделей. В это время Франция и Британия уже приступили к массовому производству танков. Однако в Германии это оказалось невозможным, поскольку из-за нехватки сырья под угрозой находилось производство аэропланов и грузовиков. Наконец в 1918 году на поле боя появились девять германских танковых соединений, оснащенных главным образом не «A7V», а захваченными британскими танками.

Однако весной 1917 года сложилась ситуация, при которой у одной стороны вообще не было танков, а другая еще не научилась использовать то, что имела, поэтому обе стороны зачарованно смотрели на фортификационные сооружения противной стороны, безуспешно отыскивая места возможного прорыва. В апреле генерал Нивель, преемник Жоффра, пытаясь прорвать германский фронт в районе Реймса, предпринял последнее усилие, сконцентрировав огромное количество артиллерии для нанесения мощного удара. Благодаря операции «Alberich» (Альберих, предводитель нибелунгов. — *Примеч. пер.*) германская армия спокойно отошла на линию Зигфрида (известную британцам как линия Гинденбурга) и, с учетом удивительной небрежности к сохранению операции в тайне, которую проявил Нивель, удалось частично предупредить французскую атаку; остальное сделала гибкая система защиты Людендорфа. Наступление захлебнулось, приведя к катастрофическим последствиям. Наступательная сила французской пехоты была подавлена. Более чем в шестнадцати армейских корпусах поднялись мятежи. Правда, правительству Клемансо удалось восстановить нарушенное равновесие.

В конце лета британцы, в свою очередь, предприняли нападение *en masse*[1] на германские базы в Зеебрюгге и Остенде. Эта атака также привела к бессмысленному крово-

[1] Во множестве (*фр.*).

пролитию и парализовала наступательную силу Британии. Германская пехота оставалась хозяйкой на поле боя до тех пор, пока превосходство не подверглось сомнению в Камбре, поскольку там были впервые правильно и в нужном количестве использованы танки.

V

Тем временем большевистские агенты, которых Людендорф обдуманно внедрил в Россию, захватили власть. Жестокая экономическая блокада заставила правящие круги Германии перейти на строгое нормирование продовольствия. Однако перспектива голода оставалась. Перед Германией маячил призрак революции. Поскольку ситуация с продовольствием ухудшалась день ото дня, Людендорф пришел к убеждению, что спасти империю можно только путем овладения значительными территориями на востоке. Большевистские лидеры, заявившие, что готовы к переговорам, были попросту ошарашены, когда узнали о территориальных притязаниях высшего командования. Литва, Курляндия, Эстония, Польша и Украина должны были теперь относиться к сфере влияния Германии.

Несмотря на жесткие условия, Людендорфу удалось нейтрализовать Россию и благодаря этому перебросить значительные силы на запад. Но тут возникли новые проблемы. Осенью того же года Ветцель завел разговор о выводе из войны Италии, самой слабой из противников. Хотя предпринятая операция привела к разгрому Италии в Капоретто, успех не развили. Людендорфу даже не пришло в голову, что вторичный театр военных действий может иметь решающее значение.

Мирные переговоры с большевиками определенным образом сказались на отношениях между правительством и Генеральным штабом. Михелис, до некоторой степени выдвиженец Генерального штаба на должность канцлера, не справился с поставленной задачей. Высшему командованию был официально представлен граф Гертлинг, его преемник. Памятуя о печальном опыте с Михелисом, Людендорф предпочел не предлагать собственную кандидатуру. Находясь у власти, Гертлинг поднял вопрос о политическом приоритете в решении государственных проблем. В результате Гинденбург и Людендорф на брестских

мирных переговорах должны были довольствоваться ролью консультантов.

Их советы заметно отличались от идей Секта, который был наверняка более дальновиден, чем Людендорф. Сект видел в России потенциального союзника на втором этапе большой мировой войны и стремился к установлению политики взаимопонимания на востоке.

Позиция Людендорфа представляла резкий контраст позиции Гронера, который еще в 1916 году возлагал надежды на политику реституции и считал, что она поможет Германии в разрешении наиболее важных вопросов. Однако Гронер поступил довольно опрометчиво, решив высказать свои соображения в присутствии угольного магната Г. Стиннеса, который настоял на снятии Гронера.

Наконец Брест-Литовский договор был подписан. Одновременно были предприняты новые отчаянные попытки на Балтике, в Финляндии и на Украине. Основной упор делался на захват сырьевых территорий юга России. На Украине и в Грузии были сформированы марионеточные правительства, состоящие главным образом из крайне реакционных в отношении старого режима элементов.

VI

На Ближнем Востоке разыгрывалась своего рода прелюдия перед окончательным разгромом Турции. Смешанная британо-индийская армия заняла Багдад. Сирийско-палестинский фронт дрогнул под ударами англичан. В декабре Сект был прикомандирован к высшему командованию Турции — типичный пример игр больших штабных начальников. По крайней мере, в теории ведущий эксперт такого уровня по значимости приравнивался к целой армии.

В Константинополе Сект работал с майором Кестрингом, капитаном Фишером и капитаном Шунке, компетентными офицерами, сыгравшими в будущем важную роль. Один из честолюбивых замыслов, вынашиваемых Сектом, заключался в наступлении через Персию с целью возвращения Месопотамии. Другой был связан с вторжением на Кавказ. Однако эти планы не имели под собой прочной основы; не только вооруженные силы, но вся государственная система была уже не в состоянии справиться с увеличивающимся напряжением.

В 1917 году были зафиксированы первые случаи неповиновения экипажей кораблей, не занятых в военных действиях. Вернувшиеся из России германские военнопленные подняли мятеж, узнав, что их собираются отправить на Западный фронт. Участились случаи дезертирства, в военной промышленности произошел ряд крупномасштабных забастовок. Людендорф требовал принятия жестких мер, хотя отправку забастовщиков на фронт вряд ли можно отнести к удачным идеям. Фронт и так кишел революционными агитаторами. Кроме того, рассматривая отправку на фронт как способ наказания, Людендорф тем самым наносил оскорбление тем, кто находился на фронте. Шарнхорст заявлял, что служение родине является делом чести, но по-прежнему это было только в теории.

VII

Несмотря на все превратности судьбы, Германия продолжала планировать наступление. Франция и Британия осознали, сколь бессмысленно биться головой об стену. Они решили дождаться прихода американцев и только тогда переходить в наступление. Со своей стороны Людендорф с возросшей решимостью обратился к «стратегии Буффало», тогда как лишенный воображения Фош планировал осуществлять серию непрерывных фронтальных атак. Он доказывал, что с появлением американских дивизий против Германии будет играть фактор численности и пропадет последняя надежда на победу. Следует собрать все силы для нанесения одного мощного удара, который разорвет вражеский фронт. Он даже рассматривал идею о концентрации австрийских, болгарских и турецких дивизий во Франции, но из этого ничего не вышло.

До осени 1917 года Генеральный штаб вынашивал идею «большого сражения». Да, замысел Ветцеля обернулся поражением Италии, но, по мнению Людендорфа, только наступление в наиболее укрепленной части фронта придаст необходимый вес военному успеху. «Большое сражение» на западе было последней возможностью Людендорфа. Он заявил императору, что гарантирует успех. Людендорф, Гинденбург и Ветцель были уверены, что военное наступление будет сопровождаться дипломатическим прорывом. Еще со времен кризиса 1916-го и 1917 годов в Париже и Лондоне

были круги, готовые к переговорам. Однако из дипломатического наступления ничего не вышло; не существовало ни по-настоящему тесного сотрудничества между высшим командованием и министерством иностранных дел, ни взаимопонимания между Кюльманом и Людендорфом.

Но военное наступление страдало от куда более серьезных факторов, чем отсутствие дипломатической поддержки. Людендорф отказывался осознать, что четыре года страшных испытаний не могли самым серьезным образом не отразиться на армии. Людендорф превратился в типичного кабинетного генерала, который, сидя за столом, руководил операциями. Он уже не мог оценить, что можно сделать, а что нет. Можно все, если отдавать приказы на повышенных тонах и рявкать на подчиненных.

После рассмотрения различных вариантов Людендорф в конечном итоге принял решение начать наступление с двух сторон на Сен-Кантен и нанести удар по Амьену, где сосредоточились французские и британские армии. Если прорыв удастся, станет возможным отбросить британскую армию к Ла-Маншу.

В начале 1918 года началась подготовка армии и артиллерии, предназначенных для наступления. Удалось сконцентрировать около 7 тысяч легких и тяжелых орудий для проведения артиллерийской подготовки. Наконец ранним утром 21 марта с оглушительного грохота орудий началась «операция «Михаэль».

Атакующие прорвали британские укрепления. 5-я британская армия была разбита. К сожалению, немцы не воспользовались танками, которые в данном случае могли оказать существенную помощь. И хотя казалось, что Амьен практически окружен немцами, не удалось добиться выполнения задачи первого дня наступления: осуществить тактический прорыв и захватить артиллерийские позиции британцев. В последующие дни наступление германской армии развивалось медленно и шло не в глубь, а поперек. В результате фронт, по которому теснили противника, увеличился с семидесяти до ста сорока километров, а то и больше. Примерно девяносто дивизий, вброшенных в плавильный тигель этой страшной битвы, не добились решающего исхода. К 4 апреля пехота обогнала артиллерию и вспомогательные службы, но силы ее истощились. Наступление захлебнулось. «Человек всегда все делает по частям», — написал Гинденбург в воспоминаниях.

VIII

9 апреля Людендорф приступил ко второму акту драмы, начал наступление на этот раз между Армантьером и Ле-Бассе. Основной удар был нанесен по двум португальским дивизиям, входящим в состав 1-й британской армии и ранее не принимавшим участия в боевых действиях. Превосходящая по численности германская армия хлынула в образовавшуюся брешь, но к 25 апреля наступление вновь захлебнулось. Потери немцев на тридцать процентов превышали потери союзников, и уже появились скептики, вроде генерала фон Лоссберга, начальника штаба 4-й армии, высказавшие сомнения относительно окончательного исхода. Получалось, что бессмысленно проливается кровь, что все действия противоречат истинному духу искусства ведения войны.

Однако Людендорф отчаянно стремился прорвать вражескую линию и обеспечить свободу маневра. Итак, наступил третий акт драмы. Этот акт состоял из отвлекающего наступления на активно сопротивляющийся Шмен-де-Дам, чтобы затем возобновить операции против британских армий во Фландрии. Третье германское наступление, вместившее усилия огромной армии и артиллерии, увенчалось взятием Суасона, и германские войска опять подошли к роковым водам Марны, оказавшись в семидесяти километрах от Парижа у Шато-Тьерри. Над французской столицей появилась германские аэропланы. Париж подвергся артиллерийским обстрелам. 5 июня, уже в третий раз, германское наступление было остановлено. Примерно в то же время генерал фон Куль заявил, что нехватка танков может оказать решающее значение.

Приблизительно в это же время полковник фон Гефтен, начальник внешнеполитического отдела Верховного командования (офицер связи между Генеральным штабом и министерством иностранных дел), вновь вернулся к идее о политическом наступлении. Он предложил начать пропагандистскую кампанию с помощью людей, занимающих видное положение в общественной жизни страны, которые смогли бы представить Германию как защитника западных государств от большевистского Востока. Он надеялся, что таким образом удастся сохранить завоеванные территории в Восточной Европе. Однако к тому моменту отношения между Верховным командованием и министер-

ством иностранных дел совсем разладились. Людендорф с подозрением относился к пацифистским настроениям Кюльмана, статс-секретаря министерства иностранных дел. Безропотно сидящий в штабе император жаловался, что Верховное командование, рейхстаг и канцлер тянут его в разные стороны. Кюльман ясно видел, что основа любого движения к миру заключается в проявлении готовности восстановить независимость Бельгии. Людендорф утверждает, что в период с мая по июнь он убеждал министерство иностранных дел выступить с примирительным заявлением в отношении Бельгии; его последующие действия явно опровергают это утверждение. 24 июня Кюльман заявил в рейхстаге, что, столкнувшись с существующей вражеской коалицией, «войну нельзя закончить чисто военными средствами, без всяких дипломатических переговоров». Людендорф пришел в ярость. Подобное заявление, по его мнению, был сродни пораженчеству. Вместе с Гинденбургом они потребовали отставки Кюльмана. Новым статс-секретарем стал адмирал фон Гинце, военный представитель в Санкт-Петербурге. Людендорф все еще верил, что Англию стоит выслушать только в том случае, если она по собственной воле обратится к Германии.

В этот период дела на домашнем фронте шли все хуже и хуже. Германия голодала, а партия Тирпица и Каппа (Vaterlandspartei), высказывая неуместные замечания, что война продолжается с целью удовлетворить аппетиты капиталистов, еще сильнее обостряла обстановку. У Людендорфа возникли очередные проблемы. Страшные бои во Франции исчерпали германские резервы. Требования Людендорфа о немедленном призыве в армию двухсот тысяч человек оказались тщетны.

IX

15 июля Людендорф отдал приказ о наступлении на Реймс, на этот раз с двух сторон силами двух тысяч батарей и сорока семи дивизий. Цель: отвести формирования врага от Фландрии, где опять планировалось мощное германское наступление. Информация о германских планах попала к врагам. 18 июля Фош, незадолго до этого назначенный командующим всеми франко-британскими силами, нанес танковый контрудар по германской армии в

районе леса Виллер-Коттерэ и отбросил германскую армию на сорок пять километров. Десять германских дивизий были полностью уничтожены. Фактически Людендорф отдал приказ об отступлении еще 17 июня. Французы развивали успех под аккомпанемент тяжелых арьергардных боев, продолжавшихся до августа. Гинденбург уже понимал, что произойдет дальше. Он писал жене, что, если война будет проиграна, в этом нет его вины. Вина ляжет на родину, которая не смогла передать необходимый боевой настрой своим гражданам. Он не считал, что голод может служить достаточным оправданием. Как и Людендорф, Гинденбург полностью потерял связь с реальностью.

8 августа 4-я британская армия перешла в наступление на фронте между Альбером и Морейлем. В состав наступательной группировки были включены шестьсот тяжелых и средних танков. В боевой готовности находилась кавалерия. Порядка шести германских дивизий были попросту смяты. Это было начало конца. Отступающая пехота встречала подходящие резервы криками «Штрейкбрехеры!», это означало протест отчаявшихся людей, потерявших остатки последних сил. Теперь германское командование отказалось от наступательных действий и приняло решение перейти к обороне. Германские дивизии, хотя все еще вели упорное сопротивление, неуклонно отступали к Бельгии. По признанию Людендорфа, 8 августа 1918 года являлось самым черным днем германской армии в истории мировой войны. В этот день пришло осознание, что война проиграна. Армия должна любой ценой получить передышку, добиться перемирия, чтобы восстановить подорванную мощь. 13 августа в Спа состоялось заседание совета под председательством Вильгельма II, на котором присутствовали Гинденбург, Людендорф, Гертлинг и Гинце. Людендорф предложил продолжать оказывать решительное сопротивление и удерживаться у Бельгии. Гинденбург соглашался неофициально позондировать почву о проведении мирных переговоров, но не более того. Пока не улучшится военная ситуация, считал он, не должно идти речи об официальном предложении мира. Однако они оба согласились с предложением императора начать мирные переговоры через нидерландскую королеву или испанского короля.

Поскольку Людендорф относился к той категории людей, которые видят цель войны только в полном уничтожении врага, он легко мог представить, какие мирные условия

будут навязаны Германии, а потому хотел заставить армию и народ сделать последнее, колоссальное усилие. Вся беда заключалась в том, что массы больше не желали подчиняться. Народ жаждал мира. Людендорф был готов сотрудничать даже с социал-демократами, только бы они подняли массы на последний бой. Ни Людендорф, ни Гинденбург все еще не понимали, что больше не властны над ситуацией. Теперь ими управляли силы, доселе им неизвестные.

X

Теперь Людендорф отказался от гибкой защиты в пользу лозунга «Стоять, где стоим», но после августовских событий враг доказал абсурдность этого призыва. Французы перешли в наступление в направлении на Шони, а британцы — в направлении на Бапом. В обоих направлениях использовалось большое количество танков и, несмотря на отсутствие какого-либо плана танковой атаки, наступление увенчалось успехом. В сентябре впервые предприняли атаку американцы, и Людендорф спешно приступил к строительству укрепленных позиций на Маасе и Рейне, одновременно приводя в порядок крепости Эльзаса и Лотарингии. На протяжении всего этого времени широкие масштабы приняли дезертирство и сдача солдат в плен, тем не менее старые, закаленные в боях дивизии не могли не вызывать уважения британских генералов, многие из которых понимали, что до окончательной победы остался год, максимум два.

В то время как Западный фронт продолжал удерживаться, маршал д'Эсперэ прорвал салоникский фронт. 15 сентября взбунтовалась болгарская армия. В тот же день австрийский император выступил с предложением о перемирии. 25 сентября с таким же предложением выступила Болгария. Сект, начальник штаба турецкой армии, все еще верил в возможность заключения «Губертусбургского мира» (завершил Семилетнюю войну 1756—1763 годов. Подписан в замке Губертусбург), благодаря которому мог быть восстановлен status quo[1]. Сект поднял голос за взаимопонимание с существующим правительством России, но, как и Гинденбург, Сект больше был не властен над происходящим.

---

[1] Существующее положение (*лат.*).

Пессимистическая волна накрыла Верховное главнокомандование после получения известий с Балкан. Внезапно показалось, что Людендорф, по крайней мере на какой-то момент, потерял самообладание. Он потребовал немедленно заключить перемирие. Гинденбург настаивал на необходимости удержать в своих руках месторождения железной руды в Лонгви, но Людендорф с некоторой горячностью объяснил ему, что время ушло. На этом этапе Людендорф был готов рассматривать программу мирного урегулирования, известную как «Четырнадцать пунктов Вильсона». Программа не только предусматривала независимость малых народов, но и «свободу торговли», «свободу морей». Теперь Людендорф окончательно примкнул к армии политических деятелей. Он все еще верил, что переговоры помогут сохранить завоеванные восточные территории. Однако военные действия были прерваны. Предложение о бомбардировке с воздуха Лондона и Парижа отклонили; слишком уж подавляющим было превосходство союзников в воздухе. Поскольку Людендорф и Гинденбург считали несовместимым с их кодексом чести просить о перемирии, объясняться с рейхстагом был отправлен майор фон дер Иппенбург, который должен был сообщить о возможном крушении планов на западе.

Гертлинг был отослан в отставку, и император заменил его принцем Максом фон Баденом, имевшим репутацию либерала и пацифиста. Теперь Людендорф требовал, не теряя времени, начать переговоры о перемирии, поскольку на западе все может рухнуть в любой момент. Фоном шло огромное сражение. Британцы захватили морские базы на берегу Ла-Манша. В Восточной Франции уверенно развивалось франко-американское наступление. Макензен получил строгий приказ удерживать Румынию и ее богатые нефтяные месторождения, но едва ли это было выполнимо, когда генерал д'Эсперэ вступил в Белград.

Наконец в конце октября после обмена нотами президент Вильсон озвучил свои условия. Фактически, требование полной капитуляции. Это было уж слишком для Людендорфа; в обращении к армии за подписью Гинденбурга эти условия были названы неприемлемыми. Новый канцлер посчитал, что документ дезавуирует его власть. В результате Людендорф написал прошение об отставке. Император принял Людендорфа в Берлине и объяснил, что он должен рассматривать свою отставку как милость, поскольку дол-

жен теперь восстановить империю с помощью социал-демократов. Людендорф вновь, теперь уже устно, попросил об отставке, и император кивнул. Глубоко оскорбленный, но с высоко поднятой головой, Людендорф вернулся в Спа, чтобы попрощаться с сослуживцами.

Людендорф ушел, но Гинденбург остался. После отмены обращения к армии Гинденбург пришел к выводу, что с этого момента все переговоры о перемирии должны быть полностью возложены на правительство, и запретил Верховному командованию иметь к ним хоть какое-то отношение. Кто угодно может капитулировать, но только не руководство армии.

XI

История отречения императора под давлением американского президента и в преддверии революции рассказывается так часто и настолько подробно, что нет смысла останавливаться на ней в нашем повествовании. Вообще-то уничтожение монархии привело к уничтожению прусской армии, Генерального штаба, военного кабинета и всех других институтов, напрямую зависевших от власти монарха. Но хотя монархия рухнула, армия, приспособившись к новым условиям, сохранила преемственность.

В этот трудный переходный период особенно выделился один человек. В связи с отставкой Людендорфа Генеральный штаб предложил несколько кандидатур на вакантное место. В список претендентов вошли фон Куль, фон Сект, фон Лоссберг и Гронер. До Секта было трудно добраться, поскольку проливы находились в руках союзников. Из оставшихся трех претендентов Гронера, уроженца Южной Германии, усиленно поддерживали демократические партии. Таким образом, новым генерал-квартирмейстером и советником Гинденбурга стал Гронер. Он был первым убежденным демократом, который когда-либо занимал ведущее положение в Генеральном штабе.

Именно Гронер в тот роковой день 9 ноября произнес фразу, ясно показавшую, что наступила новая эпоха. Накануне, 8 ноября, когда во всех главных городах развевались красные флаги и солдаты выбирали солдатские советы по образу русских Советов, генерал фон Линсинген готовился сразиться с берлинскими рабочими. Гронер, чтобы быть

готовым ко всяким случайностям, конфиденциально задал два вопроса командующим Западным фронтом.

Вопрос первый: будут ли армии сражаться за императора против родины? В двадцати трех случаях ответы были отрицательные, в пятнадцати случаях неопределенные. Только генерал фон дер Шуленбург, начальник штаба кронпринца, дал положительный ответ. Второй вопрос: согласятся ли войска, чтобы их использовали для подавления подрывной деятельности большевиков? Двенадцать командующих ответили положительно, девятнадцать не смогли дать ответа и восемь ответили отрицательно. Результаты сообщили императору. Что бы сказал Вальдерзе, узнай он, что встал вопрос о солдатском неповиновении? Но Гронер понимал, что на карту поставлено больше чем просто существование монархии. Он думал о Германии и германской армии. На историческом совете 9 ноября Шуленбург опять настаивал на боевых действиях, но Гинденбург не поддержал его. Когда заговорили о внушающей опасение атмосфере в войсках, император напомнил о солдатской присяге на верность. Вот тогда-то Гронер и заявил императору, что в нынешних обстоятельствах это не более чем фикция.

Этими словами он разрушил Пруссию и растоптал прусскую армию. Однако Генеральный штаб не только выстоял, но продолжил свою деятельность. Когда депутат от социал-демократической партии Шейдеман провозгласил в Берлине республику, Генеральный штаб продолжал, словно скала, стоять под руководством таких исполинов, как начальник штаба и генерал-квартирмейстер. Гинденбург твердо придерживался политики отказа от участия в переговорах. Единственным офицером, входившим в делегацию на мирных переговорах, был бывший военный атташе в Париже генерал фон Винтерфельд. Руководитель делегации Эрцбергер, сообразительный, схватывающий все на лету, утверждал, что союзники предпочтут вести переговоры с гражданскими лицами. Этим он оказал Генеральному штабу большую услугу. Оказал ли он услугу государству — уже другой вопрос.

Совершенно ясно, что для штабных офицеров известие об отречении императора в первый момент стало сродни смертельному удару. Сект, являвшийся средоточием всех надежд, узнал об этом в поезде, который вез его из Константинополя домой. Это известие вызвало у бесстрастного, сдержанного человека, каким являлся Сект, слезы. Армия потеряла «королевский щит». С этого момента люди подобные Секту

стали подыскивать новый символ и новые атрибуты, чтобы поддержать государство, опорой которого, по мнению офицеров, должны были быть порядок и власть. Вот почему позже генерал фон Рабенау, один из ближайших сотрудников Секта, назвал ноябрьские события «мерзким ноябрьским восстанием»: оно разрушило эти опоры.

Людендорф, поверженный титан, узнал о новостях, находясь в скромном пансионе в Берлине. Он не испытал удивления и почувствовал не печаль, а ярость. Будучи человеком крайне самонадеянным и неспособным к трезвой самооценке, Людендорф, презрев цивилизованные традиции своего времени, стал размышлять о тайной власти евреев, масонов и иезуитов. Его интерес к мистике и всему связанному с ней стал просто патологическим. Он начал писать мемуары, поскольку истинный немец, по его мнению, извлекает уроки из событий прошлого. С присущей ему наглостью Людендорф заявил, что революционеры очень сглупили, позволив ему остаться в живых. Когда подозрительные личности начали слоняться у его дома в Берлине, он предпочел укрыться у одного из шведских друзей.

Незадолго до отъезда Людендорфа посетил английский генерал сэр Малькольм. Людендорф стал осыпать оскорблениями правительство и народ, которые, как он считал, покинули его в беде. Он заявил, что немцы больше не достойны своих воинственных предков. «Вы стараетесь убедить меня, генерал, что вам нанесли предательский удар?» — поинтересовался Малькольм. Людендорф пришел в восторг от подобной постановки вопроса. «Вот именно! — вскричал он. — Они нанесли мне предательский удар. Вот именно, предательский удар!»

Глава 9

ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

Сект и «Truppenamt»

I

Когда 11 ноября в 11 часов утра неожиданно на всех фронтах смолкли пушки, в Германии насчитывалось четыре действующих властных центра. Во-первых, прусский Генеральный штаб, воплощенный в Верховном командовании. Затем огромная, но постепенно распадающаяся армия. Солдаты практически повсеместно подняли красные флаги, отменили привилегированное положение, на котором находился офицерский корпус, и создали солдатские советы. Совет народных уполномоченных под руководством Эберта и Шейдемана объединил умеренных и демократов. И наконец, были убежденные революционеры. К ним относились независимые социал-демократы, различные коммунистические группы и матросы. При этом огромная масса немцев оставалась пассивной и беспомощной. Дворяне, предчувствуя недоброе, засели в своих поместьях; перед их глазами вставали яркие картины раздела помещичьих земель в России.

На общем фоне Генеральный штаб выступал как фактор решающего значения для всех сил, которые так или иначе стремились к порядку. Генштабистов по-прежнему объединяли личные пристрастия, сходный образовательный уровень и привычка к дисциплине. Кроме того, несмотря на обвинения в адрес штаба, что он является центром «прусского милитаризма» и воспитывает поджигателей войны, Генеральный штаб, как и прежде, окружала аура прямо-таки мистического уважения, и для этого, надо сказать, были основания. Продолжалась последняя битва, фронт все еще не был прорван, по крайней мере в Бельгии и Восточной Фран-

ции, войска еще находились в Польше, на Украине и в странах Балтии. Это политические деятели подписывали условия капитуляции, это канцлер и его приспешники поспешно объявили о сложении полномочий Верховным главнокомандующим. Генеральный штаб не имел с этим ничего общего. Его авторитет оставался незыблемым. Гинденбург по-прежнему оставался на посту начальника Генерального штаба. Первостепенное значение этого факта признавалось даже такими либеральными политиками, как Штресеман.

Довольно скоро даже народные депутаты поняли, что без Генерального штаба не обойтись. Влияние на народные массы стало ускользать из рук, и «народные избранники» нуждались в эффективном властном инструменте, чтобы направить революцию на путь умеренных реформ. Кроме того, соответствующий военный аппарат требовался для выполнения требований союзников по освобождению оккупированных территорий и проведению быстрой демобилизации.

Поскольку ситуация, связанная с перемирием, была предсказуема, с одобрения Гинденбурга опытные Гронер и Шлейхер в начале ноября приступили к составлению планов. Армию следовало отвести за Рейн, где должна была быть создана укрепленная оборонительная полоса. Требовалось восстановить порядок и воинскую дисциплину. Надежные войска необходимо было отправить в большие города, и в первую очередь в Берлин. И наконец, следовало направить мощные армии на восток с целью удержания территорий на Украине, в Польше и Балтийском регионе и создания защитного барьера от большевизма. Но жизнь внесла свои коррективы. Согласно условиям перемирия все оккупированные территории подлежали освобождению, а армия должна была быть демобилизована в кратчайшие сроки.

А тем временем возникли новые проблемы. Марионеточные режимы гетмана Скоропадского и грузинских меньшевиков потерпели крах. На Украине немецкие солдаты заражались большевистской пропагандой. В Венгрии сформировалось «красное» правительство. Чехи и поляки провозгласили независимость. По этому пути устремились Литва, Латвия и Эстония. Население оккупированных территорий восставало против германской власти. Начались беспорядки в Восточной Пруссии и Верхней Силезии. На востоке для Германии складывалось угрожающее положение.

II

Дома дела обстояли не лучше. В армии было создано порядка десяти тысяч солдатских советов. В конце ноября на свет появился Центральный солдатский совет, что-то вроде армейского парламента. Беспрецедентный случай в истории германской армии! Солдаты требовали немедленной демобилизации, устранения всех ранговых различий и права выбирать собственных командиров.

Теперь встал вопрос, кто будет отвечать за положение дел, солдатский совет или Генеральный штаб. Армия не меньше, чем Совет народных уполномоченных, была заинтересована в восстановлении порядка. К этому же стремились и союзники. Для социал-демократической республики, которую старались создать известные личности, придерживавшиеся умеренных взглядов, четко организованная демобилизация была делом жизни и смерти. В том самом Берлине, который Шейдеман в бурные ноябрьские дни называл не иначе как сумасшедшим домом, удалось отстоять необходимость наведения порядка, а для этого Генеральный штаб был просто необходим.

По мнению Генерального штаба, народные представители навлекли на себя позор подписанием условий перемирия. Но наиболее трезвые генштабисты прекрасно понимали, что Германия уже не в состоянии вести войну на нескольких фронтах. Они считали, что поражение относится скорее к политико-экономической, а не к военной сфере. Для таких людей подписание перемирия было не просто преступным фактом. Существовало нечто, что сблизило существующие партии и Гинденбурга, Гронера и Шлейхера. Призрак большевизма. Итак, возник странный альянс Генерального штаба с народными представителями, который охранял зарождающуюся германскую республику. Уже вечером 9 ноября Эберт, получивший портфели министра внутренних дел и военного министра во временном правительстве, позвонил Верховному командованию узнать, может ли он рассчитывать на поддержку в борьбе с большевизмом. Шлейхер дал утвердительный ответ, хотя ни одна из сторон не чувствовала себя комфортно, заключая подобное соглашение. Стороны с некоторой подозрительностью относились друг к другу.

Во время заключения этих договоренностей Гинденбург оставался слегка на заднем плане. Роль представителей

Генерального штаба играли Гронер и Шлейхер. Гронер относился к числу сторонников буржуазной демократии, в то время как Шлейхер с недоверием рассматривал возможность существования армии в новом обличье. Руководитель первого генерал-квартирмейстерского департамента стал теперь своего рода политическим начальником штаба и преисполнился сознанием собственной значимости.

Курт фон Шлейхер, происходивший из того же социального слоя, что и Вальдерзе, был исполнен таких же политических амбиций. Он, обладая немалыми способностями, отличался от общепринятого образа прусского гвардейского офицера. Слабость Шлейхера заключалась в занимаемой позиции; он уделял слишком большое внимание лоббированию и интриганству. Гронер, человек принципиальный, был искренне заинтересован в том, чтобы вложить действенный властный инструмент в руки молодой республики, и он не интересовался политикой. Однако и Гронер и Шлейхер были едины в одном: основой для успешного ведения международных дел станет заключение союзов. Они хотели, чтобы Германия оказалась в том положении, когда она сможет заключать подобные союзы.

На самом деле создание солдатских советов наполняло Гронера и Шлейхера негодованием. Они невольно проводили параллель с недавними событиями в России. Но германские солдаты — это вам не русские солдаты. Большинство из них меньше всего думали о революции или уничтожении офицерства. Они хотели как можно скорее избавиться от формы. У Генерального штаба почти не было никаких хлопот с такими делегатами от советов, присланными в Спа. Им просто следовало объяснить проблемы, связанные с требованиями союзников, и выяснить, способны ли они взять на себя ответственность за приведение в порядок развалившегося государства. Если делегаты выражали готовность сотрудничать с Генеральным штабом (а так и было практически во всех случаях), то приступали к выполнению обязанностей, и больше с ними не было никаких проблем.

Это была первая победа Генерального штаба; вновь владение искусством руководства спасло Генеральный штаб. В следующий раз, правда невольно, способствовал сохранению штаба маршал Фош. Во время декабрьских переговоров о

продолжении перемирия, первоначально ограниченного четырьмя неделями, Эрцбергер, развернувшись на сто восемьдесят градусов, потребовал присутствия представителей Генерального штаба. Фош категорически отказался иметь с ними дело.

III

Когда отвод войск из Франции и Бельгии был полностью завершен, Генеральный штаб перевел свою штаб-квартиру в Бад-Хомбург, оттуда в декабре она переместилась в Кассель. В Берлине заместитель начальника штаба начал ходить на службу в гражданской одежде, а 1 февраля 1919 года Генеральный штаб уже функционировал в режиме мирного времени.

С учетом сложившейся обстановки Гронер выдвинул конкретные требования. Учредительное собрание должно заняться выработкой конституции. Следует разоружить гражданское население. Необходимо запретить все солдатские и рабочие советы. Когда Гронер формулировал свои тезисы, Генеральный штаб обладал реальной властью. За штабом стояли дивизии, возвращавшиеся с фронта и, что вызывало особое чувство гордости, поддерживавшие традиционную прусскую дисциплину. Однако приходилось заниматься и делами на внутреннем фронте. Эберт мог одобрительно относиться к планам Гронера, но проблемы между рабочими и солдатскими советами, с одной стороны, и народными депутатами — с другой все еще не были решены.

В Берлине солдатские и рабочие гвардии, которые, как предполагалась, отвечали за безопасность депутатов, были всего лишь временным явлением. Руководство полицией находилось в руках независимых социалистов, в то время как радикальные элементы руководили настроенными более чем решительно солдатами нерегулярной армии и массой добровольцев, например, из народной морской дивизии (Volks-Marine-Division). В этих условиях только возвращение армии могло решить судьбу революции и республики, и то, что армию удалось вернуть достаточно просто (несмотря на отдельные трения с солдатскими советами), является последним военным достижением прусского Генерального штаба.

IV

Гронер и Шлейхер понимали, что только столица является тем местом, где возможно принятие решений. Что бы ни происходило, Берлин должен находиться в руках нового правительства. По мнению Гронера, для решения всех практических вопросов именно Эберт как нельзя более подходил на должность канцлера. Он не мог не признать, что, имея незнатное происхождение, Эберт обладал качествами государственного деятеля. И хотя возмущенная «старая гвардия» обливала его презрением и подвергала насмешкам, медлить было нельзя. Начались беспорядки в Баварии, на Рейне и в Вестфалии; сепаратистские тенденции, распространению которых активно способствовала Франция, переросли в открытый сепаратизм, проявлявшийся в разных частях страны. Польское восстание в восточных провинциях грозило новой опасностью.

Руководствуясь этими соображениями, Гронер решил составить для Эберта план, согласно которому девять заслуживающих доверия фронтовых дивизий должны были занять Берлин. Комендантом города был назначен генерал Лекквиз. Генерал настаивал на немедленной ликвидации народной морской дивизии. Шлейхер тоже требовал немедленных действий против незаконных формирований, тогда как офицер Генерального штаба майор Мейн уже организовал те пять «центурий» для ведения уличных боев, которые в конечном итоге образовали ядро прусской полиции (Schutzpolizei).

Но Эберт колебался в выборе решения. Он был лейбористом, и именно под его руководством рабочие в борьбе и муках пришли к революции. А теперь офицеры добивались его разрешения при необходимости стрелять в этих самых рабочих. Эберт начал понимать, что, независимо ни от чего, Генеральный штаб всегда считал гражданскую войну неминуемой.

11 декабря первые армии подошли к Берлину. Эберт встретил их у Бранденбургских ворот и объявил, что они были «непобедимы на поле боя». Солдаты слишком устали. Они мечтали об отдыхе и мире, и пропагандистская работа солдатских и рабочих комитетов дала желаемый результат. С этого момента процесс демобилизации вышел из-под контроля Генерального штаба.

Генеральный штаб планировал проводить демобилизацию дивизиями, в то время как солдатские комитеты на-

стаивали на демобилизации по возрастным группам. Теперь солдатским комитетам удалось навязать свою волю. Те самые полки, которые гордо промаршировали по центральной Унтер-ден-Линден, начали исчезать. Старая армия была распущена. Выброшенной оказалась огромная масса оружия и боеприпасов, которыми даже подторговывали; подрывные элементы получили возможность перевооружиться. Центральный солдатский совет в очередной раз выступил с требованием об отмене всех ранговых отличий, отставке Гинденбурга и передаче совету высшей военной власти. Генеральный штаб проигнорировал эти требования. Таким образом, создалось положение, при котором ни Генеральный штаб, ни Совет народных уполномоченных, ни Центральный солдатский совет не обладали реальной властью.

16 декабря весь офицерский состав Генерального штаба, кто в тот момент присутствовал в Берлине, собрался в старом здании штаба, чтобы обсудить создавшееся положение. Спустя четыре дня состоялось второе совещание, на котором Шлейхер предложил несколько конкретных идей. Правительство, заявил он, не обладает действенными средствами власти. Следовательно, следует создать эти средства.

Еще 24 ноября Гинденбург направил распоряжения в адрес штабов армии, где предписывалось оказывать помощь в создании пограничных отрядов из добровольцев на востоке, но только 9 января временное правительство обратилось с призывом о формировании добровольческих отрядов. Результат не замедлил сказаться. За весьма короткое время были сформированы первые фрейкорпс (Freikorps) — нового типа отряды добровольцев, но в большинстве случаев их возглавили не офицеры Генерального штаба, а молодые, энергичные боевые офицеры, которые проливали кровь на войне. Вскоре по всей территории Германии стали возникать все новые и новые формирования. Наряду с профессиональными солдатами-наемниками (естественное порождение долгой войны) в них входили люди, искренне стремившиеся к восстановлению законности и правопорядка.

Эти добровольческие группы отличались по численности и оснащенности, но одно у них было общим. Хотя Генеральный штаб являлся создателем добровольческих групп, в скором времени они выдвинули своих лидеров, таких, как капитан Эрхард, генерал фон Эпп, капитан Рем и лейтенант

Росбах, чьи взгляды ставили под угрозу традиции Генерального штаба. Постепенно добровольческие отряды превращались в центры политических волнений, чему в немалой степени способствовали их лидеры. Таким образом, произошло зарождение нового радикализма правых, чья духовная основа была замешана на чувствах фронтового товарищества, обиды и негодования, испытываемых поколением молодых людей, одетых в офицерскую форму. Впервые осуществилось фатальное слияние националистических и социалистических идей. История о предательском ударе в спину собрала самых яростных сторонников. Возникла секретная система, известная под названием Feme, которая расправлялась с изменниками и предателями. В первые месяцы 1919 года капрал Адольф Гитлер работал в подобном формировании в качестве политического агента («Education Officer»). В его задачу входил сбор информации обо всех политических партиях. Добровольческие отряды дали жизнь таким организациям, как «Consul», «Reichsflagge» и «Sportvereinigung Olympia», которые были в основном связаны с политической активностью. Убийц Ратенау и Эрцбергера следует искать именно в таких обществах. Формирование духа новой армии решалось в тяжелой борьбе между руководством добровольческих отрядов и Генеральным штабом.

Если мы хотим по достоинству оценить историю Генерального штаба в течение этого сложного периода, важно упомянуть о следующем. Поначалу Генеральный штаб был обеспокоен только установлением власти и порядка, то есть принципами, которыми в одинаковой мере руководствуются демократическая, монархическая и социалистическая общественная форма. Требовалось сохранить рейх, который теперь, по мнению Секта, стал символом вместо «королевского щита». Ошибочно считать, что этих людей совершенно не интересовала форма государственного правления. Но конечно, это не был вопрос первостепенной важности. Существовали разногласия между Генеральным штабом и Эбертом, который категорически не соглашался с предлагаемыми Гронером и Шлейхером жесткими мерами. Эберт настолько не поддавался убеждению, что Шлейхер в конце концов потерял терпение.

Однако размолвка продолжалась недолго. 23 декабря бойцы народной морской дивизии подняли восстание против народных представителей, мятежники заблокировали Эберта, который по телефону обратился к Шлейхеру за

помощью. Первая попытка военной оккупации Берлина окончилась неудачей. Когда в январе положение усугубилось коммунистическим восстанием, организованным «Союзом Спартака», Совет народных уполномоченных был вынужден обратиться за помощью к добровольческим отрядам. В результате восстание было успешно подавлено с помощью минометов, артиллерии и бронемашин.

V

В час крайней нужды, несмотря на то что генерал Рейнхардт отвечал за демобилизацию в военном министерстве, Эбердт принял решение передать ведение всеми военными вопросами Густаву Носке, губернатору Киля. Носке, бывший плотник, а затем редактор социал-демократической газеты, ухитрялся удерживать под контролем кильских моряков. Предполагалось, что ему удастся договориться со спартаковцами. Офицеры настолько симпатизировали ему, что у капитана Пабста, начальника штаба кавалерийской дивизии, зародилась мысль провозгласить его диктатором. Носке не имел ни малейшего представления об этой идее, и она так и не была осуществлена. В первые месяцы 1919 года при Носке с помощью добровольческих отрядов, хотя и не без тяжелой борьбы, был восстановлен порядок.

Однако даже теперь ни Носке, ни Эберт не были полностью готовы покончить с идеей о солдатских советах. Старый офицерский корпус накапливал силы. Стал зарождаться новый тип солдатских организаций. 1919 год стал годом союзов бывших солдат (Soldatenbunde). В Центральной Германии капитан Франц Зельдте, офицер запаса, а ныне фабрикант, производитель газированной воды, и лейтенант-полковник Теодор Дюстерберг, некогда офицер Генерального штаба, основали организацию «Стальной шлем»; бывшие офицеры сформировали «Союз немецких офицеров» («Bund Deutscher Offiziere») и крайне монархическое «Национальное объединение немецких офицеров» («Nationalverband Deutscher Offiziere»). Людендорф вернулся из Швеции. События принимали иной оборот.

Центр военных интересов сдвинулся на восток. Ставка Верховного главнокомандования в 1919 году переехала в Кольберг. Здесь для защиты Германии от любых притязаний со стороны новой Польской республики были зало-

жены основы для формирования пограничных отрядов. В это время были созданы два новых соединения «пограничная охрана севера» и «пограничная охрана юга». Положение осложнялось тем фактом, что германские подразделения под командованием майора фон дер Гольца, освободившего Финляндию от большевиков, при содействии «белой гвардии» и прибалтийской буржуазии вели до некоторой степени независимую войну в Балтийском регионе.

Сект, стремясь использовать вновь созданные пограничные соединения и добровольческие отряды для налаживания отношений с вновь образованным правительством России, не исключал возможность организации ими контрреволюционного переворота против рейха. Сект решительно противился любому плану, в успехе которого имел хоть какие-то сомнения. В свое время, под давлением союзников, от этих соединений пришлось отказаться.

VI

Пока Сект на востоке успешно расправлялся с польскими мятежниками, в Париже обсуждались мирные инициативы, и в апреле все выглядело так, словно у германского правительства, которое теперь возглавлял Шейдеман, будет возможность высказать свою точку зрения. В начале года по наущению Генерального штаба Сект составил докладную записку в отношении армии. Согласно его плану, будущая армия рейха могла сложиться из старого контингента Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Саксонии. Эти контингенты, сформированные на основании межгосударственных соглашений, должны были составить армию под командой военного министра и Генерального штаба рейха. Постоянная армия, согласно плану Секта, состоящая из двадцати четырех дивизий, набиралась из добровольцев, призванных на два года. Различные проявления демократии, вроде солдатских парламентов и выбора офицеров рядовыми, рассматривались как подрывные действия в отношении армии и подвергались искоренению. На эту концепции, безусловно, повлиял опыт в отношении массовой армии, приобретенный Генеральным штабом. К данному моменту Сект сильно сомневался в надежности подобной армии.

В марте был обнародован закон о временном рейхсвере. Согласно этому закону президент рейха, Эберт, становился Верховным командующим армией, а Носке, являвшийся министром рейхсвера, должен был действовать в качестве его представителя дома и за рубежом. Задача армии, как было заявлено, состоит в защите границ рейха и поддержании порядка. Численность рейхсвера, в который вошли добровольческие отряды, достигла четырехсот тысяч человек. Оставался нерешенным вопрос в отношении места и функций высшего командования и Генерального штаба.

Закон отменял не только такой оплот королевской власти, как военный кабинет, но и военное правосудие. Впредь офицеры подпадали под юрисдикцию гражданских законов. Далее. Военный не мог занимать пост военного министра. Кроме того, вопреки предложениям Секта, представители гарнизонов и крупных войсковых соединений должны были образовать армейский кабинет (Heereskammer), взамен солдатских советов, которые наконец-то следовало отменить.

Прусское военное министерство и Генеральный штаб создали две комиссии, которые должны были сопровождать германскую делегацию в Версаль. Гронер назначил Секта в комиссию Генерального штаба, которая в конечном итоге объединилась с комиссией военного министерства. Сект вновь сформулировал предложения Генерального штаба в отношении рейхсвера. Вероятно, предчувствуя возражения относительно четырехсоттысячной армии, он предложил трехсоттысячную армию из сверхсрочников, вооруженную самолетами, танками и тяжелой артиллерией. В поддержку придавалась милиция, основанная на воинской повинности. Сект заранее предупреждал, что не следует давать обязательств об одностороннем разоружении; Германия не должна связывать себя обязательством об односторонней демилитаризации левого берега Рейна. Гронер, полностью разделяя мнение Секта, объявил Национальному собранию, что самой важной политической проблемой Германии является гарантия ее способности к созданию альянсов. Он зашел настолько далеко, что заявил о необходимости предпринять попытку для сохранения, по крайней мере, западной части Эльзаса-Лотарингии в качестве стратегического укрепрайона.

Но когда в мае 1919 года германские делегаты прибыли в Версаль, все важные решения оказались уже приняты. Де-

легатам вручили окончательный документ и объяснили, что для высказывания замечаний им отводится крайне ограниченное время. Союзники планировали полное разоружение Германии; сокращение численности армии до ста тысяч человек; отмену всеобщей воинской повинности; упразднение Генерального штаба. Новая германская армия лишалась права использовать самолеты, танки и тяжелую артиллерию. Устанавливался двенадцатилетний срок службы в армии; для офицеров этот срок составлял двадцать пять лет. В ведении флота были оставлены несколько крейсеров и старых линейных кораблей; численность сокращена до пятнадцати тысяч человек. Германии запрещалось иметь подводные лодки. Кроме того, император и ряд известных генералов должны были быть выданы в качестве военных преступников.

Помимо перечисленных условий, договор предусматривал передачу Польше Посена и большой части Западной Пруссии; Восточная Пруссия отделялась от рейха коридором. Данциг должен был стать так называемым свободным городом. Левый берег Рейна и часть территории правого берега были демилитаризованы. Контрольная комиссия должна была наблюдать за исполнением условий договора по разоружению. Секту было бессмысленно упрекать графа Брокдорфа-Ранцау, министра иностранных дел, который возглавлял делегацию, в том, что он недостаточно энергично отстаивал интересы армии. Решение о разоружении Германии было окончательным. Сект безуспешно прилагал усилия, чтобы добиться согласия иметь двухсоттысячную армию и оставить на вооружении авиацию. В свою очередь, Гронер считал, что разговор должен идти по меньшей мере о трехсотпятидесятитысячной армии.

VII

Еще до того, как германская делегация покинула Версаль, встал естественный вопрос, что случится, если Германия откажется подписать условия договора. В течение мая Гронер обсуждал с Сектом и Рейнхардтом такой вариант. Ни Сект, ни Гронер не питали никаких иллюзий относительно незащищенности Германии на западе и ее неспособности удержать Рур, Рейн, Гессен или Баден. Эльбу, по крайней мере, по мнению Гронера, можно было отстоять.

Правительство официально обратилось к Гинденбургу, интересуясь его точкой зрения относительно перспектив вооруженного сопротивления. Гинденбург ответил, что успех возможен на востоке, чего он не может сказать о западе, и заметил, что, как солдат, он предпочел бы с честью погибнуть, чем сдаться. Таким образом, Гинденбург вновь переложил всю ответственность на политиков. Гронер оказался честнее. Он отказался дать согласие на уничтожение своей страны, а поскольку не было иной альтернативы, рекомендовал подписать договор. Когда в Кольберге дело дошло до принятия решения, Гинденбург вышел из комнаты для заседаний.

Согласно прусскому кодексу чести Гинденбург был прав. Германия должна была пасть в сражении. Но были те, для кого существовало кое-что дороже кодекса чести. Сект считал, что гораздо важнее сохранить армию и возможность возрождения военной мощи.

Как мы уже говорили, Версальский договор предписывал роспуск Генерального штаба. Это, однако, не касалось так называемого «оперативного» Генерального штаба (Truppengeneralstab). В день подписания договора Рейнхардт вызвал Секта и попросил его принять дела Генерального штаба до «полной его ликвидации». Сект согласился, но из письма Гинденбургу от 7 июля становится понятно, что он задумал. Он «не станет могильщиком Генштаба», пишет Сект, и будет сохранять «не форму, а дух» Генерального штаба.

Правительство Германии категорически отказалось передавать Гинденбурга, Людендорфа или кого-либо еще как военных преступников. Был создан Имперский архив для изучения опыта войны и парламентская комиссия для выяснения причин поражения и изучения поведения государственных деятелей и высокопоставленных офицеров. Представший перед комиссией Гинденбург не скрывал обиды и возмущения. Он считал себя жертвой, получившей «предательский удар», жертвой тех, кто теперь заседал в комиссии по расследованию. Он отказался пожать руку председателю комиссии и вскоре заставил членов комиссии почувствовать, что он скорее обвинитель, чем обвиняемый. Свою роль сыграли его внушительная фигура и раскатистый бас. Германия победила бы в войне, заявил он, если бы не эти «недовольные и нытики». Гинденбург был искренне в этом убежден. Удивительно, как можно было до такой степени заблуждаться!

VIII

Высшему командованию было разрешено оставить штаб в Кольберге до 1 января 1920 года, официальной даты вступления договора в силу. Это же касалось прусского военного министерства. Было ясно, что первоочередной задачей является создание сильного и действенного органа управления новой армии. Сект задумал некую организацию, в которой департаменты рейхсвера будут обладать равными полномочиями и подчиняться непосредственно министру рейхсвера. Этими департаментами стали Heeresamt, взявший на себя функции бывшего военного министерства, и Truppenamt — Войсковое управление, Генеральный штаб в закамуфлированном виде[1].

Сект создал «совет армии» из высшего генералитета на основе английской модели и предусмотрел наличие в рейхстаге парламентского секретаря для обеспечения интересов армии. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что Сект серьезно заболел и смог приступить к своим обязанностям только осенью. Однако к 1 октября реорганизация министерства рейхсвера была полностью закончена. Министерство теперь располагалось на Бендлерштрассе; прежнее прусское военное министерство наконец-то закончило свое существование. Гронер вышел в отставку и занялся политикой.

Создание должности главнокомандующего сухопутными силами (Chef der Heeresleitung) — который напрямую подчинялся министру, изменило горизонтальную структуру, придуманную Сектом, на вертикальную.

Генерал Рейнхардт, назначенный Chef der Heeresleitung, являлся фактически главнокомандующим рейхсвером.

Наиболее важными из департаментов, находившихся в подчинении этого офицера, были Heeresamt и Truppenamt. Казалось бы, Сект был наиболее подходящей кандидатурой, но Носке убедил Эберта назначить на должность начальника Heeresamt генерала Рейнхардта.

Сект возглавил Truppenamt — Войсковое управление; под его началом было порядка шестидесяти офицеров. Однако возникла небольшая заминка. Гронер хотел сохранить для Войскового управления существовавшее для Генерального

---

[1] С 24 ноября 1919-го по 18 марта 1920 г. его возглавлял последний начальник Генерального штаба германской армии генерал фон Сект.

штаба право напрямую обращаться к главе государства, но в новых условиях это стало невозможно. Правило утратило силу, так же как и теория «всеобщей ответственности» офицеров Генерального штаба, поскольку значительная часть задач, которые раньше решал начальник Генерального штаба, перешла теперь к главнокомандующему сухопутными силами, который объединял в своем лице функции Верховного командующего и старшего офицера Генерального штаба.

Но даже в сложившейся ситуации Сект смог решить три важнейших вопроса. Он добился организации Имперского архива, в котором хранились все документы, относящиеся к войне и велась работа по изучению военного опыта. Он смог сохранить комиссаров округов, занимавшихся пограничной охраной. Новый закон в отношении армии был обнародован в 1921 году и ограждал армию от любых видов политической деятельности. В результате армия была защищена не только от коммунистического, но и от демократического влияния.

IX

Пока еще власти, отвечавшие за новую армию, не составляли единого целого. Скрытая напряженность сквозила в отношениях между Рейнхардтом и Сектом, между демократами и консерваторами. Сюда же следует добавить антагонизм между генералом фон Лютвицем, с одной стороны, и Сектом и Рейнхардтом — с другой. Беспокойство вызывал и тот факт, что руководство рейхсвера не находило общего языка с добровольческими отрядами.

Военные искатели приключений, считавшие, что республика предала их, обычно собирались в помещении одной из тех многочисленных тайных организаций, для которых характерным было смешение националистических и революционных настроений. В то же время успешно развивалось движение, организованное членами бывшей партии Vaterlandspartei, лидером которой был Капп. Расчеты Каппа строились на том, что, строго говоря, рейхстаг должен быть заменен Национальным собранием, и президент республики должен избираться Национальным собранием, а не народом. В скандал, затеянный Каппом, был втянут министр финансов Эрцбергер, который до некоторой степени навлек дурную славу на все правительство республики.

Теперь Капп занялся планированием государственного переворота. Правительство следовало застать врасплох и с помощью военных посадить под замок. Затем объявить тоталитарный режим и восстановить прежнее прусское повиновение. Идеи Каппа и его друзей привлекли Лютвица. Людендорф и полковник Бауэр, как и ряд других личностей из юнкеров, примкнули к Каппу. Лютвиц считал, что недовольные существующим положением добровольческие отряды станут идеальным инструментом для осуществления государственного переворота. В конечном итоге 13 марта 1920 года была предпринята попытка совершить переворот.

Опытные офицеры Генерального штаба вроде фон Лоссберга понимали, что подобный шаг приведет к ослаблению власти государства, но Сект думал иначе. В начале 1920 года произошли инспирированные коммунистами серьезные волнения в Саксонии, Южной Германии и в Руре. Это были явные признаки готовящегося серьезного восстания. Однако Сект противился использованию армии в полицейских целях. Армия, считал он, не должна заниматься подавлением восстаний, вмешиваться в классовую борьбу, служить инструментом гражданской войны. Сект стремился к тому, чтобы армия стала новым государством в государстве; армия будет защищать основы государства, но будет стоять вне политики.

Лютвиц, руководствуясь каким-то донкихотским безрассудством, совершил грубую ошибку, направив правительству ультиматум. Теперь члены правительства были предупреждены и могли сбежать. Сект оказался более предусмотрителен. Попытка добровольческих отрядов совершить переворот была направлена не только против правительства, но и против Генерального штаба. Необдуманная, плохо подготовленная попытка, которую предприняли Капп и его сторонники, могла серьезным образом отразиться на сплоченности армии. Не стоит забывать, что, по мнению Секта, добровольческие отряды были предшественниками рейхсвера. Когда мятежники вошли в Берлин, Носке и Рейнхардт подняли вопрос об использовании против них сил рейхсвера. Сделанное по этому поводу замечание Секта можно рассматривать как пример лаконичного суждения: «*Truppe schiesst nicht auf Truppe*»[1].

---

[1] Примерный перевод с немецкого: «Немецкие солдаты не стреляют друг в друга».

Затем Сект поинтересовался у Носке, хочет ли он увидеть сражение у Бранденбургских ворот. Когда Носке воскликнул, что не видит впереди ничего, кроме краха, Сект в ответ лишь насмешливо улыбнулся. Руководитель Войскового управления, хотя и мог уже решить исход дела, счел возможным занять выжидательную позицию.

Вступление морских бригад Эрхарда и других формирований добровольческих отрядов в Берлин заставило правительство переехать сначала в Дрезден, а затем в Штутгарт. Уехали все, за исключением вице-канцлера Шиффера, оставшегося в качестве посредника. Капп объявил о назначении фон дер Гольца начальником Генерального штаба. Сект спокойно подал заявление об отставке, оставив Войсковое управление на своего заместителя.

Гольц так никогда и не заступил на новый пост, поскольку правительство продемонстрировало похвальную решимость, объявив о всеобщей забастовке. Большинство командующих рейсвера заняло выжидательную позицию. На четвертый день военная диктатура исчерпала свои ресурсы. Генеральный штаб получил наглядный пример абсурдности военной диктатуры без поддержки масс.

Сект раньше других понял всю нелепость этой затеи. Когда его спрашивали, почему он не присоединился к перевороту, Сект отвечал, что прусский генерал не нарушает клятву. Все помыслы Секта были устремлены на то, чтобы сохранить целостность армии, целостность, если можно так сказать, его собственного инструмента.

Весьма характерно, что Сект воспрепятствовал заключению в тюрьму Эрхарда, Лютвица и высшего офицерства, принимавшего участие в путче. Это было так же типично для него, как и скрытый антиреспубликанизм, как его отношение к флагу республики. Он признавал этот флаг, по его же собственным словам, только потому, что не желал, чтобы прежние имперские цвета (черный, белый, красный) были опорочены республикой.

17 марта, в тот день, когда утром Капп покинул Берлин, а днем за ним последовал Лютвиц, Носке по телеграфу передал Секту командование войсками группы I. Тогда же вице-канцлер Шиффер возложил на него обязанности главнокомандующего сухопутными войсками (вместо уволенного с этого поста Рейнхардта). Носке тоже был освобожден от должности министра рейхсвера. Некоторые из коллег Секта считали, что он продался республике. Пол-

ковник Бауэр заявил, что, по мнению всех офицеров, Сект сам выносит приговор и сам является приговоренным. Это говорит только о политической недальновидности тех, кто занял подобную позицию.

Путч Каппа нанес смертельный удар по доверию рабочих к новому демократическому государству, что привело к серьезным волнениям, опять инспирированным коммунистами, в Рурской области. Несколько добровольческих отрядов было разоружено, часть людей погибла. Мятежники захватили оружие и бронемашины, по сути, появились революционные войска, и на сей раз нельзя было обойтись без помощи германской армии. В ходе операций в нескольких случаях формирования рейхсвера нарушили демилитаризованную зону, после чего Франция направила оккупационные войска во Франкфурт и Дармштадт.

X

Теперь Сект наконец-то приступил к восстановлению армии. Фактически пост главнокомандующего сухопутными войсками, который он теперь занимал, противоречил Версальскому договору. Согласно условиям договора Германии запрещалось иметь не только Генеральный штаб, но и генералиссимуса. Командование рейхсвера должно было подчиняться парламентскому военному министру, являвшемуся гражданским лицом. Поэтому Секту в первую очередь требовалось удержать за собой должность главнокомандующего.

То, что он ухитрился удержаться на этой должности, не было связано с какой-то особой способностью, которая помогла ему снискать расположение недавних врагов. После подписания договора прошел ряд совещаний, и Сект сопровождал германскую делегацию на первое из этих совещаний в Спа, где должно было состояться обсуждение окончательного сокращения армии до ста тысяч человек. Вероятно, при более искусном ведении переговоров Германии удалось бы сохранить двухсоттысячную или, по крайней мере, стопятидесятитысячную армию, поскольку, по мнению Англии, Франция начала занимать ту же возмутительную позицию военного превосходства, которую до этого занимала Германская империя. Одним словом, Ллойд Джордж вполне мог пойти на некоторые уступки. Но Ллойд Джордж, имевший в

течение войны огромное количество разногласий с собственными генералами, не видел особой пользы от генералов, и, уж конечно, высокомерная манера Секта не могла убедить его в том, что прусские генералы отличаются от британских в лучшую сторону.

Сект умудрился сделать все как нельзя лучше. Суть задуманного им хорошо показал французский писатель, который написал, что Сект пытался сделать из рейхсвера ядро будущей национальной армии. Сект создавал рейхсвер как армию, каждый военнослужащий которой готовился таким образом, чтобы в будущем занять более высокую должность. Сект не испытывал доверия к массовой армии. Он создавал элитную армию, уделяя особое внимание обучению и военной подготовке офицеров. Этот замысел тем более понятен в связи с тем, что наконец-то закончилась позиционная война, метко названная биографом Секта «тактическим извращением». Между прочим, именно благодаря мобильности особым признанием Секта пользовалась кавалерия. Союзники, считая кавалерию устаревшим родом войск, не наложили ограничений на ее численность, чем немедленно воспользовался Сект. Суть его плана заключалась в том, чтобы компенсировать малочисленность армии максимальной мобильностью.

Недоверие, которое многие, а не только Сект, испытывали к массовой армии, было одной из причин, по которой Сект отдавал предпочтение небольшой элитной армии. Но само собой разумеется, что речь шла о высококвалифицированной армии, даже с учетом того, что Германия не будет вести войну на нескольких фронтах. Перед Германией стояла неотложная, трудновыполнимая проблема: защита собственных границ. На востоке на германскую территорию втискивались Польша и Чехословакия, и если отношения с Чехословакией постепенно становились относительно дружескими, то Польша претендовала на большие, относительно условий договора, территории в Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Возникла реальная угроза конфликта. Решение о судьбе Верхней Силезии должен был принять народ. Польша попыталась ускорить это решение с помощью подготовленных восстаний. Понятно, что стотысячная армия была слишком мала для преодоления назревших проблем; вот почему мысль о всеобщей воинской повинности никогда не снималась с повестки дня. Теперь понятно, по какой причине Сект не расставался с идеей о мобильной

элитной армии, усиленной призванной на военную службу милицией. На тот момент ближайшим воплощением этой идеи был проект пограничной охраны восточных границ («Grenzschutz Ost»).

Несмотря на условное ограничение армии до ста тысяч человек, Сект продолжал стремиться к увеличению даже своей отборной, элитной армии в два, а то и в три раза. По мнению Секта, это должен был быть медленный процесс (в свое время подобный метод встретит яростное сопротивление со стороны Гитлера). Можно сказать, что подготовительные мероприятия к созданию задуманной Сектом армии начались уже в сентябре 1921 года с системы тщательно продуманных, детально отработанных тренировок.

Сект, рассматривая рейхсвер как ядро будущей национальной армии, считал, что он ни при каких обстоятельствах не должен использоваться в гражданской войне. Использование армии в полицейских целях могло привести к разрыву между армией и народом, которого следовало избежать любой ценой, поэтому-то офицеры должны были оставаться абсолютно аполитичными. Офицеры не могли быть контрреволюционерами, но и не могли быть республиканцами.

Не все социал-демократические политики были настроены к армии столь дружелюбно, как Эберт и Носке. Несмотря на то что представители государства предпринимали решительные действия по защите интересов армии, Сект сохранял пропасть между армией и государством. Глава государства, по мнению Эберта, должен лично заниматься своими вооруженными силами и быть заинтересован в увеличении их дееспособности. Эберт стремился присутствовать на парадах и маневрах. Этот человек обладал качествами, которые притягивали людей, однако Сект пресекал все его попытки вмешиваться в дела армии. Президент республики не имел отношения к рейхсверу, и рейхсвер отвечал ему тем же.

В этом отношении Сект заметно отличался от Шлейхера, который заявлял, что офицеры должны соответствовать духу времени. Это было несложно, поскольку офицеры рейхсвера в основном были выходцами из буржуазии, хотя 9-й пехотный полк в Потсдаме, сохранявший черты традиционной прусской гвардии, и некоторые кавалерийские полки являлись исключением из этого правила.

XI

Первый армейский список, изданный в 1923 году, показал успешность попытки перевести как можно больше знающих офицеров старой армии в рейхсвер, что способствовало, по мнению Секта, сохранению жизненно важных традиций. Сект хотел, чтобы каждая группа рейхсвера являлась преемником знаменитых полков прусской, баварской, саксонской и вюртембергской армий. В этом смысле Войсковое управление, как уже отмечалось, было неофициальным «переносчиком» традиций Генерального штаба. Правда, в силу малочисленности оно не могло оказывать такое же влияние, как его предшественник.

Сект всеми силами стремился сохранить дух прежнего Генерального штаба. В инструкциях, составленных Сектом для штабных офицеров, мы находим следующее: «Форма изменилась, дух остался. Это дух беззаветной преданности делу армии. У офицеров Генерального штаба нет имени. Но у нас нет времени ни сокрушаться, ни выдвигать обвинения. И конечно у нас нет времени на усталость. Наша честь не запятнана, пока мы выполняем свой долг».

Под началом главнокомандующего сухопутными силами, помимо Войскового управления, находились Общее управление (Allgeteines Heeresamt), Управление кадров (Heerespersonalant), Административное управление (Heeresverwaltungsamt). Войсковое управление состояло из четырех отделов. Первый отдел под названием «Внутренняя оборона» выполнял функции прежних сходных отделов Генерального штаба, оперативного и развертывания. Вторым был организационный отдел, третий занимался иностранными армиями, а четвертый был учебным. Мы уже знаем, что один из наиболее типичных отделов Генерального штаба, занимавшийся изучением военной истории, был преобразован в Имперский архив для изучения опыта войны. Это гражданское учреждение находилось, тем не менее, в ведении ведущих экспертов Генерального штаба. Нечто подобное произошло и с отделом картографии и топографической службой. А вот функции отдела, занимавшегося личными делами, перешли Управлению кадров (Heerespersonalamt). Между тем такой институт, как прежний оперативный Генеральный штаб, продолжал существование в военных округах, в артиллерии и пехоте.

Весьма важно отметить дублирование штабов. Сект не только возглавлял Войсковое управление, но, кроме того, был

начальником штаба. Мы уже знаем, что группы, военные округа и другие формирования имели не только свой Генеральный штаб, но и обычные штабы. Так, под началом дивизионного начальника 2-й пехотной дивизии Штеттина находился Генеральный штаб в составе девяти офицеров и дивизионный штаб в составе десяти офицеров. В связи с протестами со стороны контрольной комиссии от этого метода накапливания опытных генштабистов пришлось отказаться.

Однако основы были заложены, и офицеры, которые должны были повести за собой огромные армии Третьего рейха, уже служили в армии. В 1923 году фон Бломберг, фон Лееб, фон Бок, фон Фалькенхаузен, фон Рундштедт были подполковниками и дивизионными начальниками штабов. Фон Браухич и Кессельринг служили в учебном отделе Войскового управления. Крессенштейн был артиллерийским командиром; Бек служил в штабе артиллерийского полка, а Гальдер в штабе пехотной дивизии. Генерал-полковник Гудериан, знаменитый начальник Генерального штаба времен Второй мировой войны, в ранге капитана инспектировал автотранспорт. Среди штабных офицеров 7-й пехотной дивизии следует также отметить Эрнста Рема.

Оставалась проблема пополнения Генерального штаба свежими силами. Поскольку Военная академия закончила свое существование, были введены так называемые экзамены в военных округах. Они включали проверку знаний в области военной науки, железных дорог и коммуникаций, владение языками, знание истории и других предметов. По мнению Секта, штабной офицер должен был быть не только грамотным профессионалом, но и высокообразованным человеком.

Небольшое число вакансий предполагало строжайший отбор. К примеру, весной 1922 года в 4-м военном округе экзаменовалось сто шестьдесят четыре офицера. Осенью двадцать из этих офицеров были направлены для прохождения подготовки в качестве заместителя командира. Шестеро из этих двадцати перешли на следующую стадию подготовки. И наконец, в 1925 году всего один офицер занял должность в Войсковом управлении в Берлине. Когда Гитлер приступил к созданию крупномасштабной армии, он ощутил катастрофическую нехватку хорошо обученных штабных офицеров.

Трудно сказать, действительно ли эта система обеспечивала Генеральный штаб самыми лучшими офицерами.

Иногда выбор кандидатов диктовался скорее человеческими, нежели объективными соображениями. К этому следует добавить, что сравнительно небольшая группа офицеров Общего управления определяла политику при отборе кандидатов.

Это дало возможность энергичным, независимо мыслящим людям «вне системы», обладающим способностью адаптироваться в новой обстановке, приспособиться к системе. Известны примеры явного фаворитизма. Благодаря протекции откровенно бездарный брат Гаммерштейна-Экворда получил должность инспектора пехоты.

Мы уже упоминали о том, что в силу малочисленности Войсковое управление не оказывало такого же влияния, как прежний Генеральный штаб. Кроме того, в силу ограниченности его деятельности оно не обладало особой притягательностью Генерального штаба. К тому же бесконечные смены начальников штаба от Секта к Хейе, затем к Ветцелю, Бломбергу, Гаммерштейн-Экворду и, наконец, к Адаму вели к разрыву старых традиций. И все же существовало то, что принципиально отличало новое поколение генштабистов. Все офицеры должны были научиться одновременно выполнять два в какой-то мере противоречивых указания, а именно сохранять дух прусского офицерства и служить политическому строю, который в действительности был чужд их сокровенной сущности. Кроме того, они были обучены методам конспирации, и все испытывали негодование в отношении собственного правительства и иностранцев, подписавших договор, наложивший столь жесткие ограничения.

XII

Польша была основной проблемой молодой республики. Причем проблемой и военной и политической. Польский коридор к морю отделил Восточную Пруссию от рейха. По мнению французов, Польша, имея хорошо оснащенную Францией армию, выполняла двойную функцию: контрольного поста против Германии и бастиона от угрозы большевизма. В 1920—1921 годах отношения между Польшей и Германией достигли критической стадии. Можно сказать, что началом послужило захлебнувшееся польское наступление на Украине (Сект в то время нахо-

дился в Спа). Польский премьер-министр Пилсудский обратился к своему союзнику, Франции. В Варшаву была направлена французская военная миссия по главе с Вейгандом, которому удалось добиться очередного подкрепления для поляков. Решающий бой с русскими произошел перед воротами Варшавы, и люди говорили о чуде, случившемся на Висле.

Для Секта это «чудо» было чем-то вроде удара. Он настаивал на установлении дружеских отношений с Россией, считая главной целью внешней политики Германии ревизию Версальского договора мирным путем — путем установления экономических, политических и военных контактов с Советской Россией. И не только потому, что дружеские отношения соответствовали прусской традиции. Советская Россия, как и Германия, была парией, не входящей в Лигу Наций. К тому же Россия не подписала Версальский договор.

9 сентября 1920 года генерал Желиговский благодаря решительным действиям захватил Вильно. То же самое может произойти и с нашими территориями, решили в Германии. Сект обратил пристальный взгляд на Москву. Система новых альянсов была для него условием успешности внешней политики. Инспирированные коммунистами волнения в различных частях Германии наводили на мысль, что следует принимать решительные меры. В августе 1919 года германская армия подавила первое польское восстание в Верхней Силезии. В августе 1920 года поляки опять подняли восстание. Если бы удалось объединиться с Россией, то можно было бы не только выбить почву из-под ног коммунистов, но и разобраться с Польшей.

В мае 1921 года в Польше произошло третье восстание, которое совпало с кризисом, вызванным выплатой репарационных платежей. Сект начал всерьез задумываться о возможности войны с Польшей. Само собой разумеется, что он давно рассматривал подобную возможность. Существовал секретный план по быстрому превращению семи пехотных дивизий в двадцать одну, установлению оборонительной позиции против запада и проведению двойного охвата на востоке. Этот план был взят за основу в военной игре, проведенной под руководством Хейе военным министерством.

Хотя Секту была невыносима сама мысль, что Польша продолжает существовать в нынешнем виде, он прекрасно понимал, что Германия еще долго будет не в состоянии

силой решить польскую проблему. В данный момент Германия не могла использовать регулярные войска в связи с присутствием в Верхней Силезии союзнической комиссии и французских, британских и итальянских войск, которые обеспечивали выполнение условий Версальского договора. По согласованию с канцлером Сект ограничивался тем, что оказывал неофициальную помощь местным добровольческим формированиям, обеспечивая их оружием и направляя к ним генштабистов, в целях конспирации одетых в штатское. С середины мая около двадцати добровольческих батальонов, оснащенных полевой артиллерией и минометами, принимали участие в войне; еще девять находились в стадии формирования. За операцию отвечали генералы фон Хофер и фон Хальсен. 21 мая был атакован Аннаберг.

Добровольческие отряды постепенно рассасывались. Многие из воевавших в них организовались в так называемые «рабочие союзы»; кто-то присоединился к пограничным отрядам. По решению Лиги Наций Германии была оставлена крайне незначительная часть Силезии.

Восстания в Польше, захват Вильно и территориальные притязания различных шовинистических организаций, вроде «Westmark Union», который требовал передачи Польше Восточной Пруссии и Померании, помогли руководству армии и Генеральному штабу занять довольно сильную позицию по отношению к правительству рейха. В результате стало возможным сохранить в восточных провинциях ряд незаконных формирований, состоящих в основном из бывших офицеров («Добровольческий корпус», «Стальной шлем» и др.)[1].

Это обстоятельство держало прусского министра внутренних дел в постоянном напряжении. Все эти военизированные организации и союзы были по своей сути монархи-

[1] Добровольческие корпуса составили переходную форму от многомиллионной кайзеровской армии к будущей армии — небольшой, но отборной. Не случайно рурские промышленники проявили к «добровольцам» такой интерес. Главная организация немецкой индустрии тех лет — Германский промышленный совет — ассигновала на создание добровольческих корпусов около пятисот миллионов марок. В «корпусах» и «отрядах» шел подбор кадров, которые были нужны для новой армии. Не случайно двадцать лет спустя Верховное командование германской армии в специальной публикации, посвященной добровольческим корпусам, заявило: «Прямой путь лежит от солдат Первой мировой войны через добровольческие корпуса и временный рейхсвер к массовой армии сегодняшнего дня». Вермахт не забывал своих предшественников.

ческими и антиреспубликанскими, и не было никакой уверенности в том, что оружие из министерства рейхсвера, тайно переданное «добровольцам», скрывавшимся в поместьях юнкеров Восточной Эльбы, в один далеко не прекрасный день не обернется против правительства.

XIII

Польский вопрос стал крестной матерью союза рейхсвера и Красной армии, союза, который имел столь серьезные последствия для германских офицеров, но, кроме того, в известной степени это был ответ Секта на систему французских альянсов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Сект весьма слабо разбирался в социально-психологических аспектах большевизма и абсолютно равнодушно выслушивал предложения большевистских представителей, участвовавших в переговорах, о необходимости совместной подготовки мировой революции. Мысль, что однажды русские армии могут появиться на берегах Рейна, была для него не более чем «страшилка» для запугивания маленьких детей.

Основой для сближения в первую очередь стали чисто экономические соображения. Для реализации плана индустриализации России Ленину требовалась помощь высокоразвитого в промышленном отношении государства.

В марте 1921 года начались переговоры о переводе в Россию запрещенных в Германии отраслей промышленности, и Троцкий, который в 1920 году рассчитывал захватить не только Польшу, но и всю Германию, теперь заявил о готовности прийти к соглашению с правительством и армией Германии. Сект усматривал в сотрудничестве с Россией огромные возможности для промышленности Германии. Радек, Красин и другие руководители Советской России приехали в Берлин. Сект убедил канцлера и министра иностранных дел в необходимости взять курс на Восток и вступил в ожесточенный спор с Брокдорфом-Ранцау, который одобрял экономическое сближение, но упорно противился связывать себя будущими обязательствами. Сект лично принял Радека, который в 1920 году был одним из организаторов восстания в Рурской области.

С помощью фон Шлейхера и генерал-майора Хассе Сект организовал в министерстве рейхсвера «специальное подразделение R». Шлейхер предоставлял свой дом для встреч

с советскими политическими деятелями. Николаи, занимавший одно время должность руководителя службы безопасности Генерального штаба, а потом и подполковник фон Нидермайер тайно ездили в Москву в качестве представителей рейсхвера. Позже Хассе несколько раз побывал в штабе Красной армии.

Осенью 1921 года Радек спросил у Секта, поддержит ли он Россию в случае нападения на нее Польши. Сект объяснил, что любой конфликт Германии с Польшей приведет к немедленному вмешательству Чехословакии и Франции. Однако пообещал сохранять нейтралитет и предложил обмениваться военной информацией. Таким образом, Россия смогла использовать в создании собственного командного аппарата опыт германского Генерального штаба, а Войсковое управление получило возможность разрабатывать запрещенные виды оружия, в том числе танки и самолеты в России. Установились тесные отношения.

С целью укрепления дальнейшего военно-экономического сотрудничества были созданы две организации. Организация содействия промышленным предприятиям (Gesellschaft zur Forderung gewerblicher Unternehmungen, GEFU) имела отделения в Берлине и Москве; фирма Bersol-Ahtien-Gesellschaft работала в России и была связана с производством отравляющих газов. Германские специалисты руководили процессом производства снарядов для рейхсвера на русских заводах. Профессор Юнкерс организовал производство самолетов в подмосковных Филях и в Харькове. Рапалльский договор, подписанный Ратенау во время Генуэзской конференции, официально подтвердил возобновление отношений. Сект, хотя никогда не забывал, что Ратенау еврей, был удовлетворен достигнутым. Можно сказать, что с этого момента Генеральный штаб отвернулся от Запада.

В 1922 году спецотдел «R» направил в Россию первую группу офицеров. На следующий год открылись танковая школа в Казани и летная школа в Харькове. В Киеве, Липецке и Арисе (Восточная Пруссия) были проведены совместные маневры, в которых приняли участие германские и русские офицеры. На маневрах в Германии для учебных целей использовались деревянные макеты танков, но какова же была радость, когда стало известно, что в случае необходимости армия будет обеспечена настоящими танками.

Русские извлекли из договора не меньшую выгоду, чем немцы. Ряд высокопоставленных офицеров, среди них Ту-

хачевский, будущий начальник штаба Красной армии, и Жуков, будущий заместитель наркома обороны, прибыли в Берлин для изучения методов Войскового управления по обучению генштабистов. Незадолго до этого Москву тайно посетил Шлейхер.

Наконец в 1923 году Хассе и советский представитель Лебедев пришли к окончательному соглашению по польской проблеме. Лебедев гарантировал, что Россия окажет поддержку в случае внезапного нападения Польши на Верхнюю Силезию. В соответствии с этой договоренностью Россия сосредоточила две армейские группировки из семнадцати и девяти дивизий и трех кавалерийских корпусов. Соглашение с Россией произвело отрезвляющий эффект на польских шовинистов. В 1926 году Польша и Румыния подписали договор, имевшей вполне определенную цель: защиту от русско-германского нападения.

Русская армия представляла особый интерес для офицеров Секта, поскольку являлась олицетворением идеи отборной армии, основанной на милиции, армии, оснащенной кавалерией и моторизованными частями. Но в то же время Россия была государством унитарной политической партии, которая приучала массы к дисциплине и подогревала в них милитаристские настроения. Шлейхер, Бломберг, Хассе и другие генералы, посещавшие Россию, не признавали большевистскую идеологию. Правда, как-то в разговоре с Раушнингом Бломберг заметил, что уровень дисциплинированности масс, увиденный им в России, чуть не сделал из него большевика. Но стал он национал-социалистом.

XIV

Когда Штресеман занял место канцлера, официальная политика России по Рапалльскому договору и тайная в отношении армии были единственными обнадеживающими факторами внешней политики Германии. Проблема выплаты военных репараций в сочетании с экономическим упадком и политической неустойчивостью свела на нет все деловые отношения с Западом. В октябре 1922 года Муссолини двинулся на Рим и одержал победу в первой из мелкобуржуазных революций, с которой началась история заката держав Центральной Европы. А тем временем Гитлер готовился к своему первому (неудачному) перевороту.

Ситуация накалялась. Франция приняла решение урегулировать разногласия по репарационному вопросу, захватив в качестве залога Рур. 11 января 1923 года французская армия, оснащенная тяжелой артиллерией и танками, вступила на территорию Рура. В Руре поднялась волна саботажа, за которой в качестве основной направляющей силы стояли военные. Разрушались мосты, сбрасывались бомбы, было несколько покушений на убийство. Промышленник Фриц Тиссен вместе с ушедшим в отставку генералом фон Уолтером разработали план вооруженного сопротивления с помощью добровольческих формирований (Ruhrfreischaren).

Однако Сект не одобрял подобные идеи, поскольку они означали войну с Францией, которую поддерживали Чехословакия и Польша. Германия же была слишком ослаблена. Сект и Хассе хотели избежать вооруженного сопротивления, при условии, что французские войска откажутся входить в Центральную Германию. Однако нельзя было не учитывать такую возможность, и Сект пытался выяснить, на сотрудничество каких военизированных формирований он мог бы рассчитывать.

В Мюнхене, где в то время жил Людендорф, Гитлер разворачивал деятельность своих дружин («Sturm-Abteilungen»). Сект вступил в контакт с обоими. Людендорф был готов предоставить то, что он называл своей «всемирно-исторической» репутацией, при условии, что в случае войны он получит должность Верховного главнокомандующего. Формально Сект не отверг это условие, но принял его со значительными мысленными оговорками. Разговор с Гитлером 11 марта произвел на Секта сильное впечатление. Сект был из разряда людей, которых трудно удивить, но фанатизм, с которым Гитлер претендовал на руководство националистическим движением, вызвал у Секта определенные опасения. Первая встреча лидера будущей национал-социалистической партии и руководителя армии имела серьезные последствия.

Гитлер согласился оказать помощь обученными людьми в случае возникновения вооруженного конфликта с Францией. Однако вскоре после встречи с Сектом он запретил своим сторонникам принимать участие в любых планах пассивного сопротивления, предлагаемых республиканским правительством. Несколько позже некий Курт Людеке, один из членов СА, сбежавший за границу, заявил, что именно в то время французские деньги текли в казну этого постоянно стесненного в средствах спасителя.

XV

Сект принял меры предосторожности. С целью пополнения резерва в рейхсвере были немедленно сделаны необходимые приготовления для обучения так называемых временных добровольцев. В марте все военные округа получили секретные мобилизационные приказы. Вновь Войсковое управление занялось составлением оборонительных планов.

Тем временем возникли сложности, связанные с Северингом, напуганным ростом военных организаций, склонных к правому радикализму. Северинг начал вызывать для полицейских допросов офицеров рейхсвера, служащих в пограничных отрядах, которые были окружены атмосферой зловещей легенды.

Заговор витал в воздухе. Постоянный конфликт с прусским правительством по вопросу о пограничных отрядах вызывал усиливающиеся среди офицеров разговоры о государственном перевороте. Летом положение стало критическим. Германские банки могли погибнуть в пучине девальвации; последние резервы Госбанка были израсходованы на борьбу в Руре. Рост цен, голод обострили и без того напряженную атмосферу. Страну охватили социальные волнения. Коммунистическая партия готовилась к новому восстанию, но всеобщее недовольство распространялось как на правых, так и на левых. Люди мечтали о лидере, который положит конец их мучениям. Центром правого радикализма и, в некотором роде, растущих сепаратистских тенденций стала Бавария.

В Мюнхене начали выкристаллизовываться два круга заговорщиков. Один, клерикально-консервативный, вокруг баварского кронпринца Рупрехта Баварского, его представлял фон Кара, и стоящего на заднем плане графа фон Соден-Фрауенхофена; второй — вокруг Гитлера и его национал-социалистов. От Гитлера связи тянулись через полковника Хасельмайера и капитана Рема к молодым членам офицерского корпуса. Похоже, офицеры пехотной школы в Мюнхене были готовы принять сторону Гитлера.

В августе правительство полностью исчерпало ресурсы, и Эберт обратился к Густаву Штресеману, лидеру Народной немецкой партии (Deutsche Vollkspartei), с призывом спасти страну. Штресеман сформировал коалиционное правительство, представлявшее все республиканские партии, как пра-

вые, так и левые. Сект впервые столкнулся с канцлером, обладавшим качествами, необходимыми для государственного деятеля. Штресеман заявил о несостоятельности аннексионистских высказываний Людендорфа и признал ошибочной политику силы. Понимая, в каком плачевном положении находятся все великие воюющие державы, он пришел к выводу, что только сотрудничество может разрешить возникшие проблемы. Его стремление к урегулированию разногласий между Францией и Германией должно было лечь в основу будущей европейской системы.

Взгляды Секта во многом совпадали со взглядами Штресемана. В принципе он не был против политики взаимопонимания, но, как старый солдат, не верил, что существует какой-то реальный заменитель войны. Подобная позиция довольно часто встречалась среди людей вроде Секта. Когда представитель демократов Фишер-Балинг прочел перед высокопоставленными офицерами рейхсвера лекцию по теме «политика взаимопонимания», то по окончании лекции один из слушателей заметил: «Господа, это просто нереально. В конце концов, кто-то же будет нашим врагом».

Между Штресеманом и Сектом возникло настолько сильное напряжение; что Сект стал опасаться за проводимую им политику в отношении России. Штресеман говорил, что Сект был его «неутоленной страстью», в то время как во всех письмах Секта неизменно повторялась фраза, что самое главное — это спихнуть «*Herr Str.*». В это время рейхсвер был более, чем когда-либо, необходим правительству. Как-то Эберт поинтересовался у Секта, кто реально стоит за рейхсвером, и услышал ответ: «Рейхсвер стоит за мной».

XVI

Годом раньше на заседании кабинета Сект заявил, что в Германии есть только один человек, способный организовать путч, но он не собирается этого делать. События в целом подтвердили это заявление, но при всем желании Сект не мог предотвратить кризис. Тот вспыхнул после приказа Штресемана прекратить сопротивление в Руре. Премьер-министр Баварии тут же объявил чрезвычайное положение и призвал Кара, представителя «короля Рупрехта», действовать в качестве «общегосударственного представителя».

Правительство ответило объявлением в рейхе чрезвычайного положения.

Ситуация становилась все более опасной. С горячего одобрения французских генералов на Рейне поднялось сепаратистское движение. В Саксонии радикальный премьер-министр начал вооружать рабочих. В октябре восстали сторонники национал-социалистов, «временные добровольцы» под началом майора Бухрукера. Они заявили о намерении двинуться на Берлин, чтобы арестовать правительство. В Гамбурге начались беспорядки, спровоцированные коммунистами. Сект тут же приказал принять ответные меры, но было уже поздно. Казалось, что наступил полный хаос.

Гитлеровская газета «Volkischer Beobachter» подвергла нападкам Секта, обвиняя его вместе с графом фон дер Шуленбургом, последним начальником штаба кронпринца, в планировании создания реакционного правительства. Кроме того, в газете утверждалось, что жена Секта еврейка. Этот вздор заставил Секта отдать приказ генералу фон Лоссову, командующему 7-м военным округом, запретить издание газеты. Лоссов отказался. Гитлер, объявивший своей целью спасение Германии, имел огромное число сторонников среди молодых офицеров. 19 октября Сект снял с поста Лоссова. Баварская проблема стала для него теперь проблемой воинской дисциплины. Теперь подверглось сомнению его слишком самонадеянное утверждение, что рейхсвер полностью подчиняется ему.

22 октября Кар демонстративно принял на службу к баварскому правительству 7-ю пехотную дивизию во главе с Лоссовом. Неясной оставалась позиция генерал-майора фон Крессенштейна, командующего артиллерией. В тот же день по приказу правительства рейха для ареста правительства в Саксонию вошли 4-я пехотная дивизия и часть 3-й кавалерийской дивизии. Во Фрейбурге войска стреляли по толпе; имелись раненые и убитые. Эберт сокрушался, что рабочие потеряли доверие к правительству. Штресеман потерпел неудачу.

Хассе и Шлейхер заявили Секту, что теперь не остается ничего другого, как объявить военную диктатуру. Если произойдет правая радикальная революция, Войсковое управление ждет вмешательство Франции и ее союзников. Дальнейшие последствия непредсказуемы. Сект усвоил урок капповского путча. Он был готов сформировать кабинет, если к нему обратится президент, или, при необходимости,

поддержать национальное правление. Он даже составил план (на шестидесяти страницах).

На следующий день Хассе, Шлейхер и Сект отправились к Эберту, но этот осторожный и умный государственный деятель убедил их, что у «правительства Секта» не получится воззвать к народным чувствам. Он очень тактично сообщил об этом, объяснив Секту, что не может обойтись без него, поскольку он является главнокомандующим сухопутными силами, и по этой же причине не может сделать его канцлером.

С этого момента Сект начал поиски политического лидера, который стал бы действовать в интересах армии. Ему было ясно, что сам он никогда не сыграет эту роль. Майор Рабенау, служивший в то время в Войсковом управлении, рассказывал, что он слышал, как офицеры рейхсвера говорили, что если Сект не захватит власть, то будет вынужден уйти. Но Сект остался. Он вызвал в Берлин генералов фон Чишвитца и фон Берендта. Они думали, что Сект объявит себя диктатором, и были готовы действовать, но Сект просто спокойно проанализировал создавшееся положение. Генералы вернулись разочарованными. Прошло немного времени, и по крайней мере один из них, фон Чишвитц, понял, что Сект был прав.

Глава 10

«ДЕЛАТЕЛЬ» КОРОЛЕЙ

Курт фон Шлейхер — Гаммерштейн-Экворд

I

Сформированный Штресеманом кабинет завел страну в политический тупик. Тем временем в Мюнхене Гитлер предпринял решительные действия. 8 ноября он, опасаясь, что Кар может обскакать его и объявить Рупрехта королем Баварии, провозгласил установление националистической диктатуры. Людендорф, испытывавший явное отвращение к тому, кто одарил его своей благосклонностью, принял от Гитлера командование национальной армией. Фон Лоссов, Кар и полковник фон Шейсер, действуя под угрозой силы, заявили, что готовы к сотрудничеству. Пехотная школа в Мюнхене подняла мятеж и заявила о преданности Гитлеру.

Правительство рейха мгновенно отреагировало на эти события. Ночью 8 ноября Эберт и Штресеман возложили на Секта всю полноту исполнительной власти. Сект дал соответствующие указания фон Крессенштейну. Тем временем Кар, Лоссов и Шейсер, оправившись от неожиданности, на свой страх и риск предприняли собственные меры. В результате демонстрация национал-революционеров натолкнулась на полицейский кордон.

Некоторые из сторонников Гитлера погибли, сам Гитлер сбежал. Казалось, пришел конец кошмару.

Теперь судьба республики целиком была в руках Секта, который первым делом наложил запрет на коммунистическую и национал-социалистическую партии. Пехотная школа из Мюнхена была переведена в Дрезден. «Неблагонадежных» офицеров, вроде капитана Рема, уволили из армии. Говоря о молодых офицерах, принимавших учас-

тие в путче и уволенных из армии, Сект сказал своему адъютанту, что, если бы они стояли в стороне, он бы потерял веру в будущее.

Понятно, что теперь Сект нажил себе врагов. Национал-социалистические фанатики планировали (этот план так и не реализовался) застрелить Секта во время утренней прогулки верхом. В последующие годы полковник Хирль, национал-социалистический писатель, подверг Секта критике за превращение политиков, которые были тайными врагами своей страны, в собственное орудие. В этих условиях было совсем непросто сохранять беспристрастность. Класс, из бывшей пангерманской лиги, прислал Секту письмо с предложением сыграть роль генерала Монка и восстановить монархию. Сект ответил, что будет до последнего бороться с любыми нарушениями. Когда газета «Deutschnationale Volkspartei», преемник идей старой консервативной партии, поинтересовалась через Тирпица, чем она может помочь, Сект коротко ответил: «Ничем».

II

Секту, обладавшему чрезвычайными полномочиями, удалось стабилизировать валюту. Штресеман, министр иностранных дел в кабинете Маркса, сделал первые шаги по решению репарационных вопросов и улучшению франко-германских отношений. Однако Сект понимал, что пора отказаться от полномочий и покончить с тем, что, фактически, было диктатурой. Шлейхер был с ним полностью согласен.

13 февраля 1924 года Сект сообщил Эберту, что задание, требовавшее принятия чрезвычайных мер, полностью выполнено. Выпущена в обращение новая, устойчивая валюта. Гитлер заключен в тюрьму. Правые радикалы потерпели неудачу. Все это привело к ослаблению напряжения. Как-то Секта спросили, не совершил ли он ошибку, отказавшись от власти. «Возможно», — последовал лаконичный ответ.

В 1924 году штресемановская «политика взаимопонимания» привела к созданию плана Дауэса, который не только помог в решении репарационной проблемы, но и подготовил почву для предоставления германской промышленности значительных американских кредитов. 1925 год был годом ло-

карнских договоров. Был подписан Рейнский пакт о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ; гарантами пакта выступали Англия и Италия. На следующий год Германию приняли в Лигу Наций.

Последнее обстоятельство явилось в какой-то степени альтернативным фактором по отношению к политике Секта в отношении России. В 1925 году Штресеман подписал договор о дружбе с Россией, но основным для него оставался вопрос урегулирования отношений с Францией и все, что способствовало решению этого вопроса.

Несмотря на опасения, Сект, не менее проницательный тактик, чем Штресеман, пока что следовал курсом Штресемана. Невольно на ум приходит рассказанный Рабенау анекдот об офицере из Войскового управления (фамилия не называлась), который заметил в разговоре о Лиге, что лучший путь разрушить блок — это войти в него. Вполне вероятно, что это была позиция Секта.

Теперь в отношении контрольной комиссии. Штресеман объяснял, что подобная уступка — не что иное, как тактический ход, и действительно, наказание было не слишком тяжелым. В 1927 году контрольная комиссия была расформирована; прием Германии в Лигу Наций превратил ее в анахронизм. Аналогично решился вопрос с Рейнской областью, где временно оставались оккупационные войска. Из Рура войска постепенно оттягивались, и после подписания плана Дауэса Рурская область была освобождена. Несмотря на это, кое-кто из сослуживцев Секта не чувствовал настоящей радости; бескровные победы Штресемана были для солдат непривычны. Как заметил один из офицеров, прослушав лекцию Фишер-Балинга, «в конце концов, кто-то же будет вашим врагом».

С этого времени в Германии появилось два направления внешней политики: западноевропейское, представленное демократами и социалистами, и восточноевропейское, представленное военными. Весьма примечательный круг людей образовался вокруг Арнольда Рехберга, скульптора и «соляного короля», долгое время жившего в Париже, и генерала Макса Хофмана. Эти двое приступили к созданию плана (к которому, по общему мнению, приложили руку маршал Фош и его преемник в Генеральном штабе) по превращению франко-германских отношений в военный альянс против Советской России и организации антибольшевистской кампании.

Руководство армией и Войсковое управление были категорическими противниками подобных планов. Сект выразил общие чувства, когда сказал, что Германия не должна опускаться на уровень наемников, действующих в интересах западных держав. Столь же недопустимыми были предложения, которые Муссолини сделал генералу фон Крамону, германскому представителю в контрольной комиссии. В то время соперничество в Средиземноморье явилось причиной напряженности между Францией и Италией, и Муссолини поинтересовался, не собирается ли рейхсвер попытаться взять реванш, приняв участие вместе с Италией в войне против Франции. Это предложение вызвало некоторый интерес «Стального шлема», но совершенно не заинтересовало руководство армии, которое ни во что не ставило итальянскую армию и относило подобные идеи к разряду утопических.

III

В феврале 1925 года внезапно умирает Эберт. До этого Сект какое-то время носился с идеей предложить себя в качестве кандидата на президентское место и даже давал указание Шлейхеру заняться подготовкой кампании. Однако смерть Эберта обрывает все планы. Первый тур выборов признается недействительным. Во втором туре буржуазные и правые партии объединяются против Гинденбурга, который все еще рассматривается народом как символ нации. Газета левого крыла писала, что республика явилась своего рода продолжением империи, а президентство Гинденбурга возродило черты прошлого. Ощутимо возрос авторитет государства. Упрочилось положение армии.

Стоило Гинденбургу стать президентом, как Шлейхеру пришла в голову мысль назначить сына Гинденбурга, полковника рейхсвера, адъютантом президента. Это назначение давало великолепную возможность установить крепкую связь между армией и главой государства. Опасения Штресемана, что многочисленные связи президента со старой прусской аристократией превратят его в центральную фигуру монархической Вандеи, были не оправданы. Все было как раз наоборот. Гинденбурга не оставляла мысль об упущенных в 1918 году возможностях, и это как нельзя более настраивало его на выполнение клятвы, которую он дал новой конститу-

ции. При этом его происхождение и воспитание оказали влияние на его взгляды, соответствовавшие эпохе Бисмарка. Он плохо разбирался в демократической эпохе, в которой жил, и, по всей видимости, именно это явилось причиной того, что только после долгих раздумий он согласился выставить свою кандидатуру.

Вероятно, было нечто большее, чем простая случайность, в том, что 1925 год стал свидетелем первых серьезных попыток уклониться от выполнения Версальского договора в части разоружения рейха, причем полностью, а не так, как это было ранее на восточных границах.

В 1926 году особое беспокойство Германии по-прежнему вызывала Польша. Этому способствовало установление военной диктатуры Пилсудского, укрепление польской армии, расширение польского коридора. Давая показания под присягой, генерал фон Бломберг объяснил, что в то время офицеры рейхсвера больше всего опасались нападения Польши. Да, Рейнский пакт гарантировал неприкосновенность западных границ Германии, и эта гарантия стоила намного больше, чем несколько десятков тысяч плохо обученных солдат, но каково было Секту и Ветцелю, сменившему Хассе в Войсковом управлении, когда под давлением западных держав большая часть полномочий главнокомандующего перешла министру рейхсвера (гражданскому!).

IV

Германия в первую очередь пыталась уклониться от выполнения пунктов договора, связанных с запрещением увеличения численности боевого состава, подготовки к мобилизации, разработки запрещенных видов вооружения, тяжелой артиллерии и танков (не говоря уже о новых видах оружия) и формированием военно-воздушных сил и военно-морского флота.

Проблема увеличения численности и пополнения рядов регулярной армии за счет в какой-то степени обученного резерва в первую очередь затрагивала «пограничные отряды», которые, как мы уже говорили, своим рождением в значительной мере были обязаны деятельности Секта в 1919 году. «Пограничные отряды» пользовались поддержкой даже социалистов и левых католиков, а Вирт неоднократно выступал в их защиту. Штресеман молчаливо вы-

ражал одобрение, не собираясь менять свое отношение, пока оставался нерешенным польский вопрос.

Основу пограничной оборонительной системы на востоке составляли так называемые «черные штабы», возглавляемые якобы гражданскими лицами, служившими под началом командующего восточным военным округом, и военные комиссариаты (Kreiskommissars), тоже из якобы гражданских чиновников, в чьем ведении находились списки личного состава. Все они действовали в сотрудничестве с прусской правительственной машиной, хотя само прусское правительство периодически пыталось положить конец этой деятельности.

Шлейхер, в течение длительного времени связанный с решением организационных вопросов пограничной обороны, на все протесты отвечал стереотипной фразой, что всякая деятельность в этом направлении будет прекращена. Само собой разумеется, что она не прекращалась. Численность «черного рейхсвера» достигала приблизительно тридцати тысяч человек, к ним следует добавить так называемые «рабочие союзы» (это были в основном бывшие члены добровольческих отрядов и «Стального шлема»), охранявшие оружейные склады. Как правило, в этих складах хранилось стрелковое оружие и боеприпасы и, крайне редко, артиллерийские орудия и бронемашины.

Тем временем Сект решал вопросы, имевшие самое непосредственное отношение к рейхсверу. Он по меньшей мере трижды направлял многословные меморандумы, подчеркивая в них важность рейхсвера как защитника национальных границ, после чего ему было позволено увеличить численность армии. Таким образом, он постепенно начал создавать корпус резервистов. В течение этого периода Войсковое управление выступало в роли советника военно-морских сил, занимавшихся незаконной подготовкой добровольцев. Результаты не были впечатляющими; удалось набрать всего лишь порядка шестисот человек.

Хотя Штресеман старался не вникать в проблемы незаконной пограничной армии на востоке, он, не желая подвергать опасности франко-германские отношения, не хотел заходить в этом вопросе слишком далеко. Тем не менее с тыла рейхсвер молчаливо, но весьма действенно прикрывался Гинденбургом. С 1920 года рейхстаг путем парламентских запросов пытался понять, чем в действительности занимается рейхсвер, но Сект и Шлейхер преуспели в конспирации. Они с большой осмотрительностью занимались

подбором личного состава. Подбор осуществлялся с помощью секретных агентов, которые были, как правило, членами «Стального шлема» или одного из офицерских союзов.

Но самым важным представлялось другое. Генеральный штаб извлек серьезный урок из мировой войны, осознав важность развития промышленного производства. Это заставило его вплотную обратиться к сфере оборонной промышленности, чем и занялся отдел Управления вооружений армии, впоследствии получивший название «экономический штаб» (Wirtschaftsstab). Перед «экономическим штабом» стояло две задачи. Во-первых, решение всех вопросов, связанных с обеспечением сырья, проектированием и изготовлением готовой продукции. Во-вторых, организация ряда «подпольных» производств, существование которых следовало держать в тайне от контрольной комиссии.

Во всех этих делах важную роль играла фирма Круппа. Изменения, естественно, коснулись и самого рейхсвера. С 1926 года к штабам военных округов стали прикомандировываться специалисты в области промышленности. С целью содействия в решении вопросов, связанных с промышленным производством, было создано общество германских промышленников под руководством тайного советника фон Борцига.

Руководители рейхсвера были не из тех, кого могло остановить такое прозаическое обстоятельство, как незаконные ассигнования, выделяемые для специальных целей. Ряд ведущих промышленников через общество, официально зарегистрированное Шлейхером как общество с ограниченной ответственностью, оказывали серьезную финансовую поддержку рейхсверу.

На конструирование многих видов вооружения был наложен запрет, однако это не помешало рейхсверу в 1922 году подписать контракт с Круппом на разработку артиллерийских установок. Еще до подписания договора Крупп заключил контракты с правительствами Голландии и рядом южноамериканских государств на поставку различных типов орудий. Благодаря посредничеству Круппа офицеры рейхсвера могли посещать шведские полигоны и наблюдать за испытаниями новых типов орудий, таких, как гаубицы, для ведения военных действий в горной местности (для датской армии в Ост-Индии), самоходные орудия калибра 210 мм, с новым типом подвески. В 1925 году Крупп получил новые заказы, и среди них на 75-миллиметровое орудие для установки на

«тягач больших размеров» (кодовое обозначение танка). Историю, связанную с этой разработкой, мы расскажем несколько позже.

Военно-морской флот не отставал от сухопутных войск. Полным ходом шла разработка субмарин, самолетов и морской авиации и прочего, и это несмотря на то, что официально Германия не имела права заниматься подобной деятельностью. В Голландии было создано секретное отделение для наблюдения за ходом строительства подводных лодок, а на испанских верфях строительство подводных лодок шло под непосредственным контролем со стороны Примо де Ривера и короля Испании. Адмирал Канарис, получивший впоследствии широкую известность, а в то время усердно занимавшийся созданием разведывательной сети в Испании, вел переговоры в отношении строительства подводных лодок.

Германские военно-морские советники приобретали ценный опыт в Турции и Финляндии. В Японию были отправлены чертежи новых подводных лодок. Картина была бы неполной, если бы мы не упомянули о различных коммерческих предприятиях, созданных капитаном Лохманом из транспортного отдела военно-морского флота. Эти предприятия должны были обеспечивать строительство подводных лодок денежными средствами. Именно Лохман установил первые контакты с испанскими судостроителями. Созданные им кампании служили цели тайного перевооружения Германии. Характерно, что Лохман никогда не искал личной выгоды. В 1924 году Лохман стал руководить крупной кинокомпанией, которую использовал в пропагандистских целях. В основном это делалось с учетом возможного вооруженного конфликта с Польшей, в надежде очистить Балтику для французских судов.

Несмотря на незначительный размах и медленные темпы, тайное перевооружение Германии создавало базу для развития ее вооруженных сил. Опасность таилась не в военной сфере, как таковой, а в тех обстоятельствах, которые приучили людей к мысли, что можно нарушить подписанный договор.

V

Политика таинственности и отговорок не способствовала улучшению отношений между Сектом и Гесслером, министром рейхсвера. Несмотря на несомненную находчивость и

искусность Секта, его откровенное высокомерие и явно демонстрируемое нежелание к сотрудничеству сильно осложняли деловые отношения. Гесслеру приходилось все чаще выступать в качестве парламентского защитника ведомственных эскапад Секта.

Поведение Секта привело Гесслера к мысли сформировать собственный штаб. Он надеялся, что таким образом ему удастся оказывать непосредственное влияние на положение армии. Намерение Гесслера совпало с растущим недовольством со стороны Шлейхера. Он считал, что Сект поступил подло, отказавшись выставить кандидатуру на пост президента. Поэтому Шлейхер приветствовал идею Гесслера сформировать новый отдел, который не будет зависеть от главнокомандующего армией.

В 1926 году в министерстве рейхсвера был открыт «политический отдел» (Wehrmacht). Новый отдел возглавил Шлейхер. С этого момента он стал, неофициально, всемогущим заместителем министра и его советником. В обычное время руководитель подобного отдела был бы, вероятно, не более чем обычным посредником между министром и армией, но в период «нечистоплотной» политики способный, честолюбивый человек, занявший пост, на котором теперь оказался Шлейхер, неизбежно должен был превратиться в своего рода политического начальника Генерального штаба. Шлейхер, амбициозный и способный, не замедлил взять на себя ответственность за огромное количество вопросов, включающих проблемы, связанные с Лигой Наций, прессу, шпионаж и ведомственные ассигнования. Вскоре он научил армейские штабы действовать в обход руководства армии и напрямую информировать его обо всех необычных случаях, в особенности носивших политический характер. Итак, началось медленное восхождение Шлейхера к вершинам власти. На его фамильном гербе вполне уместной выглядела бы лестница.

К сожалению, в этот период Сект допустил ряд тактических ошибок. Он издал приказ о поведении офицеров во время поединков — и забыл сообщить об этом Гесслеру. Сект удовлетворил просьбу кронпринца разрешить его сыну принять участие в военных учениях 9-го пехотного полка. Это было опасное решение, если учесть, что в конце сентября левая и демократическая пресса, пронюхав об этом, разразилась взрывом негодования. Недоверие к правящему дому было гораздо сильнее, чем мог ожидать

Сект, и, кстати, гораздо сильнее, чем заслуживали Гогенцоллерны.

Гесслер потирал руки. Сначала Шлейхер хотел взять быка за рога и опубликовать категорическое опровержение. Но по зрелом размышлении понял, что создавшееся критическое положение дает ему блестящую возможность избавиться от Секта, и переметнулся к Гесслеру, стараясь оставлять Секта без информации о реальном положении дел. Общественность потребовала смещения Секта. Гесслер откровенно объяснил, что устал быть мальчиком для битья для Секта, и, кроме того, армии и так достается от республиканской прессы, а Сект еще подливает масла в огонь своими безрассудными поступками. Канцлер Маркс предупредил Гинденбурга о приближении правительственного кризиса.

Дела начали принимать для Секта плохой оборот. Фриш был за вооруженное сопротивление, но Сект был слишком большим реалистом, чтобы не понимать, что бессмысленно устраивать переворот от своего имени против воли Гинденбурга.

Гинденбург, как конституционный президент, не мог действовать, не посоветовавшись с канцлером, а канцлер, уже объявивший о неизбежности правительственного кризиса, не собирался удерживать Секта. В полдень 8 октября Гинденбург дал Секту «прощальную» аудиенцию. Газета «Vossische Zeitung» написала, что предел терпению есть даже у республиканцев и сказанное имеет отношение к такой важной персоне, как Сект.

VI

Казалось, что вопрос о преемнике Секта может вызвать определенные разногласия. Шли разговоры о Хассе, Лосберге, фон Крессенштейне и Рейнхардте. Сам Сект называл Хейе, последнего начальника оперативного отдела, считая его наиболее подходящей кандидатурой на свой пост. На тот момент Хейе командовал 1-м военным округом в Восточной Пруссии, считавшимся самым сложным и наиболее важным из округов, что само по себе являлось рекомендацией. А самое главное, Хейе поддерживал Шлейхер, и не только потому, что давно знал его, но и потому, что Хейе имел, в отличие от Секта, репутацию человека, поддающегося влиянию.

Вот так сын фризских фермеров с угрожающе торчащими сержантскими усами стал вторым главнокомандующим армией. Секта окружал ореол величия, и, несмотря на то что Шлейхер не скупился на клевету и даже дошел до того, что запретил ему присутствовать на маневрах, многие попрежнему считали, что Сект может каким-то таинственным образом оказывать политическое влияние. Другие завершили планы, намеченные в общих чертах Сектом, но руководствовались иными, нежели он, соображениями. Однако к тому времени Сект был уже старым — и беспомощным.

VII

В Германии нашлось бы немного людей, которые были больше, чем русский посол Крестинский, возмущены смещением Секта. Правда, Шлейхеру не составило труда успокоить посла, поскольку рейхсвер продолжал тяготеть к Востоку, хотя эта политика и была сопряжена со странным обстоятельством. Люди, не посвященные в существование упомянутой доктрины, зачастую осуждали рейхсвер за то, что он не проводит восточную политику, в то время как посвященные все чаще осуждали рейхсвер за то, что он слишком придерживается этой политики. В 1926 году докеры Штеттина отказались разгружать военное имущество для «авангарда германской буржуазии», находясь в счастливом неведении, что их отправили «ударные части революции». В декабре того же года состоялась встреча в министерстве иностранных дел, на которой в присутствии обеспокоенных членов кабинета ведущие социалисты выступили против отвратительной, по их мнению, связи между рейхсвером и Красной армией.

Щекотливая ситуация. Однако Гесслер ухитрился успокоить и Штресемана и социалистов. Хейе готов к сотрудничеству, не то что его предшественник, заверял и тех и других Гесслер, в любом случае следует продвигать более молодых генералов. И в этом был весь Гесслер.

Но хватало и других проблем. Для социалистов «пограничные отряды» были словно бельмо на глазу, однако Гесслер не сдавал позиций. Причиной серьезных разногласий явились и первые германские «карманные линкоры» (Panzerkreuzer A), строительство которых, согласно договору, теперь было позволено Германии. Все это привело

к естественному результату. Руководство армии, и в особенности Войсковое управление, стало более осмотрительно вести дела с государством.

Шлейхер, главный вдохновитель нового курса рейхсвера, был в своей стихии; политика уклонений и опровержений идеально соответствовала его талантам. В 1927-м и 1928 годах русские офицеры приезжали в Германию для прохождения обучения при Войсковом управлении. Поддержание дружеских отношений дало свои результаты. В 1931 году уже Гаммерштейн-Экворд, в то время главнокомандующий армией, присутствовал в России на первых маневрах воздушно-десантных и парашютно-десантных войск.

В этой ситуации должным образом проявил специфические особенности характера Хейе. Хотя он окончил старую кадетскую школу и служил в прежнем Генеральном штабе, он был искренне готов проникнуться духом своего времени и, по крайней мере, внешне был демократом. Находясь с инспекцией в Штеттине, он обменивался рукопожатиями, интересовался, нет ли каких-либо жалоб, и заверял, что если возникнет необходимость, то он в любое время готов принять каждого в Берлине.

Однако описанные действия никоим образом не вели к коренным изменениям в политике рейхсвера. Это был не более чем отвлекающий маневр, поскольку все внимание рейхсвера было теперь сосредоточено на разработке запрещенных Версальским договором танков. В октябре 1928 года управление вооружений предложило Круппу изготовить два опытных образца «легких тракторов», то есть легких танков, оснащенных только пулеметами («средние тракторы», оснащенные орудиями, появились в 1932 году). Таким образом, рейхсвер, не имевший на тот момент опыта в данной области, пытался с помощью русских создать ядро моторизованной армии.

Союзники разрешили обеспечить полицию бронированными машинами с пулеметами. После длительных переговоров рейхсвер получил разрешение на сто пятьдесят бронетранспортеров, но без установки на них орудий. Поскольку на изготовление гусеничных звеньев был наложен запрет, испытания велись с многоосными транспортными средствами, подходящими для езды по пересеченной местности. В России Красная армия имела возможность экспериментировать с шести- и восьмиосными машинами, копиями иностранных моделей. Кроме того, Круппу по-

ручили разработать транспортное средство на гусеничном ходу. Крупп использовал вместо клепки сварку, и это новшество в значительной мере повлияло на вес изделия.

Генерал фон Воллард-Бокельберг, один из старых сослуживцев Гинденбурга и Людендорфа, а ныне инспектор моторизованных частей, разделил семь моторизованных частей соответственно между отделом, в значительной мере теоретически, связанным с танковой войной (Panzerkampfttruppe), мотоциклетной и транспортной частями. Делались попытки изучить тактику применения танка с помощью обычных тракторов, которые теперь широко используются в сельском хозяйстве. В ознакомительных целях изготовили деревянную модель танка с орудийной башней, которая появилась на маневрах в 1928 году вместе с вооруженными мотоциклистами и пехотой на бронетранспортерах.

Был организован так называемый «штаб автотранспорта» для изучения тактических и других проблем танковой войны; позже было организовано танковое училище. Преемник Воллард-Бокельберга, Отто фон Штюльпнагель (кузен сотрудника Секта), продолжил работу предшественника и разделил каждую группу на четыре подразделения: вооруженные мотоциклисты, танки, бронемашины и противотанковая рота. Идея создания специальной противотанковой роты принадлежала начальнику штаба моторизованных войск, подполковнику Гудериану. Пока эти подразделения работали с моделями танка, инструкторы проходили практическое обучение в России.

В 1931 году пост инспектора моторизованных войск занял генерал-майор Лутц. Он продолжил начатую до него работу, и в осенних маневрах 1932 года участвовали мотоциклетные батальоны и специальные моторизованные подразделения, служащие для разведывательных целей. Кроме того, были моторизованы несколько подразделений кавалерии. Впервые официально появились многоосные транспортные средства.

Другим аспектом деятельности Германии по перевооружению являлась разработка совершенно новых видов вооружения. Одной из важнейших была проблема, связанная с использованием реактивного двигателя. В 1930 году управление вооружений, вдохновленное результатами испытаний, проведенных Фрицем фон Опелем, и под нажимом доктора наук, а позднее генерал-лейтенанта Дорнбергера, открыло специальный отдел по ракетным разработкам. Сначала

речь шла о разработке порохового ракетного двигателя, но Дорнбергер, в то время обычный артиллерийский офицер, заинтересовался опытами, проводимыми с ракетами на жидком топливе. Результатом этих экспериментов стала так называемая модель «А», на основе которой были разработаны знаменитые «Фау». На первой стадии результаты получались не слишком обнадеживающими, и в 1932 году доктор Беккер, руководитель баллистического отдела управления вооружений, заявил, что еще не пришло время для подобных разработок.

Вполне понятно, что министр рейхсвера был озабочен сохранением ядра будущих военно-воздушных сил. В период реорганизации армии в 1919—1920 годах Сект приложил все усилия, чтобы ряд офицеров ВВС были приняты в новую армию, и среди них полковник Томсен, бывший начальник штаба воздушных сил. Томсен стал главой Центрального авиационного комитета (Fliegerzentrale). В состав комитета сначала входили три, а затем около пятнадцати офицеров. Капитан Штудент, будущий организатор воздушно-десантных войск, выступал в роли технического консультанта. В состав комитета вошел также будущий фельдмаршал Хуго Шперрле. В военных округах были созданы центры подготовки, в штат которых входили эксперты ВВС. Сенсационное заявление итальянского генерала ВВС, что решение в будущей войне будет приниматься в воздухе, вне всякого сомнения, оказало влияние на Секта, Штюльпнагеля и других.

В соответствии с Версальским договором ничтожно малое число офицеров могло обучаться летному искусству, но благодаря русским их число было значительно увеличено. В 1923 году были сделаны некоторые уступки в отношении гражданской авиации. Сект, однако, предпринимал все возможное для упразднения комитета гражданской авиации рейха, который руководил делами, связанными с авиацией. Он получил отдел воздушного транспорта, присоединенный к министру по транспорту, и во главе его поставил капитана Бранденбурга, пользовавшегося у него доверием. Министр по транспорту выделил рейхсверу двадцать семь миллионов марок на нужды военной авиации.

В 1926 году был снят запрет на производство в Германии гражданских самолетов. Теперь для использования самолетов для нужд метеорологии и полиции уже семьдесят два офицера получили право обучаться летному мастерству.

Понятно, что еще долгое время самолеты ведущих фирм, таких, как «Юнкерс», «Хейнкель», «Дорнье», строились в России, Швеции и Швейцарии. Благодаря истребителям, купленным в период кризиса 1923 года, и секретной продукции германской авиационной промышленности, стало возможным создать в рамках гражданской авиатранспортной компании «Luft-Hansa» небольшую воздушную армию. Со временем у «Luft-Hansa» появилось, как минимум, четыре летные школы, тайно занимавшиеся обучением военных летчиков. Руководил этим делом невероятно энергичный человек, и звали его Эрнст Мильх. С 1925 года был введен в эксплуатацию испытательный военный аэродром. В 1926 году германские ВВС состояли из двух истребительных эскадрилий, одной бомбардировочной и одной вспомогательной, а к 1931 году в состав ВВС входили уже четыре истребительные, восемь разведывательных и три бомбардировочные эскадрильи. Ядро ВВС постепенно увеличивалось.

VIII

В декабре 1930 года Хейе ушел в отставку по возрасту. Его преемником стал генерал-майор фон Гаммерштейн-Экворд. Это назначение стало одним из любопытных событий, имевших место в тот период. К концу 1927 года распространились новости о необычайно разнообразной деятельности капитана Лохмана и об использовании им секретных фондов военно-морского флота. Вспыхнул скандал. Лохман был вынужден уйти в отставку. Шлейхер воспользовался благоприятной возможностью, чтобы отречься от Гесслера, и назначил на пост министра рейхсвера Гронера. Благодаря этому не только непомерно увеличилась власть Шлейхера, но он смог стать чем-то вроде «непременного секретаря». Таким образом, в 1928 году перед обществом предстало любопытное зрелище: на службе у президента, бывшего начальника Генерального штаба, в должности министра рейхсвера находился его последний генерал-квартирмейстер. С этого момента Гаммерштейн-Экворд начал завоевывать известность.

Не менее любопытным было назначение Гронера, хотя и совсем по другой причине. Шлейхер и Гаммерштейн-Экворд считали, что проблема народных масс так и оста-

нется неразрешимой, если им не удастся добиться непосредственного контакта с рабочими. И если Шлейхер продемонстрировал нерешительность в этом вопросе, то Гаммерштейн-Экворд, к ужасу многих собратьев-офицеров, смело бросился к левым, стремясь вступить в контакт с рядом ведущих лидеров социал-демократов. Он так усердствовал в этом направлении, что в министерстве рейхсвера его стали называть «красным генералом», и он не был так уж возмущен, когда его дочери вступили в Коммунистическую партию. Подобные случаи были нередки среди потомков древних родов, а потому это не помешало Гемерштейн-Экворду в 1930 году занять должность главнокомандующего армией. Генерал-майор Адам принял Войсковое управление.

Однако начали сгущаться тучи. Осенью 1929 года Штресеман, не считаясь с правой оппозицией, провел законопроект, обеспечивший решение репарационного вопроса и отвода войск из Рурской области. На нацию обрушился экономический кризис. И это была не единственная катастрофа, постигшая Германию. Уже смертельно больного Штресемана 3 октября разбил удар. Скончался государственный деятель, единственный, кто стремился построить государство, пользующееся международным уважением.

В конце года Сект опубликовал в газете «Kelnische Zeitung» статью под заголовком «Прилив», в которой требовал назначить заведующего плотинами. Вскоре он примкнул к бывшей партии Штресемана, «Deutsche Volkspartei», и предпринял попытку уйти в политику. Вероятно, он думал, что будет сам частично выполнять работу заведующего плотинами.

IX

Судьба армии, а в значительной степени и судьба Германии находились теперь в руках Шлейхера. Он, уже генерал-майор с репутацией самого способного генерала-политика в Германии, мог полностью посвятить себя любимому делу, «деланию королей». В марте 1930 года распалось коалиционное правительство Германа Мюллера, но до распада Шлейхеру удалось еще более упрочить свою позицию. В связи с частыми болезнями Мюллера Гронер, исполнявший обязанности канцлера, взвалил на себя непосильную ношу

и все больше и больше зависел от друга. В скором времени Шлейхер начал посещать заседания правительства и постепенно превратился в связующее звено между партийными лидерами и правительством.

Приблизительно в то же время взгляд Шлейхера упал на Брюнинга, и окольными путями, которые теперь отмечали всю его деятельность (начало было положено назначением Брюнинга), он добился того, что ему стали приписывать искреннее желание служить своей стране. Именно тогда Германия столкнулась с двойным кризисом, правительственным и финансовым. Националисты ополчились против Гинденбурга, который просто выполнял свой конституционный долг и поддерживал политику, которую вряд ли бы утвердила законодательная власть. Администрация Мюллера привела к банкротству, и стало очевидным, что скоро государство окажется не в состоянии выплачивать пособия по безработице. Это могло привести к серьезным беспорядкам, а возможно, и к революции. Для восстановления порядка мог потребоваться рейхсвер, который, как мы помним, всячески старался избежать подобной ситуации.

У Шлейхера зародилась идея воспользоваться параграфом 48 конституции, позволявшим в случае возникновения угрозы общественной безопасности временно отменить права рейхстага. В этих условиях правительство в своей деятельности должно было руководствоваться указами о чрезвычайном положении. Орудием для выполнения своих планов Шлейхер избрал Генриха Брюнинга.

Шлейхер, имея деловые контакты с Брюнингом, искренне восхищался его несомненной честностью и блестящим политическим чутьем. Однако приходилось считаться с чувствами бывших военнослужащих. Шлейхер учел, что на фронте Брюнинг был простым лейтенантом; награжден Железным крестом 1-го класса и для многих, в том числе и высокопоставленных офицеров, это имело первостепенное значение. Человек, получивший такую награду, имел репутацию настоящего мужчины. Фактически Брюнинг стал управлять с помощью президентских указов (хотя никогда не использовал их в той мере, как первоначально предполагал Шлейхер) и при поддержке штыков рейхсвера, которые Шлейхер с готовностью передал в его распоряжение. Брюнинг хотел преодолеть кризис путем жестокой экономии. Подобный курс был абсолютно неприемлем, поскольку стареющий президент устал от торга в парламенте, и

предложение об экономии вызвало у старика сентиментальные воспоминания о 1813 годе и железных обручальных кольцах.

Проводимая Брюнингом политика в сочетании со всеобщими беспорядками делала его непопулярным политиком. К тому же на горизонте появились новые силы. До 1923 года национал-социалистическая партия пребывала в относительной безвестности, но экономический крах стал звездным часом Гитлера, который обещал «небо в алмазах» всем разочарованным и обманутым. В 1929 году Шлейхер высказывал Брюнингу опасения относительно усиления этой партии, среди сторонников которой было много молодых флотских офицеров и рабочих Киля и Вильгельмсхавена. Теперь к германским коммунистам добавились еще и национал-социалисты, и Шлейхер опасался, что Польша может воспользоваться внутригерманскими проблемами. Руководствуясь этими соображениями, Шлейхер обратился к Брюнингу с просьбой конфиденциально выяснить в Париже и Лондоне, нельзя ли в связи с угрозой гражданской войны несколько увеличить численность рейхсвера. На свой вопрос Брюнинг получил отрицательный ответ. Относясь к тем людям, которые считают, что у них всегда есть выбор, Шлейхер решил перестраховаться и побеседовать с Гитлером, который не произвел на него столь благоприятного впечатления, как в свое время на Секта. Привычка Гитлера излагать свои мысли в виде оглушительных монологов неограниченной продолжительности, во время которых собеседник не мог вставить ни слова, убедила Шлейхера в том, что этот человек маньяк. Всякий раз, услышав о притязаниях Гитлера на неограниченную власть, Шлейхер неизменно отвечал, что любой может стать канцлером, но только не «этот парень». Гинденбург открыто дал понять, что разделяет отвращение Шлейхера к «богемскому капралу».

Тем не менее, было что-то в партии Гитлера, вызывавшее интерес Шлейхера. СА и СС стали прибежищем для большого числа офицеров и людей, воевавших на фронте. Рем, начальник штаба СА (вынужденный в свое время покинуть Германию из-за гомосексуальных наклонностей), был в чине капитана, а СС руководил Генрих Гиммлер, бывший лейтенант. В рядах СС находилось большое количество бывших членов добровольческих отрядов Freikorps; этими людьми надо было дорожить в первую очередь.

Пока Шлейхер в нерешительности топтался на берегу, остальные бросились в воду. В Восточной Пруссии установились тесные контакты между генералом фон Бломбергом, командующим 1-м военным округом, и его начальником штаба генералом фон Рейхенау, с одной стороны, и штандартенфюрером СА, с другой стороны. Бломберг и Рейхенау считали, что рейхсвер должен сотрудничать с любой фракцией, вызывающей патриотический подъем. Безусловно, национал-социалисты соответствовали этому требованию. «Стальной шлем», некогда основной центр запрещенной деятельности, превратился в респектабельную организацию людей старшего возраста и потерял связь с молодежью. Таким образом, в 1930 году в ряде учебных центров подразделения СА приступили к занятиям военной подготовкой. Неожиданно, к негодованию Гинденбурга, Гитлер запретил СА Померании принимать участие в деятельности «пограничных отрядов» на том основании, что «пограничные отряды» сотрудничают с республиканскими властями. Этот демарш запутал и без того сложную ситуацию. Шлейхеру ничего не оставалось, как связать свою судьбу с национал-социалистическим движением. Теперь его изобретательность была направлена на то, чтобы отвратить тех, кто искренне стремился служить в германской армии, от чрезмерной преданности партии.

Вместе с тем офицеры рейхсвера, а в их числе и главнокомандующий армией, испытывали по отношению к национал-социалистам сложную гамму чувств, от высокомерного равнодушия до решительного противодействия. Когда в Ульме два молодых офицера 5-го артиллерийского полка под командованием полковника Людвига Бека попытались создать национал-социалистические ячейки, Гаммерштейн-Экворд приказал наказать офицеров и уволить из армии.

X

При выборах в рейхстаг в 1930 году национал-социалисты получили сто семь мест и стали самой сильной из партий правого крыла. Большая часть умеренных, а по сути, истинных консерваторов, сформировали оппозицию против лидера партии (Deutschnationale Partei), Гугенберга. В результате партия начала распадаться. Не лучше обстояли дела и у партии, на которую (Deutsche Volkspartei) делал

ставку Сект. После выборов Шлейхер встретился с Арнольдом Рехбергом, по-прежнему поддерживавшим идею франко-германского альянса, и признался ему, что деньги из его секретного фонда сыграли свою роль в победе национал-социалистов. Странное признание, если вспомнить, что он говорил Брюнингу. Когда Рехберг заметил, что он занимается опасным делом, Шлейхер отметил, что он намного практичнее Рехберга. Одной из составляющих его политики является создание, где только можно, центров влияния, и в данном случае финансовая наживка показалась ему наиболее подходящим способом для претворения своей политики в жизнь.

Весной 1931 года Сект был вынужден опять встретиться с Гитлером. После встречи Сект с готовностью заявил, что следует рассматривать национал-социалистическую партию как «спасительный фактор» и что он доверяет ей сыграть эту милосердную роль во внутриполитических комбинациях рейхсвера. Однако, несмотря на подобное заявление, Сект поставил условие. Сект должен оставаться Сектом, и он должен блюсти свой характерный стиль. Гитлер, естественно, горячо заверил, что все так и будет. Сект, конечно, хотел воспользоваться патриотическим пылом национал-социалистов, сохранив при этом характерные особенности и независимость армии. Разумеется, он имел представление о связи гитлеровской партии с консервативными силами в правительстве. Остается только удивляться подобной недальновидности Секта.

Гинденбург, вероятно благодаря приобретенной с годами мудрости, оказался более проницательным. Он понимал, что захват Гитлером власти может привести к осложнению отношений с Францией, Польшей и Чехословакией, и хотел уберечь людей от ужаса следующей войны. Кроме того, он надеялся, что положительное решение проблемы разоружения и ослабление экономического кризиса приведет к тому, что отбросы общества, собравшиеся в гитлеровской партии, постепенно исчезнут. Но разве можно было в тот момент не учитывать тотальную безработицу и резкое сокращение заработной платы? Брюнер упорно боролся за отсрочку всех репарационных выплат и за признание права Германии на перевооружение. Ему удалось продвинуться в этом направлении, но, из-за недальновидности Франции, он не сумел осуществить попытку аншлюса Австрии.

Гинденбург обладал слишком незначительной властью, чтобы остановить ход событий. Неуклонно росло влияние гитлеровской партии и число ее членов. Слишком заметное соперничество между «Стальным шлемом» и СА послужило причиной встречи Гитлера, Шелдте и Дюстерберга. На встрече Гитлер заявил, что когда он придет к власти, то пошлет за военным министром и спросит, сколько денег потребуется на перевооружение, «...если он скажет — двадцать, сорок, шестьдесят, даже сто миллиардов марок, он получит их... тогда мы будем перевооружаться, перевооружаться, перевооружаться до тех пор, пока не будем готовы, а тогда... тогда...». «Тогда», — вставил Дюстерберг, — мир снова сомкнет против нас свои ряды. Вы получите Вторую мировую войну и проиграете ее, как мы проиграли последнюю». На это Гитлер ответил: «Я расстреляю любого, кто хоть словом обмолвится о перевооружении!» Дустерберг хотел возразить, но Гитлер завопил: «Расстрелять его... Расстрелять!» На этом лидер «Стального шлема» прервал встречу, и в его душу стали закрадываться сомнения, не был ли человек, с которым он встречался, обычным невропатом.

Годом позже Герман Раушнинг, глава данцигского сената, в то время поддерживавший национал-социалистическое движение, стал свидетелем того, как за чашкой чая в своем загородном поместье Гитлер откровенно высказывался, что непременно отыграется за все после прихода к власти. Он не преминул подчеркнуть, что поведет войну. Ему не нужны генералы. Если война будет проиграна, он втянет мир в новую катастрофу. Германия никогда больше не будет сдаваться. Высказавшись, он начал напевать мелодию из сцены пожара — заключительного эпизода оперы Рихарда Вагнера «Гибель богов». Трудно сказать, были ли эти высказывания частью серьезного плана или не более чем фантазией живого, но легко поддающегося переменам настроения человека.

XI

А тучи все сгущались. Осенью 1931 года консерваторы, посчитав, что наступает нужный момент для того, чтобы нажить политический капитал на неприязни, окружавшей канцлера, отбросили осторожность и в Гарцбурге вступили в союз с Гитлером. В числе присутствующих были Сект и ряд

прусских принцев. С этого времени известные промышленники, такие, как Тиссен, начали финансировать движение. Ситуация накалялась. Не только Гитлер мог наживаться на страданиях, были и другие. Множились ряды сторонников Гитлера, но множились и ряды коммунистов.

Во всех больших городах происходили уличные бои между СА и «Рот Фронтом». Между Красной армией и рейхсвером по-прежнему сохранялись прекрасные отношения, однако это не мешало коммунистам вести революционную пропаганду. Напротив, с каждым днем она становилась все активнее. Рейх тут же разделился на два противоборствующих лагеря доведенных до отчаяния людей.

Трудно было одновременно подрезать крылья обеим фракциям, и, вероятно, потому, что активность левых была в какой-то мере просто реакцией на усиление действий со стороны правых, Шлейхер, Брюнинг и Гаммерштейн-Экворд взвешивали возможности силового подавления национал-социалистического движения. Поскольку Гаммерштейн-Экворд считал, что теперь без помощи республиканцев не обойтись, Шлейхер связался с майором Майром, офицером рейхсвера в отставке, ставшим одним из лидеров боевой организации социал-демократов Reichsbanner. К сожалению, в этой организации с подозрением относились к генералам, и акция оказалась практически нерезультативной. Тогда Шлейхер обратился к президенту с предложением вместе с профсоюзами развернуть широкомасштабную деятельность, направленную против радикализма правых. Но Гинденбург считал, что национал-социализм подавить невозможно.

Сложно оценить подобное высказывание, принимая во внимание, что в то время Гинденбург уже страдал тяжелым умственным расстройством. Брюнинг рассказывал, что периоды просветления чередовались у Гинденбурга с периодами полного бездействия. Вероятно, Гинденбург осознавал происходящее. Когда его избрали президентом, он сказал канцлеру Лютеру, что останется на посту до глубокой старости. Предчувствие Гинденбурга оправдалось. Этот старый, слабеющий человек, последний руководитель Генерального штаба, оказался единственным оплотом сопротивления гитлеровским анабаптистам XX века.

За Гинденбургом по-прежнему стояла армия. Генералы и офицеры Генерального штаба были в основном консерваторами. Правда, трудно сказать, какое влияние они име-

ли на молодых офицеров, инстинктивно симпатизировавших идеям национализма нового движения, но точно известно, что офицеры с большим энтузиазмом встретили Гитлера, посетившего в то время крейсер «Кельн». Однако не вызывало сомнений, что приказ, отданный достойным почитания президентом, будет беспрекословно выполнен, даже приказ бороться с национал-социалистами. Слишком незыблемой была прусская традиция!

Не то чтобы армия в течение этих месяцев была сама по себе или перестала в отдельных случаях придерживаться традиционной роли. Брюнинг, как мы помним, уверенно добивался успехов в сфере международных отношений, и, естественно, вставал вопрос, что предстоит сделать в случае признания права Германии на перевооружение. Шлейхер предполагал отказаться от всех видов наступательного оружия и преобразовать армию в милицию по швейцарскому образцу. Шлейхер обсуждал эту идею с майором Майром и встретил, по крайней мере, с его стороны одобрение. Хольтерман, руководитель Reichsbanner, вполне благосклонно отнесся к этому предложению. Однако план Шлейхера вступил в полное противоречие с мнением Генерального штаба. Когда в 1932 году военные писатели начали обсуждать вопрос в отношении милиции, они встретили жесткое сопротивление со стороны сторонников Секта в войсковом управлении. Пока еще на Бендлерштрассе его влияние было решающим. Группировка Бломберга—Рейхенау оставалась в меньшинстве, а вскоре отпал и Бломберг. Упав с лошади, он получил сотрясение мозга, и Брюнинг, опасавшийся национал-социалистических склонностей Бломберга, ухитрился избавиться от него, назначив руководителем группы по разоружению в Женеве.

В Германии в 1932 году влияние Секта оставалось по-прежнему чрезвычайно сильным, и об этом явственно говорит перечень офицеров, служивших в то время в армии, основных действующих лиц приближающейся трагедии, среди которых были Манштейн, Зоденштерн, Йодль, Шпейдель, Модель, Кейтель и другие. Все они служили в Войсковом управлении. Браухич инспектировал артиллерию. Гудериан, уже полковник, был начальником штаба у генерал-майора Лутца. Бок, Рундштедт, Риттер фон Лееб и фон Фритц командовали дивизиями. Бек командовал артиллерией, а Гальдер был начальником штаба пехотной дивизии. Иоахим фон Штюльпнагель, уйдя в отставку, стал коммерческим дирек-

тором газеты «Berliner Borsenzeitung», откровенно консервативного органа. Все это стало известно из списков армии за 1932 год. Это был последний список, ставший достоянием широкой публики.

В течение 1932 года были предприняты попытки использовать для военного обучения, помимо армии, трудовые лагеря и лагеря, созданные на базе партии для подготовки к оборонительным действиям, так называемые Wehrlager. Руководство армии, естественно, испытывало смешанные чувства, оказывая моральную поддержку подобным рискованным предприятиям, которые по большей части оказывались неподконтрольными армии. Подготовка, которую молодые люди получали в лагерях, организованных «Стальным шлемом» и СА, не имела ничего общего с профессиональной подготовкой, получаемой в армии. Приблизительно в это же время был создан попечительский совет рейха (Reichskuratorium fur Jugendertuchtigung), занимавшийся физической подготовкой молодежи, под председательством генерала Эдвина фон Штюльпнагеля.

XII

Здесь будет уместно рассказать широко известную историю падения Брюнинга, хотя, согласно свежим данным, попытка Брюнинга поделить большие состояния не имела большого исторического значения.

Брюнинг планировал уничтожить большие убыточные поместья. Планы Брюнинга получили одобрение некоторых наиболее дальновидных землевладельцев, среди которых были личные друзья Гинденбурга. Кроме того, большую огласку получили действия администрации, связанные с выделением государственных фондов с целью оказания помощи землевладельцам Восточной Эльбы. Естественно, возникли подозрения в семейственности, поскольку инспекторы зачастую были выходцами из юнкеров Восточной Эльбы.

Однако историческое значение этого дела явно преувеличено.

Шлейхер, давно державший наготове преемника Брюнинга, представил его Гинденбургу, пришедшему от кандидата Шлейхера в восторг. Фон Папен, майор Генерального штаба, относился к правому крылу партии Центра. Он был женат на дочери саарского промышленника и имел во Франции

прочные связи. Во всеобщей неразберихе никто не поинтересовался, обладает ли он необходимыми качествами, чтобы занять место Брюнинга. Аристократия, начинавшая понимать, насколько шатким стало положение не только большого класса землевладельцев, но и самой Германии, действовала словно человек, охваченный паникой. Требовалось сформировать авторитарный кабинет консерваторов, и такой кабинет был сформирован... во главе с фон Папеном.

Новый кабинет, в котором Шлейхер занял пост министра рейхсвера, придерживался мнения (хотя были и несогласные), что национал-социалистов следует склонить к практическому сотрудничеству. Поначалу Шлейхер был среди тех, кто отстаивал иное мнение, но занимал какую-то не вполне понятную позицию. С одной стороны, он с тревогой задавался вопросом, что могут предпринять поляки, если рейхсвер полностью посвятит себя подавлению общественных беспорядков. Вставал чисто технический вопрос: хватит ли у рейхсвера сил подавлять одновременно два восстания, слева и справа. Было бы лучше иметь одного врага. Правда, помимо рейхсвера, существовала еще жандармерия, обученная вести уличные бои, но в ней было всего лишь шестьдесят тысяч человек.

Пока Шлейхер пребывал в сомнениях, Папен сделал первый удачный ход. Он избавился от социал-демократического правительства Пруссии под предлогом якобы подрывной деятельности, а в действительности потому, что хотел опередить нацистов и установить контроль над прусской полицией. Шлейхер объявил в 3-м военном округе чрезвычайное положение и предоставил неограниченные полномочия генералу фон Рундштедту. Фактически, капитан 9-го пехотного полка с горсткой людей решил вопрос с прусским правительством. Шлейхер дал санкцию на их действия.

На выборах, последовавших за удачным ходом Папена, Гитлер одержал победу. Национал-социалисты стали самой сильной партией в рейхстаге. Поскольку это обстоятельство нельзя было обойти молчанием, Гинденбург в августе принял Гитлера и, выслушав его многословные объяснения, постарался обрисовать политическую ситуацию. Сейчас любой ценой следует избегать внешних осложнений, сказал президент, а потому самое большее, что можно предложить Гитлеру, — это занять место в коалиционном правительстве правого крыла. Гитлер отверг это предложение, считая, что

рано или поздно он, руководитель самой сильной партии в стране, достигнет полной власти. Спустя несколько недель «кабинет баронов» отказался от Папена. От него отвернулись все партии, кроме партии Гугенберга.

Рейхстаг был распущен. Проведены новые выборы; количество национал-социалистов слегка уменьшилось, но общая картина осталась прежней. Папен понял, что остается единственное: руководить без партий и внести изменения в конституцию. Подобное решение могло привести к гражданской войне и, конечно, означало борьбу с национал-социалистами.

Шлейхер, который спокойно избавился от генералов, симпатизирующих нацистам, но, конечно, не смог добраться до Бломберга и Рейхенау, разработал очередной план. На его создание повлияли два момента: личная неприязнь Шлейхера к Гитлеру и стремление привлечь полезных для себя членов национал-социалистического движения. Руководство гитлеровской партии делилось на три группы. Ближайшее окружение Гитлера, затем авантюристы и бывшие члены добровольческих отрядов, окружавшие Рема (высмеивавшего Гитлера, уклонявшегося от захвата власти силой), и убежденные доктринеры, сгруппировавшиеся вокруг Штрассера. В партии росла напряженность. Штрассер начал подозревать, что Гитлера волнует не столько проблема национал-социализма, сколько вопрос захвата в свои руки всей полноты власти. Шлейхер решил воспользоваться сложившейся в нацистском движении ситуацией и удалить группировку Штрассера, а с ней большое число сторонников Гитлера из рабочего класса и тех, кто действительно готов воевать. Затем с помощью Штрассера и представителей социал-демократов и христианских профсоюзов сформировать правительство на широкой основе. Это, безусловно, был величайший из планов Шлейхера.

Когда в ноябре Папен попросил Шлейхера заняться борьбой с национал-социалистами, Шлейхер вполне сознательно уклонился, оправдываясь тем, что недостаточно моторизованному рейхсверу рискованно вступать в гражданскую войну, которая, возможно, будет одновременно вестись и против правых, и против левых. Понятно, что отказ Шлейхера ослабил и так пошатнувшееся положение Папена, поскольку Гинденбург испытывал явные сомнения в отношении предложенной Папеном «конституционной реформы». Реформа вела к нарушению конституции, которую он по-

клялся защищать. Кроме того, он содрогался при мысли о вовлечении своей страны в гражданскую войну. Да в этом и не было никакой необходимости. Коммунисты и национал-социалисты действовали сообща во время недавней стачки транспортных рабочих, и Шлейхер, который, по крайней мере, обещал разрешить проблему мирным путем, стал героем дня.

Папен был вынужден уйти в отставку, хотя и остался неофициальным советником президента. 1 декабря генерал-лейтенант фон Шлейхер был назначен канцлером.

XIII

Шлейхер предложил всеобъемлющую программу, включающую укрепление дружеских отношений с Советским Союзом, создание рабочих мест и переселение сельского населения. Кроме того, она включала увеличение вооруженных сил за счет милиции. Фактически, своей программой он сталкивал всех друг с другом. Генералы не желали признавать милицию. Дворяне Восточной Эльбы в штыки восприняли предложения о переселении, которое вело к разделу их поместий.

Программа не добавила Шлейхеру популярности. За ним закрепилось прозвище «общественный генерал». Гаммерштейн-Экворд, слепо доверявший Шлейхеру, стал известен как «красный». Теперь от двух генералов-реформаторов зависело, найдут ли они поддержку у народных масс. Практически все свое время Шлейхер тратил на переговоры. Со Штрассером и его сторонниками, с Гинденбургом из Немецкой национальной партии, доктором Каасом из партии Центра, Адамом Шегервальдом из христианского профсоюза и Вильгельмом Лейпортом из социал-демократического профсоюза. Переговоры требовали времени, и Шлейхеру его катастрофически не хватало. Лидеры социал-демократов совершили грубую ошибку, отказавшись вести переговоры с «генералом-реакционером». Дальновидные люди, вроде Носке, опасались высказывать свое мнение. Шлейхер, по мнению Носке, был далек от образа идеального государственного деятеля, но что он мог сделать?

Очень скоро Шлейхер обнаружил, что переоценил степень влиятельности Штрассера в национал-социалистической партии. В январе стало ясно, сколь утопической была

идея Шлейхера расколоть партию; Гитлер обладал прямотаки гипнотическим воздействием на людей.

Тем временем Папен вернулся к мысли о союзе с национал-социалистами и поручил банкиру фон Шредеру договориться о встрече с Гитлером. В свою очередь, национал-социалисты умудрились устроить встречу Гитлера и Оскара фон Гинденбурга, сына и адъютанта президента, который до этого времени категорически противился назначению Гитлера на пост канцлера. Встреча происходила в доме Иоахима фон Риббентропа, гитлеровского специалиста по иностранным делам. Герр фон Ольденбург-Янушау, близкий друг Гинденбурга, который всячески убеждал президента разрешить своего рода диктатуру юнкеров, подхватил идею Папена, рассчитывая, что в таком случае появится возможность «отгородить гитлеровскую группу» здравомыслящими консерваторами. В конечном итоге Шлейхер пришел к мысли о борьбе с Гитлером. Гаммерштейн-Экворд был готов использовать для этой цели рейхсвер, и Шлейхер обратился к Гинденбургу с просьбой об особых полномочиях. Теперь доподлинно известно, что более опытные партии в рейхстаге потребовали отчета по деньгам программы вспомоществования Восточной Эльбе (Osthilfe), о чем уже упоминалось ранее. Возможно, отголоски разговоров о денежных обменах достигли ушей Гинденбурга, но нет оснований предполагать, что это явилось причиной его нерешительности в отношении принятия предложений Шлейхера. Тем не менее, он отказал Шлейхеру. Гинденбург был слишком стар, и он попросту уставал, когда возникала необходимость принятия трудоемких кардинальных решений.

В результате Гинденбург отстранил Шлейхера. Ни Шлейхер, ни Гаммерштейн-Экворд не предполагали, что предложенный кабинет с Папеном и Гугенбергом может стать причиной гражданской войны.

Что же следовало предпринять? Открытый государственный переворот, фактически предложенный Шлейхером, не входил в планы Гинденбурга. Кроме того, он опасался, что национал-социалисты могут предъявить ему обвинение в неконституционном поведении. Партия уже выдвигала подобные обвинения, угрожая роспуском прусского правительства. На Гинденбурга не повлияли даже предупреждения Гаммерштейна-Экворда, попытавшегося объяснить старому президенту, что произойдет, если Гитлеру удастся захватить власть. Гинденбург резко ответил, что лучше бы Гаммер-

штейн-Экворд сосредоточил все свое внимание на осенних маневрах. Однако, оценив объективность рассуждений Гаммерштейна, президент был вынужден признать, что такие люди, как Гитлер и его приспешники, не остановятся ни перед чем, и он довольно нескладно закончил беседу, сказав, что никто и не предполагает, что он хочет сделать канцлером «богемского капрала».

Но именно в тот момент Папен выдвинул идею о создании национального правительства с Гитлером в качестве канцлера, собой, Папеном, в качестве вице-канцлера и прусского премьер-министра, и группой консерваторов на основных государственных постах. Гинденбург согласился, и 28 января 1933 года Шлейхер сложил с себя обязанности, хотя и продолжал заниматься государственными делами до назначения преемника. Теперь рейхсвер представлял собой странную смесь авторитаризма и социальной справедливости. Эта политическая авантюра, как и все прочие политические авантюры со стороны военных, привела к провалу.

Основными кандидатами Папена на государственные посты были Нейрат на должность министра иностранных дел, Бломберг — министра рейхсвера, Гугенберг — министра торговли, граф фон Кросинг — министра финансов и Гюртнер — министра юстиции. Все они были хорошо известны Гинденбургу. Папен планировал дать пост и Дюстербергу, но тот отказался.

У Шлейхера оставалась единственная надежда, и связана она была с Бломбергом. 30 января Гинденбург должен был привести правительство к присяге. Бломберга, который вновь принял командование военным округом, пригласили в Берлин. Шлейхер и Гаммерштейн-Экворд видели в нем свой последний шанс. Они хотели попытаться перетянуть Бломберга на свою сторону и с его помощью объяснить президенту, что рейхсвер не согласится на новое правительство. Шлейхер отправил на вокзал адъютанта с приказом Бломбергу немедленно прибыть к главнокомандующему армией.

А тем временем Папен обсуждал с Гитлером и Гугенбергом состав нового кабинета в присутствии Дюстерберга и Геринга, бывшего капитана ВВС, которого прочили на должность министра внутренних дел. По словам Дюстерберга, Папен опасался, что, если кабинет не будет сформирован до 11 часов, Шлейхер с Гаммерштейном-Эквордом отдадут

приказ войскам вступить в столицу. Дюстерберг поинтересовался, от кого пришла эта информация. От молодого Гинденбурга, ответил Папен. Дюстерберг вышел, чтобы поговорить с сыном Гинденбурга, и нашел его за дверью. Оскар фон Гинденбург находился в состоянии крайнего возбуждения. Вероятно, он до последнего момента рассчитывал на то, что Шлейхер согласится с идеей Папена об «ограждении гитлеровской группы», а теперь получил сообщение о намерениях свергнутого канцлера. Он заявил, что лично встретит Бломберга и отплатит «предателю» Шлейхеру. На вокзале Бломберга встречали адъютант Шлейхера и Оскар фон Гинденбург.

С кем же должен был отправиться Бломберг? Казалось бы, в первую очередь он должен был предстать перед вышестоящим начальством, то есть перед главнокомандующим, Гаммерштейном-Эквордом. Но Бломберг отправился прямо к Верховному главнокомандующему, Гинденбургу. Шлейхер проиграл последнее сражение.

30 января 1933 года в 11 часов 15 минут новый канцлер, Адольф Гитлер, сын таможенного чиновника, вместе с группой консерваторов поклялся руководить делами государства. Несколько позже Папен заметил в разговоре с друзьями, что было бы ошибкой думать о захвате Гитлером власти. «Мы просто дали ему работу», — заявил Папен.

Глава 11
НЕНАДЕЖНОЕ ПАРТНЕРСТВО
Людвиг фон Бек — Рейхенау

I

По мнению большинства германских офицеров, «деятельность коричневых» не имела к ним никакого отношения. Их, безусловно, радовала перспектива перевооружения, а затем и революции (народного восстания, как называли ее многие) с санкции генералов, но это вовсе не означало, что армия собиралась отказаться от традиции оставаться в стороне. Однако нельзя обойти молчанием следующий факт. Развернувшаяся драма была настоящей революцией — беспрецедентным случаем психологического освобождения. Порождением подлинного энтузиазма. Люди искренне надеялись, что таким путем удастся восстановить в государстве порядок и дисциплину.

Прежде всего, Гитлер мастерски владел искусством возвращать надежду и, что более важно, воодушевлять народ мечтой, иллюзией. Народ превратил Гитлера в идола, и этот фактор стал определяющим в политике рейхсвера.

На тот момент у армии не было причин для недовольства. С назначения Бломберга на пост военного министра для министерства началась новая глава, в которой министерство получило такую власть, какой никогда не было у прежнего прусского военного министерства. Вступив в должность, Бломберг немедленно вызвал прежнего начальника штаба и назначил его своим заместителем (Chef der Ministeramtes). Рейхенау был тут же произведен в генералы и, можно сказать, стал первым реально значимым военным экспертом, безоговорочно принявшим диктатуру. Этот молодой генерал, с его хорошими манерами и моноклем в глазу, должен был казаться типичным юнкером, но значил гораздо больше, чем

типичный юнкер. У Рейхенау были наполеоновские амбиции, и, вероятно, он считал, что обладает способностями Наполеона. Он конечно же был генеральским сыном, но выпадал из привычного образа, поскольку в какой-то мере перенял энергию и напористость Вальдерзе. Но главное его отличие заключалось в том, что он разбирался в проблемах, касающихся современной армии. Он был признанным экспертом в части баллистики, признавал значение техники и, кроме того, осознавал важность такого фактора, как народные массы. Рейхенау верил, что Гитлер, понимая это, будет действовать во благо военным. «Парни в коричневом», считал Рейхенау, должны будут навести дисциплину.

II

Войсковое управление получило приказ относительно формирования армии, состоящей из двадцати одной дивизии, в условиях мирного времени. План предусматривал создание трехсоттысячной армии, оснащенной оружием тяжелого калибра и авиацией. В 1933 году Крупп смог начать производство танков; первая программа выпуска продукции шла под названием «План выпуска тракторов для сельского хозяйства». В августе 1933 года удалось изготовить пять, а в 1934 году сто танков. Первый танковый батальон носил название «автотранспортное учебное подразделение».

Был сформирован военно-промышленный штаб, преемник экономического штаба, под началом генерала Томаса, состоявший из отдела производства вооружения, отдела сырья и расчетного отдела. Ко всем военным округам был приписан штат инспекторов военно-промышленного штаба под командованием генерала, находящегося на уровне командира дивизии. Все это, конечно, держалось в тайне, поскольку Версальский договор все еще оставался в силе, хотя, после срыва переговоров о разоружении, шли упорные разговоры, что Германия не может вечно соблюдать условия договора.

Резко изменилась ситуация с воздушными силами. В министерстве рейхсвера был создан авиационный отдел под началом нового рейхскомиссара Германа Геринга. С этого времени пошел отсчет деятельности новых воздушных сил как независимого рода войск под началом человека, который никогда прежде не принадлежал к касте высших вое-

начальников, а теперь получил от Гинденбурга чин пехотного генерала.

Кадровым офицерам Генерального штаба выпало проведение трудоемкой подготовительной работы. А затем на сцене появились новые люди, вроде Мильха, быстро поднявшиеся до генеральских чинов. Воздушные силы раздирали противоречия. Кадровые офицеры Генерального штаба полностью сосредоточились на формировании военно-воздушных сил, в то время как новые люди, пришедшие из гражданской жизни, и по большей части летчики, воевавшие в войну (и конечно же фанатичные национал-социалисты), старались добиться независимого от армии положения.

На высшем уровне старались разрешить этот конфликт. Каждый из «большой тройки», Геринг, Гиммлер и Рем, в тайной борьбе за власть стремился сформировать свою собственную армию. Геринг, как министр внутренних дел, имел в своем подчинении полицию, организованную по военному образцу; Рем — СА, а Гиммлер — СС. Вскоре стало ясно, что Геринг к уже существующим у него подразделениям намеревается добавить воздушные силы.

К радости военных, некоторые положения, принятые во времена республики, были отменены. Не стало представителей от рядового состава, были восстановлены военные суды, и армия вышла из-под юрисдикции гражданских судов. Военные атташе получили назначения в Лондон, Париж, Рим, Москву и Вашингтон. Военная наука достигла больших успехов. Отставной генерал фон Кокенхаузен, ушедший в люфтваффе (Luftwaffe), создал немецкое политико-научное военное общество (Deutsche Gesellschaft fur Wehrpolitik und Wehrwissenschaft), умышленно выбрав для его регистрации 28 июня, годовщину подписания Версальского договора. В обществе собрались ведущие специалисты из разных областей, которые ставили целью изучение проблем, касающихся тотальной войны. Это была благодатная почва для геополитической доктрины генерала Хаусхофена.

III

Царящая повсюду атмосфера перемен таила определенную опасность для Генерального штаба, который, естественно, хотел восстановить свое прежнее положение. И он, ко-

нечно, добился бы своего, если бы только смог закрыть глаза на некоторые малоприятные вещи, творящиеся при новом режиме. Но как показало время, между национал-социалистической партией и Генеральным штабом имелись глубокие противоречия, видные невооруженным глазом. Постепенно Генеральный штаб осознал, что новый принцип «лидерства» абсолютно несовместим с его собственной традицией, согласно которой вся ответственность возлагалась на старшего по званию. К тому же Гитлер ставил перед армией трудновыполнимые задачи. Если всерьез рассматривать проект о введении всеобщей воинской повинности, то необходимо найти инструкторов, которые будут вести подготовку, рассчитанную на четырнадцатилетний срок службы. А это проблема. Из-за нехватки кадров осенние маневры 1933 года пришлось прервать. И наконец, Геринг.

Геринг руководил люфтваффе, совершенно не считаясь с требованиями армии. Помимо прочего, он оголил армию, лишив ее таких первоклассных генштабистов, как генерал Вевер, нынешний начальник штаба люфтваффе, полковник Штумпф, занимавшийся кадровой политикой, полковник Кессельринг, генерал Фельми, Вильберг и другие. К сожалению, эти люди не смогли передать традиции и дух старого Генерального штаба новому формированию.

Если и имелись определенные разногласия между новым и старым типом офицеров, то вскоре намного более сильный антагонизм развился в отношении отрядов штурмовиков СА, наводненных личностями, которых Генеральный штаб стремился уничтожить еще в 1919-м и 1920 годах. Новые формирования, служившие не государству, а идее, новой социорелигиозной доктрине спасения, состояли из двадцати четырех групп СА, приблизительно соответствующих армейским корпусам. В дни захвата власти группы СА при необходимости использовались в качестве вспомогательной полиции. С тех пор они стали орудием террора. Ряд руководителей СА, осужденных за убийство жен и связанных гомосексуальными отношениями, организовали «штабные отряды» и действовали по своим законам. Наиболее известны Карл Эрнст из Берлина и Эдмунд Хейнес из Бреслау. Рем сформировал собственную кавалерию, саперные и инженерные подразделения.

Одно из первых событий, случившихся при Гитлере, было связано со «Стальным шлемом». До этого «Стальной шлем» расценивался практически как продолжение рейхсвера, но

сторонники Гитлера усмотрели в этом определенный консерватизм. Теперь СА контролировали «Стальной шлем». Зельдте, первый руководитель «Стального шлема», ставший министром труда, не выдвинул возражений. Дюстерберг, возмущенный тем, что старые фронтовики попадают под начало педерастов, выразил протест Бломбергу и Рейхенау. Но ему объяснили, что в новых условиях это не тема для обсуждения.

Многое из германской действительности тех лет созвучно тому, что происходило в Италии в первые дни фашизма. Образования, подобные гитлеровским штурмовым бригадам (Squadristi), состояли по большей части из боевых офицеров, утративших социальную ориентацию. Эти люди, составлявшие ядро будущей фашистской милиции, столкнулись с яростным сопротивлением со стороны итальянских генералов. Кстати, создавая национал-социалистические воздушные силы, Геринг просто повторил созданные Бальбо фашистские воздушные силы, которые претендовали на ведущую роль в армии.

Людендорф учил, что отличительной чертой перевооружения Германии будет не введение всеобщей воинской повинности, а приобретение Германией *мировоззрения*, и это нацистское *мировоззрение* натолкнулось на ограниченного традицией прусского офицера.

Вполне естественно, что Гитлер приложил все усилия, чтобы вторгнуться в замкнутый мир офицерского корпуса. Любое тоталитарное государство рано или поздно сталкивалось с подобной проблемой. В Советском Союзе армия была превращена в орудие однопартийного государства ценой десятков тысяч жизней высшего офицерского состава. Итальянский вариант несколько отличается от русского, поскольку итальянские офицеры имели за спиной королевскую власть. В Германии внутренний конфликт так и остался неразрешенным. Гитлер добился определенного успеха, но в конечном счете часть офицеров, ревностных сторонников соблюдения традиций, восстала против него.

Офицеры чем дальше, тем больше ощущали собственную беспомощность. Шлейхер бесновался, зато Сект, когда ему доложили о состоянии Шлейхера, холодно заметил, что все, чем они занимались, стало теперь ненужной игрой. Гаммерштейн-Экворд предпринял гигантские усилия, чтобы вернуть прошлое, и попытался устроить совещание с Брюнингом и Шлейхером. Брюнинг, нашедший убежище в стенах берлин-

ского госпиталя, не проявил активности, хотя и был посвящен в довольно бестолковый план, направленный против режима.

Шлейхер не был готов покориться судьбе. Он не мог поверить, что, вновь завоевав доверие президента, связал себя по рукам и ногам. Нацистский террор, который уже привлек внимание всего мира, до настоящего времени касался евреев и членов партий правого крыла. Теперь он стал распространяться на бывших союзников Гитлера. Гинденбург вряд ли мог оставаться безучастным — по крайней мере, так считал Шлейхер.

Какова же была позиция командующих округами? Раушнинг, встревоженный оборотом событий, встретился с Браухичем, сменившим Бломберга на посту командующего 1-м военным округом, и Бломбергом. Рейхсвер должен соблюдать нейтралитет, заявил Браухич. В противном случае не может идти речи о перевооружении.

Бломберг отделался аналогичным ответом. Когда Герберт фон Бисмарк-Ласбек, консерватор из прусского министерства внутренних дел, задал подобный вопрос, Бломберг просто ответил, что он офицер и верен присяге. Бисмарк возразил, что говорит не с Бломбергом-генералом, а с Бломбергом-министром, который не может уклоняться от политической ответственности. Бломберг стукнул кулаком по столу и закричал, что отказывается вести подобного рода беседы.

IV

До настоящего момента все расчеты Войскового управления строились в надежде на поддержание хороших отношений с Россией и сохранение членства в Лиге Наций, но Гитлер, в основном из идеологических соображений, был готов пренебречь всеми расчетами. В 1933 году генерал Томас побывал в России и по возвращении попытался убедить Гитлера в необходимости поддержания отношений с Востоком. Гитлер заявил, что Россия способна создавать лишь «потемкинские деревни» и всегда будет оставаться разрушительной силой.

Когда Томас поднял вопрос о торговых отношениях с Китаем, где Сект занимался реорганизацией армии, Гитлер ответил, что его интересует только реальная политика. Идеи

ее полностью основывались на представлениях о конфликтах между славянами и германцами в былые времена. Славяне были врагами. Англия, Италия и Япония идеальными союзниками. Таким образом, рейхсверу пришлось отказаться от «курса на Россию», с недавнего времени ставшего «русско-китайским», хотя Советский Союз был готов забыть обо всех идеологических разногласиях между собой и Германией. В ноябре 1934 года на традиционном банкете в ознаменование Октябрьской революции Бломберг в последний раз поднял тост за Красную армию.

Пришлось отказаться и от миролюбивой политики в отношении Лиги Наций, когда комиссия по разоружению воспротивилась безоговорочно признать принцип равноправия в отношении вооруженных сил. Осенью 1933 года Гитлер вышел из Лиги Наций.

После выхода Германии из Лиги Наций Войсковое управление издало приказ об удержании линии Рейн—Шварцвальд на западе и по реке Одер на востоке. Военизированная полиция, железнодорожная охрана и таможенная служба поступили в распоряжение военных для оказания помощи в эвакуации на запад. Бломберг настаивал на получении им особых санкций. Он понимал, что армия слишком слаба, чтобы ввязываться в серьезные международные конфликты.

Тем временем Гитлер лично взялся за решение польского вопроса. Не посоветовавшись с армией, он приступил к переговорам с Пилсудским с целью заключить договор о сотрудничестве, который в результате был подписан в начале 1934 года. Этот договор компенсировал потерю дружбы с Россией, с которой Гитлер собирался разорвать отношения. Довольно странно, что именно в это время капитан Сосновский, польский тайный агент, сумел перехватить некоторые русско-германские планы о сотрудничестве в случае нападения Польши. Сосновский достал их через титулованных дам, секретарей министерства рейхсвера. С любой точки зрения это не слишком хорошо характеризовало Германию, показывая новым друзьям, чего стоит дружба с немцами.

V

В то время как удалось весьма удачно восстановить польско-германские отношения, произошли некоторые изменения в Верховном командовании. Адам, не скрывав-

ший враждебного отношения к новой власти, был освобожден с должности главы Войскового управления и принял командование 7-й дивизией в Мюнхене. За ним последовал генерал-лейтенант Бек, в то время командующий 1-й кавалерийской дивизией. Спустя короткое время Гинденбург присвоил Бломбергу звание генерал-полковника и назначил командующим тремя видами войск: армией, морскими и воздушными силами. В результате Геринг как главнокомандующий люфтваффе оказался в подчинении у Бломберга, хотя и не подчинялся ему как рейхскомиссар воздушных сил.

Бломберг, воспользовавшись расширением властных полномочий министерства рейхсвера, тут же превратил министерство в своего рода координационный штаб, которому должно было подчиняться Войсковое управление, морской и воздушный штабы. В результате перемещений Рейхенау, ставший кем-то вроде начальника Генерального штаба вермахта, был, естественно, доволен создавшимся положением. Все еще помнили, к чему привела несогласованность действий между Генеральным штабом и штабом адмиралтейства во время последней войны.

Появился отдел главнокомандующего, или отдел национальной обороны, где были собраны штабные офицеры трех родов войск. Подобная мера, которая была предпринята для того, чтобы в конечном счете подчинить Генеральный штаб, стала началом постепенного уменьшения его влияния.

1 октября, в этих не слишком благоприятных обстоятельствах, один из лучших стратегов армии, генерал-лейтенант Бек, принял на себя руководство Войсковым управлением. Бек не принадлежал к кругам прусского юнкерства; его отец был известным фабрикантом железных изделий. Одухотворенное лицо Бека с тонкими чертами напоминало лицо Мольтке-старшего, хотя обстоятельства, в которых он был вынужден действовать, резко отличались от тех, в которых находился Мольтке-старший. Если Мольтке-старший поднял Генеральный штаб на недосягаемую высоту, то Беку Генеральный штаб достался в состоянии упадка.

Когда Бек принял руководство Войсковым управлением, он находился всего лишь на четвертом уровне власти. На пути к верхнему уровню перед ним располагались министр рейхсвера, военное министерство и главнокомандующий армией. Бек столкнулся с неизбежным конфликтом между

традициями Генерального штаба, в которых сам был воспитан, и так называемыми «солдатами-политиками» революции с непомерно развитым честолюбием. Кроме того, у Бека началась скрытая борьба с Герингом, который, хотя и подчинялся Беку, как высшему руководству, по-прежнему претендовал на преимущественное положение.

Трудно было вести борьбу, находясь в столь невыгодном положении. Бек очень рассчитывал получить защиту со стороны, как он предполагал, главного советника — главнокомандующего, но Гаммерштейн-Экворд, будучи противником национал-социализма, утратил прежнее влияние. Он находился под надзором полиции и не делал ничего, по крайней мере открыто, чтобы поддержать Бека. Возможно, Гаммерштейн верил в способности Шлейхера избавиться от режима. А может, он воспринимал все излишне просто; он часто повторял, что это его большой грех.

Решимость Бломберга взять руководство армией в свои руки привела к дальнейшей потере влияния Войскового управления. В ведении вермахта теперь находился военно-промышленный штаб и управление разведки и контрразведки под началом Канариса.

Теперь несколько слов о Совете обороны рейха (Reichsverteidigungsrat), не путать с управлением национальной обороны (Abteilung Landesverteidigung). Совет был в основном занят с вопросами мобилизации. Изначально председателем совета был руководитель Войскового управления, но теперь руководство перешло к Рейхенау, пользовавшемуся доверием своего начальника, такого же солдата-политика, как и он.

VI

Гаммерштейн-Экворд, о котором позже Гитлер скажет, что видел в нем одного из опаснейших врагов, в конце 1933 года вышел в отставку. Рейхенау мог решить, что пробил его час, но заложенные Сектом традиции были сильнее его. Ни Рундштедт, ни Лееб не желали работать под его началом. Человеком, выбранным в качестве преемника Гаммерштейна-Экворда, был командующий 3-м военным округом генерал-лейтенант фон Фрич.

Мужественный Фрич соответствовал образцу офицера старой школы. Само собой разумеется, что он носил мо-

нокль. Придерживался консервативных взглядов. Однако на самом деле был человеком крайне восприимчивым, в некотором смысле эпигоном. Фрич отличался редким самообладанием.

Он разбирался в политике не больше чем остальные генералы. Фрич, безусловно, был христианином и монархистом и, как многие, потрясен необычайной популярностью Гитлера. Как-то он поинтересовался у Раушнинга, *что* может занять место национал-социализма, если Гитлер будет убит. Интересное высказывание!

На той стадии Гитлер не давал повода считать, что его политика нацелена на что-то иное, чем мир (взять хотя бы его договор о сотрудничестве с Польшей), и наверняка ни Фрич, ни Бек не испытывали желания воевать. Фрич отлично понимал, что Германия недостаточно сильна, чтобы воевать на несколько фронтов, а Бек особо отмечал, что Германия не может быть вовлечена ни в какую войну.

К сожалению, генералам было не дано услышать, о чем Гитлер распространялся за обеденным столом. Генералов там не слишком жаловали, вероятно, потому, что бывший капрал никогда не мог совладать с эмоциями в их присутствии. Этим, возможно, объясняется и то, что спустя какое-то время Гитлер слукавил, рассказав Кейтелю и Гальдеру, что был лейтенантом Баварского пехотного полка.

У Фрича не хватало времени, чтобы интересоваться проблемами внешней политики. Он был слишком занят внутренними вопросами, и СА не давали ему времени отвлекаться на что-то иное. В отличие от Шарнхорста и Гнейзенау Фрич не мог повлиять на политические процессы в армии; он строил армию заново.

Вполне естественно, что СА относились к армии с завистью и подозрительностью. Теперь, когда вновь вводилась всеобщая воинская повинность, армия могла вернуть себе значительное влияние как образовательная основа для народных масс, какой она и была всегда. Весьма специфическое воспитание, в котором монополистами стали СА и партия, заключалось в воспитании *мировоззрения*. Первым из множества конфликтов в духовной сфере была борьба за армейских капелланов, которых Фрич и Бек (а в особенности католики Лееб и Крессенштейн) хотели сохранить, а СА — упразднить.

Перед Фричем стояла непростая задача. В документе, который относится к 1938 году, он пишет, что когда принял назначение, то нашел груду руин. Гаммерштейн-Экворд не шевельнул и пальцем, занимая свой пост. Рейхенау, похоже, преследовал собственную политику, которая заключалась в попытке противодействовать СА, оставаясь в хороших отношениях с партией. Справедливости ради следует заметить, что Рейхенау действительно противостоял СА. В противовес СА он создал «солдатские союзы» из бывших военных, которые должны были стать основой резервной милиции. Это шло вразрез с идеей Рема об объединении СА и армии в единую милиционную (территориальную) армию.

Игры Рейхенау с партией заставляли армию постоянно испытывать чувство неуверенности, поскольку никто не мог сказать, куда может в следующий момент прыгнуть министерский ветреник. Что касается Бломберга, то Фрич уже служил под его началом. В целом он был высокого мнения о Бломберге, хотя считал, что для министра рейхсвера тот излишне интересуется модными идеями и, кроме того, легко поддается влиянию.

Таким образом, проблемы, связанные с СА, в большинстве случаев так и оставались нерешенными и зачастую мешали работе. К примеру, «пограничные отряды» были в значительной степени созданы с помощью «Стального шлема», а теперь «Стальной шлем» входил в СА. В результате «пограничные отряды» превратились в практически непригодное для использования орудие. И это не единственный случай. СА непрерывно требовали инструкторов, нанося тем самым вред армии. На пивных вечеринках, проводимых СА в Берлине и Бранденбурге, руководитель бригады Эрнст, бывший швейцар в гостинице, а позже вышибала в кафе, которое часто посещали гомосексуалисты, регулярно излагал идеи в отношении «народного Генерального штаба». Трудно сказать, что толкнуло Эрнста явиться к полковнику Гальдеру, начальнику штаба 9-го военного округа, с требованием ознакомить его с деятельностью штаба. Гальдер сообщил об этом Фричу. В итоге Фрич направил в Доберицбригаду в полной боевой выправке с приказом немедленно начать действия против СА. В Штеттине события приняли такой поворот, что фон Бок, командующий 2-м военным округом, запретил вход в любое военное учреждение людям в форме СА.

VII

Было трудно ожидать, что СА могут достигнуть временного соглашения с рейхсвером, руководством вермахта, общим управлением армии или с любым существующим на законном основании институтом. В течение 1933 года велись переговоры между представителем руководства вермахта, общего управления армии и обергруппенфюрером СА Крюгером в отношении поведения СА, не вызвавшие ничего, кроме ожесточенных споров. Несмотря на возникшие разногласия, Рейхенау согласовал план предвоенной подготовки гитлеровской молодежи. Кроме того, он организовал курсы военного обучения для студентов, и офицеры Генерального штаба были направлены в ведущие университеты в качестве инструкторов по так называемым «военным видам спорта». Вот отсюда и появилось словосочетание «оборонительная политика» («Wehrpolitic»).

Введенная СА обязательная трудовая повинность и даже скорее военные лагеря и так называемые спортивные школы по всей стране (Gelandesportschule) стали препятствием, как уже отмечалось, на пути единого военного воспитания. Вдобавок ко всему СА создали Управление оборонительной политики (Wehrpolitisches Amt), ставшее главным центром оборонительной политики национал-социалистов.

Все эти вопросы послужили поводом для ссоры Рейхенау с СА. Рейхенау и Бломберг потребовали ликвидации Управления оборонительной политики и установления контроля над всеми фондами, выделяемыми для военного обучения СА. К тому же они предприняли шаги в направлении детальной разработки обучающих программ для солдатских союзов.

Рем, как мы знаем, отрицательно относился к рабочим союзам, поскольку чувствовал в них угрозу для СА и опасался, что в один прекрасный день СА окажутся лишним. Он давно уже видел себя командующим революционной германской армией. Наиболее отчаянные руководители СА соглашались с тем, что захват власти 30 января не имел никакого отношения к революции: слишком мало пролилось крови. Из всех врагов им только с коммунистами и социал-демократами удалось свести счеты. Высшее общество, которое они ненавидели даже больше, чем левых, избежало кровопролития.

Руководству СА пришло в голову потребовать, чтобы впредь рейхсвер пополнялся только за счет членов СА, а

это означало, что постепенно армия должна была «революционизироваться». В этом случае группенфюреры СА заняли бы командные генеральские должности.

Преследуя свои цели, СА вряд ли бы четко соблюдали конституционную процедуру. В Нюрнберге Йодль заявил, что Рем кто угодно, только не революционер. Это означает, что Войсковое управление, где в то время служил Йодль, было готово с помощью силовых методов покончить с Ремом.

Столкновение между рейхсвером и СА было всего лишь отражением конфликта на высшем уровне. Борьба, по сути, шла не между Ремом и Беком и даже не между Ремом и Фричем, а между Ремом, Рейхенау, Герингом и Гиммлером. Геринг видел в Реме соперника в борьбе за управлением вермахтом; Гиммлера возмущало номинальное подчинение СА.

Гитлер, похоже, по крайней мере в то время, был скорее игрушкой, чем хозяином этих сил, тем не менее, ему требовалось срочно принять решение. Гинденбург долго не протянет, и хорошо бы ему (Гитлеру) привести в порядок дела, пока Гинденбург не назвал преемника.

В марте стало проясняться, каким образом Гитлер собирался решить проблему с СА. В министерстве рейхсвера он произнес речь перед командующими военными округами и группенфюрерами СА, в которой сравнил армию с «носителем герба», а СА с «ударными войсками» новой Германии. Речь едва ли уменьшила напряжение. Рем стоял как скала, и Гитлер потратил несколько часов, пытаясь заставить его проявить благоразумие.

VIII

В июне Папен выступил перед марбургскими студентами, в своей сенсационной речи заявив, что пора положить конец революциям и что пришло время восстановить порядок. Ответ не замедлил последовать, несмотря на то что Папен, в отличие от Геринга, Рема, Гиммлера и Рейхенау, не обладал теперь реальной властью. Геббельс запретил речь к распространению. Юнг, сотрудник Папена, был арестован. Геббельс и помощник Гитлера Рудольф Гесс пока только предупредили тех, кто полагал, что может пускать в свои гостиные людей, находящихся в оппозиции к режиму.

Если речь Папена произвела странное впечатление, то поведение Рема было еще более странным. Он отправил Фричу письмо, выразив надежду на мирное решение затянувшегося конфликта. Затем Рем поехал на отдых в Бад-Висзее, куда вызвал группенфюреров СА.

Едва ли Рем планировал путч. Но впоследствии Гитлер заявил, что получил донесения, согласно которым СА готовились к мятежу. Не вызывает сомнений, что эти донесения передали Гитлеру те, кто стремился подтолкнуть его к решению назревшего вопроса; Рейхенау, Геринг и Гиммлер не могли больше ждать. Гитлер был вынужден сделать выбор. СА, несмотря на численность, имели мало шансов по сравнению с оснащенной современным оружием армией. И Гитлер выбрал армию.

За несколько месяцев до этого Бломберг приказал нашить свастику на военную форму. 30 июня в «Volkischer Beobachter» появилась статья Бломберга о слиянии армии с государством. Это было решительным отходом от идеи Секта об изолированности армии. Таким образом, принцип «государство в государстве», во всяком случае официально, оказался похороненным.

В день появления статьи Гитлер санкционировал арест группенфюреров СА и Рема, своего близкого друга, с которым был на «ты». Одновременно с этим Геринг и Гиммлер начали действовать в Берлине. Пострадала не только старая гвардия СА, но и все, кто был в оппозиции к Гитлеру или связан с такими скандалами, как таинственная смерть племянницы Гитлера, которая якобы была его любовницей. Шесть молодчиков из СС расправились со Шлейхером и его женой прямо в их доме в Лихтерфельде. При схожих обстоятельствах был убит фон Бредов. Папена поместили под домашний арест. Фон Бозе, первый помощник Папена, был застрелен в собственном кабинете. В тот же день был убит Юнг. Дюстерберг сбежал. Его жена с помощью генерал-майора Гроппе смогла связаться со старым Ольденбург-Янушау, который проинформировал о происходящем Гинденбурга. Среди тех, кто выступил против Гитлера, были Кар, которого убили, и Шейссер, отправленный в концентрационный лагерь. Брюнинг ухитрился сбежать за границу.

А в это время сидящие в своих кабинетах Риф и Бек пребывали практически в полном неведении относительно происходящего, не зная, что Шлейхер, бывший министр рейхсвера, убит. Они слышали о перестрелке в кадетской школе в

Лихтерфельде, но на свой запрос получили ответ, что это внутреннее дело партии и вермахту лучше оставаться в стороне.

Когда генерал фон Витцлебен, командующий 3-м военным округом, узнал о расстреле «диких и развращенных руководителей СА», он пришел в восторг и заявил, что сожалеет о том, что не присутствовал там лично.

Однако Фрич был встревожен происходящим. Он попытался через секретную службу выяснить, что же произошло на самом деле. В тот день он присутствовал на званом обеде у министра иностранных дел фон Нейрата, который принимал принца Такамацу, брата японского императора. Принц опоздал почти на час, объяснив, что на улице, ведущей к дому Нейрата, выставлены кордоны. Нейрат решил, что СС, в связи с мятежом СА, приняли в отношении его меры предосторожности. Позже Фрич объяснил Нейрату, что в «черном списке», найденном в бумагах Рема, было его имя.

Страх нарастал. История в министерстве транспорта заставила многих министров опасаться за собственную жизнь. СС ликвидировали Клаузенера, лидера католического движения, прямо в министерстве. Когда министр фон Эльц-Рубенах спешно прибежал, чтобы выяснить, что произошло, ему объяснили, что если он не хочет получить пулю в лоб, то пусть лучше идет заниматься своими делами.

Через три дня после освобождения Папен посетил Фрича, который вместе с ним учился в Военной академии, и поинтересовался, почему тот не вмешивается в происходящее. Фрич ответил, что ничего не может делать без приказа Гинденбурга. Да, он слышал об убийстве Бредова и Шлейхера и заявил протест Бломбергу и Рейхенау. Шлейхер перестал быть солдатом, заявил Рейхенау. Печально, что он убит, но у любой революции есть недостатки. Папен попытался через общего друга связаться с Гинденбургом, но из этого ничего не вышло.

IX

Армия не высказала своей реакции ни на убийство двух выдающихся людей, ни когда убийцы были публично оправданы, ни когда Гитлер потребовал без суда и следствия расстреливать тех, кто просто подозревается в измене. Рунд-

штедт, Витцлебен и начальник его штаба, фон Манштейн, потребовали провести расследование. Бломберг и Рейхенау сохраняли молчание. В конце концов фельдмаршал фон Макензен пришел к Гитлеру с просьбой восстановить соблюдение приличий в общественной жизни. Гитлер проявил некоторое беспокойство и, немного помолчав, ответил: «Все так, но я ничем не могу помочь».

Порядка четырехсот штабных офицеров, присутствовавших на заседании шлифеновского общества, председателем которого был Макензен, приняли резолюцию, в которой заявлялось, что Шлейхер и Бредов заслужили почет и уважение. Прессе было запрещено сообщать об этом, и поэтому имена Бредова и Шлейхера оказались окутаны молчанием. Чтобы отвести внимание от убитых, было заявлено, что из-за постоянных происков они лишились доверия порядочных офицеров.

Рейхенау мог решить, что достиг политической победы. Революционная армия, являвшаяся соперницей его армии, была полностью ликвидирована, и СА уже не смогли оправиться от удара. Их численность по-прежнему оставалось большой, но они прекратили играть какую-либо роль в дальнейших событиях.

Однако если Рейхенау считал, что может поздравить себя с успехом, то он сильно заблуждался. 20 июля СС под руководством Генриха Гиммлера заявили о себе как о самостоятельной организации, и у армии появился новый соперник, более сильный и могущественный, чем СА. Теперь Гиммлер всерьез занялся превращением СС в вооруженную революционную армию.

Гиммлер начал с формирования вооруженных соединений для охраны отдельных личностей и организаций; среди прочих были такие, как «Лейбштандарте Адольф Гитлер» («Leibstandarte Adolf Hitler») — личная охрана Гитлера и подразделение «Мертвая голова» — для охраны концентрационных лагерей. Первые столкновения с армией произошли в Аленграбове. СС начали выкрикивать оскорбления в адрес Фрича и на более высоком уровне, когда в Восточной Пруссии фон Браухич предпринял попытку остановить СС, оснащенные тяжелым оружием.

Гитлер принял сторону армии и запретил оснащать СС артиллерией. Мало того, он дал армии право инспектировать подразделения СС с тем, чтобы обеспечить единообразие обучения. Но Гиммлер был упрям и не отказался от

борьбы, тем более что постепенно он становился одним из наиболее влиятельных деятелей рейха. Вскоре он уже командовал не только СС, но и полицией и гестапо. Так что для Бломберга и Рейхенау СС представляли самую большую опасность.

В разгар этой борьбы умер Гинденбург. Гитлер тут же издал приказ об объединении должностей канцлера и президента. Бломберг незамедлительно отреагировал на действия Гитлера. 2 августа, сразу же после известия о смерти Гинденбурга, Бломберг приказал армии принести присягу «фюреру и канцлеру». Для многих офицеров этот момент оказался критическим. В течение долгих лет Бек не уставал задавать себе вопрос, не обязан ли он был по долгу службы отказаться от присяги. Он будет часто, вспоминая о дне 2 августа, говорить о нем как о черном дне для германской армии. Однако были эти часы черными или нет, но клятва была дана, а сила клятвы велика.

X

Новый внешнеполитический курс Гитлера, прекращение дружеского соглашения с Россией и заигрывания с Польшей, его неуклюжие попытки добиться взаимопонимания с Италией весной 1934 года — все это вместе с убийством Дольфуса австрийскими национал-социалистами не могло не отразиться на сфере международных отношений. Барту (в 1913 году премьер-министр Франции, в 1934 году министр иностранных дел) предпринял попытку объединить Францию, Чехословакию, Югославию, Румынию, Польшу и Россию в некий союз государств.

В начале 1935 года Гитлер решил, что пришло время официально ввести всеобщую воинскую повинность, и публично объявил о создании военно-воздушных сил. Вопреки практике, которой он пока еще следовал, Гитлер до последнего момента не доводил до сведения военных властей своего эпохального решения. 14 марта Гитлер сообщил о намерениях своему адъютанту, полковнику Хоссбаху, и на следующий день информация дошла до Бломберга, Фрича и Бека.

Бломберг ужаснулся; он боялся международных осложнений, тем более что армия в ее теперешнем состоянии была абсолютна непригодна для решения международных

конфликтов. Фрич и Бек восприняли информацию более спокойно, хотя Фрич прилагал все усилия, чтобы объяснить Гитлеру, что переход на всеобщую воинскую повинность потребует времени и нет ничего, что нельзя было бы разрушить. Однако Фрич не отказался от этой идеи. Он рассматривал армию всего лишь как средство достижения целостности Германии и искренне верил, что именно этим руководствуется Гитлер в своей политике.

16 марта Гитлер публично оповестил о своем плане; он, как всегда, был многословен. Новая армия, сказал он, будет состоять из тридцати шести дивизий и двенадцати корпусов. Существенные изменения коснулись названий. Министр рейхсвера стал военным министром рейха, и Бломберг получил звание фельдмаршала. Командование сухопутными войсками было преобразовано в Верховное командование сухопутных войск (ОКХ). Войсковое управление сбросило маску и стало открыто называться Генеральным штабом сухопутных войск.

Ответом Франции на новые акции Германии, помимо увеличения срока военной службы, стало подписание соглашения о взаимопомощи с Россией. В ответ Гитлер вновь заявил о готовности Германии вступить в переговоры о разоружении. Кроме того, он заключил соглашение с Англией, налагавшее ограничения на военно-морское вооружение, на которое для Германии формально еще существовал запрет. Переговоры велись не через министерство иностранных дел, а через Риббентропа, личного советника Гитлера в международных делах. Гитлер был уверен, что услужливый жест в сторону Англии развяжет ему руки на Востоке.

Занимаясь дипломатическими авантюрами, Гитлер всячески избегал обращаться к военным советникам. Похоже, что тем самым он хотел обеспечить себе максимальную свободу действий. Это объясняет его нежелание консультироваться с компетентными, профессиональными солдатами перед объявлением о введении всеобщей воинской повинности. На самом деле Фрич и Бек считали абсолютно невыполнимой идею относительно тридцати шести дивизий и отдавали предпочтение плану Секта относительно двадцати одной дивизии, который уже существовал в зачаточном состоянии. В конце концов им удалось частично отстоять свою позицию, уменьшив число дивизий до двадцати четырех и добавив к ним две кавалерийские дивизии, одну са-

мостоятельную кавалерийскую бригаду для Восточной Пруссии и несколько танковых подразделений. Из этих подразделений были сформированы десять корпусов и распределены между тремя армейскими группами со штабами в Берлине, Касселе и Дрездене. В том же году инспектор моторизованных частей был назначен командующим в звании генерала танковыми войсками.

XI

Превращение Войскового управления в Генеральный штаб поставило Бека перед огромной проблемой. Теперь ему предстояло вернуть Генеральный штаб в то положение, которое он когда-то занимал в военной иерархии. Существенные изменения коснулись структуры штаба: к четырем существующим отделам добавились восемь новых. Бывший центральный отдел подвергся полной реорганизации. Каждый из отделов боевой подготовки и иностранных армий был поделен пополам. Появились новые отделы: технический, транспортный, картографический и топографический, военно-исторический, военного обучения, фортификационный. Отделы Генерального штаба были распределены между пятью обер-квартирмейстерами. В состав Генерального штаба входили девятнадцать военных атташе и различные вспомогательные службы.

Штат Генерального штаба состоял из ста девяноста офицеров. Менее трети составляли офицеры, призванные из запаса. Согласно данным 1938 года, более пятидесяти офицеров были титулованными особами. Очень высокий процент, если учесть, что в целом в армии было всего десять процентов титулованных офицеров.

Существовала опасность, что поспешное переформирование Генерального штаба может привести к непониманию стоящих перед ним задач. Бек осознавал эту опасность и попытался предотвратить ее, создав специальный отдел, занимавшийся изучением новых военных проблем, появившихся в свете недавних событий. Ни Гитлер, ни Бломберг не смогли по достоинству оценить этот шаг, и он остался незамеченным.

Незадолго до этого Бек бился над решением кардинальной проблемы. Этой проблемой была старая теория совместной ответственности. Вопрос заключался в том, будет ли

одобрена эта теория в условиях авторитарного государства, и Бек был вынужден обратиться в научный отдел с просьбой изучить проблему. Ответ был отрицательным, но, несмотря на это, Бек отдал распоряжение восстановить старый принцип. Это был серьезнейший шаг. Когда появилась возможность поднять бунт против Гитлера и его безумных методов ведения войны, по сути именно эта концепция совместной ответственности явилась для офицеров движущей силой.

Бек фактически смог возродить поколение генштабистов, воспитанных в традициях, заложенных еще Мольткестаршим. А это было ох как не просто. Ему, безусловно, помогали опытные, знающие офицеры, фон Манштейн, первый обер-квартирмейстер, один из наиболее перспективных молодых стратегов, и генералы Гальдер и Карл Генрих фон Штюльпнагель, второй и четвертый обер-квартирмейстеры; к ним следует добавить полковника Хоссбаха, адъютанта вермахта, представителя армии у Гитлера.

Штюльпнагель заслуживает отдельного упоминания как соавтор Бека. Ими были составлены новые инструкции поведения в боевых условиях. Кардинальная идея, заложенная Войсковым управлением, заключалась в «маневренной обороне». Фрич называл эту доктрину переходного периода «организованным бегством» и требовал заменить ее традиционной тактикой наступления. Будущее, к сожалению, показало, что ни Фрич, ни Бек не смогли перенести этот принцип в сферу политики.

Стремление Бека вернуть форму и основанную на прежних принципах школу Генерального штаба встретилось с непреодолимыми, как выяснилось, препятствиями. Ряд офицеров Генерального штаба во главе с Йодлем считали, что единственным оправданием существования Генерального штаба в современном государстве будет изучение в мирное время проблем, которые встанут во время войны. Как только вспыхнет война, следует сразу же применить принцип «лидера». Задача генштабистов заключается в том, чтобы стать «помощниками лидера», безукоризненными и непритязательными, а не ответственными советниками с независимыми суждениями.

Эти рассуждения шли вразрез с кардинальной идеей Бека. Ситуация осложнялась еще и тем, что в Генеральном штабе становилось все меньше офицеров (в том чис-

ле и командующих), которые прошли школу старого Генерального штаба, хотя их вполне хватило, чтобы занять командные посты в период Второй мировой войны.

На открытии в октябре 1935 года Военной академии (Wehrmachtakademie) Бек произнес довольно-таки примечательную речь. Выдав слова Мольтке «гений — это труд» за собственные, Бек сформулировал принципы деятельности Генерального штаба приблизительно следующим образом. Во-первых, логически мыслить, тщательно отрабатывать все ситуации и избегать поверхностных суждений. Затем, после того как все тщательно спланировано, приступать к решительным действиям. На принципы, лежащие в основе успешного ведения войны, подчеркнул Бек, не влияет техническая революция. Люди, а не машины настоящее орудие войны.

Речь, естественно, подверглась критике со стороны друзей Гитлера. Это и понятно. Бек не восхвалял нового Верховного главнокомандующего, к тому же речь отличалась «проклятой объективностью», в которой партия неоднократно упрекала Генеральный штаб. Гитлер, присутствовавший при этом событии, лишний раз уверился в том, что Генеральный штаб — «обычный клуб интеллектуалов».

Трагедия Бека, по сути, началась с того дня, когда он предположил, что его должность, соответствовавшая уровню его власти, будет гарантировать ему обособленность. В период с 1934-го по 1938 год у него состоялась только одна короткая беседа с Гитлером. По всей вероятности, Гитлер не видел необходимости в беседах с начальником Генерального штаба, и причина не только в ненависти и недоверии к Генеральному штабу как организации. Вероятно, в 1933—1937 годах Гитлер действительно верил, что может достигнуть цели мирным путем с помощью заключения договора с Британией и Италией. А может, считал, что еще не пришло время для фантазий, высказанных когда-то за обеденным столом.

Общество мало слышало о Беке. Для немцев имена Мольтке, Вальдерзе, Шлифена и Гинденбурга были связаны с конкретными делами. Совсем иначе было с Беком. Реорганизация армии и программа перевооружения были укрыты завесой тайны, скрывшей имя Бека.

Пожалуй, самая серьезная ошибка Бека заключалась в том, что он искал и устанавливал контакты с некоторыми противниками Гитлера. В этом Беку помогал Гаммер-

штейн-Экворд, который знакомил его с бывшими лидерами профсоюзов. Но что еще более важно, так это связь Бека с доктором Герделером, мэром Лейпцига, который был вынужден уйти в отставку, поскольку отказался принимать участие в политических играх Гитлера. Это были опасные связи, и их требовалось держать в секрете. Таким образом, народ, от которого так много зависело, продолжал оставаться в неведении относительно начальника Генерального штаба.

XII

На самом деле не Генеральный штаб был основным центром противостояния режиму, а Управление имперской безопасности адмирала Канариса и его центральный отдел под началом Ганса Остера, впоследствии генерал-майора. Управление занималось разведкой, диверсиями и саботажем, контрразведкой. Помимо основной деятельности, связанной с зарубежными странами, управление использовало агентов (порядка пятнадцати тысяч человек), работавших в штабах всех родов войск.

Канарис был довольно странным человеком, любящим вести опасную двойную игру. В глубине души яростный враг любого вида насилия, он был противником откровенно выжидательной политики Гитлера и, действуя тайно, но весьма решительно, саботировал планы Гитлера. Под его прикрытием работали еще более активные натуры, вроде Остера. Канарис действовал крайне осторожно, используя только антинацистски настроенных генштабистов. Кроме того, он крайне успешно действовал еще в одном направлении: обеспечил Бека эффективной разведывательной службой.

В течение какого-то времени между Гитлером и армией не было открытой вражды. Позицию Гитлера в отношении армии в первые годы наглядно иллюстрирует прием, который Гитлер оказал Секту по возвращении начальника Генерального штаба в 1935 году из Китая. Гитлер отправил генерала встретить Секта в Басле, а затем принял его в имперской канцелярии в присутствии Нейрата и Бломберга. Гитлер спокойно выслушал, как Сект пространно рассуждал о необходимости придерживаться определенного политического курса в отношении Китая. Сект был приятно

удивлен и счел Гитлера объективным, вежливым, человечным, но самоуверенным. Какое-то время Сект обольщался мыслью, что пользуется благосклонным вниманием Гитлера. А затем внезапно произошло то, чего он никак не ожидал. Риббентроп подписал антикоминтерновский пакт с Японией.

Хотя про себя Гитлер подсмеивался над китайской армией Сека, он поддержал кандидатуру генерала Фалькенхаузена, отличного солдата, в качестве преемника Сека в Китае. В 1938 году китайское вооруженное формирование под командованием Фалькенхаузена добилось блестящей победы над японцами в Шантуне, после чего японцы заявили протест, требуя отозвать Фалькенхаузена. Гитлер подписал приказ о возвращении Фалькенхаузена, и тот крайне неохотно, под угрозой репрессий в отношении семьи, был вынужден подчиниться.

В 1935 году высшее армейское командование еще не потеряло веру в возможность надежного сотрудничества с Гитлером, так что на ранней стадии борьба Бека была не чем иным, как попыткой восстановить для Генерального штаба то положение, которое занимал его имперский предшественник. На тот момент еще не существовало сколько-нибудь принципиального конфликта с режимом. Противоречия возникли в процессе решения организационных вопросов. В ряде меморандумов, подготовленных для Фрича, Бек подчеркнул тот факт, что, поскольку Германия континентальная держава, сухопутные войска являются ее решающей силой, а ими руководит Генеральный штаб. В таком случае отделы оперативного планирования ВМФ и ВВС должны подчиняться оперативному штабу сухопутных войск. Эти соображения были направлены в основном против Бломберга и вермахта с его отделом национальной обороны.

1 октября 1935 года Рейхенау принял командование 7-м армейским корпусом в Мюнхене. Его преемником на должности в военном министерстве стал Вильгельм Кейтель, сын которого женился на дочери Бломберга. Кейтель, бывший артиллерист, полностью придерживался мнения Бломберга, что в Германии произошла «величайшая в мировой истории революция», и армия должна смириться с условиями, продиктованными новой эпохой.

Кейтель стал продвигать человека, о котором уже было упомянуто и который сыграл важную роль в дальнейших

событиях. Этим человеком был Альфред Йодль. В 1935 году он возглавил отдел национальной безопасности и энергично принялся превращать его в оперативное управление военного министерства рейха. По мнению Фрича, Йодль был исключительно талантливым офицером, но прямо-таки патологически честолюбивым. Он, вне всякого сомнения, восхищался Гитлером, при этом испытывая определенное беспокойство. Йодль был выходцем из среднего класса и тяжело реагировал на взрывы ненависти Гитлера по отношению к офицерскому корпусу и среднему классу.

Как мы помним, первоначально Бломберг собирался создать собственный штаб. Но Йодль нацеливался на создание, при содействии отдела национальной обороны, своего рода верховного Генерального штаба, в чьем подчинении находились бы штабы армии, ВМФ и ВВС. В меморандуме от 5 декабря Бек, стремясь воспрепятствовать притязаниям Йодля, набросал схему для главнокомандующего армией. Он заявил, что главнокомандующего армией следует рассматривать как авторитетного советника кабинета и военного министра по всем вопросам, касающимся войны. В случае войны он должен командовать всеми родами войск и иметь полную самостоятельность. В чрезвычайной ситуации главнокомандующий, а не военный министр, должен быть последней инстанцией. Военный министр обычный координатор, который должен следить за тем, чтобы все рода войск действовали согласованно.

Все, что было написано в меморандуме относительно властных полномочий главнокомандующего, относилось также и к начальнику штаба. Отсюда становится ясно, насколько Бек стремился к восстановлению прежних отношений, существовавших между командующим и его начальником штаба. У Фрича с Беком имелись некоторые расхождения по этому вопросу. Фрич не испытывал желания за счет сокращения собственных полномочий позволить Беку обладать большими правами, чем другим руководителям ведомств.

Наконец все было улажено. Фрич подписал приказ, согласно которому на начальника Генерального штаба возлагалась ответственность за изучение всех вопросов, касающихся подготовки к войне и ее ведения. Это было компромиссным решением и в какой-то мере определяло положение Генерального штаба как мозгового центра армии.

Вполне понятно, что Фрич, поддержав предложения Бека, вступил в противоречие с Бломбергом. Бломберг, у которого и без того хватало проблем, увидел угрозу собственному положению. Он уже боролся с Герингом, но это был бессмысленный бой. Геринг, используя свое двоякое положение (главнокомандующий ВВС и рейхсминистр), смог обеспечить люфтваффе преимущественное положение.

Однако Фрич пока еще мог убедить Гитлера, что необходимо укрепить позицию армии. Приказом от 20 апреля 1936 года главнокомандующий сухопутными войсками был признан советником правительства по всем вопросам, имеющим отношение к войне на суше; Фрич и главнокомандующий ВМФ адмирал Рефер получили статус министров и могли приглашаться на заседания кабинета Гитлером или Бломбергом. Сложность заключалась в том, что кабинет не проводил заседаний, по крайней мере, заседаний, на которых принимались решения. Гитлер был одарен богатым воображением, но его нетренированный и недисциплинированный ум был не приспособлен к систематической работе. Кроме того, его постоянно преследовал страх, что, проводя заседания кабинета, он может неожиданно натолкнуться на сопротивление. Так что отчасти победа Фрича была номинальной.

Довольно любопытно, что склад ума Гитлера и его упорное желание пользоваться неконституционными методами оказывали на Бломберга такое же воздействие, как на Фрича. Долгое время должность военного министра оставалась мечтой создателей конституции. Теперь мечта осуществилась, но обстоятельства сложились таким образом, что должность оказалась чисто декоративной. Бломберг был не в состоянии выполнять министерские функции и оказывать влияние на политический курс. К счастью, он не был честолюбив и ограничился ролью простого солдата, выполняющего идущие «сверху» приказы.

XIII

Вот в таких условиях началась работа по восстановлению армии, и мало кто питал иллюзии относительно реальности поставленной задачи. Бек предполагал, что за семь-восемь лет удастся провести реорганизацию армии. Он был убежден, что только к 1942—1943 годам армия станет по-настоящему дееспособной.

Даже такой простой вопрос, как численность армии, вгонял Германию в безнадежную тоску. Франция, Польша и Чехословакия имели приблизительно девяносто дивизий, в то время как Германия с огромным трудом занималась формированием двадцати четырех. К концу 1935 года ни одна из них не была готова. Позже в Нюрнберге Йодль заявил, что период с 1935-го по 1936 год был самым тяжелым в германском перевооружении. Почти вся старая стотысячная армия была рассредоточена по небольшим учебным группам.

Колоссальная работа свалилась на Генеральный штаб и офицерский корпус. Обычно пехота рейхсвера превращалась в пять воинских единиц, но двадцать один пехотный полк вместе с подразделениями полиции были в итоге превращены в сто пять воинских единиц. Катастрофически не хватало хорошо подготовленных генштабистов, а значит, Генеральный штаб не мог надеяться, что удастся сохранить высокий уровень требований, предъявляемых к кандидатам. В этом случае страдал офицерский корпус в целом. Он переставал быть тем объединенным одной традицией закрытым сообществом времен Секта. Было призвано большое количество офицеров из числа ушедших в отставку, из младшего командного состава, из полиции. Кстати, неожиданно резко возросло число генералов. Если в 1932 году их было сорок два, то теперь их стало четыреста.

Офицерский корпус являл собой довольно пеструю картину. Офицеры отличались друг от друга уровнем образования, происхождением, политической ориентацией и, что самое главное, далеко не все соответствовали офицерскому званию. И это естественно, ведь офицерский корпус пополнился офицерами запаса и нацистами. Большое недовольство вызвал тот факт, что Рейнхард Гейдрих, бывший морской офицер, уволенный со службы за недостойное поведение и ставший шефом политической полиции, незаметно внедрил своих агентов в офицерский корпус. В армии появились генералы, получившие звания в СС, и среди них один, уволенный Шлейхером за национал-социалистические настроения.

Генеральному штабу приходилось в одиночку бороться с собственными проблемами. Штаб был настолько перегружен работой, что офицеры не могли, как это было принято раньше, уделять время работе в полках. Росло число спорных вопросов, и одним из них был вопрос, связанный с

ролью военно-воздушных и танковых сил. Что касается ВВС, то их роль в защите немецких территорий все еще оставалась непонятной. По мнению Бека, защита территории составляла основу всего планирования Генерального штаба. Геринг был уверен, что в новой войне ВВС окажется решающей силой, в то время как Гудериан считал, что решающая роль выпадет большим, более или менее самостоятельным танковым соединениям. Гудериан очень четко выразил свою точку зрения в книге «Внимание, танки!» («Achtung, Panzer!»), изданной в 1937 году.

Бек и Фрич были более консервативны, и, как правило, Генеральный штаб скептически относился к подобным высказываниям. Пока еще не было найдено удовлетворительных ответов на главные вопросы, связанные с эффективностью нового оружия, обеспечением топливом; не решены организационные проблемы. Кроме того, не стоило списывать со счетов кавалерию, и фон Погрель, последний генерал-инспектор этого вида войск, снискавший особое расположение Секта, упорно боролся за сохранение кавалерии.

На тот момент из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий был сформирован кавалерийский корпус, в состав которого вошли моторизованные разведчасти. В 1938 году было, наконец, принято решение преобразовать большую часть кавалерийских полков в танковые полки или в так называемые моторизованные полки (Kavalkrieschiitzregimenter) и сформировать три танковые дивизии и несколько так называемых легких дивизий. Оставшаяся кавалерия была распределена по корпусам и занималась разведывательной деятельностью.

Гитлер не желал иметь дело с лошадьми, сохраняя непоколебимую веру в двигатель внутреннего сгорания. Таким образом, идея Гудериана о введении в бой танков, мотопехоты, самоходной артиллерии и самолетов упала на благодатную почву. Позже английские обозреватели упоминали о революционном «танковом направлении» Гудериана и конкурирующем направлении, поддерживаемом Фричем и Беком, сохранившими веру в пехоту и артиллерию. Это было не совсем правильно. Как-то Гудериан, имея в виду штабную поездку в 1939 году, когда впервые было осуществлено развертывание с использованием большого количества танков, сказал, что «пенни падает только «орлом» вверх». Неправда, что Генеральный штаб был в принципе против танков. Про-

сто он взвешивал все «за» и «против», пытаясь найти разумное решение. Но Гудериан, насмехаясь над традиционным мышлением Генерального штаба (хотя многие генштабисты, бывшие артиллеристы, с энтузиазмом встретили появление танков), называл генштабистов «господами из конной артиллерии».

Тем временем несколько обособленно под наблюдением генерала Дорнбергера и отдела вооружения шла разработка ракетного оружия «Фау». Испытания ракет на жидком топливе возобновились в 1933 году в районе Куммерсдорфа, а так называемых «Фау-2» в следующем году в Боркуме. В 1936 году люфтваффе взяло дело в свои руки и построило полигон в Пенемюнде. Требовалось спроектировать ракету с радиусом действия пятьсот километров.

XIV

В свете этих событий стратегические идеи Бека поражают удивительной консервативностью, однако они основывались на детально продуманном плане. Бек, как никто другой, понимал, что живет в эпоху коалиционных войн и решающую роль играет экономический фактор. Исходя из этого ясно, что стратегическое положение Германии не только улучшилось по отношению к 1914 году, а стало намного хуже. Теперь никто не прикрывает Германию с юго-восточной стороны, поскольку Австрия ныне и не враг, и не союзник. Венгрия подверглась разоружению, в то время как Франция вооружила Чехословакию. Промышленные районы Германии теперь постоянно находились под угрозой нападения с воздуха.

Вспоминая 1914 год, когда Шлифен разработал свой гениальный план, Бек отчетливо понимал, что воздушная война изменила ситуацию. К тому же было мало надежды на Италию и Японию, которых в 1935—1936 годах Гитлер склонял на свою сторону как потенциальных союзников. Самое страшное, что у Бека не было резерва.

Имелось два пути выхода из сложившейся ситуации. Бек считал, что только один из них единственно правильный. Теперь, с учетом неудобного географического положения, государственные деятели, по его мнению, должны были любыми способами избегать вооруженных конфликтов. Гитлер думал иначе. Если само географическое положение вызыва-

ет трудности, то, заявил Гитлер, его надо изменить, то есть раздвинуть границы Германии до необходимых пределов. Произошло открытое столкновение сторонников политики силы и сторонников здравого смысла.

В 1935 году Людендорф издал книгу о тотальной войне, которая добавила Гитлеру уверенности. Людендорф настаивал на войне, ведущей к полному уничтожению одного народа другим. Диктатура была необходимым требованием подобной войны. Людендорф по-прежнему пользовался огромным уважением в военных кругах, и Генеральный штаб внимательно изучил его книгу, но... окончательно и бесповоротно забраковал ее.

Планы развертывания Бека абсолютно не соответствовали представлениям Людендорфа. Планы Бека были планами командующего, использующего все оборонительные возможности и реально оценивающего имеющиеся ресурсы. До 1935 года Генеральный штаб разработал только планы операции «Шулунг», которая вступала в действие в случае, если Франция применит санкции.

В 1935 году Бек приказал приступить к разработке операции «Рот», плана оборонительного развертывания на Западе. Согласно ему три небольшие армии должны были прикрывать Рейнскую область, в то время как четвертая во взаимодействии с силами, расположенными в Силезии, обеспечивать оборону с польской стороны. Безопасность границе с Чехословакией гарантировали подразделения ландвера. И наконец, в Центральной Германии должна находиться в резерве вновь сформированная армия. Были разработаны планы эвакуации из Силезии и, в случае необходимости, с побережья Балтики. Спустя несколько лет будет разработан оборонительный план «Грюн» на случай нападения Чехословакии.

Польша, несмотря на договор о дружбе, еще долго внушала серьезные опасения. В самом начале своей деятельности на посту начальника Генерального штаба у Бека был личный источник информации, начальник протокольного отдела министерства иностранных дел фон Бюлов-Шванте. В конце концов Бломберг запретил незаконную передачу информации. Кроме того, Бюлов-Шванте был на плохом счету у Гитлера. Конечно, имелись и другие источники информации. В конце концов Генеральный штаб пришел к выводу о необходимости изменения оборонительной системы на Востоке. В 1936 году были ликвиди-

рованы «пограничные отряды», и начались работы по сооружению оборонительной линии в районе Одер—Варта. Затем были проведены аналогичные работы на западе Германии. В результате с двух сторон Германию прикрывали оборонительные щиты. Удивительное совпадение. В то же время Йодль приступил к разработке планов по защите Восточной Пруссии.

XV

До 1937 года ни одно из высказываний Гитлера не наводило на мысль, что он обдумывает военные планы. Замечания, доходившие до Бломберга и Йодля, относительно неизбежности урегулирования отношений с Россией, едва ли можно было принимать всерьез. У адъютанта Гитлера Хоссбаха, начальника центрального отдела, который имел возможность часто встречаться с Беком, не создалось впечатления, что в 1937 году Гитлер вынашивал планы о войне. Хоссбах, конечно, не знал, о чем говорилось в ближайшем окружении Гитлера, а Гитлер уже сообщил ближайшим друзьям, что война необходима каждому поколению и он проследит, чтобы нынешнее поколение получило все, что ему необходимо.

Глава 12
БОРЬБА ПРОТИВ ВОЙНЫ
Фрич—Бломберг—Браухич

I

Хотя Бломберг и Кейтель занимали своего рода примиренческую позицию (в отличие от Бека и Фрича, которые пытались сохранить нейтралитет), отношения с национал-социалистической партией по-прежнему оставались напряженными. Партия прилагала все усилия, стремясь увеличить влияние в армии. Теперь ежегодно устраивались политические занятия для офицеров, на которых выступали Гитлер, Гиммлер и другие партийные лидеры. Партии иногда удавалось добиться увольнения генералов, не желающих сотрудничать с нацистами. К примеру, в 1935 году Юлиус Штрейхер добился увольнения командующего Нюрнбергской дивизией генерал-лейтенанта Штефануса.

Армии трудно было ожидать существенной поддержки слева. За редким исключением, социал-демократы избегали всяческих контактов с армией. Отдельные попытки рассматривались как нежелательные, поскольку отвлекали от основной проблемы, связанной с перевооружением. Самое важное, что генералы никогда не могли быть полностью уверены в своих солдатах.

При всем том консервативные круги по-прежнему пребывали в иллюзии, что Фрич подкарауливает СС, хотя на самом деле СС подкарауливали Фрича и использовали любую возможность, чтобы дискредитировать его. Параллельно СС настойчиво пытались создать собственную армию. В начале 1937 года вооруженные силы Гиммлера, включая личную охрану Гитлера, состояли из девяти батальонов и дивизии «Мертвая голова». Но Гиммлер хотел создать, ни много ни мало, регулярную армию и военно-воздушные силы СС.

II

Начиная с лета 1935 года Генеральный штаб рассматривал шансы на успех в том случае, если появится возможность ремилитаризации демилитаризованной зоны. Бек был против подобного проекта по двум причинам. Во-первых, план оккупации Рейнской зоны вел к нарушению Локарнского договора. Во-вторых, армия была еще не готова оказывать даже слабое сопротивление. Бломберг и Фрич тоже считали, что на данном этапе следует спокойно продолжить реорганизацию армии, а не ввязываться в подобную авантюру.

В 1935 году ситуация в Европе резко изменилась. Армия Муссолини в нарушение устава Лиги Наций вторглась в Абиссинию. Лига Наций проголосовала за принятие санкций, что не помешало Муссолини завоевать Абиссинию, но послужило поводом для разрыва отношений Италии с Англией и Францией, бросив Италию в объятия Гитлера.

В январе 1936 года Пьер Лаваль возвестил о своем намерении выяснить в парламенте вопрос о ратификации русско-французского договора о взаимопомощи. Теперь пришла очередь Гитлера. Внешне Гитлер всячески обхаживал Францию. Он оказывал знаки внимания бывшим военнослужащим и даже дал несколько интервью французским журналистам. Одновременно он заявил Бломбергу, что, по его мнению, русско-французский договор нарушает Локарнский договор (якобы потому, что подписанный русско-французский договор не был ратифицирован до конца года), а значит, Германия может вновь оккупировать демилитаризованную Рейнскую зону. Гитлер, естественно, не собирался выступать с официальным обвинением, он собирался поставить Запад перед свершившимся фактом.

Бломберг не счел нужным сообщить об этом Фричу или Беку, но в феврале Гитлер сам рассказал о своих намерениях Фричу. Поняв обеспокоенность Фрича, Гитлер объяснил, что поводов для волнения нет, поскольку Италия наверняка примет сторону Германии и, по мнению Нейрата, Запад не предпримет никаких решительных действий.

О предстоящей операции Бек и Генеральный штаб узнали только 6 марта, накануне вторжения в Рейнскую зону. Йодль пишет о реакции Бека на полученную информацию, как о состоянии игрока в рулетку, поставившего все на один номер. Наконец было решено максимально возможно ис-

пользовать собственные силы, чтобы в случае нанесения Францией контрудара свести собственные потери к минимуму. На деле территория была занята одной дивизией.

При первых признаках тревоги Франция сконцентрировала на границе с Германией для усиления линии Мажино тринадцать дивизий и запросила Лондон о возможности совместных действий. Военный атташе в Лондоне фон Швеппенбург заявил, что нет повода для беспокойства. Однако телеграфировал в Берлин, высказав свои опасения, и вскоре стало ясно, что с нервами у Гитлера и Бломберга ничуть не лучше, чем у Швеппенбурга. Получив известие из Лондона, Бломберг потребовал немедленного отвода войск. Гитлер позже признался, что, хотя и обвинил Бломберга в том, что тот потерял голову, очень надеялся, что в течение по крайней мере ближайших десяти лет ему не придется проходить через подобное испытание. Швеппенбурга отозвали из Лондона, хотя Бек считал, что, как офицер Генерального штаба, Швеппенбург имеет право высказывать собственное мнение.

Скоро стало ясно, что ни Франция, ни Англия не готовы предпринимать решительные действия. Очевидно, общественное мнение Англии не сочло необходимым вести борьбу за демилитаризованную зону. Гитлер одержал победу, ошибочно приписывая сложившееся в Англии положение влиянию Эдуарда VIII, который, как и принц Уэльский, проявлял некоторый интерес к национал-социализму. Гитлер обольщался мыслью, что король Британии захочет прийти к соглашению с Германией. С этой целью Гитлер всячески уверял англичан в своем стремлении к миру. Он заявлял, что «война не вернется», что Германия «лучше других знает, какие бедствия она несет», что «германские проблемы не могут быть решены военным путем». Мы не располагаем документами, которые бы свидетельствовали о том, сколько в этих словах было искренности, а сколько фальши.

III

Летом Гитлер ввязался в очередную авантюру. Когда Франко обратился с просьбой оказать помощь в военном мятеже против существующего правительства Испании, Гитлер принял решение помочь испанским мятежникам.

Возможно, он искренне считал, что над Испанией нависла угроза большевизма. Однако военные авторитеты воспротивились решению Гитлера, и в результате Франко не получил затребованных им трех германских дивизий.

Вместо этого Бломберг откомандировал в Испанию полковника Варлимонта в качестве военного советника и генерала фон Тома в качестве наблюдателя. Позже в Испанию было отправлено незначительное количество танков.

Прижимистость военных неожиданно вызвала у Геринга прилив энтузиазма. Он увидел блестящую возможность испытать люфтваффе. В Испанию был направлен легион «Кондор», состоявший из четырех бомбардировочных, четырех истребительных и одной разведывательной эскадрильи, не считая обслуживающего персонала и противовоздушных батарей. «Кондоровцы» иногда сталкивались со своими соотечественниками, воюющими в Интернациональной бригаде. Были случаи дезертирства из нацистской армии.

1936 год был отмечен двумя важными событиями: введением двухлетнего срока службы в армии, что дало возможность сформировать два дополнительных армейских корпуса, и смертью Секта. Он умер в декабре от внезапной остановки сердца. Сект был единственным германским военным, завоевавшим искреннее международное уважение. И он был единственным человеком, за которым, несмотря на раскол, по-прежнему был готов следовать офицерский корпус. Гитлер присутствовал на похоронах, но уехал, как только капеллан начал произносить проповедь. Не иначе это было предзнаменованием грядущих событий, когда вся работа покинувшего мир Секта пошла насмарку.

IV

На следующий год вновь актуальным стал вопрос отношений между Красной армией и рейхсвером. В Лондоне на похоронах Георга V Бломберг встретился со своим старым знакомым — начальником штаба Тухачевским[1].

В данном случае Бломберг и Тухачевский представляли правительства своих стран. В результате последовало приглашение присутствовать на осенних маневрах, которое позже

---

[1] Тухачевский был начальником штаба РККА с 1925-го по 1928 г., а с 1936 г. стал заместителем наркома обороны СССР.

Фрич распространил на генерала Уборевича, проходившего при Бломберге обучение в Войсковом управлении. Это привело к небольшому, но имевшему важные последствия инциденту. На обеде в присутствии Уборевича Фрич демонстративно поднял тост за Красную армию. Вероятно, Гитлер узнал об этом, и 30 января, в годовщину революции, крайне раздраженно заявил, что никому не дано права устраивать «попойки» с коммунистическими функционерами. Понятно, что этот злобный выпад был направлен в сторону Фрича.

Весной 1937 года Тухачевский приехал в Прагу для обсуждения вопросов военного сотрудничества с правительством Чехословакии и возвращался в Москву через Берлин. Спустя короткое время секретная служба Чехословакии узнала, что содержание переговоров стало известно германской разведывательной службе. Бенеш (президент Чехословакии в 1935—1938 годах) был глубоко возмущен и сообщил о полученной информации Сталину. Вскоре мир содрогнулся от известия, что Тухачевский и целый ряд высокопоставленных военных были расстреляны за государственную измену. Что более всего потрясло немцев, так это то, что почти все расстрелянные за измену офицеры прошли обучение в рейхсвере.

Прошел слух, что Тухачевский, известный своими непомерными амбициями, планировал с помощью немцев совершить переворот. Однако Гейдрих хвастался Канарису, что это он сдал «красных командиров», и сделал это по приказу фюрера, сфабриковав доказательства их измены. Слишком уж это похоже на триллер, чтобы быть правдой. В целом немецкие офицеры поверили, что Тухачевский действительно планировал военный переворот. Какой-то подозрительный журналист из Парижа пустил слух, что Тухачевского предал некий генерал Скоблин. Однако факт остается фактом. Диктатор поднял руку на офицерскую касту. Тогда никто еще не верил, что подобные методы возможны и в Германии.

Советские генералы были не единственными, кто наносил визиты вежливости за границу. В июне 1937 года Бек по собственной инициативе приехал с неофициальным визитом в Париж, где встретился с генералом Гамеленом и Даладье, в то время военным министром Франции, и посетил французский Генеральный штаб. Он хотел убедить французов, что Германия не помышляет о войне, а перевооружение Германии направлено только на защиту собственной страны, и ни на что больше. Бек искренне верил, что его визит принесет

ощутимые результаты. Примерно такие чувства испытывал находящийся в Лондоне фон Швеппенбург, стремясь завязать дружеские отношения с высокопоставленными британскими офицерами. Спустя месяц после поездки Бека в Париж стало ясно, что Гитлер изменил прежний курс. В июне Бломберг получил приказ привести войска в состояние боевой готовности. Вот тогда-то Бломберг издал свою знаменитую директиву с грифом «Совершенно секретно». Директива предназначалась командующим трех родов войск, и в ней указывалось, что ни западные державы, ни Россия не имеют намерения воевать и не готовы к войне. «Несмотря на эти факты, — указывалось далее в директиве, — неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне... Подготовка к возможной войне должна вестись в течение мобилизационного периода».

Спустя четыре месяца, а точнее, 5 ноября, Гитлер неожиданно вызвал командующих тремя родами войск, Бломберга, Нейрата и Хоссбаха, и изложил свое представление о создавшейся ситуации, чего он никогда не делал. Информация показалась Хоссбаху настолько важной, что сразу же после совещания он записал все, что говорил Гитлер. Эти записи фигурировали в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе.

Гитлер заявил, что проблемы Германии можно решить только с помощью силы. Остается ответить на вопросы: когда и где? Тут возможны три варианта. Вариант первый. Закончить перевооружение армии до 1943 года и занять наступательную позицию. Вариант второй. Если внутренний кризис во Франции разрастется так широко, что затронет армию и сделает ее неспособной воевать против Германии, настанет время действовать против Чехословакии. Вариант третий. Если Франция будет находиться в состоянии войны с другим государством, к примеру с Италией, то она не сможет выступить против Германии. Далее Гитлер заявил, что в первую очередь надо одновременно опрокинуть Чехословакию и Австрию, чтобы устранить угрозу на флангах в случае возможных операций на Западе. Япония может сыграть роль противовеса в отношении Советского Союза.

Намерения Гитлера, судя по всему, были известны большей части присутствующих, а теперь прояснились схема ги-

потетических возможностей и пути ее реализации, что произвело на слушателей ужасающее впечатление. Фрич и Бломберг тут же заявили, что нет никаких сомнений, что Англия и Франция вступят в войну с Германией, а вот второй и третий варианты вряд ли возможны. Что касается флангов, то Бломберг советовал обратить внимание на укрепленную полосу на севере Богемии. Фрич, собиравшийся поехать в Египет, был обеспокоен тем, что Гитлер предложил ему отложить поездку, и заявил, что в этом нет особой необходимости. Возможно, Гитлер почувствовал смутное опасение и решил, что Фрич может представлять для него опасность.

А может, виной тому был процесс обсуждения. Каждый должен был знать свое место. Гитлер открыто заявил о своем желании развязать войну, а его военный министр и главнокомандующий его армией заявили, что не хотят войны. Только Геринг сохранял хладнокровие. Гитлер, конечно, смолчал, что для него совершенно несвойственно. Остальные были глубоко встревожены. После этого совещания у Нейрата случилось несколько сердечных приступов; он прекрасно помнил «волю» Гинденбурга, высказанную преемнику: избавить Германию от войны.

После совещания у Гитлера Нейрат, Бек и Фрич собрались на Бендлерштрассе, чтобы обсудить, как отговорить Гитлера от его плана действий. Решили, что Фрич должен пойти к Гитлеру и объяснить невыполнимость, с точки зрения подготовленности армии, его плана. Нейрат, со своей стороны, должен делать все возможное, чтобы сохранить мир. Ни один из них не знал Гитлера и не понимал сложности ими же поставленной задачи. Гитлер просто не пожелал встречаться с ними. В конечном итоге Фрич отправился в Египет. Ему и в голову не пришло, что Гитлер отправил вслед ему гестаповцев, агентов Гиммлера, злейшего врага Фрича.

Фрич приказал Генеральному штабу пересмотреть план «Грюн» под новым углом зрения, чтобы понять, к чему приведет нападение на Чехословакию. Таким образом Фрич надеялся, предвосхитив намерения Гитлера, доказать всю несостоятельность его плана.

Трудно сказать, чем руководствовался Гитлер, раскрыв свои намерения, но мы все-таки попробуем догадаться. Как впоследствии рассказал Кейтель, Гитлер всесторонне изучил немецкую военную литературу, и положения, препод-

несенные им 5 ноября, были, по сути, обновленными идеями Гольца и Бернарди, выросших в условиях монархии и рассматривавших конфликт Германии и Чехословакии как вопрос первостепенной важности. Эти идеи засели в голове сторонника политики силы, абсолютно лишенного сдерживающих центров, вся мудрость которого заключалась в уверенности, что он послан для того, чтобы избавить мир от бремени несуществующих угрызений совести.

До недавнего времени Гитлер считал Фрича военным специалистом и предоставил ему свободу действий в формировании новой армии. Он зачастую отклонял просьбы партии, если они шли во вред армии. Возможно, раньше для него, как дилетанта, Генеральный штаб был чем-то вроде колдовской пещеры, в которой без перерыва готовятся планы наступательной войны. Теперь он осознал, что Генеральный штаб меньше всего стремится к войне и ему самому предстоит придумывать схему, чтобы довести до конца свои фантастические планы. Это вполне может объяснить внезапно вспыхнувшую враждебность по отношению к Фричу.

К сожалению, были те, кому эта враждебность была только на руку. Трое соперников видели во Фриче препятствие для осуществления своих целей. Рейхенау, даже сменив службу в военном министерстве на командование в Мюнхене, все еще надеялся стать главнокомандующим армией. Геринг был уверен, что остальные рода войск должны подчиняться люфтваффе. Все мечты Гиммлера были об СС. Вдобавок ко всему Геринг считал, что Фрич способен совершить военный переворот.

V

Когда-то Людендорф предостерегал Фрича относительно Гитлера и говорил, что уверен, этот человек предаст Фрича так же, как предавал других. Людендорф имел опыт общения с «herr Hitler», как он упорно называл его, хотя Гитлер давно уже считал себя фюрером. Однако даже Людендорф вряд ли мог полностью понять этого человека. В любом случае его предостережения не имели для Фрича большого значения, тем более что в декабре 1937 года Людендорф умер.

На похоронах Людендорфа произошел небольшой инцидент, который стал началом страшных событий в жиз-

ни Германии. Бломберг по секрету сообщил Гитлеру, что хочет жениться (Бломберг был вдовцом), но дама, которой он сделал предложение, как говорится, «с прошлым». Гитлер, ничуть не смущаясь, дал благословение. Затем Бломберг подошел к Герингу и признался, что статус дамы не соответствует его положению. Геринг ответил, что теперь люди в рейхе проще смотрят на такие вещи. К тому же он сам женат на разведенной актрисе.

Свадьба состоялась 12 января 1938 года. Гитлер и Геринг были свидетелями. «Фельдмаршал женился на фрейлейн Грун». Вскоре после свадьбы Геринг передал фон Хелдорфу, начальнику берлинской полиции, документ, из которого явствовало, что прошлое фрейлейн Грун по меньшей мере сомнительное. Хелдорф передал документ Кейтелю. Сначала Кейтель решил замять дело. Ему не пришло в голову поговорить с Фричем или Беком, не говоря уже о Бломберге. Тем временем уже поползли слухи о новой фрау фон Бломберг, и анонимный абонент позвонил Фричу и поинтересовался, знал ли он, что военный министр женился на шлюхе.

В это время Нейрат наконец добился встречи с Гитлером и объяснял, насколько обеспокоены генералы планами Гитлера. Нейрат попытался убедить фюрера, что, если он будет терпелив, все поставленные им цели удастся достичь мирными средствами. Гитлер ответил, что не может ждать, на что Нейрат ответил, что не хочет испытывать чувство вины за сотрудничество в подобного рода делах. Вполне возможно, что именно после этого разговора Гитлер решил принять меры против бунта, который, как он чувствовал, назревает в министерстве иностранных дел и в Генеральном штабе.

Если Гитлер собирался нанести удар, то все обстоятельства складывались в его пользу. Прежде всего, к концу января почти все генералы находились в Восточной Пруссии, принимая участие в штабной поездке под руководством фон Рундштедта. В это же время генерал Витцлебен, командующий 3-м военным округом, один из немногих, кто не боялся Гитлера, заболел и остался в Дрездене. И это еще не все.

24 января Геринг выложил перед Гитлером досье, собранное на жену Бломберга. Возможно, что тогда же он показал документы, имеющие отношение к Фричу. За Фричем, по возвращении из Египта, по-прежнему тенью следовали агенты гестапо. Что же касается жены Бломберга, то, согласно документам отдела полиции, связанного

с проституцией, она была обычной «ночной бабочкой» и однажды задерживалась за продажу порнографических открыток. С Бломбергом все было ясно, и Гитлер переключил мысли на Фрича, поскольку он мог стать преемником Бломберга. Учитывая такую возможность, Геринг и Гиммлер запаслись документом, компрометирующим Фрича. Что же это был за документ? Свидетельские показания некоего Шмидта, известного шантажиста, да еще и гомосексуалиста, что в ноябре 1934 года в Потсдаме на товарной станции Фрич совершил развратное действие. Гитлер уже видел этот документ в 1935 году и приказал его сжечь. Само собой разумеется, что приказ не был выполнен.

На следующий день Гитлер рассказал Хоссбаху о бумагах, попавших ему в руки. Хоссбах, зная о плетущихся интригах, заявил, что это не более чем грязная попытка дискредитировать командующего армией. Тогда Гитлер попросил Хоссбаха пригласить Фрича к нему на завтрашний вечер, но строго-настрого запретил говорить о причине вызова. Хоссбах все-таки решил предупредить Фрича.

«Это грязная ложь!» — такими были первые слова Фрича. Он не имел понятия, что стоит за всей этой возней. В голову воспитанному в традициях старой школы Фричу никогда не закрадывалась мысль, что глава шестидесятимиллионного государства может прибегнуть к бандитским методам ради достижения политических целей. В этот момент Фрич думал только о том, что задета его честь.

Теперь Гитлер имел компромат на причиняющих беспокойство лидеров армии, Бломберга и Фрича. Хотя он часто хвастался своей способностью принимать молниеносные решения, в действительности он не был наделен этой способностью и руководствовался скорее интуицией, чем здравым смыслом. Он весьма смутно представлял, как следует действовать в конкретной ситуации. Тем не менее, 26 января он вызвал Бломберга, и в середине дня Йодль через Кейтеля узнал об отставке Бломберга. Кейтель рассказал Йодлю, что Гитлер хотел 30 января сообщить народу суть дела, но в таком случае скандал вокруг Бломберга затронул бы тех, кто был свидетелями у него на свадьбе.

Позже Кейтель рассказывал Йодлю (в глазах у него стояли слезы), что он посетил Фрича и Редера, чтобы обсудить вопрос о преемнике Бломберга. В тот момент Йодль знал, что Бломберг как-то предлагал Геринга в качестве своего

преемника, но Гитлер не согласился с его предложением. Даже Герингу нельзя было давать слишком много власти.

Посыпались предложения. Хоссбах предложил создать три министерства (для каждого рода войск) во главе с министром сухопутных сил. Гитлер, Геринг и Гиммлер категорически забраковали такой вариант; он им пришелся не по вкусу. Решение, наилучшим образом устраивавшее Гитлера, исходило от Бломберга. На следующий день, объявив о своем уходе, Бломберг в качестве своего преемника предложил кандидатуру Гитлера. Действительно, логичный результат всей политики Бломберга, но с точки зрения генералов, последователей Секта, это была измена. Кроме того, Бломберг сказал Гитлеру, что Фрич вполне может иметь нетрадиционную сексуальную ориентацию. Фрич, объяснил Бломберг, всегда был чудаковатым, никогда не был женат и не имел никаких отношений с женщинами.

Судьба Фрича была решена. Дрожащий от гнева, не чувствуя под собой ног, вечером 26 января Фрич появился у канцлера. Он всегда считал, что Гитлер доверяет ему. Он дал Гитлеру слово чести, что документы заведомо ложные. Но честное слово прусского генерала и дворянина ничего не значило для Гитлера. Он лично устроил Фричу очную ставку со Шмидтом, с этим вымогателем, человеком, имевшим судимости. Шмидт заявил, что узнал Фрича. Геринг присутствовал на «очной ставке», и, естественно, поверил Шмидту, а не генералу. Внешне спокойный Фрич покинул кабинет Гитлера, но это был уже сломленный человек. Он не мог поверить, что подобные вещи происходят в Германии.

Далее полковник Хоссбах предложил заслушать начальника Генерального штаба, и той же ночью к канцлеру был вызван Бек. Гитлер показал Беку документы и спросил, не занимал ли Фрич у него деньги, ведь надо же ему было расплатиться с шантажистом. Бек с негодованием отверг это предположение. Но даже на такого проницательного, дружелюбного и порядочного человека, как Бек, произвели впечатления доказательства, представленные Гитлером. Хоссбаху стоило огромного труда разъяснить Беку истинную природу вещей, суть закулисной игры, благодаря которой был опорочен безупречный офицер.

Теперь встал вопрос, как поступить с Фричем. Гитлер и Геринг хотели устроить показательный суд, но существовала альтернатива в виде военного суда. И вот тут-то Фрич

совершил грубую ошибку. Строго говоря, он подпадал только под военную юрисдикцию, на восстановлении которой сам же и настаивал. Абсолютно уверенный в своей невиновности, он, получив повестку, не задумываясь, пришел в штаб гестапо.

С этого момента агенты гестапо стали врываться среди ночи в казармы и арестовывать тех, кто когда-либо был ординарцем Фрича. В этом не было ничего странного, ведь нужны были свидетели безнравственного поведения Фрича. Дежурные офицеры не отваживались помешать действиям гестаповцев. Было что-то зловещее в том, что тот же самый полицейский чиновник, который отвечал за эти действия, направил полицейский наряд, расправившийся со Шлейхером и Бредовом.

Против генералов сплотилась огромная сила, но, самое главное, генералы больше не были уверены в беспрекословном подчинении армии. Военно-морской флот принял самое простое решение: сохранял нейтралитет. Люфтваффе подчинялось непосредственно Герингу, и этим все сказано. Против армии выступали национал-социалистическая партия, полиция и гестапо. Кроме того, диктатура владела всеми средствами связи, включая прессу и радио. Генералы попросту не имели возможности обратиться к народу. Но в любом случае, как бы им удалось оправдаться перед рабочим классом, которого гитлеровская программа перевооружения наконец-то избавила от безработицы? Но даже не это было самым слабым местом. Генералам был необходим вдохновитель, человек не просто решительный и смелый, а известный, завоевавший уважение народа. Увы, такого человека в генеральской среде не существовало.

VI

27 января, после отъезда Бломберга в Италию, Гитлер вызвал Кейтеля. На тот момент Гитлер настолько мало знал начальника вермахта, что называл его «генерал фон Кейтель». Он пожаловался, что чувствует себя, как никогда, одиноким, и Кейтель должен разделить его одиночество. Кейтеля, человека невероятно простодушного, тронуло это откровение; Гитлер покорил его сердце. С этого момента установилась личная связь между Гитлером и Кейтелем, которая продолжалась до самого конца.

Вполне естественно, что эти двое обсуждали вопрос о возможном преемнике Бломберга и пришли к выводу, что им должен стать начальник штаба кронпринца фон дер Шуленбург, член партии, но в душе консерватор. Другими кандидатами, как вы помните, были Рундштедт, Штюльпнагель, Лееб и Рейхенау. По мнению Гитлера, Рундштедт был слишком стар, Штюльпнагель враждебно относился к национал-социализму, а Лееб был католиком. Рейхенау казался наиболее перспективным кандидатом, но Кейтель убедил Гитлера, что Рейхенау ограниченный и неуравновешенный человек. После разговора с Гитлером Кейтель объяснил Йодлю, что давно знал, что Фрич извращенец и он должен уйти.

В качестве преемника Фрича Кейтель предложил кандидатуру фон Браухича, который с 1937 года командовал вновь сформированным 4-м армейским корпусом. Браухич был вызван в Берлин, где, к огромному раздражению Бека, не соизволил явиться, как того требовал устав, к старшему по званию офицеру в командовании армии, каковым на данный момент являлся Бек. На самом деле, хотя Браухич мог этого и не знать, Бек был неудобен Кейтелю, самому влиятельному человеку за кулисами военного министерства. Бек стремился упрочить положение Генерального штаба, ввести в его состав отдел национальной обороны. Это не устраивало Кейтеля. Его больше заботило собственное положение, а уж никак не упрочение позиций Генерального штаба. Поэтому, встретившись с Браухичем, Кейтель в первую очередь поинтересовался, готов ли он, как командующий армией, составлять единое целое с национал-социалистами и станет ли действовать совместно с новым начальником штаба. В то время Браухич начал дело о разводе и попросил дать ему время, чтобы обдумать предложение. Помимо семейных проблем, Браухич был тогда большим поклонником Бека, и ему не понравилась идея о замене начальника штаба. Но в конечном итоге он согласился. Еще до того, как Браухич дал согласие, у него состоялась беседа с Гитлером в присутствии Рундштедта. Во время беседы произошел весьма примечательный инцидент. В связи с армией Гитлер упомянул о чести. Рундштедт, бесцеремонно прервав фюрера, заявил, что армия не нуждается в его наставлениях по вопросам чести. Гитлер никак не отреагировал на эту дерзость.

Вопрос о возможном преемнике Бломберга все еще оставался нерешенным. Рейхенау по-прежнему был наиболее

подходящим кандидатом, хотя Рундштедт прямо заявил, что армии не нужен «партийный генерал». После долгих обсуждений Гитлер в конце концов проговорился Кейтелю, что надеётся с его помощью принять на себя командование вооруженными силами.

Уж лучше бы Рейхенау возглавил вермахт! Военное министерство перестало существовать. На базе преобразованного министерства было создано Верховное командование вооруженными силами, OKB (Oberkommando der Wehrmacht), под руководством Кейтеля. Гитлер вынашивал идею заменить Бека Гальдером, но Гальдер был католиком, а это, по мнению Гитлера, было так же нежелательно, как стремление придерживаться прусских традиций. Благодаря вмешательству Йодля Бек остался начальником Генерального штаба.

Предполагалось 30 января объявить о происшедших изменениях, но на самом деле было объявлено только 4 февраля. В этот день народ с удивлением узнал, что военный министр и главнокомандующий армией ушел в отставку по состоянию здоровья; но он был не единственным, чье здоровье оказалось неожиданно подорванным. Сторонний наблюдатель мог решить, что страшная эпидемия подкосила ряды высокопоставленных офицеров рейха. Болезнь настигла Риттера фон Лееба, командующего 2-м армейским корпусом, генерала Тутца, инспектора военных школ, генерала Нибельшютца, командующего 8-м армейским корпусом, Погреля, инспектора кавалерии, и фон Крессенштейна, командующего 12-м корпусом. Были и другие жертвы. Некоторые из вышедших в отставку принимали участие в мюнхенском путче. В то же время Гудериан занял место Лутца, а Геринг получил звание фельдмаршала.

В рядах дипломатов тоже обнаружились потери. Сын фельдмаршала Макензена и генерал-майор Отт стали, вместо фон Хасселя и фон Дирксена, послами в Риме и Токио соответственно. Нейрата сменил близкий друг Гитлера Риббентроп. Правда, в этом случае дело обставили так, словно отставка была связана с новым назначением. Нейрат возглавил вновь созданный тайный совет министров. В результате этот высший государственный орган, ни разу не собравшись, так и остался лишь в проекте.

Зарубежные газеты, ясное дело, соперничали в предоставлении сенсационной информации. По одной из версий, Фрич планировал переворот, стремясь восстановить монар-

хию и объявить принца Фридриха Прусского императором Германии. К официальному сообщению репортеры отнеслись с присущим им скептицизмом, и министр пропаганды, потеряв терпение, был вынужден принять группу иностранных журналистов, чтобы официально заявить им, что если кто-то отказывается верить в отставку генералов по состоянию здоровья, то это его личное дело, но он не собирается отказываться от официальной версии.

В тот же день, 4 февраля, Гитлер пригласил ведущих генералов и ознакомил их с преступлениями, в которых обвинялись Фрич и Бломберг. Генералы выслушали фюрера в полном молчании (к огромному облегчению Гитлера, который без памяти боялся этой встречи). На следующий день в кругу близких друзей из СА Гитлер заявил, что теперь ему точно известно, что все генералы либо трусы, либо дураки. Позже Геббельс признался, что партия боялась не столько монархического путча, сколько коллективной отставки всех высокопоставленных офицеров.

Теперь, в соответствии с прусским уставом, коллективная отставка рассматривалась как бунт. Геринг, тем не менее, предполагал такую возможность, что говорит о том, насколько мало значения придавал этот аморальный, законченный циник воинской присяге, данной солдатом. Генералы утратили всякую связь с реальностью. Большинство из них считало, что происходит обычная перестановка. Они не понимали, что Гитлер полностью подчинил себе армию. Позже Погрель сказал, что в тот момент армии не оставалось ничего, как устроить марш протеста, но если бы он высказал свое мнение, то остался бы один.

Фон дер Гольцу, защитнику Фрича, удалось доказать, что люди, замешанные в заговоре, оказали давление на Шмидта, чтобы он дал ложные показания в суде. В результате Фрич был оправдан. Но широкой публике ничего не было известно о происходящем. Она не знала, что перед судом гестапо замышляло убить Фрича и планировало представить это убийство как суицид. Общественность не знала, что начальник Генерального штаба счел необходимым обеспечить охрану Фричу и попытка убийства сорвалась только потому, что рота пехоты демонстративно занялась строевой подготовкой рядом с заброшенным домом, где гестапо допрашивало Фрича.

Об этом не было известно даже в армии. Люди вроде Бека, если хотели остаться на прежних местах, действова-

ли в те дни крайне осмотрительно. Бек считал, что у него есть все основания сохранить свой пост. Будучи начальником штаба, он мог, по крайней мере, предотвратить войну. Он все еще верил, что Генеральный штаб способен оказывать влияние на проводимую режимом политику. Бек не хотел бороться с Гитлером. Он надеялся завоевать его. Но Бек уже остался в одиночестве. Поначалу Рундштедт полагал, что после оправдания Фрича удастся поставить на место Кейтеля, но об этом не могло быть речи. Все зашло слишком далеко.

Преобразования привели к созданию личного штаба Гитлера, в результате мало чем отличавшегося от военного кабинета прусских королей и германских императоров. Как только Бломберг исчез из поля зрения, отдел национальной обороны, который во время войны получил название штаб оперативного руководства (Wehrmachtfuhrungsstab), узнал свое истинное предназначение. Гитлер превратил его в орган, который снабжал своего фюрера информацией, рассылал и контролировал выполнение его приказов.

Новый военный кабинет (Верховное командование вооруженных сил ОКВ) умудрился добиться недосягаемого положения, о котором не мог и мечтать военный министр. В его состав входил штаб оперативного руководства, который, в свою очередь, состоял из массы отделов и подотделов.

Когда Браухич в очередной раз вернулся к своему предложению о повышении статуса Генерального штаба, Кейтель попросил Йодля передать Браухичу, что в современной войне на первый план выходят экономические вопросы и пропагандистские приемы, а не вопросы стратегии. Решающее значение приобретает проблема использования человеческих ресурсов, а не планы развертывания. Так что наряду с Генеральным штабом должен действовать штаб оперативного руководства.

Теперь многое зависело от человека, который стал начальником штаба Верховного командования вооруженных сил. Вильгельм Кейтель был сыном землевладельца из Брунсвика. Служил в артиллерии, а с 1915 года в Генеральном штабе. В рейхсвере он выполнял и полковые, и штабные обязанности, а с октября 1935 года занял пост начальника штаба вермахта, по его собственному определению, начальника штаба при военном министре. Кейтель был трудолюбивым и осмотрительным человеком.

На Нюрнбергском процессе Кейтель говорил о себе как о простом солдате, который старался честно выполнять возложенные на него обязанности. Он служил при императоре, Эберте, Гинденбурге и Гитлере и на выдвинутые судом против него обвинения отвечал, что солдат должен верить своему правительству и исполнять приказы. Кейтель изображал себя обычным военным специалистом, человеком, далеким от всего, что не было связано с его профессиональной сферой деятельности. По его словам, он был типичным представителем Генерального штаба. Нет оснований сомневаться в его искренности. Далекий от политики Кейтель был убежден, что национал-социалистическая революция является наиважнейшим событием, когда-либо происходившим в мире.

Не следует забывать и о деньгах, в отношении которых Гитлер был щедрее, чем все, вместе взятые, прусские короли. Свое влияние оказали и вполне естественные честолюбивые устремления. Один из сыновей Кейтеля признался, что отец надеялся основать что-то вроде династии, и действительно, как минимум трое мужчин, носивших фамилию Кейтель, стали генералами. При всем том было бы несправедливо видеть в Кейтеле обычного приспособленца.

Кейтель так и не смог избавиться от чувства некоторой неполноценности по отношению к Гитлеру, можно даже сказать, что он чувствовал себя неудобно в его присутствии. Для солдата и генштабиста этот ниспровергатель авторитетов казался непостижимой личностью. На Нюрнбергском процессе Кейтель говорил, что никогда не встречал человека, который бы имел такое количество планов, связанных с реформированием армии, как Гитлер. Ни к одному человеку, сказал Кейтель, он не испытывал такого доверия, как к Гитлеру. Он старался преданно служить фюреру.

Гитлер был бесполезен Генеральному штабу в том виде, каким задумал штаб Мольтке-старший; речи Гитлера не могли оказать влияние на мнение генштабистов. Гитлер, как Бертье, нуждался в неутомимом управляющем, и Кейтель наверняка соответствовал этой роли.

Когда генерал Руденко, советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, спросил у Кейтеля, не мог ли он, как хорошо обученный солдат, оказать влияние на Гитлера, Кейтель ответил, что Гитлер, как никто другой, изучил военную литературу и работы Генерального штаба и удивительным образом разбирался в любых военных проблемах.

До поздней ночи Гитлер, находясь в ставке, читал работы Мольтке-старшего, Клаузевица и Шлифена. Гитлер был гением, и по отношению к нему Кейтель чувствовал себя учеником, а не учителем.

Предубеждение Гитлера против Генерального штаба довольно скоро распространилось на личный штаб, а через него на адъютантов. Полковник Хоссбах исполнял роль своего рода сторожевого пса, но он недолго удержался в личном штабе фюрера. Хоссбах признался Гитлеру, что, когда в тот памятный день 26 января его послали пригласить Фрича к канцлеру, он решил, что его офицерский долг не позволяет ему выполнить приказ Гитлера и умолчать о причине вызова Фрича к канцлеру. Этим он подписал себе приговор. С уходом Хоссбаха были произведены кое-какие перестановки. Было создано новое подразделение, состоящее из четырех адъютантов; двое должны были представлять вермахт, а двое других остальные службы. Полковник Шмундт был главным адъютантом. Адъютанты, в основном молодые люди, были лично преданы фюреру.

Влияние и авторитет Генерального штаба заметно снизились, а спустя короткое время та же участь постигла штаб ОКВ. Зато теперь резко возросла власть новых адъютантов Гитлера. Шмундт был на хорошем счету и приобрел влияние на фюрера, который временами был практически неуправляем.

VII

Но даже если Бек не собирался находиться в оппозиции по политическим мотивам, его вынуждали к этому чисто технические обстоятельства. Теперь существовало, как минимум, четыре генеральных штаба: штаб ОКВ, Генеральный штаб сухопутных войск, штаб люфтваффе и штаб ВМФ (во время войны называвшийся Seekriegsleitung), и, кроме того, новый вариант гитлеровского генерал-адъютантского отдела, о котором только что шла речь. Поначалу казалось, что Бек может найти союзника в лице Редера, боровшегося за восстановление утраченного положения Генерального штаба армии. По мнению Редера, «сухопутные моряки» из штаба ОКВ не могли руководить военно-морскими силами. Но вскоре Редер отказался от борьбы, и Бек был вынужден в одиночку решать возникшую проблему.

Для начала Бек попробовал выдвинуть на должность руководителя штаба ОКВ старого проверенного генштабиста генерала фон Вибана, но скоро стало ясно, что генерал не вписывается в компанию мастеров закулисных интриг из Верховного командования вермахта. Руководство штабом ОКВ перешло Йодлю, пользовавшемуся доверием Кейтеля и Гитлера. Йодль видел в Гитлере человека, который восстановил влияние Германии в мире, и по этой причине он был готов беспрекословно следовать за фюрером и предоставлять свои способности в его полное распоряжение. Постепенно он стал воспринимать идеи Гитлера как свои собственные. Он, как и Гитлер, считал, что война не последнее, но крайне важное средство для решения политических вопросов.

Именно это представление заставило Бека оказать открытое сопротивление и стало причиной разрыва с Йодлем и Кейтелем. Но не только Генеральный штаб стал местом растущего недовольства. Подобные тенденции наблюдались в самом ОКВ. Политика, проводимая Гитлером, вызывала растущие опасения и даже сильное раздражение генерала Томаса из военно-промышленного отдела, адмирала Канариса и адмирала Бюркнера. Коллеги Канариса, которые по большей части были офицерами Генерального штаба, придерживались антигитлеровских убеждений. Среди них особенно выделялся Остер, который поддерживал отношения с тайными врагами фюрера, в том числе с Герделером.

Эти люди не забыли дела Фрича. Когда Канарис рассказал Вибану, какую роль в этом деле сыграло гестапо, Вибан ответил, что, если бы все стало известно, было бы не избежать революции (вполне возможно, что именно на это рассчитывал Канарис). Даже Йодль поинтересовался, не было ли в этом деле злого умысла.

Бек приглядывался к позиции Браухича, раздумывая, как долго ему придется вести борьбу. Браухич, безусловно, принадлежал к старой школе. Он не смирился ни с уходом Фрича, ни с произведенными перестановками. Он не был убежденным национал-социалистом, но, как все генералы, признавал огромную популярность Гитлера, который в то время пытался удержать власть не только с помощью одного террора. Гитлер пользовался любовью и доверием народных масс. Браухич пообещал оппозиции, что армия примет меры по защите Фрича, как только его полностью оправдает суд. В это трудно поверить, поскольку Браухич был столь

же беспомощен перед Гитлером, как Фрич перед всесильным шефом полиции. Браухич знал о желании Герделера на законных основаниях восстановить христианское государство. Однако замечания, высказанные им Раушнингу, показывают, какой глубокий след оставили в нем чувства народа к Гитлеру.

VIII

Шахт всегда чувствовал, что дело Фрича станет своего рода намеком или признаком приближающейся войны. В феврале Бек окончательно уяснил, что, приняв на себя командование, Гитлер тем самым приблизил момент реализации собственных военных планов.

В феврале фюрер приступил к решению вопроса, связанного с аншлюсом Австрии, вопроса, который он обсуждал в ноябре в качестве одного из вариантов по развертыванию наступательных действий. Наверняка он считал, что успешное решение этой проблемы рассеет растущее недовольство его генералов.

Шушниг, в то время федеральный канцлер Австрии, был приглашен на встречу в Оберзальцберг, где Гитлер вручил ему ультиматум и заставил принять национал-социалистов в свое правительство. Позже Шушниг рассказывал, что у него было такое чувство, что напротив него сидит маньяк. Но Шушниг еще был готов побороться. Плебисцит показал, что большинство австрийцев стремятся к независимости. Муссолини, который до настоящего времени играл роль австрийского защитника, изменил отношение к Австрии, но Шушниг не мог поверить, что Англия и Франция допустят, что Австрии придется в одиночку сражаться с Германией.

Шушниг объявил 13 марта днем проведения плебисцита. В ответ Гитлер прибегнул к силе. 10 марта в половине седьмого вечера 8-я армия под командованием фон Бока получила приказ о мобилизации. Известие о мобилизации потрясло Браухича. Он боялся войны с Италией, которая после убийства Дольфуса перебросила дивизии на перевал Бреннера в Альпы. Не меньше он опасался и войны с Чехословакией.

Его страхи были напрасны. Австрийские национал-социалисты подняли мятеж, и Муссолини покинул правитель-

ство Австрии в беде. Лондон и Париж ограничились выражениями протеста.

Шушниг вышел в отставку. Геринг с помощью закулисных интриг пропихнул на место канцлера Сейс-Инкварта, к тому времени помощника Гитлера. Геринг обратился с просьбой ввести германские войска для предотвращения гражданской войны. Генерал-инспектор австрийских вооруженных сил заявил, что он не в состоянии оказать действенное сопротивление.

13 марта немецкие войска вошли в Вену. Необузданный восторг смешался с полным отчаянием. Около восьмидесяти руководящих австрийских деятелей покончили жизнь самоубийством. Гитлер с триумфом вступил в город, когда-то отвернувшийся от него.

Вторжение выявило существенные недостатки армии. В ряде случаев мобилизация проходила не слишком гладко; сказалось отсутствие опыта в управлении моторизованными частями. Много танков и автотранспортных средств вышли из строя на пути к Вене.

Вторжение в Австрию оставило незамеченным оправдательный приговор в отношении Фрича. Суд над Фричем начался 11 марта. Геринг выступал в качестве председателя военного суда рейха, хотя на самом деле не имел никакого отношения к суду, председателем которого был генерал Гейтц. 18 марта Фрич был оправдан. Давший ложные показания Шмидт был впоследствии расстрелян СС.

Теперь, имея большое влияние, Гитлер мог позволить вынести оправдательный приговор. Борьба с Австрией закончилась грандиозным успехом. Огромное большинство проголосовало за объединение Австрии и Германии. Несколькими инакомыслящими общественными деятелями занялось гестапо.

Когда Эрих Лахосен, руководитель службы разведки австрийского Генерального штаба, явился на службу к генералу Канарису, генерал встретил его словами: «Почему ваши люди не стреляли? Выходит, *капрал* знал, что все именно так и произойдет. Но откуда он мог это знать?» В Генеральном штабе Гитлера сравнивали с Карлом XII, королем Швеции, одержавшим ряд крупных побед; правда, вторжение в Россию закончилось его полным поражением в Полтавском сражении.

10 марта Йодль записал в дневнике, что Генеральный штаб получил указание начать подготовку к повторному

захвату Мемеля (Клайпеды), после войны отошедшего к Литве. Австрии, пишет он, надо дать возможность смириться с возникшим положением, а тем временем переработать план «Грюн», ведь теперь, после оккупации Австрии, Германия оказалась в гораздо более выгодном положении.

Гитлер не собирался затягивать решение по чехословацко-германскому вопросу. К концу марта он втянул Кейтеля в обсуждение и поинтересовался, как можно спровоцировать конфликт с Чехословакией. Шмундт присутствовал, когда обсуждался вопрос, что больше подойдет в данном случае: внезапное нападение или тщательно подготовленный инцидент. Гитлер вполголоса заметил Кейтелю, что, между прочим, война в 1914 году началась после покушения. Сначала Кейтель не понял, что задумал Гитлер. А Гитлер планировал использовать убийство гестаповцами германского посла в Праге для нанесения удара по Чехословакии.

Кейтель был убежден, что Германия не обладает достаточными ресурсами для войны с Чехословакией, к которой могла подключиться Франция, а возможно, и Англия. У Чехословакии было сорок пять дивизий, в то время как на 1 апреля 1938 года Германия могла рассчитывать на двадцать четыре пехотные, одну танковую и одну кавалерийскую дивизии. Все остальное существовало только на бумаге. То же самое относилось и к дивизиям ландвера, предназначенным для линии Зигфрида и линии Одер—Варта. Фактически, дополнительно могли быть сформированы только семь или восемь резервных дивизий. Единственная надежда была на осеннюю мобилизацию.

Планы Гитлера вызвали беспокойство Бека по другой причине. Чехословакия долгое время внушала опасение Генеральному штабу, но после оккупации Австрии угроза с этого фланга фактически исчезла. Никакой самый благовидный предлог не мог оправдать нападение на Чехословакию.

В мае Гитлер выступил с речью перед высокопоставленными офицерами, которые, как предполагалось, потребуют восстановления Фрича. Гитлер воспользовался случаем и объявил о твердом намерении расправиться с Чехословакией. Ему неожиданно повезло. В конце мая ошибочное донесение (на основании ложных данных британской и чехословацкой разведки о концентрации немецких войск на

границе с Чехословакией) привело к мобилизации в Чехословакии. Гитлер, естественно, тут же воспользовался предоставленным случаем.

Вместо обычной ежегодной штабной поездки, Бек распорядился выяснить, удастся ли победить Чехословакию, прежде чем Франция сможет начать наступление на западе. Он исходил из того, что не только Франция, но Англия, а возможно, и Соединенные Штаты окажутся втянутыми в войну. В таком случае результат мог быть только один: война на нескольких фронтах неизбежно вела к гибели Германии.

Бек не замедлил высказать свои соображения Гитлеру, который заверил, что не собирается развязывать новую войну. Бек потребовал гарантий. Гитлер наотрез отказался, объяснив, что армия — орудие государственного деятеля, и ее обязанность найти способ выполнения поставленных государственным деятелем задач, а не обсуждать их. Тогда Бек заявил, что не берет на себя ответственность за приказы, которые не одобряет. Он принял решение поднять тревогу не только в Германии, но и во всем мире.

Бек планировал убедить генералов действовать в полном согласии. Мы должны однозначно дать понять Гитлеру, говорил Бек, что военные приготовления должны быть прекращены или, во всяком случае, отложены до тех пор, пока не произойдет существенных изменений в военно-политическом состоянии Германии, которое, фактически, хуже, чем в 1917—1918 годах, когда начался развал кайзеровских армий.

Бек составил меморандум, в котором изложил свои опасения в отношении развязывания войны с Чехословакией. Он все еще не хотел предпринимать решительных действий против существующего режима, однако поручил Штюльпнагелю, с которым имел доверительные отношения, выяснить возможность получения поддержки со стороны генералов. Бек решил силовыми методами заставить Гитлера круто изменить проводимую им политику и прямо излагал программу реформы: «Против войны, против правления партийных бонз, положить конец террору служб безопасности». Все обер-квартирмейстеры и руководители отделов Генерального штаба поддержали решение Бека. Только Гальдер, ставший после Манштейна первым обер-квартирмейстером, пребывал в сомнениях. В 1937 году он уже пытался заставить Фрича понять

необходимость использования вооруженной силы и не видел причины, по которой имело смысл менять свои взгляды.

Теперь решение зависело от главнокомандующего сухопутными войсками. 16 июля Бек направил Браухичу очередной меморандум. История, писал Бек, возложит на лидеров ответственность за пролитую кровь, если они не станут действовать в соответствии с их профессиональными и политическими познаниями и совестью. Когда солдат самых высоких чинов во времена, подобные нынешним, видит свой долг и задачу исключительно в узкой области военного предназначения, не принимая во внимание наиглавнейшую ответственность за свой народ в целом, это демонстрирует отсутствие у него благородства и понимания собственной задачи.

Поначалу Беку казалось, что Браухича удалось склонить на свою сторону; он был согласен, что вооруженные силы Германии не готовы к военным действиям. Но в конечном итоге Браухич отказался от перехода к решительным действиям. Бек попросил Браухича созвать секретное совещание генералов, занимающих командные посты. Совещание состоялось 4 августа в доме Браухича. Начальник Генерального штаба ознакомил присутствующих с меморандумом, составленным им 16 июля. К сожалению, встреча не оправдала надежд Бека. У генералов не хватило смелости перейти к решительным действиям и призвать Гитлера к ответу. «Желая сохранить в истории доброе имя Верховного командования сухопутных войск, я вношу в протокол, — сказал Бек, — что отказываюсь одобрять любые военные авантюры национал-социалистов».

Бек заготовил пламенную речь, с которой, по его мнению, главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич должен был выступить перед Гитлером. Однако Браухич не решился произнести эту речь; не хватило смелости.

Несмотря на предпринятые Браухичем предосторожности, Гитлер узнал о существовании меморандума Бека. Его реакция как нельзя лучше характеризует этого человека. Гитлер поинтересовался, кто ознакомлен с меморандумом и, когда узнал, что только высшее командование, сразу же выбросил это из головы.

Вместо того чтобы вызвать генералов, причастных к меморандуму, Гитлер решил, что стоит попробовать по-

влиять на молодое поколение офицеров. Гитлер вызвал на 10 августа в Оберзальцберг начальников штабов армейских групп и корпусов, желая вбить клин между старым и молодым поколениями генштабистов. Фюрер выступил перед офицерами с речью, которая длилась порядка трех часов. А в это время пресса надрывалась, рассказывая об ужасающем положении судетских немцев в Чехословакии.

Гитлеру казалось, что его пламенная речь произведет должное впечатление на офицеров и они поддержат своего фюрера. Но случилось иначе. Генерал фон Витерсгейм, начальник штаба западной армии, особо подчеркнул, что если бросить все войска против Чехословакии, то Германия окажется беззащитной на Западе и не сможет противостоять Франции; западный вал не устоит больше трех недель. Гитлер пришел в ярость. Позиции будут удерживаться не то что три недели, закричал Гитлер, а три года! Попытка перетянуть молодых офицеров на свою сторону закончилась неудачей. В дневнике Йодль сердито замечает, что, к сожалению, значительная часть Генерального штаба охвачена пораженческими настроениями. Генеральный штаб, пишет Йодль, «Zentrum des Miesmachers» (дословно «центр нытиков», сборище нытиков). Получается, что Генеральный штаб еще что-то значил!

Гитлер прекрасно понимал, что Генеральный штаб не сделает свои мысли достоянием широкой публики. Он повелевал массами, а о каком-то генерале Беке народ даже не слышал. Когда Гитлер произносил речи, он мог ввести в состояние транса. Люди были готовы слепо подчиняться ему, принести любую жертву. Он подчинял их собственной воле, и это наполняло уверенностью его маленькую подлую душонку.

IX

Когда Бек понял, что его меморандум ничего не дал и изменить политику Гитлера не представляется возможным, он сделал то единственное, что, с его точки зрения, оставалось офицеру, воспитанному в старых традициях. 18 августа начальник Генерального штаба сухопутных войск, генерал Людвиг Бек, подал прошение об отставке. Спустя три дня Гитлер принял его отставку. В другое время отставка начальника Генерального штаба, да еще такого уважаемо-

го, как Бек, вызвала бы бурю в военных кругах и, вероятно, получила бы отклик за рубежом, но Гитлер запретил упоминать об этом в прессе, в военных и правительственных бюллетенях. Бек из чувства патриотизма и лояльности к армии подчинился приказу фюрера и ни словом не обмолвился об отставке. Даже Йодль отказался прокомментировать это событие в своем дневнике.

Генеральный штаб остался без руководителя, и Браухич предложил эту должность первому обер-квартирмейстеру, генерал-лейтенанту Гальдеру. Казалось бы, Браухичу тоже следовало уйти в отставку, поскольку он посвятил Бека в планы Гитлера и имел отношение к меморандуму начальника Генерального штаба. Однако Браухич относился к тому типу людей, которые будут руками и ногами держаться за кресло, на которое удалось взобраться; Гальдер, по всей видимости, относился к тому же типу людей. Он объяснял Беку, что неразумно уходить в отставку, что они должны бороться. Гальдер и Браухичу сказал, что соглашается на должность начальника Генерального штаба только потому, что хочет противостоять военной политике Гитлера и ничуть не в большем восторге от режима, чем Бек. Браухич ответил, что его не волнует позиция Гальдера. Взяв несколько дней на обдумывание, Гальдер обсудил с Беком сделанное ему предложение. В результате он согласился и 1 сентября занял должность начальника Генерального штаба сухопутных войск. Что касается Бека, то в случае мобилизации он должен был принять командование 3-й армейской группой.

Гальдер стал первым баварцем и католиком, получившим должность начальника Генерального штаба в германской армии, что явилось серьезным отступлением от традиций прусского офицерского корпуса, опиравшихся на протестантизм. Гальдер был артиллеристом и служил вместе с Леебом в штабе кронпринца Рупрехта. Он был ревностным католиком, слыл интеллектуалом, имел склонность к математике и ботанике. Вне всякого сомнения, Гальдер мог стать достойным преемником Бека. Хотя, по мнению Хоссбаха (которое разделял Бек), у Гальдера вряд ли хватило бы мужества нарушить клятву верности фюреру и выступить против него.

Как мы уже говорили, Гальдер был верующим человеком, сыном генерала, а для таких людей военная клятва сравнима с торжественным обетом. Однако он с огромной

неохотой признавался, что долг заставил его бороться с Верховным главнокомандующим и стать первым начальником Генерального штаба в истории Германии, который планировал государственный переворот.

Гальдер хорошо знал Гитлера, и это только усиливало его решимость. Будучи штабным офицером, он по долгу службы бывал в Баварской дивизии в Мюнхене и был свидетелем становления карьеры Гитлера. В записях, которые он передал американским следователям, Гальдер пишет о Гитлере как об экстраординарной личности, в чем-то гениальной, а в чем-то примитивной, человеке, который временами казался святым, а временами обычным преступником. Гальдер видел в Гитлере человека жестокого, лживого, необузданного, но прекрасно понимал, что ему никогда не постичь загадочную душу этого человека. Он пытался разглядеть в нем ангельские черты, но всегда находил только дьявольские.

Когда Гальдер заступил на должность начальника Генерального штаба, началось это непонятное дублирование планов, которое затрагивало как Генеральный штаб, так и большинство органов управления и продолжалось до окончательного краха в 1945 году. Двойственностью были отмечены и деловые отношения магнатов военной индустрии. К примеру, Густав Крупп фон Болен открыто похвалялся, что быстрое перевооружение Германии после 1935 года полностью зависит от его заводов, и в то же самое время финансировал людей вроде Герделера, давая ему возможность подолгу бывать за границей. Так и каждый план Генерального штаба в период между 1938-м и 1940 годами имел своего рода контрплан, разработанный тем же Генеральным штабом, идущий вразрез с основным, тем самым срывая замыслы Гитлера по ведению войны.

Генеральный штаб получил приказ разработать план нападения на Чехословакию, приказ, несостоятельность которого, исходя из предположения, что Франция вступит в войну, доказал Бек. Операция «Грюн» основывалась на идее молниеносного уничтожения врага. Большая часть вооруженных сил рейха, танковые и моторизованные войска, наступая из Богемии, Австрии и Баварии, должны были ворваться в Богемию и не дать чехословацкой армии отступить в Словакию и Прикарпатье.

И вот принято решение о нападении на Чехословакию. Предполагалось использовать четыре армии: 2-ю армию

под командованием Рундштедта, дислоцировавшуюся в Силезии, 12-ю и 14-ю армии под командованием фон Лееба и Листа и 10-ю армию, имевшую в своем составе десять танковых и мотопехотных соединений, под командованием Рейхенау, которая должна была прорвать вражескую линию в районе Пльзеня.

На западе оставалось пять слабых дивизий. Четырнадцать дивизий ландвера, размещенные по линии Зигфрида, существовали в основном на бумаге.

Генерал Адам, командующий западной армией, был настроен крайне пессимистично; Гитлер планировал за четыре дня оккупировать Чехословакию и бросить все силы на западную границу. Расширенный вариант операции «Грюн» предполагал вмешательство Франции и России, при этом считалось, что Польша, Италия и Венгрия сохранят нейтралитет.

Эти предположения могут показаться не вполне реалистичными, но Гитлер знал то, о чем не был проинформирован Генеральный штаб. Фюрер получил донесения от фон Шуленбурга, немецкого посла в Москве, который сообщил, что Москва устала от союзников, неспособных принять четкое решение. Шуленбург сообщил, что экономические соглашения могут стать основой для дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом. Россия намерена соблюдать свои обязательства в отношении Чехословакии, но сможет прийти ей на помощь только в том случае, если так же поступит Франция[1].

Англия всячески пыталась уладить конфликты на национальной почве, возникшие в Чехословакии. Однако Гитлер прилагал все усилия, чтобы расшатать это многонациональное государство, поддерживая требования не только судетских немцев, но и других национальных меньшинств и одновременно подогревая ревизионистские устремления Венгрии и Польши. Проведение партийного съезда в Нюрнберге вылилось в мощную пропагандистскую акцию, в которой были вынуждены принять участие формирования вермахта.

---

[1] 26 апреля 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, изложив формулировку договора, определяющую условия, при которых СССР и Чехословакия были обязаны оказывать помощь друг другу, сделал важное заявление: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции».

X

С огромными предосторожностями был разработан контрплан, который вступал в силу одновременно с развертыванием операции «Грюн»; фактически, автором его является Гальдер. Штюльпнагель, принимавший участие в составлении плана, изложил его Гаммерштейну-Экворду.

План поддержал префект берлинской полиции (полицай-президент) граф Гелльдорф, которому «дело Фрича» открыло глаза на пороки существующей системы и который заявил, что готов предоставить полицию в распоряжение заговорщиков. Среди тех, кто решился выступить против диктатора, находились генерал Эрвин фон Витцлебен, командующий 3-м военным округом, и генерал граф Эрих фон Брокдорф-Алефельд, начальник потсдамского гарнизона, в состав которого входила 23-я пехотная дивизия.

Нити заговора вели далеко за пределы военных кругов. Представители консервативной оппозиции, и в частности Гизевиус, офицер криминальной полиции, познакомили Гальдера с Шахтом, президентом рейхсбанка. Генерал Остер, убежденный антинацист, занимался наведением мостов между военными и гражданскими оппозиционерами. Остер с Гизевиусом организовали встречу Гальдера и Герделера. Поскольку гестапо не спускало с Герделера глаз, эта встреча представляла огромную опасность.

Поначалу Гальдер, опасаясь огромного влияния Гитлера на массы, предлагал подождать, пока вспыхнет война. Остальные убеждали его, что, как только Гитлер издаст приказ о наступлении на Чехословакию (то есть когда вступит в действие операция «Грюн»), войска фон Витцлебена займут район, где расположены правительственные учреждения, и арестуют Гитлера. Фюрер предстанет перед им же учрежденным народным судом по обвинению в безрассудной попытке вовлечь Германию в европейскую войну. 1-я дивизия, расквартированная в Вуппертале, в сопровождении моторизованных частей пройдет через Тюрингию и сосредоточится на чешской границе, чтобы преградить путь к Берлину дивизии «Лейбштандарте Адольф Гитлер». Ее командир генерал-майор Хоппнер, талантливый солдат и соперник Гудериана, тоже претендующий на должность командующего танковой армией, был посвящен в план заговорщиков. В конце концов заговорщики решили посвя-

тить и Браухича в свой план. Браухич не был готов действовать, но «неохотно согласился».

Правда, не совсем ясны последующие действия заговорщиков. По информации Раушнинга (он, опасаясь ареста, уехал из Данцига), предполагалось установить временную военную диктатуру и сформировать временное правительство во главе с известной и уважаемой личностью, чтобы уже затем восстановить конституционное государство. Похоже, что о восстановлении монархии речи не шло, хотя это и было одним из пунктов программы Герделера.

Тревожная атмосфера, царившая той осенью, как никогда способствовала успеху военного переворота и уже никогда больше не повторилась. Безумные речи Гитлера, его угрозы в адрес Чехословакии, пропаганда, ведущаяся во имя судетских немцев, о проблемах которых до недавнего времени немцы в Германии имели весьма смутное представление, — все это рождало в массах неясное ощущение приближающейся войны. Простой немец не мог понять, как предполагаемые проблемы Северной Богемии можно сравнивать с ужасом будущей войны. В первый и, должно быть, в последний раз Генеральный штаб имел возможность нанести удар, и, поскольку недовольство Гитлером стало захватывать широкие слои населения, это был блестящий шанс добиться успеха в отчаянном предприятии. Массы восторженно приветствовали Гитлера, когда он обеспечил им мирную и сытую жизнь. Теперь, когда мир оказался под угрозой, народ пришел в волнение.

Пока генералы составляли заговор против Гитлера и все громче раздавались пропагандистские лозунги, тайно велась подготовка к мобилизации и с лихорадочной поспешностью укреплялась западная граница. Начиная с июня тридцать шесть пехотных батальонов, тридцать саперных батальонов, десять артиллерийских батарей, двенадцать противотанковых батарей, короче, все имеющиеся в резерве формирования, были задействованы на фортификационных работах. Побывал с инспекцией Гитлер, заклеймивший пораженческие настроения.

По обыкновению, фюрер вникал во все подробности, связанные со строительством оборонительных сооружений, и не только немецких, но и чешских, информацией о которых его снабжали Генеральный штаб и штаб оперативного руководства вермахта. Гитлер уделял большое внимание

созданию мобильного штаба, ставки фюрера, в состав которой входило Верховное командование вермахта (OKB), штаб оперативного руководства, адъютанты вермахта, представители национал-социалистической партии и СС, а также и прикомандированной к штабу прессе, особому подразделению гестапо, охране, дивизии «Лейбштандарте Адольф Гитлер», укомплектованной противотанковым подразделением, мотоциклами и бронемашинами.

В августе произошло два примечательных события. По распоряжению Гитлера Браухич в торжественной обстановке передал командование 12-м артиллерийским полком генерал-полковнику Фричу. Это был ответ Гитлера на неоднократные просьбы Фрича о реабилитации. В речи, произнесенной им в столь знаменательный день, Браухич заявил, что армия глубоко переживала арест Фрича. В ответ Фрич направил Гитлеру «огромнейшую благодарность», а затем, сидя верхом перед строем, прокричал «Хайль!» своему фюреру. Когда спустя какое-то время Гальдер поинтересовался, примет ли Фрич участие в предполагаемом перевороте, Фрич ответил отказом.

В том же месяце Гитлер издал свой самый знаменитый приказ, касавшийся полиции, подразделений СС, юнкерских школ и дивизии «Лейбштандарте Адольф Гитлер». В случае мобилизации Гитлер оставлял их в собственном распоряжении. Аресты, проводимые гестапо, когда германские войска вошли в Вену, объясняют причину ограничения полномочий генерала фон Бока. Этот приказ положил начало новому этапу развития гитлеровской политики в отношении армии. Он легализовал существование бок о бок с регулярной армией гиммлеровской армии СС. В выигрыше, естественно, оказался Гиммлер.

XI

В сентябре напряжение продолжало расти, хотя, казалось, дальше уже некуда. Недовольство выражали даже молодые офицеры. Приблизительно тогда же военный атташе в Праге полковник Тоусен на встрече с Йодлем выразил удивление, что офицеры совсем не стремятся к войне. А тем временем гражданские участники заговора настаивали на выполнении задуманного плана в середине сентября.

8 сентября фон Штюльпнагель, первый обер-квартирмейстер, потребовал, чтобы штаб главнокомандующего сухопутной армией был за пять дней предупрежден о начале операции «Грюн» с тем, чтобы можно было предпринять соответствующие действия. Йодль не имел ни малейшего понятия, что эта информация требуется заговорщикам, чтобы в точно установленное время начать государственный переворот.

Фактически «время Х», дата нападения на Чехословакию, было уже установлено. На встрече с Кейтелем и Браухичем в Оберзальцберге Гитлер назвал дату нападения на Чехословакию — 28 сентября.

В эти напряженные дни Йодль и Кейтель испытывали к своим более равнодушным собратьям скорее жалость, нежели раздражение. Йодль назвал речь Гитлера на партийном съезде относительно «сведения счетов» с Чехословакией «грандиозной» и выразил надежду, что офицеры будут еще сгорать от стыда за свое поведение. Кейтель добавил, что «глубоко возмущен» позицией Браухича, который не в состоянии изменить враждебное отношение Генерального штаба к Гитлеру. В дневнике Йодль написал, что «крайне огорчен», видя, что за фюрером стоит весь народ, но нет генералов. А генералы по-прежнему видели в Гитлере простого капрала, а не величайшего государственного деятеля, какого Германия не имела со времен Бисмарка.

Элементарные проблемы могут спутать даже самые лучшие планы. Транспортировка грузов к линии Зигфрида выявила нехватку подвижных составов. Из-за проблем с бензином еще одной головной болью стал автомобильный транспорт. Кроме того, секретная мобилизация воскресила прежнее соперничество между армией и СА, и, в ряде случаев, СА отказывались подчиняться приказам и сдавать оружие и боеприпасы. В разгар событий пришло известие о том, что английский премьер-министр Невилл Чемберлен принял решение лично провести переговоры с Гитлером.

Чемберлен был уже старым человеком и руководствовался убеждением, что в мире нет такой проблемы, которую бы в душевной спокойной обстановке не могли решить два порядочных, здравомыслящих человека. Гитлера же не интересовало ни честное решение проблемы, ни компромисс. Единственное, что его интересовало, уничтожение Чехословакии.

Переговоры нельзя было назвать успешными, и, когда за первым визитом Чемберлена последовал второй, Гитлер только утвердился во мнении, что британский премьер-министр — просто слабый старик и Франция с Англией такие же слабые и старые. Значит, западные державы не в состоянии собраться с силами и начать действовать. Благодаря этим переговорам даже Генеральный штаб поверил, что удастся мирно войти в Чехословакию, и были отданы распоряжения заняться изучением проблем, связанных с мирным, бескровным вступлением в Чехословакию.

Неожиданно небо опять заволокли тучи. 22 сентября были приведены в боевую готовность артиллерийские батареи в Берлине и вдоль чешской границы. 24 сентября вступил в силу приказ о закрытии границы с Францией. 27 сентября в 13 часов 30 минут Гальдер получил телефонограмму, что атакующие волны должны находиться на своих позициях. Это означало, что Берлин предполагает начать наступление.

В тот же день 27 сентября, вернувшись в Берлин, Гитлер, чтобы повысить боевой дух населения, приказал войскам Витцлебена в полной боевой выкладке парадным маршем пройти по улицам Берлина. Люди, увидев колонны, марширующие к вокзалу для погрузки в эшелоны, решили, что война уже стучится в дверь. Никто не приветствовал солдат; они шли в зловещей тишине. Гитлер чуть не сошел с ума, наблюдая эту сцену, и в ярости кричал Геббельсу, что с такими людьми, как он, нельзя вести войну. В свою очередь, генерал Витцлебен позже признался, что он был готов развернуть пушки прямо перед окнами имперской канцелярии, войти и арестовать «этого типа».

Затем наступило 28 сентября. «Черный день», как напыщенно отметил Йодль в дневнике. Еще более черным этот день был для Гальдера, который, испытывая угрызения совести, отдал приказ о перевороте. Часть войск Витцлебена находилась уже на пути к границе с Чехословакией, но Хоппер был еще в двух днях хода от Берлина, ожидая сигнала начать движение. Браухич, одобрявший план Гальдера, все же пошел к Кейтелю и объяснил ему, что если Чехословакия будет атакована, то оккупация может касаться только судетских территорий, и Гитлер должен это отчетливо понимать. Появились беженцы из пограничных районов Гер-

маний, и ОКВ выделил специальное подразделение, чтобы заставить людские толпы двигаться в определенном направлении.

Напряжение возрастало. В середине дня Браухич поехал в канцелярию, чтобы выяснить положение дел, прежде чем войска двинутся на Берлин. Там он узнал, что Муссолини внес заманчивое предложение и что Чемберлен и Даладье выезжают, чтобы на следующий день провести совещание с Гитлером и Муссолини в Мюнхене. Браухич немедленно сообщил, что переворот отменяется. Нельзя же арестовывать и пытаться обвинить в военных преступлениях человека, одержавшего бескровную победу. Говорят, что Гальдер полностью потерял контроль над собой. «Что же нам делать? — вскричал он. — Ему во всем сопутствует успех».

29 сентября было подписано Мюнхенское соглашение, и Судетская область перешла Германии. Йодль написал в дневнике, что Чехословакию теперь не стоит рассматривать как силовой фактор. Гений фюрера одержал очередную победу без применения силы. Скептикам, слабым и сомневающимся следовало перестроиться и начать жить по-новому.

В глазах Гитлера упрямые генералы и скептически настроенный, осторожный Генеральный штаб потеряли всякую ценность. По его словам, он не ждал, что генералы поймут его. Он верил, что они будут ему повиноваться. Опять ряд генералов ушли в отставку; список возглавили фамилии Рундштедт и Адам. 18 октября та же судьба постигла Бека. Гитлер сообщил Беку, что потерял к нему доверие. О Фриче к тому времени забыли. В декабре 1938 года Хассель узнал, что Фрич преспокойно живет недалеко от Ганновера. Он полностью смирился и считал, что ничего сделать нельзя. Гитлер был судьбой Германии, доброй и злой.

XII

После отставки Бек написал работу, озаглавленную «Германия в будущей войне». В духе Клаузевица он утверждает, что, планируя любую войну, надо ясно видеть политическую цель и что политические лидеры никогда не должны сомневаться, что целью войны является мир.

Германия, писал он, никогда не подвергнется нападению со стороны других государств, пока сама не прибегнет к силе. Благодаря географическому положению Германия всегда рискует намного больше, чем любое государство, имеющее одну границу. Во время Первой мировой войны Германию можно было сравнить с осажденной крепостью, несмотря на благоприятную ситуацию, сложившуюся в отношении территорий, которыми она могла распоряжаться. Это сравнение станет роковым в любой будущей войне на несколько фронтов, которую Германии придется вести одной. Война, развязанная Германией, немедленно привлечет другие государства, и в войне против международной коалиции она уступит и окажется во власти коалиции.

Глава 13
ТРИУМФАТОР

I

Мюнхенское соглашение, вершина политического успеха Гитлера, окончательно укрепило его в осознании собственной непогрешимости. Вот эта-то непомерно развитая самонадеянность и стала причиной его гибели. Подобно всем подписавшим Мюнхенское соглашение, Германия торжественно пообещала гарантировать целостность нетронутой территории Чехословакии. В период проводимой пропагандистской кампании Гитлер убеждал, можно сказать, исступленно убеждал, что его территориальные притязания ограничиваются Судетской областью.

Но если Гитлер считал себя «ликвидатором» Версальского договора, а именно так и предполагал Раушнинг, то едва ли он мог обойти вниманием тот факт, что наиболее важные территории по-прежнему не принадлежат Германии. Разве он мог не придавать этому значения? Формально фюрер отказался от притязаний на Эльзас и Лотарингию, но ведь был еще Восток, и Гитлер начал готовиться к решению главного вопроса, территориальному пересмотру.

Гитлер стал полноправным диктатором. Он действовал в обход дипломатических каналов и Генерального штаба. Теперь значение Генерального штаба снизилось до уровня обычного исполнительного органа; в его консультациях больше не было необходимости. Гальдеру это показалось зловещим предзнаменованием. Получалось, что все тайные враги Гитлера, которые по-прежнему оставались на своих должностях, опасаясь, что их заменят на более уступчивых и гибких, чем они, людей, только из-за собственного упорства в один прекрасный день будут отвечать за те деяния,

которые они так ненавидели и против которых выступали. Похоже, что эти же соображения посещали адмирала Канариса, вызывая в нем чувство неискупимой вины. Канарис остался на посту начальника абвера, поскольку не видел другого способа помешать планам Гитлера.

Позиция, которую занимали все эти люди, и Гальдер в Генеральном штабе, и Вайцзеккер в министерстве иностранных дел, и Канарис в абвере, да и все остальные, двоедушный подход к выполняемой работе были беспрецедентным случаем в истории Германии. Мольтке-младшему война 1914 года казалась страшным и трагическим событием, но он никогда не думал об этой компании иначе, как о справедливой оборонительной войне. В отличие от него Гальдер, непосредственно столкнувшись с угрозой войны, никогда ни одну войну не считал справедливой. В сложившейся ситуации у Генерального штаба было только два выхода: государственный переворот, ставший практически невыполнимым, и коллективная отставка всех офицеров, что казалось невероятным, учитывая традиции, в которых были воспитаны эти люди.

До 1933 года офицерский корпус действительно был единым организмом, но даже Йодль на Нюрнбергском процессе отметил те глубокие политические и идеологические разногласия, которые нарушили целостность этого организма после 1933 года. Разногласия коснулись даже чисто профессиональных проблем. Нельзя забывать, что оборонительная теория Бека неоднократно подвергалась критике со стороны молодого поколения генштабистов. Молодежь привлекала наступательная политика.

Главнокомандующий сухопутными войсками и Генеральный штаб обнаружили, что их сфера властных полномочий резко сократилась, и ни Браухич, ни Гальдер не могли с этим ничего сделать. После бескровных побед над Австрией и Чехословакией авторитет Гитлера достиг небывалых высот. Гитлер, несмотря на то что в армии существовал инспектор по фортификационным сооружениям, а в Генеральном штабе был специальный технический отдел, отклонил детально разработанную программу Браухича по укреплению линии Зигфрида, рассчитанную на несколько лет. Надзор за ведением фортификационных работ на западе Гитлер передал члену партии доктору Тодту, который до настоящего времени занимал должность инспектора дорог. Организация Тодта (ОТ) создава-

лась в расчете на то, чтобы стать инженерной армией, существующей бок о бок с армией саперов, — еще один пример дробления полномочий.

Гитлер упорно проводил единственно возможную, с его точки зрения, политику. Ни одна организация не должна обладать слишком широкими полномочиями, а для этого необходимо создавать дублеров и конкурентов. И кроме того, программа Браухича не устраивала его беспокойную натуру. У него было предчувствие, что надо торопиться, он объяснял Нейрату: «Я не могу слишком долго ждать».

Протесты Браухича были бесполезны, а Гитлер к тому же предпринял все усилия, чтобы еще больше осложнить положение Браухича. Во-первых, было раз и навсегда покончено с принципом коллективной ответственности, который вновь ввел Бек, и правом Генерального штаба напрямую обращаться к главе государства, принцип, на основе которого Гнейзенау создал Генеральный штаб. Офицеры Генерального штаба могли теперь пользоваться только обычными каналами для передачи необходимой информации. Минули времена, когда, как при Мольтке, высокопоставленные офицеры могли высказывать собственное мнение. Роль генштабиста, согласно руководству Генерального штаба за 1939 год, сводилась к обязанностям советника, помощника и исполнителя, но не командира. Перед принятием оперативного решения командующий должен советоваться с начальником Генерального штаба, но, если начальник Генерального штаба не согласен с планом командующего, он все равно должен всячески способствовать выполнению этого плана.

II

21 октября Верховное командование вермахта получило приказ Гитлера приступить к подготовке планов по оккупации остававшейся свободной территории Чехословакии. Это было откровенным вторжением в сферу компетенции Генерального штаба, из ряда выходящим событием. Поначалу отдел национальной обороны ОКВ просто принимал и передавал начальнику ОКВ планы, подготовленные Генеральным штабом, а потому сотрудники отдела заслужили у Гальдера прозвище «плагиаторы». Но при «капрале Гитлере» все шутки; касающиеся ОКВ, мгновенно вышли из моды.

Зимой 1938 года Гитлер пошел еще дальше и приказал Генеральному штабу прекратить заниматься планами подготовки к будущей войне и сконцентрировать все внимание на формировании и обучении армии. В первый момент Генеральный штаб увидел в этом искреннее желание Гитлера к установлению мира. На самом деле Гитлер просто не доверял Генеральному штабу и стремился ввести его в заблуждение. Довольно странно, что планируемый государственный переворот остался нераскрытым, и Гитлер так никогда и не узнал, как близок он был к гибели в 1938 году. Но своим звериным чутьем он чувствовал присутствие опасности и теперь упорно двигался к намеченной цели, стремясь свести функции Генерального штаба к рутинной работе.

Такова была общая тенденция того времени. Ни один чиновник не знал, чем занимается другой. Отдел отделялся от отдела непроницаемыми стенами. В близком окружении Гитлера не было высокопоставленных офицеров, и никто не мог даже предположений делать относительно того, что творится в голове фюрера. Позже Кейтель жаловался, что Гитлер сознательно сбивал всех с толку. В Нюрнберге Редер заявил, что Гитлер всегда знал, чего он хочет, а вот другие были лишены подобной привилегии. Мартовские события все поставили на свое место.

Заявляя во всеуслышание о поддержке словацкой независимости, Гитлер под предлогом угрозы нападения с воздуха приступил к аннексии Чехословакии. Преемника Бенеша, доктора Эмиля Гаху, вызвали в Берлин и силой заставили подписать соглашение, на основании которого рейх стал осуществлять протекторат над Богемией и Моравией. Председатель несуществующего тайного совета министров фон Нейрат стал протектором, и Словакии позволили наслаждаться независимостью под крыльями германского орла. Весьма сомнительная честь!

III

Незадолго до окончания чехословацких событий Гитлер принял в рейхсканцелярии инструкторов из Военной академии. Один из присутствующих отметил, что Гитлер, поначалу казавшийся утомленным, принял возбуждающее средство, по всей видимости, одно из тех, которыми его

снабжал профессор Морелль. После этого Гитлер оживился и заявил, что, если что-то идет прямо в руки (это «что-то» было, конечно, Чехословакией), он, естественно, не отказывается. Так бы на его месте сделал любой. Затем он с искренним ликованием объяснил (он даже подпрыгивал от возбуждения), как измывался над Гаху и заставил принять свои условия. Так он поступит с каждым государственным деятелем, заявил фюрер, который воспротивится его воле.

Когда 15 марта немецкие танки двигались по замерзшим дорогам Богемии к Праге, можно сказать, что это было началом финального акта развернувшейся драмы. Еще совсем недавно Гитлер гарантировал независимость государства, в которое вторгался, а теперь весь мир узнал, что никакие торжественные обещания Гитлера ничего не стоят.

События развивались с ужасающей быстротой. Италия захватила Албанию. Польша отказалась от предложения Гитлера разделить Украину в обмен на польский коридор. Англия, быстро усвоившая мюнхенский урок, выступила с серией гарантий в отношении Румынии, Греции и, в первую очередь, Польши. А затем наступило 28 апреля, ставшее для Германии днем англо-германского морского соглашения.

В этот день Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой осудил Польшу, Англию и президента Соединенных Штатов, который был настолько бестактен, что призывал его уважать свободу малых народов. Однако не это было самым главным в выступлении. Англо-германское морское соглашение — вот что занимало все его помыслы. Соглашение, проложившее путь для грандиозного проекта, связанного с перевооружением (так называемый план «Z»), который предусматривал строительство десяти крупных боевых кораблей, четырех авианосцев, ста пятидесяти восьми эсминцев, порядка двухсот пятидесяти подводных лодок и около шестидесяти других военных кораблей.

IV

3 апреля Гитлер приказал Кейтелю готовить нападение на Польшу; операция получила название «Вайс». Соответствующие распоряжения незамедлительно были направлены Верховному главнокомандующему сухопутными войска-

ми и начальнику Генерального штаба. Кейтель был полон дурных предчувствий. Он отдавал себе отчет, что Германия не готова к военным действиям. Даже Кейтель не мог сказать, когда Германия наконец-то сможет вступить в войну. На Нюрнбергском процессе он заявил, что генералы не хотели войны. Они вынужденно выполняли приказы фюрера, и после победы в Мюнхене стало невозможно противиться его воле.

Полученные директивы повергли Генеральный штаб в состояние шока. Ведь в конце года Гитлер сам распорядился прекратить разработку планов будущей войны. Штабисты почувствовали обиду и возмущение. Сначала Гитлер воспользовался армией, чтобы оказать давление на Чехословакию, а теперь он собирался действовать точно таким же образом в отношении Польши.

Скоро стало совершенно ясно, что Гитлер не собирается останавливаться на достигнутом. В апреле он выступил перед высокопоставленными офицерами и объяснил, что в случае конфликта с западными державами нельзя рассчитывать на нейтралитет Польши. Значит, не остается ничего другого, как устранить Польшу. А это означало кровопролитие, поскольку нельзя было надеяться на повторение мюнхенского варианта.

Сразу же на повестке дня встал вопрос о Советской России; началась ожесточенная борьба за завоевание ее благосклонности. Никому не приходило в голову, к каким гибельным последствиям приведет сделка между Германией и Советским Союзом в отношении Польши. Папен, назначенный послом в Турцию, изложил свои опасения Кейтелю и Браухичу и настойчиво утверждал, что любая попытка разрешить проблему польского коридора силой приведет к мировой войне, в которой Германия окажется в безнадежном положении.

Голос Папена лишь подтверждал хор звучащих голосов, и военных и штатских, и им, казалось, можно было уделить больше внимания, но Кейтель и Браухич проявили исключительное упрямство. Дюстерберг ухитрился побеседовать с Браухичем и попытался открыть ему глаза на Гитлера и партию, но Браухич хранил ледяное молчание. Возможно, он считал любой разговор, связанный с попыткой свергнуть правительство, абсолютно бессмысленным. Генерал Томас неоднократно пытался устроить встречу Кейтеля и Герделера, и, как начальник отдела оборонной промышленности,

пытался объяснить Кейтелю, с какими трудностями столкнется страна в случае войны. Все было тщетно, особенно если дело касалось Кейтеля. Подобно Бломбергу, Кейтель был убежден в гениальности Гитлера и в его способности сделать невозможное возможным.

23 мая Гитлер впервые дал возможность командующим всеми родами войск в общих чертах ознакомиться со своим долгосрочным планом. На заседании, проходившем в канцелярии рейхсканцлера, присутствовали следующие: Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Гальдер, Варлимонт, вице-адмирал Шнивинд, генералы Мильх и Боденшатц из люфтваффе. Обращаясь к собравшимся, Гитлер открыто заявил о намерении разрушить всю европейскую систему. Он однозначно дал понять, что дело не в польском коридоре, а в обеспечении «жизненного пространства Германии», другими словами, в насильственном приобретении восточных территорий. И тут не обойтись без кровопролития. Он вновь подчеркнул, что следует напасть на Польшу; она всегда была врагом Германии. Но главным врагом Германии является Англия, точнее, Англия и Франция, и война с ними будет идти не на жизнь, а на смерть. Для борьбы с Англией требовалось завладеть побережьем Дании и Бельгии. Хотя вермахт собирался приложить все силы, чтобы война была короткой, правительство должно понимать, что война может продлиться от десяти до пятнадцати лет.

Эта речь, в которой впервые давался намек на взаимопонимание с Россией, содержала еще одно важное высказывание. Гитлер заявил, что Генеральный штаб не должен заниматься изучением слабых мест врага. Надо сформировать «исследовательский штаб» из офицеров трех родов войск, которые будут «готовить операции на высочайшем интеллектуальном уровне». Это должны быть люди, обладающие «большим воображением в сочетании с превосходными техническими знаниями». Воплощение этой идеи в жизнь означало появление пятого Генерального штаба.

V

В конце мая Генеральный штаб приступил к разработке планов операции «Вайс». Планы должны были быть полностью закончены к 20 августа. Суть операции сводилась к молниеносному нападению с применением мотори-

зованных и танковых дивизий. Требовалось сформировать две группы войск, Северную, состоящую из двух армий, расположенных в Восточной Пруссии и в Восточной Померании, под командованием фон Бока, и Южную, состоящую из трех армий, расквартированных в Силезии, под командованием фон Рундштедта.

Генеральный штаб не имел никакой информации относительно готовности Польши к нападению. Предполагалось, что Польша прибегнет к тактике затягивания в надежде на помощь со стороны Англии, Франции или России. Отсюда можно было сделать вывод, что с флангов она расположит сильные армии, а в центре — слабую. Однако не следовало исключать возможность нанесения Польшей отвлекающего удара по Восточной Пруссии или Верхней Силезии. Даже в этом случае, когда Польша, казалось бы, будет окружена, оставались небольшие сомнения, что удастся уничтожить чешскую армию. Германским планам сопутствовало счастливое обстоятельство. Празднества, связанные с двадцатипятилетней годовщиной битвы при Танненберге, предоставляли великолепную возможность перебросить часть войск морем.

Браухич откровенно сказал Гитлеру, что считает возможным захват польских территорий и что даже есть шанс одержать победу над Англией и Францией, но, если Россия окажется на стороне Запада, рухнет весь план. Браухич, конечно, не имел понятия о закулисных переговорах России и Германии, а Гитлер и не подумал информировать об этом Браухича или начальника Генерального штаба. Однако замечание Браухича еще больше укрепило мнение Гитлера, что польская проблема будет успешно решена в случае, если Россия займет благосклонную по отношению к Германии позицию. Правда, у Гитлера имелись и другие соображения. К сожалению, грубый политик, каким он, по сути, являлся, беззаботно готовящийся развязать мировую войну, Гитлер не допускал мысли, что армия, орудие его политики, может быть абсолютно не готова к серьезной войне. Катастрофически не хватало средств для ведения войны. На тот момент Германия имела в своем распоряжении всего лишь шесть дивизий, способных защитить западную границу, и даже таланты фон Лееба вряд ли могли помочь добиться успеха в случае решительного наступления пусть даже малочисленной французской армии.

Позже генерал Варлимонт сказал, что никогда еще немецкая армия не была так плохо подготовлена к войне, как в случае с Польшей. Ощущался недостаток боеприпасов, танков, моторизованных формирований и железнодорожных войск и, в первую очередь, обученных солдат и офицеров запаса.

Неожиданно Гитлер изменил тактику по отношению к командованию армии, и почему-то все вдруг решили, что Гитлер был бы полным «идиотом», если бы позволил себе «скатиться в мировую войну» и все ради польского коридора. Слова Редера, что нападение на Польшу приведет к мировой войне, стали восприниматься как неуместная шутка. Среди неожиданно успокоившихся был подполковник фон Лоссберг, офицер вермахта, прежде работавший в оперативном отделе Генерального штаба. Гитлер пригласил его к себе домой в Мюнхен и в присутствии Кейтеля заверил, что «операция «Вайс» никогда, никогда, никогда» не сможет стать причиной мировой войны.

Воспользовавшись случаем, Гитлер продемонстрировал презрительное отношение к западным государственным деятелям. Я, сказал фюрер, имел возможность встречаться с Даладье и Чемберленом. Они как пара старух, которые пьют чай и никогда пальцем не шевельнут ради своих польских союзников. Гальдер был среди тех, кто слушал его речи, но не опасался франко-британского вмешательства.

Нет ни малейших сомнений, что к тому моменту Гитлер поверил, что обладает даром предвидения. Он рисовал в своем воображении молниеносную войну против Польши и считал, что в наступившей паузе сможет перевести дыхание, а затем, как только позволят обстоятельства, возбудить дело против Запада. Козырной картой, спрятанной в рукаве, ему, конечно, виделись переговоры со Сталиным.

Но он полностью просчитался в оценке британского характера и стратегии и, что самое главное, недооценил ум Невилла Чемберлена. Старый джентльмен вернулся из Мюнхена с «миром», и теперь чувствовал, что лично обманут Гитлером, разворовывающим Чехословакию; он понял, что идти на уступки больше нельзя, и решил пересмотреть свои взгляды. Черчилль и его окружение резко критиковали Мюнхенское соглашение. Англия всегда оказывала сопротивление любой державе, стремящейся господствовать на континенте, и Чемберлен твердо решил противодейство-

вать Гитлеру, если тот попытается решить польскую проблему с помощью силы.

Франция не так определенно высказывалась по этому вопросу, но находилась под влиянием Лондона, а Лондон был убежден, что можно рассчитывать, по крайней мере, на моральную поддержку Рузвельта. Но к величайшему сожалению, в Германии верили, что очередной блеф вновь приведет к победе.

VI

В августе Германия закончила подготовку, и в процесс сразу же включилась пресса, которая обрушила на обывателей град историй о безобразном отношении поляков к немцам. Попутно сообщалось, что нет никакой мобилизации, идет обычный призыв в армию. Агенты СС и гестапо начали фабриковать сообщения для прессы. Конечно, между немцами и поляками происходили столкновения; в Польше, как и в Германии, атмосфера постепенно накалялась.

Люди онемели от страха перед надвигающейся угрозой новой войны. Царившая атмосфера очень напоминала прошлогодние настроения, хотя многие еще цеплялись за надежду, что Гитлер опять сделает невозможное и продолжит список бескровных побед.

Шахт, лишившийся должности президента рейхсбанка, занимал теперь чисто декоративную должность министра без портфеля и приблизительно в это время вернулся из поездки в Индию. Он безуспешно пытался связаться с Гальдером; начальник Генерального штаба не желал его видеть. Гальдер понимал, что бессмысленно возвращаться к прошлогоднему плану государственного переворота.

Тем временем Чиано навестил Риббентропа в его имении рядом с Зальцбургом (настоящий владелец имения, австрийский монархист, находился в концентрационном лагере). Чиано спросил Риббентропа, чего в действительности хочет Германия. Данциг? Польский коридор? Или и то и другое? Риббентроп, глядя в глаза Чиано, холодно ответил: «Мы не хотим ни того ни другого. Мы хотим войны». Чиано был потрясен. Война в Испании закончилась победой Франко. Италия оккупировала Албанию, но Италия не была готова к войне. Муссолини не хотел, чтобы война началась

раньше 1942 года. Если бы Гитлер согласился подождать, сказал Чиано, то ось Берлин—Рим могла бы обеспечить восьмидесятипроцентный успех, а так шансы на успех пятьдесят на пятьдесят. 29 августа Чиано записал в дневнике: «Гитлер вступает в войну, несмотря на катастрофическую нехватку вооружения».

Генеральный штаб испытывал подобные же чувства. В июне и июле Гальдер неоднократно пытался предупредить французского и английского послов. Он убеждал их, что Гитлер отказывается верить в то, что Франция и Англия могут вмешаться в конфликт, встав на сторону Польши, и что только твердая позиция их правительств заставит Гитлера отказаться от своих планов. Позже Гальдер рассказывал, что «умолял» послов, но было уже поздно. Так же как его предшественники, Гальдер боялся войны, в которой погибнут и люди и государство. Одновременно подобные действия предпринимал находившийся в Лондоне Вайцзеккер, с которым тесно контактировал Гальдер.

Летом 1939 года Раушнинг получил сообщение о планируемой в Париже встрече нескольких членов Генерального штаба с французским генералом из окружения Даладье. Немецкие генералы совершенно оправданно испытывали опасения, ведь у Гиммлера и в Париже были агенты.

VII

19 августа Германия и Советский Союз подписали торговый договор, а 22 августа пакт о ненападении (переговоры шли с весны). В этот день Гитлер приказал всем командующим прибыть в Оберзальцберг в штатском и, как обычно, долго выступал перед присутствующими. Совершенно ясно, что подписание договора явилось для него сигналом к наступлению. Никогда, заявил он, ситуация еще не была столь благоприятной. В любом случае, рано или поздно война должна была начаться, а Англия не готова к войне. «Я только боюсь, что какая-нибудь свинья заявится ко мне с «примирительным» планом». В этот критический момент он в первую очередь думал о себе и о Муссолини. У итальянца была крепкая нервная система, а себя он рассматривал как «фактор особого значения». В Лондоне и Париже не было достойных людей. Что ка-

сается британской блокады, то нет никаких поводов для опасений, поскольку все, что потребуется, Германия получит с Востока. Заканчивая речь, Гитлер объявил, что следующее воскресенье, 26 августа, вероятно, станет днем начала наступления.

Речь Гитлера произвела неожиданное впечатление на присутствующих, хотя многие из них неоднократно слушали фюрера. Один из генералов заснул. У Дитриха (руководителя пресс-службы) создалось впечатление, о котором он в гневном тоне поведал Гальдеру, что большинство генералов выглядели подавленными. Некоторые из присутствующих действительно не хотели развязывать войну. Среди них был и Кейтель. Рундштедт по сути был скептиком, а Витцлебен, похоже, действительно поверил, что кризис удастся преодолеть, как это случилось в прошлом году.

Документы Нюрнбергского процесса пролили свет на многое из того, что произошло на следующей после встречи в Оберзальцберге неделе. А произошло примерно следующее.

23 августа Йодль был вызван в Берлин, чтобы возглавить штаб оперативного руководства ОКВ. Гальдер был в шоке. Он надеялся, что в случае войны поставит на это место своего человека, генерала фон Зоденштерна. Но его надежды не оправдались. В первый же день вступления в новую должность Йодль записал в дневнике: «Днем Y объявлено 26 августа 4 часа 30 минут».

В тот же день, когда Риббентроп вылетел в Москву для подписания нового договора, сэр Невилл Гендерсон приехал в Оберзальберг с письмом от Чемберлена. В письме сообщалось, что Англия намерена твердо придерживаться обещаний, данных Польше. На следующий день Шмундт вернулся в Берлин из Оберзальцберга и сообщил Йодлю, что Гитлер сомневается, не вмешается ли Англия в решение польского вопроса.

В какой-то момент забрезжила надежда. На следующий день поступил приказ прекратить развертывание против Польши, которое было уже в полном разгаре. Поскольку войска двигались походным маршем, их было крайне трудно вернуть назад, но можно было остановить.

Все, кто стремился к миру, вздохнули с облегчением. Гальдер решил немедленно воспользоваться благоприятной возможностью и уговорить Гитлера отвести войска из

пограничной зоны. Тем более, что для этого был прекрасный предлог: невозможно удерживать такие значительные силы долгое время в одном положении. Глядишь, и удалось бы вообще сорвать план наступления. Канарис совершенно успокоился и объявил, что пятьдесят лет Европа будет жить в мире. Он основывался на том, что просто невозможно мгновенно провести тайную мобилизацию, на следующий год отменить ее, а затем вновь объявить. Подобные действия могли иметь только один результат: Гитлер окончательно бы потерял доверие генералов. Даже Остер, который никогда не был оптимистом, уверился, что все худшее осталось позади. Как нельзя лучше воцарившуюся атмосферу характеризует следующий эпизод. Фон Бранденфельс, начальник отдела личного состава вооруженных сил, рассказывал, что офицеры засыпали его вопросами, действительно ли удалось избежать мировой войны.

Но радость была недолгой, да и, честно говоря, для нее не было серьезных оснований. Разве можно было поверить, что Гитлер всерьез откажется от своих планов! Как бы то ни было, но празднования в связи с годовщиной битвы при Таннеберге были отменены.

Гитлер, по-видимому, очень надеялся, что Англия сохранит нейтралитет. Рузвельт и Даладье обращались к Гитлеру с просьбой не нарушать мир, и это убеждало его в слабости западных держав. Военные даже не представляли, что происходит в высших сферах власти; Гитлер не считал нужным посвящать их в происходящее. Приведу такой пример. Шведский промышленник, друг Геринга Биргер Далерус решил выступить посредником между Лондоном и Берлином. Ему удалось встретиться с Гитлером, который вел себя словно буйнопомешанный. Когда Далерус подчеркнул опасность войны с Англией, Гитлер принялся кричать, что Германию нельзя победить. «Германия выиграет молниеносную войну, — кричал фюрер. — Если будет война, я построю подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки!» Тут фюрер начал что-то неразборчиво бормотать, а затем вскричал: «Я построю самолеты, самолеты, самолеты и уничтожу врагов!» В этот момент Далерус понял, что с таким человеком невозможно ничего обсуждать. Интересно, что даже Йодль не знал об этой встрече и впервые услышал о ней на Нюрнбергском процессе.

VIII

Муссолини тоже пытался выступать с миротворческой миссией, поскольку на этом этапе не собирался ввязываться в войну. Но Гитлер настаивал на войне. Он направил Польше ультиматум, поставив ее перед выбором: или она вступает в борьбу, или подчиняется желанию Гитлера.

Польша провела мобилизацию. Германия возобновила подготовку к нападению, назначенному на 30 августа. В последний момент атака опять была отложена. 31 августа пришел приказ начать наступление ранним утром 1 сентября. Наступление началось 1 сентября в 5 часов 45 минут. Гитлер был настроен решительно и не собирался ограничиваться словами, хотя польские власти были готовы пойти на серьезные уступки. Когда польский посол, после консультаций со своим правительством, позвонил, его грубо спросили, есть у него полномочия вести переговоры.

Ранним утром 1 сентября сорок четыре немецкие дивизии ворвались на территорию Польши. Небо над Польшей наполнилось ревом самолетов люфтваффе, тех самолетов, которые, как заявил Геринг, будут падать на врага, как ангелы-мстители. Относительно слабая армия, постоянно усиливаемая резервом второй очереди и дивизиями ландвера, удерживала линию Зигфрида.

В 11 часов в серой полевой форме собственного изобретения Гитлер выступил в рейхстаге. Сила, сказал он, натолкнулась на силу. Некое пророчество прозвучало в его словах, когда он заявил, что или вернется с этой войны как победитель, или не уцелеет. Единственный член рейхстага посмел возразить против войны. Им был Фриц Тиссен, один из королей немецкой тяжелой промышленности, который в свое время финансировал Гитлера и теперь считал, что Гитлер его предал. Он усматривал в договоре с русскими некую угрозу большевизации Германии и предполагал, что война с Польшей закончится мировой войной.

Муссолини до последней минуты пытался изменить ситуацию, договариваясь о встрече четырех держав. Ставились следующие условия. Польша должна пойти на перемирие. Немецкие войска остаются на занятых территориях. Англия была готова согласиться только при том, что немецкие войска отойдут на исходную позицию к границе, и выдвинула это требование в ультимативной форме.

Берлин не отреагировал на требование Англии, и 3 сентября в 11 часов Англия объявила Германии войну, а в 17 часов войну объявила Франция. Ближе к вечеру Гитлер поинтересовался у Риббентропа, когда Англия вступила в войну. Геринг сказал генерал-полковнику Шмундту, что, «если мы проиграем, Бог сжалится над нами!». Геббельс хранил гробовое молчание. Впоследствии Йодль признался, что известие об объявлении войны Англией и Францией сразило его, как удар дубинкой. Канарис заявил, что это конец. В такой обстановке начиналась Вторая мировая война, против которой так энергично и так безуспешно боролся Генеральный штаб.

В сообщениях, которые Чиано получал в то время от итальянского посла в Германии Бернардо Аттолико, говорилось, что в столице воцарилась гнетущая атмосфера. Город не заполняют толпы ликующего народа, как это было в 1914 году, когда по улицам проходили войска. Теперь на улицах можно видеть плачущих женщин и молчаливых мужчин, ведь многие из них знали о войне не понаслышке.

Вечером 3 сентября Гитлер отправил Муссолини письмо, в котором сообщил, что примет его предложение о совещании, если получит определенные гарантии. Но Британия решила вести войну, и мир мог продлиться не больше года. Момент был наиболее благоприятный. Польская армия будет уничтожена за короткое время, и нельзя допустить, чтобы дипломатические интриги свели на нет все усилия Германии. Гитлер понимал, что эта война будет битвой не на жизнь, а на смерть, но твердо верил в свой успех.

IX

Внезапно начавшаяся война поставила Генеральный штаб перед новой проблемой. Прусское офицерство всегда выполняло свой долг. Офицеры Генерального штаба дали клятву человеку, который так легкомысленно развязал войну и теперь собирался лично вести ее. Военная присяга, которую когда-то давали королям, хотя короли и отреклись от престола, оставалась священной для солдата.

Понятно, что офицеры, среди которых были тайные противники Гитлера, по-своему разбирались с собственной совестью. Гальдер, например, считал, что его военный и моральный долг совпали. Теперь, когда началась война,

он должен приложить все силы, чтобы выполнить свой профессиональный долг. Выбор в таких ситуациях всегда труден, а зачастую мучителен, особенно для тех, кто, как Бек, понимал, что поражение неизбежно и те, кто вынужден поддерживать Гитлера, будут отвечать за его преступления.

В ходе мобилизации ряд генералов, чья политическая благонадежность вызывала сомнения, были отправлены в отставку. Фрич и Бек были на слишком плохом счету, чтобы их призвали на службу, а вот фон Лееба задействовали, несмотря на то что Гитлер считал его «неисправимым антинацистом», как Гаммерштейна-Экворда и Клейста. Гаммерштейн-Экворд, похоже, всерьез обдумывал план, невероятно наивный, пригласить Гитлера с инспекцией в свои войска и арестовать. Говорят, что нечто подобное действительно произошло. Перед отъездом британского посольства из Берлина фон Шлабрендорфф, оппозиционер-консерватор (его имя не вошло в прусскую историю) открыл одному из секретарей посольства план ареста Гитлера.

Гитлер не упускал ни одной возможности, позволявшей ему ограничить влияние генералов. Во время оккупации Богемии и Моравии он несколько отошел от практики предыдущего года и вернулся к традиционной прусской политике военного времени, предоставив командующим полномочия в том районе, где дислоцируются их войска, но прикомандировав к ним партийных комиссаров. Теперь все было иначе. 30 августа был создан министерский совет по защите гражданского населения, и по предложению Геринга, председателя совета, Гитлер принял, с учетом сложившейся ситуации, беспрецедентные меры. Превратив гаулейтеров в комиссаров, он защитил себя от переворота, который могли учинить непокорные генералы.

Эти мероприятия были всего лишь предвестниками следующих нововведений, которые не только еще больше подорвали авторитет командиров, но и должны были полностью уничтожить принцип, на котором строились человеческие взаимоотношения в армии. В «основном приказе № 1» от января 1940 года указывалось, что каждый, кто обязан выполнять приказ, получит информацию, которая абсолютно необходима для его выполнения, только в самый последний момент. Этот приказ, рожденный человеком почти патологической подозрительности, шел вразрез с традициями, заложенными Мольтке-старшим и Гнейзенау.

X

Несмотря на неопределенность, вызванную повторной отменой приказа, и трудности, связанные с характером территории, на которой совершался маневр на окружение, нападение на Польшу шло по плану. Немецкие армии насчитывали на тот момент приблизительно миллион триста тысяч человек. Впервые использовались большие танковые формирования во взаимодействии с самолетами, тем самым блестяще подтверждая теорию Гудериана.

Польская армия под командованием маршала Рыдз-Смиглы имела одну танковую дивизию, и то некомплектную, одну кавалерийскую дивизию и одиннадцать отдельных кавалерийских бригад и, естественно, оказалась беспомощной перед оснащенной современным оружием Германией. К тому же погода тоже оказалась на стороне немцев; земля была сухой, что идеально подходило для танков. Немецкие бомбардировщики неожиданно напали на польские самолеты и уничтожили их в первый же день войны; современное оружие без труда расправилось и с польской кавалерией.

Польская армия еще больше усугубила свое положение тем, что полностью развернула двадцать две дивизии, вместо того чтобы сконцентрировать силы в какой-то определенной точке. У 4-й армии под командованием Клюге, наступавшей из Померании, возникли незначительные трудности в установлении связи с 3-й армией Кюхлера, базировавшейся в Восточной Пруссии и направлявшейся к реке Нарев. В то время как 8-я армия под командованием Блашковица теснила врага в Посен, на юге фон Рундштедт и его начальник штаба фон Манштейн действовали в основном по собственному усмотрению. Они должны были двигаться в юго-восточном направлении, но после первых успехов двинулись на север, чтобы отрезать польские армии в Варшаве. Успех этого маневра можно в значительной степени отнести за счет решительного наступления Рейхенау, который командовал 1-й армией. В результате польские дивизии были разделены на две части, и южная армия поляков сдалась 14-й армии под командованием Листа.

Во второй половине сентября немецкие армии начали приближаться к Варшаве. В этот момент Гитлер вмешался в ход войны и приказал подвергнуть Варшаву жестокой бомбардировке. Браухич и Гальдер настаивали, что сдача

Варшавы была всего лишь делом времени и что благоразумнее отправить тяжелую артиллерию на Западный фронт. Но Генеральный штаб не знал, что в определенный момент в дело вмешается Советский Союз, и Гитлер, отдавая приказ об обстреле Варшавы, преследовал конкретную политическую цель. Он не хотел, чтобы город захватили русские, а значит, Варшава должна была как можно скорее стать немецкой. Во время войны с Польшей погиб Фрич. Как мы помним, он отказался командовать армией, но вместе со своим полком пошел на фронт. По всей видимости, он сознательно искал смерти.

Вмешательство Красной армии, заставшее врасплох Генеральный штаб, окончательно решило судьбу Польши с ее полуфеодальным укладом. Следующее событие радикальным образом изменило характер войны. Три дивизии ваффен СС преследовали цель, кардинально отличающуюся от задач, стоявших перед генералами. Гитлер поставил перед СС задачу полностью уничтожить правящий класс и интеллигенцию Польши.

Результаты не замедлили сказаться. К концу Польской кампании в последних числах сентября генерал-полковник Блашковиц был назначен главнокомандующим в Польше (штаб располагался в Спала). Управление оккупированными территориями было незамедлительно передано гражданским лицам. Демаркационная линия разделила территорию на польскую и советскую зоны. Территории, некогда принадлежавшие Германии, вошли в состав рейха. Остальная территория превратилась в «генерал-губернаторство» под началом Сейсс-Инкворта, которого в 1940 году сменил Франк.

Скоро начались серьезные трения между Блашковицем и генерал-губернатором. Блашковиц, человек старой закалки, был вынужден предпринять шаги против беспорядков, учиняемых СС и немецкой полицией. Он категорически возражал против преследования евреев и представителей польского правящего класса. Были созданы военные трибуналы, которые в отдельных случаях приговаривали членов СС к смерти за убийства, поджоги и грабежи. Генерал фон Кюхлер тоже неоднократно вступал в ожесточенные споры с Кохом, гаулейтером и комиссаром Восточной Пруссии, из-за безобразного поведения членов СС и национал-социалистической партии в польских районах, присоединенных к рейху. Заместитель главнокомандующего генерал Петцель

пытался остановить начавшееся преследование евреев. В конце концов Блашковиц составил рапорт о злодеяниях, совершаемых СС. Борьба армии с СС вступила в новую фазу.

Согласно дневнику Ульриха фон Хасселя, этот рапорт так и не был отправлен, но Гитлер, конечно, знал о его существовании и был крайне недоволен поведением Блашковица, тем более что среди попавших под трибунал были люди из дивизии «Лейбштандарте Адольф Гитлер». Гитлер выражал неудовольствие поведением офицеров, которые обращались к кардиналу в Кракове, и раздражался из-за задержки конфискации состояния Радзивиллов. Интересно, что к этому времени ОКВ почти так же, как армия, стало относиться к СС, которые превращались в самостоятельную армию. Самое удивительное, что Йодль не счел нужным даже ознакомиться с рапортом Блашковица.

XI

Основной театр военных действий после разгрома Польши переместился на запад. Порядка сотни дивизий (все, что имелись в распоряжении), не считая двенадцати оставленных на итальянской границе, французы перебросили на линию Мажино и на север Франции. На сцене, как и в 1914 году, появилась британская экспедиционная армия. Не считая операции в Сааре, французы не предпринимали никаких действий, хотя, по свидетельству Йодля на Нюрнбергском процессе, они легко могли разбить слабые немецкие армии. Из девяноста восьми немецких дивизий, мобилизованных к началу войны, тридцать три были постепенно переброшены на запад и распределены между 1, 5 и 7-й армиями.

Фон Лееб, главнокомандующий Западным фронтом, как мы уже говорили, отрицательно относился к существующему режиму, хотя, как ни странно, ничего не знал о проектах Гаммерштейна-Экворда, связанных с переворотом. Тем не менее не было никаких сомнений в занимаемой им позиции, которую поддерживали его начальник штаба фон Зоденштерн и член его штаба принц Адальберт Баварский.

Как мы уже говорили, фон Лееб считался ведущим специалистом в области оборонительной стратегии, и его

противник, Гамелен, тоже был склонен придерживаться оборонительной позиции, поэтому нет ничего странного в том, что в Генеральном штабе, особенно среди старшего поколения, господствовало мнение, что Франция вообще не собирается вступать в войну. Крепло убеждение, и небезосновательное, что возможно мирное разрешение конфликта.

Браухич и Гальдер, не поставив в известность Гитлера, приняли решение вести войну на оборонительной основе. Браухич отчаянно цеплялся за данные Гитлером гарантии, что война в Польше не приведет к мировой войне. Штюльпнагель даже не пытался задавать подобные вопросы Гитлеру, считая это неразумным. Йодль и Кейтель, пришедшие в полное замешательство от поведения Франции, не бросившейся на поддержку Польши, вернулись к мысли, что, вероятно, действительно удастся локализовать конфликт. Но пока все стояло на мертвой точке.

По свидетельству Йодля, в сентябре 1939 года Гитлер все еще не мог прийти к окончательному решению о выборе позиции. Он категорически не хотел занимать оборонительную позицию, но штаб оперативного руководства вермахта и Генеральный штаб уверяли его, что прорвать линию Мажино не представляется возможным. Мало того, если попытаться предпринять лобовую атаку и она окажется неудачной, мгновенно появляется опасность нападения союзников через Голландию и Бельгию на Рур. Ночные полеты британской авиации над Голландией и Бельгией к Германии убедили людей вроде Йодля, что Англия не будет уважать нейтралитет этих стран.

Быстрая победа в Польше явилась для Гитлера свидетельством высокого профессионализма новой немецкой армии, и он решил, что с такой же легкостью может провести военную кампанию на западе. Неуклюжие попытки склонить Англию к переговорам не принесли никаких результатов. Но это только придало Гитлеру решимости.

Однако не только мысль о молниеносной войне на западе занимала фюрера. Он уже проигрывал в голове планы нападения на Гибралтар с помощью Испании и захвата побережья Норвегии, где можно было бы разместить новые базы для подводных лодок. Адмирал Редер всячески одобрял план в отношении создания новых баз. План получил название «Везер». Гитлер все чаще исключал Генеральный штаб из участия в разработке будущих планов.

Чем больше фюрер размышлял об окончании войны, тем более блестящей казалась ему мысль о внезапном нападении. Хотя серьезной помехой для Гитлера стало растущее противостояние главнокомандующего сухопутными войсками, которого энергично поддерживал его начальник штаба.

Поначалу Гальдер был доволен действиями армии в Польше, но постепенно его стали одолевать сомнения. Во многих случаях пехоте недоставало той отчаянной решимости в наступлении, которой отличалась атмосфера войны 1914 года. Офицерам приходилось жертвовать жизнью, чтобы поднять солдат в атаку, и жертвы эти были неоправданно большими. Наводила на грустные размышления и слабая оснащенность армии (даже в 1940 году многие дивизии были вынуждены использовать чешское вооружение). По свидетельству генерала Томаса, в Польше находилось шесть танковых дивизий по двести пятьдесят танков в каждой, что говорит о хорошем положении дел. Теперь становится ясным, почему Генеральный штаб считал, что немецкой армии не стоит тягаться с французской, которая во многих отношениях оставалась по-прежнему лучшей в мире.

Франция явно не собиралась брать инициативу в свои руки, и это рождало надежду на близкий мир. Штюльпнагель, все еще первый обер-квартирмейстер Генерального штаба, подготовил донесение, в котором отстаивал чисто оборонительную тактику ведения войны. Примерно о том же рапортовал фон Лееб Браухичу, выражая опасения, что затягивание дипломатических переговоров может рано или поздно заставить Соединенные Штаты вступить в войну, и никто не знает, чем это обернется.

Гитлеровская директива № 6, касающаяся кампании против Голландии и Бельгии (кодовое название операции — «Гельб»), положила конец всем сомнениям. В директиве Гитлер указал, что долгий период ожидания приведет к усилению мощи его врагов, а поэтому он собирается разгромить французскую и британскую армии и захватить большую часть побережья Ла-Манша для создания баз, которые позволят вести морскую и воздушную войну против Британии. Так появился новый, черновой план Шлифена.

Новые планы повлекли за собой некоторые изменения в командном составе. Штюльпнагель занял место освобож-

денного от должности Гаммерштейна-Экворда (регулярные приглашения Гаммерштейна-Экворда посетить его войска вызвали у Гитлера подозрения) и принял командование над вновь сформированной группой армий «А». Начальником штаба Штюльпнагеля, размещенного в Кобленце, стал Манштейн. 1 октября фон Бок принял командование вновь сформированной группой войск «Б». Его штаб располагался в Бад-Годесберге. Теперь, вместе с группой армий «С» фон Лееба, на западе были сконцентрированы три группы войск.

Рассмотрим разработанный Генеральным штабом план развертывания, максимально приближенный к плану Шлифена. Группы армий «Б» и «А», расположенные соответственно на севере и в центре Западного фронта, как в 1914 году, должны были наступать на север Франции через Бельгию. Их задача заключалась в том, чтобы уничтожить вражескую армию севернее Соммы и прорваться на побережье Ла-Манша. Группа армий «Б» должна была только обеспечивать безопасность голландской границы. Что касается Бельгии, то границу требовалось прорвать по обе стороны от Льежа. Если придется нарушить голландскую границу в районе Маастрихта, то предстоит провести дружеские переговоры с голландцами.

Группа «А» формировала южное крыло охвата, а группа «С», в которую входили 1-я и 7-я армии, должна была прикрывать фронт между Арденнами и Швейцарией и удерживать войска, занимавшие линию Мажино.

XII

Все командующие группами армий представили рапорты, одобряющие оборонительную тактику; эту точку зрения разделял начальник Генерального штаба. Вряд ли враг отважится на лобовую атаку; даже в случае его наступления через Бельгию и Голландию у немецкого командования останется время для принятия контрмер. Гальдер считал, что следует сохранять выжидательную позицию.

Из всех планов, представленных группами армий, наибольший интерес вызывает план Манштейна. Он предлагал, чтобы в случае перехода врага в наступление танки прорвались через «Арденнскую брешь». Направление удара — на Седан. По достижении Седана танки двинутся вдоль север-

ного берега Соммы по направлению к Абвилю и побережью Ла-Манша. Какие бы силы ни бросил враг в Бельгию, они будут отрезаны и принуждены сражаться перевернутым фронтом. Смелый план! Именно потому, что идея была нова и оригинальна, она не нашла поддержки со стороны Генерального штаба.

Новый план Шлифена, разработанный Генеральным штабом, практически не предусматривал использование танков; территории Бельгии и Голландии не слишком подходили для этого рода войск. Интересно, что французский главнокомандующий был столь же консервативен и его мысли следовали тем же курсом, что соображения его врагов. Он предвидел, какой план разработает германский Генеральный штаб, и сконцентрировал моторизованные войска вдоль бельгийской границы.

Второй план Шлифена вызвал серьезные опасения с политической точки зрения не только у Браухича и Гальдера, но и у Варлимонта, начальника штаба оперативного руководства вермахта. Все западные державы, в случае нарушения бельгийских границ, могли ополчиться против Германии.

Новый, гораздо более серьезный кризис назревал в отношениях между Гитлером и командованием сухопутных войск. Вайцзеккер обстоятельно изложил все факты фон Этцдорфу, поддерживавшему связь с Генеральным штабом. Этцдорф был посвящен и в планы оппозиции из министерства иностранных дел. В октябре в Цоссене, где во время войны располагался Генеральный штаб, Гальдер сказал Этцдорфу, что следует предпринять максимум усилий, чтобы остановить наступление на западе. В конечном итоге посол фон Бюлов-Шванте, который находился в тесных отношениях с Беком, взялся предупредить бельгийского короля Леопольда III о готовящемся в его страну вторжении. Варлимонт, ничего не знавший об этом, самостоятельно предпринял аналогичный шаг. Он действовал через военного атташе в Брюсселе подполковника фон Паппенхайма.

И Бюлов-Шванте и Варлимонт рассчитывали, что Леопольд воспользуется своими многочисленными связями и выступит в качестве посредника. В ноябре Леопольд и королева Вильгельмина предприняли попытку примирить враждующие стороны. Увы, все было тщетно. Гитлер принял решение.

XIII

Генеральный штаб начал действовать по собственной инициативе и, поскольку казалось невозможным заставить Гитлера изменить свой план в отношении наступления на Париж и Брюссель, остановился на единственно возможном варианте, и этим вариантом был марш на Берлин. Были проведены некоторые военные приготовления. Начальник службы транспорта генерал-майор Герке должен был сконцентрировать в столице надежные дивизии и, самое главное, танковые формирования. Гальдер зашел так далеко, что даже организовал специальный штаб для проведения этой операции под командованием подполковника Гросскурта.

Не все генштабисты были убеждены в осуществимости предложенного плана. Начальник отдела боевой подготовки подполковник Рохрич, бывший сотрудник Шлейхера, считал, что предприятие слишком рискованное, тем более что существует такое практически непреодолимое препятствие, как геринговское люфтваффе, а генерал-полковник Фромм, командующий резервными войсками, был искренне уверен, что армия пойдет скорее за Гитлером, чем за генералами. Но Гальдер считал план вполне реальным.

Бек был посвящен в этот план и в случае попытки переворота должен был принять командование вооруженными силами. Понятно, что Герделер тоже был посвящен в план переворота. Возникший заговор объединил самых достойных людей Германии. Теневое правительство, в которое входили дипломаты, руководители высокого уровня и образованные люди, не могло не вызвать уважения в любой стране мира.

По замыслу заговорщиков, армия должна была действовать как единый организм под руководством законных лидеров. Браухич знал о заговоре и заявил, что готов следовать принятым курсом. К сожалению, благородные люди зачастую плохо подходят для работы в «сумеречном мире», в котором предстояло действовать конспираторам. Трудно сказать, что произошло, если бы заговорщики придерживались намеченного курса, но все внезапно закончилось.

Время поджимало и Гитлера и генералов. 5 ноября все было готово к наступлению, которое было назначено на 12 ноября. 5 ноября Браухич в очередной раз попытался

предупредить Гитлера о возможных опасностях. Гитлер пришел в неописуемую ярость. Он прекрасно знает, кричал Гитлер, что генералы планировали что-то еще, кроме наступления. На самом деле Гитлер ничего не знал. Гнев разбудила его обычная подозрительность, и ничего больше, но Браухич перепугался. Он решил, что Гитлер узнал о заговоре. На этом дело и закончилось. Гитлер стал еще подозрительнее и даже сказал Кейтелю, что догадывается, что он, Кейтель, вошел в сговор с генералами. Кейтель впервые попросил об отставке, но получил отказ. Гитлер заявил, что Кейтель не имеет права так поступать.

Ноябрь 1939 года выдался напряженным. 7 ноября приказ о наступлении был отменен. В период между 12 ноября и 20 января не менее шестнадцати раз отдавались и отменялись приказы о наступлении на запад. 9 ноября в Мюнхене праздновалась годовщина «пивного путча». Через полчаса после ухода Гитлера в зале взорвалась бомба. Виновник не был обнаружен. Муссолини считал, что все было спланировано заранее, а пресса с удивительной поспешностью приписала этот акт британским спецслужбам. Более вероятно, что действовал одиночка. Страх оказаться убитым, осознание того, что в любой момент он может погибнуть от руки случайного убийцы, заставили Гитлера с еще большим пылом взяться за планы наступления.

Заслуживают внимания два случая, которые произошли примерно в то же время. Когда группа заговорщиков замышляла свое дело, фон Лееб разработал собственный план. Он собирался вместе с двумя другими командующими группами армий категорически заявить Гитлеру, что они отказываются подчиняться приказу о наступлении.

На следующий день после взрыва в Мюнхене по просьбе Лееба произошла встреча трех командующих вместе с их начальниками штабов в Кобленце в штабе Рундштедта. Хочу подчеркнуть — по инициативе Лееба. Как-то фон Этцдорф заметил фон Хасселю, что из троих командующих группами войск только Лееб по-настоящему знающий и способный человек; Бок глуп, а Рундштедт устал. Но даже если у Лееба были способности к руководству, они оказались невостребованными. Бок и Рундштедт отвергли его предложение. Лееб вернулся в свой штаб, находившийся во Франкфурте, с ощущением, что ничего нельзя сделать. Он только не знал, что уже находится под постоянным надзором гестапо.

Второй случай мог иметь первоклассное пропагандистское значение для военной оппозиции. Гиммлер издал декрет, общий смысл которого заключался в следующем. Война — это своеобразная бойня, и часто попусту растрачивается лучшая кровь. Поэтому долг замужних женщин, пока их мужья воют, не отказывать членам СС. Один из дивизионных командиров Леeба, генерал-лейтенант Гроппе, сразу же после издания декрета публично отказался продолжать службу. Его арестовали и приговорили к смертной казни, но позже выпустили. Лееб сделал все возможное, чтобы защитить своего подчиненного, и благодаря его решительным протестам декрет был аннулирован.

XIV

23 ноября Гитлер устроил секретное совещание с высшим военным руководством. Он произнес длинную, весьма сумбурную речь, некоторые положения которой легли в основу секретного меморандума. Уязвимость Рура — вот основная проблема; чем больше территорий будет захвачено к западу от Рура, тем надежнее будет его положение. Гитлер в который уже раз повторял, что необходимо расширить жизненное пространство и сделать это возможно с помощью силы. Момент исключительно благоприятный. С тыла Германия защищена пактом о ненападении с Советской Россией, правда, никто не знает, как долго сохранится это положение. Смерть Сталина, как и Муссолини, может изменить ситуацию, и тогда Германия будет способна противостоять СССР только в том случае, если у нее не будет проблем за спиной.

Но пока основным для Германии оставался вопрос, связанный с западным направлением. На данный момент серьезно обсуждался только замысел Гальдера, хотя Манштейн не терял надежды, что получит одобрение его план прорыва через Арденны. Он справедливо предполагал, что враг ожидает нападения через Бельгию, и в лучшем случае этот план приведет, как говорил Шлифен, к «обычной победе», а не к полному уничтожению вражеской армии.

У плана Манштейна было два существенных преимущества: не нарушался нейтралитет Бельгии, и враг окружался в том случае, если он нарушал бельгийские границы. Но Браухич и Гальдер решительно противились этой разработ-

ке, надеясь, что им удастся отложить наступление на неопределенный срок. Когда настойчивость Манштейна стала причинять Гальдеру и Браухичу излишнее беспокойство, они сняли его с занимаемой должности и перевели во вновь сформированный армейский корпус, расквартированный в Германии. Но за Манштейном стоял Рундштедт. Шмундт, во время приезда в штаб Рундштедта, случайно увидел меморандум Манштейна и передал его Гитлеру. Фюрер мгновенно проникся смелой идеей, и на специальном совещании, которое Шмундт организовал в рейхсканцелярии, Гитлер удивил Браухича и Гальдера, неожиданно проявив интерес к плану Манштейна.

10 января немецкий самолет сбился с курса и приземлился на территории Бельгии. Среди пассажиров были офицеры Генерального штаба, у которых при себе имелись копии плана Гальдера. Планы оказались в руках бельгийцев. В результате Бельгия усилила воинские группировки на границе с Германией. Леопольд решил сохранять нейтралитет, и планы не попали к французам. Гитлер рвал и метал. Германии было бы намного выгоднее, если бы Леопольд не был столь осторожен. Когда в конечном итоге был принят план Манштейна, то через разведывательные каналы делались завуалированные намеки на то, что будет выполняться новый план Шлифена.

XV

В начале февраля Гитлер отказался от идеи зимнего наступления на запад и вплотную занялся норвежским проектом. Однако подготовка к операции «Гельб» продолжалась. Штаб Гитлера располагался в Шварцвальде в районе возвышенности Эйфель. Гитлер, как обычно, вникал во все подробности, его интересовала каждая мелочь.

17 февраля фюрер пригласил генералов на завтрак. Среди присутствующих был военный атташе в Лондоне фон Швеппенбург. Кстати, Манштейн тоже был среди приглашенных. Появилась возможность поговорить о плане. Манштейну удалось убедить Гитлера принять его план, но фюрер объединил план Манштейна с генеральным планом нападения на Францию, Бельгию и Голландию, тем самым лишив план Манштейна заложенного в нем политического смысла.

Тут же было принято решение, что реализация плана начнется с левофланговой массированной танковой атаки. Принятое Гитлером решение нанесло очередной удар по авторитету Гальдера. Позже Варлимонт говорил, что Гитлер принял всего лишь два важных стратегических решения: мощный прорыв из Восточной Пруссии к Нареву и утверждение плана Манштейна.

Все это время основной план оставался в тени. Гражданская оппозиция в Швейцарии и Ватикане делала все возможное, чтобы положить конец войне. Папен убеждал голландского посла в Анкаре и короля Швеции, что необходимо предпринять определенные шаги, которые могли бы привести к примирению. Увы, надежды на примирение таяли день ото дня, а Генеральный штаб все больше склонялся к мнению, высказанному Фроммом, что солдаты скорее пойдут за Гитлером, чем за генералами, тем более что среди офицеров запаса, вернувшихся в строй, было много национал-социалистов.

На Нюрнбергском процессе Йодль высказал свою точку зрения по этой проблеме. Он заявил, что переворот, совершенный группой генералов, никогда не будет успешным. Теоретически армия, действуя вместе с трудящимися массами, может совершить революцию, но только не в разгар войны. На войне солдат выполняет долг, который поклялся выполнять, и ничего более. Высказывая свое мнение, Йодль, вероятно, и не подозревал о существовании такого понятия, как угрызение совести. А может, просто не хотел об этом думать.

Ни Гальдер, ни Браухич не разделяли точку зрения Йодля и считали, что государственный переворот вполне возможен и во время войны. Но Браухич был из разряда непостоянных и крайне осмотрительных людей. Он старался по возможности скрыть свои взгляды и в сомнительных ситуациях прятался за спину фюрера. Время от времени командующие армиями уговаривали Браухича уйти в отставку и освободить место человеку, готовому на решительные действия. Таким человеком многие считали Манштейна. Они видели в нем не просто человека, обладающего сильным характером, а того, кто мог бы аргументированно убеждать Гитлера даже в том случае, если бы мнения Гитлера и его собственные не совпадали.

Гальдер продолжал поддерживать связь с оппозицией. В Берлине он встретился с кронпринцем Георгом Саксон-

ским, считавшимся одним из самых блестящих умов католического сопротивления. В марте Гальдер имел встречу с Герделером, который настаивал на необходимости сделать все возможное, чтобы провести мирные переговоры до начала наступления. После разговора с Герделером у фон Хасселя сложилось впечатление, что Гальдер не пойдет на компромисс и будет бороться до тех пор, пока поражение в войне не нанесет решающего удара по авторитету Гитлера. Гальдер сказал Герделеру, что армия будет выполнять свой долг, даже если это будет идти вразрез с желанием правительства. Приблизительно в это время Германию посетил заместитель госсекретаря США С. Уэллес с тем, чтобы понять, стоит ли Америке брать на себя посредническую миссию и каковы в этом случае будут шансы на успех. Уэллес отчетливо понял, по крайней мере, генералы оценили это именно так, что в Гитлере можно видеть человека, наделенного полномочиями для ведения переговоров. Если во время визита Уэллеса генералы произвели на него довольно слабое впечатление, то после наступления на Францию их авторитет полностью пал в глазах Запада. Те, кто входил с генералами в контакт в Англии, почувствовали, что их предали. Армия, которая собиралась свергнуть Гитлера, пошла в атаку на Запад.

XVI

Основное внимание было сконцентрировано на операции «Везер», а это означало развертывание немецких относительно слабых военно-морских сил и, кроме того, нарушение границ Дании, с которой был подписан договор о ненападении.

В Генеральном штабе преобладало мнение, что эта операция возможна только в случае введения в бой значительных сил, которые придется перебрасывать морским путем. Однако Гитлер не счел нужным поручать подготовку операции Генеральному штабу. Он возложил ответственность за нее на ОКВ и штаб оперативного руководства. Главнокомандующему сухопутными войсками было приказано обеспечить боеспособность шести дивизий. Генерал-полковник фон Фалькенхорст возглавил экспедиционную армию; в 1918 году он принимал участие в Финской кампании.

Штаб ОКВ должен был осуществлять руководство всем театром военных действий. Подобная практика вскоре распространилась и на другие военные операции, что было равносильно созданию второго Генерального штаба. Это был ответ Гитлера на противостояние Генерального штаба. Дело закончилось тем, что Йодль, начальник штаба оперативного руководства, стал считаться в ставке Гитлера ведущим военным специалистом своего времени.

Как и Гальдер, Йодль был баварцем, и, несомненно, Гитлер видел в нем высокопрофессионального солдата. Помимо природной интуиции, Гитлер обладал трезвым умом. Йодль ничего собой не представлял как личность, и Гитлера это очень устраивало. Йодль никогда не предпринимал никаких шагов, лежащих вне его профессиональной сферы деятельности.

Йодль имел точное представление о долге. Клятва фюреру накладывала на него единственную обязанность — обеспечить победу в войне. Он верил в гениальность Гитлера и делал все, что было в пределах его возможностей. Вот этим ограничивался его долг. Его не волновали политические проблемы. Он был одним из последних узкопрофессиональных специалистов, которых поставлял Генеральный штаб.

Между Мольтке-старшим и Йодлем был длинный путь, который вел к постепенному сужению умственных горизонтов. Общение с Гитлером также наложило отпечаток на мировоззрение Йодля. Его учение войны опровергало не только концепцию Клаузевица, но даже концепцию Людендорфа, хотя в какой-то степени и разделяло идеи последнего. Война, по мнению Йодля, является основной составляющей политики, ее движущей силой. Война — самоцель. Вот поэтому-то все разговоры Йодля с Гитлером касались только военной сферы деятельности.

Из дневника Йодля становится ясно, как в течение февраля и марта менялось мнение Гитлера в отношении приоритетности операций «Гельб» и «Везер». В марте Гитлер решил начать с операции «Везер». Все было построено на импровизации. Не разрабатывались планы Датской и Норвежской кампаний; все необходимые карты были взяты в книжных магазинах Берлина. Хитрый ход, учитывая необходимость сохранять секретность! К сожалению, военные атташе Дании и Норвегии ни о чем не подозревали, убежденные в том, что ВМФ и высшее военное командование

Германии находятся не в том положении, чтобы предпринимать какие-либо внешние действия. Когда адмирал Канарис, с фанатичной решимостью стараясь помешать всем планам Гитлера, пытался предупредить военных атташе, он столкнулся с откровенным недоверием. Атташе усмотрели в его действиях военную хитрость. Швеция забеспокоилась только тогда, когда шведские дипломаты услышали о сосредоточении транспорта в Штеттине.

5 февраля в Берлине состоялось заседание штаба, осуществлявшего руководство операцией «Везер». Отсутствие люфтваффе вызвало вспышку ярости у Геринга. Первоначально рассматривался вариант одновременного нападения на Норвегию и Голландию, чтобы одним ударом получить два порта. Потом от этой идеи пришлось отказаться, поскольку нападение на Голландию нельзя было отделять от основного наступления на Запад.

13 марта Йодль простодушно отмечает в дневнике, что фюрер не отдает приказ о начале операции «Везер», поскольку не может найти подходящего предлога. Спустя пять дней Гитлер встречался с Муссолини на перевале Бреннер (в Альпах). Дуче выразил намерение вступить в войну на стороне Германии, но подчеркнул, что Италия находится не в том состоянии, чтобы вести долгую войну. Гитлер посчитал возможным заверить Муссолини, что война долго не продлится. Наконец, 2 апреля Гитлер отдал приказ 9 апреля начать оккупацию Дании и Норвегии.

Переброска немецких войск проходила под ураганным огнем британских кораблей. На помощь армии были направлены все военно-морские силы Германии. Вопреки ожиданиям операция прошла успешно, хотя флот понес у берегов Норвегии значительные потери. В первый день было потоплено два линейных и один броненосный крейсер и два транспорта. Несколько позже у Нарвика было потоплено большое количество эскадренных миноносцев.

Дания капитулировала, не оказывая сопротивления. Утром 9 апреля немецкие корабли вошли в гавань Копенгагена и высадили войска, мгновенно заполнившие и сам город, и Королевский дворец. В отличие от Дании Норвегия оказала сопротивление агрессору. Британцы поспешно бросили в Норвегию экспедиционную армию и отрезали немецкие войска, захватившие Нарвик.

Теперь Йодлю открылось, в каком состоянии находится нервная система Гитлера и что он совершенно не кон-

тролирует себя. Об этом можно судить по лаконичным записям в дневнике Йодля: «страшно возбужден», «в жутком смятении». Такое влияние оказывали на Гитлера плохие новости. С огромным трудом Йодлю удалось убедить главнокомандующего не отказываться от намеченного. Потребовалось вмешательство подполковника фон Лоссберга, офицера Генерального штаба сухопутных войск, чтобы не позволить Гитлеру отдать приказ об отводе войск из Норвегии.

Тогда Гитлер бросился в другую крайность. Он предложил перейти шведскую границу, пройти через всю страну и освободить тех, кто был отрезан в Норвегии. Только когда шведский адмирал, являвшийся представителем короля Швеции, ясно дал понять, что Швеция окажет сопротивление, Гитлер отказался от своего плана.

4 мая ситуация с Норвегией прояснилась, и британская экспедиционная армия погрузилась на корабли. Как и в случае с Польшей, в Норвегию для осуществления руководства был немедленно направлен член национал-социалистической партии (гражданский). Ставшие уже привычными столкновения между членами национал-социалистической партии и военными приняли такие масштабы, что пробудили опасения даже в Кейтеле.

Согласно дневнику Йодля, 27 апреля Гитлер решил начать операцию «Гельб» в период между 1 и 7 мая. 5 мая Йодль пишет, что «фюрер нашел соответствующее обоснование операции «Гельб». Спустя два дня он решает, что совершено предательство. Подслушанный телефонный разговор между бельгийским послом в Ватикане и Брюсселем позволил сделать вывод, что из Германии просочились сведения о плане. 8 мая Голландия провела мобилизацию, и Гитлер отложил операцию на 10 мая.

Опасения Йодля в отношении утечки информации были не напрасны. 9 мая Канарис через своего начальника штаба Остера направил последнее предупреждение датскому военному атташе в Берлине. Остер был близким другом датского атташе и откровенно сообщил ему, что «эта свинья» идет к западной границе.

На тот момент Франция и Британия развернули две группы армий под командованием генералов Биллотте и Претелата севернее и южнее Седана. В случае необходимости Биллотте двигался вместе с четырьмя армиями и шестью дивизиями британской экспедиционной армии в Бельгию. В

соответствии с планом Манштейна в центре атаки находилась группа «А» под командованием Клейста, в которой сконцентрировалось такое количество танков, о котором до этого момента мир даже не подозревал. Три танковых корпуса и моторизованная пехота! Тысяча самолетов поддерживала танковый удар. Основная проблема была связана даже не с поломками танков и снабжением горючим, а с тем, что начальником штаба у Клейста был полковник Цейтцлер.

Наступление началось 10 мая под предлогом того, что франко-британские войска планировали прорваться в Голландию и Бельгию, чтобы атаковать Рур. Таким образом, сто десять немецких дивизий были брошены против ста тридцати пяти вражеских. Несмотря на численное превосходство вражеских сил, Йодль на следующий день пишет в дневнике, что операция прошла на редкость успешно. 6-я армия под командованием Рейхенау вступила в Бельгию. Воздушно-десантные войска под командованием генерала Штудента вместе с 18-й армией под командованием фон Кюхлера заняли Голландию, которая сдалась через пять дней. Фон Лееб закрепился на юге, ожидая развития событий.

Самый страшный удар был нанесен в Арденнах. 9-я французская армия под командованием генерала Корапа, которая удерживала этот участок фронта, отошла к Нормандии, чтобы парировать удар, нанесенный по Бельгии. В момент атаки она располагала только четырьмя резервными дивизиями и формированием бельгийских стрелков. Корапу не удалось отвести войска.

Группа армий под командованием Биллотте вошла в Бельгию вместе с британцами, дошла до канала Альберта, но была отброшены танковым ударом. 13 мая немецкие танковые соединения почти беспрепятственно достигли берегов Мааса, в тот же день форсировали реку и двинулись к побережью. Эффективная поддержка с воздуха обеспечила успех танковых колонн.

Незадолго до этих событий Гитлер доказал, что не способен использовать имеющееся у него у руках орудие. Он не обладал и долей того хладнокровия, которое было свойственно Мольтке-старшему. Нервное возбуждение сменялось ребяческим ликованием. 17 мая Гальдер отметил, что «фюрер излишне возбужден», сказал, что напуган своими успехами и хочет остановить танковое наступление. 18 мая Гальдер стал свидетелем одной из тех вспышек ярости, ко-

торые свойственны истеричным натурам в моменты наивысшего напряжения. Спустя еще два дня Йодль увидел уже совсем другого Гитлера. Теперь фюрер был уверен в победе. «Фюрер был вне себя от радости, — написал в дневнике Йодль. — Интересуется мирными условиями. Восстановлением территорий, которые немцы потеряли за последние четыреста лет. Предварительные переговоры в Компьенском лесу, как в 1918 году. После передачи колоний Британия в любое время получит сепаратный мир».

21 мая немецкие танки вышли к Ла-Маншу. Британцы начали отступать к портам, и немецкие танки устремились к Дюнкерку. Четыре союзнические армии были, фактически, окружены.

24 мая Гитлер вместе с Йодлем и Шмундтом вылетели к Черчиллю. Теперь стало ясно, что из-за недоверия к армии и патологических страхов фюрер утратил ощущение перспективы. Он приказал командирам танковых колонн подойти как можно ближе к британским войскам, грузившимся на корабле в Дюнкерке, и остановиться. Он якобы хотел избежать опасности рассредоточения, но на самом деле думал абсолютно о другом. Геринг, по словам Гальдера, убедил фюрера, что нельзя позволить армии добиться такого успеха, как захват британской экспедиционной армии. Люфтваффе ничего не стоило помешать погрузке британских войск, но, похоже, Гитлер надеялся достичь взаимопонимания с Англией, но это вряд ли удалось, если бы он поставил великую страну в унизительное положение.

Не меньше двух дней потратили Гитлер, Браухич и Рундштедт, прежде чем решили вопрос с танковыми колоннами. За это время большая часть британской армии смогла безнаказанно ускользнуть. «Невозможно говорить с дураком, — сказал генерал Томас капитану Лиддел-Гарту, — Гитлер упустил шанс одержать победу». Спустя несколько дней после «удивительных событий в Дюнкерке» Гитлер объяснил Клейсту, что не хотел, чтобы его танки «испачкались в грязи во Фландрии». И добавил: «В любом случае, англичане больше не появятся в этой войне». Рундштедт и фон Зоденштерн, преемник Манштейна на должности начальника штаба Рундштедта, выслушали другую версию. Якобы Гитлер хотел заключить с Англией почетный мир. Даже немецкие колонии не были слишком дорогой ценой в уплату за такой мир. Рундштедт, который никогда не хотел воевать с Англией, испытал облегчение от этих слов.

XVII

Немцы продолжали одерживать победы. Они захватили порты на Ла-Манше. Бельгийская армия объявила о капитуляции. Немецкие армии спокойно перегруппировались. Вторая фаза борьбы с Францией началась с наступления на линию Вейгана вдоль рек Сомма и Эна. Эта линия, названная по имени главнокомандующего, сменившего Гамелена, защищала Париж и бассейн Сены. Но даже таланты Вейгана не смогли спасти положение.

Новое немецкое наступление началось 5 июня. Фон Бок с тремя армиями начал наступление на Сомме, а Рундштедт с группой армий «А» наступал на Эне. 10 июня линия Вейгана была прорвана. Фон Лееб перешел в атаку на линии Мажино. В войну вступила Италия. Войска фон Кюхлера вошли в Париж.

Потоки беженцев запрудили дороги и мешали движению войск. Французское правительство переехало сначала в Тур, а затем в Бордо. В этот час испытаний, чтобы спасти страну, Петен вместе с Вейганом и другими военными сформировал правительство. В середине июня Петен вышел с предложением о заключении перемирия, и 21 июня новые хозяева Европы подписали соглашение о перемирии в Компьенском лесу, в том же самом знаменитом вагоне, в котором в 1918 году Фош принял капитуляцию Германии. Немецкий Генеральный штаб разместился в Фонтенбло.

Торжествующий Гитлер стоял на берегу Ла-Манша. В соответствии с доктриной Шлифена военная победа решала политическую проблему. Так ли это было на самом деле? После войны фельдмаршал фон Клейст заметил в разговоре с капитаном Лиддел-Гартом: «Ошибка Германии заключается в том, что она считает, будто военный успех может решить политические проблемы. На самом деле при нацистах мы стремились изменить мнение Клаузевица и рассматривали мир как перерыв в войне».

Глава 14
НАЧАЛО ПОРАБОЩЕНИЯ

I

Учитывая возможности британского военно-морского флота и королевских военно-воздушных сил, нечего было даже пытаться высадиться на побережье Англии. Гитлер был уверен, что Англия готова к мирным переговорам, и неофициально зондировал почву через швейцарского посланника в Лондоне, британского посланника в Берне и принца фон Гогенлоэ. В Германии уже началась демобилизация. Когда 30 июня Гальдер вернулся в Берлин, Вайцзеккер объяснил ему, что нет серьезных оснований для ведения каких-либо мирных переговоров. Письма Ллойд Джорджа и герцога Виндзорского королю Георгу VI, в которых они выдвигают предложения о мире, подтверждают слова Вайцзеккера.

В тот же день, когда Гальдер встречался с Вайцзеккером, Йодль пытался изложить свои идеи о том, каким способом можно продолжить войну. Он писал, что окончательная победа над Англией всего лишь дело времени. Совсем не обязательно немедленно приступать к высадке. Англию можно поставить на колени с помощью воздушных атак и подводной войны. И только в самом конце вторгнуться в страну и нанести израненному врагу смертельный удар.

В Париже разрасталось обычное соперничество между членами национал-социалистической партии и военными. Национал-социалистическая партия и СС, естественно, взяли в свои руки управление завоеванными территориями. Гитлер заявил, что ваффен СС должны стать государственной военизированной полицией, чтобы освободить

армию от обязанностей, связанных с оккупацией. В действительности он продолжал создавать новую армию, которая в скором времени имела уже двадцать отборных дивизий (мы не раз упоминали о дивизии «Лейбштандарте Адольф Гитлер», одной из дивизий ваффен СС).

Во время наступления на Францию произошел инцидент между командующим танковой дивизией генералом Гепнером, давним врагом режима, и Дитрихом, командиром «Лейбштандарте Адольф Гитлер». Когда перед наступлением Дитрих заявил, что выполнит во что бы то ни стало поставленную задачу, поскольку не придает особого значения человеческой жизни, дрожащий от гнева Гепнер ответил, что порядочному офицеру подобные высказывания не к лицу. Так может думать только мясник.

Во Франции, как и повсюду, армия и Генеральный штаб стояли за оборонительную позицию. Это объясняет стремление Гиммлера сформировать новую собственную армию. К большому неудовольствию Геринга, были предприняты усилия по созданию военно-воздушных сил СС. Однако свою контрразведку, целью которой было поглощение соответствующей военной структуры, СС создать удалось. Возглавил контрразведку (VI управление РСХА) бригадефюрер СС Шелленберг.

Шелленберг, как и Канарис, преследовал собственные интересы, но, в отличие от Канариса, не боролся с режимом, а стремился действовать таким образом, чтобы усилить власть своего повелителя. Шелленберг представлял всего лишь одну грань нового государства в государстве, которое создавалось в СС. Главное административно-хозяйственное управление СС (Wirtschafts und Verwaltungshauptamt), в которое входил центральный отдел (управленческая группа «Д») управления концентрационных лагерей, занимавшийся в числе прочего «дармовой» рабочей силой, превратил в источник дохода постоянно растущую численность заключенных концентрационных лагерей. Об этом военные были практически не осведомлены.

На востоке советское правительство поспешно пожинало плоды пакта о ненападении. В состав Советского Союза вошли Прибалтийские государства. Сталин вновь обратил взор на Финляндию и Бессарабию, которая в 1919 году присоединилась к Румынии. Опереточный режим Кароля оказался между жерновами двух диктатур. А вот отношения советского правительства и тех, кто держал в своих

руках власть в Берлине, оставались безукоризненными. Перебоев с поставками зерна, нефти и другого сырья не наблюдалось.

Во время войны во Франции на Восточном фронте находилось семь дивизий, две из которых в конечном итоге были переброшены на запад. Помимо развертывания войск в направлении Румынии, Советский Союз сконцентрировал войска в Восточной Польше и Восточной Галиции. Никто не может сказать, стояли за этим агрессивные намерения или это были просто меры безопасности, предпринятые СССР. Второе объяснение исходило от посла графа фон дер Шуленбурга и военного атташе генерал-лейтенант Кестринга, но уже весной румынские нефтяные месторождения стали вызывать определенное беспокойство.

Это может частично объяснить тот факт, почему Генеральный штаб в начале июля приступил к разработке плана нападения на Англию и наступления на Восток. Гитлер хотел, чтобы в случае проведения восточной операции начальник оперативного отдела полковник фон Грейффенберг стал первым обер-квартирмейстером. Одновременно Генеральный штаб разрабатывал планы перевода основной армии на положение, соответствующее мирному времени, и создания специальной штурмовой армии против Англии, так называемой армии «Е». А тем временем в Генеральный штаб непрерывно поступали донесения о предпринимаемых Испанией и Швецией попытках выступить с примирительной миссией. Густав V пытался принять участие в переговорах, начавшихся между Лондоном и Берлином. Чиано отмечал, что Риббентроп надеялся на мир.

II

16 июля Гитлер объявил армейскому командованию, что он решил остановиться на операции, связанной с вторжением в Англию (названной «Морской лев»). Спустя три дня, 19 июля, в речи, произнесенной в рейхстаге, Гитлер сделал официальное мирное предложение Англии и, воспользовавшись случаем, присвоил нескольким генералам звание фельдмаршалов. Первыми в списке были командующие сухопутными войсками — Рундштедт, Бок и Лееб. Звание фельдмаршала было также присвоено Кейтелю. Геринг стал рейхсмаршалом (звание, придуманное для особых случаев),

а начальник Генерального штаба стал просто генерал-полковником. Мирное предложение, сделанное с трибуны рейхстага в присутствии одаренных чинами генералов и адмиралов, осталось без ответа. Из этого следовало, что операция «Морской лев» должна идти своим путем.

Первоначальный план кампании предполагал использование для первой атаки тринадцати дивизий. Кроме того, порядка двадцати трех дивизий должны были находиться в резерве. Группа армий «А» должна была осуществить две высадки: одну между Маргитом и Гастингсом, а другую между Брайтоном и Портсмутом. По всей видимости, ожидалось, что по выходе немецких войск к первому рубежу «развернутся тяжелые бои с крупными силами англичан», которые будут быстро разгромлены, и немецкая армия двинется дальше на север.

Однако военно-морской флот, понесший серьезный урон у норвежских берегов, не был так уж уверен в успешном исходе операции. Гросс-адмирал Редер убедительно настаивал на сокращении фронта от Па-де-Кале до Истборна. Военно-морской флот был не в состоянии выделить число кораблей, необходимое для проведения такой широкомасштабной операции в условиях ожидаемого сильного противодействия британского флота и военно-воздушных сил. Если армия будет настаивать на широком фронте, то она может оказаться в крайне тяжелом положении.

Гальдер категорически отверг предложения командования ВМФ, обсуждение которых заняло непредвиденно много времени. Гальдер заявил: «С точки зрения армии я считаю предлагаемый флотом вариант настоящим самоубийством. С таким же успехом мы могли бы высаженные войска пропустить через мясорубку!» В конечном итоге Гитлер принял компромиссное решение, несколько сократив предполагаемый фронт высадки.

Компромиссное решение никому не пришлось по вкусу. Только сохранявший оптимизм Геринг был уверен, что «его люфтваффе» уничтожит воздушные силы Британии. Гитлер очень надеялся, что люфтваффе не только уничтожит королевские военно-воздушные силы, но и значительно ослабит мощь британского военно-морского флота.

31 июля фюрер принял решение, что, если не возникнет каких-либо непредвиденных обстоятельств, операция начнется 15 сентября.

События в мире разворачивались полным ходом. Италия предприняла наступление на Египет. На начальном этапе итальянскими войсками командовал старый соперник Муссолини маршал Итало Бальбо. 28 июня маршал погиб. Во время налета английской авиации итальянские зенитчики по ошибке сбили самолет, в котором летел маршал Бальбо. Бедный, невезучий маршал! Надо сказать, что в то время Гальдер и Браухич не возлагали больших надежд на Италию.

30 июля главнокомандующий сухопутными войсками и начальник Генерального штаба обсуждали сложившееся на данный момент положение. Они оба придерживались мнения, что нападение на Англию нельзя откладывать на неопределенное время, поскольку это даст ей возможность накопить силы. Гальдер и Браухич видели несколько способов ослабления грозного врага. К примеру, нападение на Гибралтар, усиление Италии немецкими танками. Можно было убедить Советский Союз предпринять действия в Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Правда, они опасались, что СССР мог объединиться с врагами Германии, и по этой причине придавали большое значение сохранению хороших отношений с Советским Союзом.

Зловещим кажется сам факт того, что Генеральный штаб стал пристально всматриваться в даль. Идея тотальной войны соответствовала его представлению о расширении собственного влияния. Но по сравнению с 1914 годом ситуация в стране существенно изменилась. И в экономическом, и во всех других отношениях немцы стали намного слабее, и те альянсы, которые они заключали, оказывались менее надежными, чем в период Первой мировой войны. Кроме того, расширение влияния люфтваффе поставило штаб сухопутных войск в довольно невыгодное положение. Бек предсказывал возможность подобной ситуации, и час пробил. Война, в которую Гитлер так беззаботно втянул свою страну, поставила перед Браухичем и Гальдером проблемы, которые были им не по силам.

В течение нескольких недель, пока шло обсуждение операции «Морской лев», Гитлер демонстрировал чудеса непостоянства. Единственным конкретным решением, принятым в этот период, было превращение Балкан в немецкую сферу влияния и удерживание их как можно дольше вне войны. Тем временем над Англией начали разворачиваться

жестокие воздушные бои; люфтваффе повело массированную атаку на врага. Британские истребители бесстрашно защищали свое небо. Германия не успевала покрыть понесенные авиацией потери. Английские бомбардировщики атаковали скопившиеся в портах Ла-Манша немецкие корабли. Ночные налеты вражеской авиации на промышленные предприятия Германии тормозили процесс производства. Гитлер быстро терял интерес к планам вторжения. 14 сентября он перенес дату начала операции «Морской лев» с 21 на 24 сентября.

На следующий день, 15 сентября, произошло сражение над Кентом. По заявлению британцев, было сбито сто восемьдесят три немецких самолета, хотя в действительности потери Германии составили пятьдесят шесть самолетов, а Британии — сорок. Немецкое командование, не зная, что Англия использовала последние резервы, было сильно обеспокоено собственными потерями. 17 сентября, решив, что победить Англию в небе не представляется возможным, Гитлер объявил, что откладывает операцию «Морской лев» на неопределенное время.

Люфтваффе, не теряя надежды сломить сопротивление противника, перешло к ночным бомбардировкам промышленных и жилых районов Англии. Начался знаменитый «блицкриг». Всего было сброшено сто девяносто тонн бомб, а такие места, как Ковентри, один из центров авиационной промышленности, практически сровняли с землей. За восемьдесят пять ночей Лондон подвергся восьмидесяти двум воздушным атакам. Но Британия продолжала отчаянно сопротивляться. Люфтваффе уже не могло проводить широкомасштабные операции; сказывалась нехватка самолетов. Кроме того, пока еще не была разработана тактика с использованием большего количества самолетов и так называемого «коврового бомбометания».

III

На передний план выдвинулись другие замыслы. Немецкие дипломаты, журналисты и агенты всех мастей отправились в Турцию, Иран и Ирак. Немецкие офицеры поехали в Сирию, губернатор которой, генерал Дентц, располагал войсками, в том числе иностранными легионерами, и был сторонником Петена и авторитарного государства. В это

время Дарлан, главнокомандующий французскими военно-морскими силами, заявил, что, при условии достижения соответствующего соглашения, готов вместе с Германией выступить против Англии. Отложив рассмотрение этого заманчивого предложения на более удобное время, Гитлер поставил перед собой менее эффектную цель: добиться включения Франции в новый европейский порядок и уговорить Франко заключить антибританский пакт. Сложность заключалась в том, что территориальные притязания каудильо (титул диктатора Испании Франко) распространялись в числе прочего на Марокко и Западный Алжир, а это плохо согласовывалось с честной сделкой, заключенной с Францией. Кроме того, Франко отрицательно относился к идее расквартирования немецких войск в Испании, хотя активно настаивал на том, чтобы Германия оказала ему помощь в перевооружении.

В октябре Гитлер нанес визит Петену и Лавалю в Монтуаре, а вскоре он уже встречал Франко и его министра иностранных дел Серрано Сунера на границе в Эндае. Хотя Франко и заявил, что в принципе готов и даже стремится вступить в войну на стороне оси, возбужденные разглагольствования Гитлера не произвели на него никакого впечатления. Беседы, начатые в Эндае, продолжались несколько месяцев. Позже Гитлер сказал, что скорее предпочел бы вырвать несколько зубов, чем опять вести переговоры с Франко. И все-таки Гитлер не отказался от мысли добиться помощи Франко в наступлении на Гибралтар. Для проведения этой операции были разработаны орудия калибра 600 мм.

12 ноября появилась директива № 18 в отношении операций «Феликс» (Испания) и «Изабелла» (Португалия). Операции предусматривали захват Гибралтара, оккупацию Португалии и островов Зеленого Мыса, Мадейры и Азорских островов. Нужно было совсем потерять чувство реальности, чтобы вынашивать подобные планы.

Гитлер требовал, чтобы все подготовительные работы были проведены в течение двух месяцев. Рейхенау должен был следить за ходом их выполнения. Канариса отправили в Мадрид. Во время Первой мировой войны Канарис находился в Испании в качестве секретного представителя и имел много друзей в правительстве и в монархических кругах. Гитлер даже не подозревал, что Канарис был одним из его самых опасных врагов.

Ведь именно Канарис советовал Франко не принимать участия в войне, которая, Канарис был в этом уверен, приведет к поражению Германии. Испания сконцентрировала войска на Пиренеях, и в декабре Гитлер, отчетливо понимая, что больше не может рассчитывать на помощь Испании, отказался от операции «Феликс».

IV

После возвращения из Эндая Гитлер столкнулся с новой проблемой, которая существенным образом изменила все представления. Несмотря на поражение в Северной Африке, Муссолини (вероятно, опасаясь утратить свое влияние) решил на свой страх и риск вторгнуться в Грецию.

Балканы превратились в театр военных действий. Гитлер не был готов к такому повороту событий. Приходилось учитывать, что британские войска вполне могли высадиться в Греции. Положение осложнилось тем, что итальянские формирования потерпели поражение, греки перешли в контрнаступление и вторглись в Албанию. Муссолини обратился за помощью, и появление немецких войск на Балканах не улучшило и без того непростые русско-германские отношения. Йодль, понимая, что рано или поздно Греция должна подвергнуться нападению, позже чрезвычайно пренебрежительно говорил о «необыкновенном подвиге» Муссолини.

Летом Гитлер всерьез взялся за рассмотрение вопроса, связанного с нападением на Советский Союз. Мысль об увеличении «жизненного пространства» давно не давала ему покоя и к тому же составляла основу его собственной теории. Гитлер всегда испытывал недоверие к России. Кроме того, Советский Союз нацеливался не только на Финляндию, но стремился завладеть всеми территориями, которыми когда-то владели русские цари.

Поскольку о быстром поражении Англии не могло быть и речи и несмотря на тот факт, что Франция, британский «континентальный меч», оказалась беспомощной, встал вопрос о надежном сырьевом источнике, который смог бы обеспечить ведение длительной войны. В донесениях из Москвы Шуленбург клятвенно заверял Гитлера, что Сталин искренне стремится поддерживать с Германией дружеские отношения, но Гитлер был постоянен в своих привычках и образе мыслей.

С его точки зрения, СССР был новым потенциальным «континентальным мечом» Британии. Йодль говорил, что в один прекрасный день окажется, что русские просто хладнокровные шантажисты и, вполне вероятно, сами могут напасть на Германию.

В начале августа 1940 года Гитлер отдал приказ готовить Польшу в качестве плацдарма для восточной кампании; заняться ремонтом необходимых в этом случае железнодорожных путей, дорог, летных полей. В августе на восток были переброшены десять пехотных и две танковые дивизии.

Восточная кампания, по оценке Гитлера, могла потребовать от восьмидесяти до ста дивизий. По предварительной оценке враг на тот момент располагал семьюдесятью пятью, а возможно, даже пятьюдесятью дивизиями. Исчерпывающую информацию не мог предоставить ни отдел иностранных армий Генерального штаба, который возглавлял полковник Кайнцель, ни военный атташе в Москве генерал Кестринг, ни его заместитель полковник Кребс, который часто бывал в Советском Союзе. Кестринг, однако, предупреждал, что не стоит недооценивать силы противника.

На начальной стадии приказ составить план восточной кампании получил генерал-майор Маркс, начальник штаба 18-й армии, бывший сотрудник Шлейхера, хорошо знавший Россию. В качестве южного плацдарма Маркс предложил использовать Румынию, а на севере он рассчитывал на участие Финляндии. Генеральный штаб внес коррективы в первоначальный план, который не учитывал возможность отступления советских войск в глубь необъятных российских просторов.

В сентябре 1940 года генерал-лейтенант Паулюс, начальник штаба 16-го танкового корпуса, который одно время был начальником штаба Рейхенау, стал первым обер-квартирмейстером и помощником начальника Генерального штаба. Гальдер рассчитывал, что это место займет полковник Грейффенберг, человек осмотрительный, консерватор, а не Паулюс, представитель более молодого поколения штабных специалистов, узко профессиональных, не обладающих широким кругозором. Генеральный штаб, по мнению Гитлера, нуждался в притоке свежей крови, в молодых, энергичных офицерах. Генерал Хойзингер был назначен начальником оперативного отдела.

Паулюс приказал провести военную игру, взяла за основу план Маркса, чтобы проиграть возможные варианты восточной кампании. После чего был сделан вывод, что есть шансы протянуть фронт от Ленинграда через Смоленск до Днепра. Следующие оперативные решения можно будет принимать после того, как армии дойдут до этого рубежа.

Еще в конце лета Генеральный штаб разработал новую схему расстановки сил. Сто двадцать дивизий предназначались для восточной кампании, пятьдесят — для Франции, семь — для Норвегии, три — для Голландии. Одну танковую дивизию в сентябре направили в Румынию. В ноябре Молотов прибыл в Берлин с искренним намерением добиться мирного решения всех спорных вопросов. Территориальная политика Советского Союза своими корнями уходила в политику, проводимую царской Россией. Гитлер решил, что его вполне устраивает позиция СССР. В результате удастся овладеть Финляндией, получить *point d'appui*[1] в Дарданеллах, укрепить положение в Юго-Восточной Европе и на Балканах.

Гитлер хотел обратить взгляд России в сторону Ближнего Востока и набросать план раздела мира. И все-таки эти двое, Гитлер и Молотов, говорили на разных языках. Гитлер, который зависел от поставок из СССР, и этот факт приводил его бешенство (он ненавидел зависимость), почувствовал, как в его сердце закрадывается непонятная тревога.

V

5 декабря Гальдер ознакомил Гитлера с планом восточной кампании. Гальдер подчеркнул, что необходимо внести корректировку в первоначальные разработки, поскольку топографические особенности местности не позволяют развернуть фронт, грубо говоря, с севера на юг. Мешают заболоченные берега Припяти. Поэтому он предлагает использовать три группы армий; две группы начнут наступление в направлении Ленинград—Минск—Смоленск, а третья — в направлении Киева и дальше в глубь Украины. По мнению Гальдера, советские армии не могут отступить за Днепр, не

[1] Точка опоры (*фр.*).

ввязавшись в бой. Гитлер справедливо подчеркнул, что необходимо помешать советским войскам отойти в глубь страны. Воспоминания о походах Наполеона и Карла XII не давали ему покоя.

Гальдер пребывал в нерешительности. Он считал, что вполне возможен вариант проведения быстрой кампании в Советском Союзе и даже если не удастся полностью уничтожить ее военную мощь, то, по крайней мере, она лишится западных армий. Но ему не хотелось предпринимать новые шаги до тех пор, пока нет конкретного решения в отношении Запада. Согласно одной версии, Гальдер якобы посетовал, что «доверился этому дураку, который навязал на нашу шею русских», но ведь Гальдер, как и Гитлер, сам усомнился в искренности намерений Советского Союза. Он был обеспокоен сосредоточением советских войск и считал, что следует принять превентивные меры. Бек, с которым Гальдер поддерживал отношения (хотя и не очень тесные), предостерегал его против восточной кампании, но, как это часто бывает в подобных случаях, к его предостережениям никто не прислушивался.

Замысел восточной кампании стал обретать конкретные очертания. В плане Гальдера он шел еще под названием «операция «Отто», но в директиве № 21 от 18 декабря он проходил уже под названием «план «Барбаросса». Директива указывала на необходимость быстрой и окончательной победы над СССР, и, если понадобится, план будет введен в действие до завершения операций против Англии. Безусловно, Гитлер зашел слишком далеко. Еще когда Раушнинг подчеркивал опасность франко-русско-британской коалиции, Гитлер заметил, что подобного никогда не произойдет, но если такое все-таки случится, то все его планы пойдут насмарку. Теперь его самоуверенность возросла до такой степени, что он был готов по собственной инициативе напасть на Советский Союз.

VI

Второстепенные проблемы, особенно на Балканах, не в меньшей степени требовали внимания Генерального штаба. Если Англия нападет на Грецию или ухудшится положение итальянцев в Албании, придется проникнуть через Болгарию во Фракию и в Северную Грецию. Согласно директи-

ве № 20, для проведения операции «Марита» было необходимо сконцентрировать в Румынии армию из семи дивизий под командованием Листа. Далее. Итальянцы вполне могут обратиться за помощью к Германии. Что это означает? Как минимум, наличие четырех потенциальных фронтов, если считать СССР и Испанию.

Интересно, что с ростом возложенных на него обязанностей влияние Генерального штаба постепенно уменьшалось. Браухич и Гальдер искренне верили, что Генеральный штаб нельзя рассматривать иначе, как мозговой центр, но Гитлер так не считал (или делал вид). Он не давал возможности Генеральному штабу проявить свои способности и не переносил никакой критики в свой адрес. Если «фюрер отдал приказ», надо его выполнять, а не высказывать какие-то сомнения. Кейтель понял, что значит «тяжелая рука» хозяина, когда вручил ему докладную, в которой указывал на опасность действий, связанных, как называл это Гитлер, «с чисткой тыла». Гитлер грубо заявил Кейтелю, что считает его точку зрения абсолютно ошибочной. Кейтель тут же попросил об отставке (уже во второй раз). Гитлер обругал его и, как и в прошлый раз, заявил, что генералы не имеют права уходить в отставку; им это противопоказано. Кейтель беспрекословно подчинился. Гитлер, вероятно в благодарность за послушание, считал Кейтеля человеком с «интеллектом привратника».

Понятно, что грубое пренебрежение советами Генерального штаба должно было привести к печальным последствиям. Генеральный штаб настоятельно требовал увеличить численность резерва, но Гитлер и не думал реагировать на подобные высказывания. Армия, люфтваффе, военно-морской флот, ваффен СС, да и все остальные службы продолжали активно соперничать друг с другом, обсуждая кампанию против восточной державы, хотя предпочтение следовало бы отдать армии.

Нельзя не отметить, что в то время даже в Генеральном штабе превалировали оптимистичные оценки в отношении восточной кампании. Выдвигалось предположение, что удастся быстро достигнуть намеченной линии, но армии (конечно, не всей!) придется задержаться там несколько дольше. Значит, следует позаботиться о зимней форме одежды, приблизительно для двадцати процентах задействованных войск.

Успешность «молниеносной кампании» в значительной степени зависела от дееспособности танковых дивизий.

Удастся ли им решить поставленную задачу? Гудериан не мог однозначно ответить на этот вопрос. Впоследствии командующий танковым корпусом объяснял, что ощущалась серьезная нехватка резервных танковых дивизий.

По свидетельству генерала Томаса, в начале кампании в немецкой армии была двадцать одна танковая дивизия, имевшая на вооружении две тысячи четыреста тридцать четыре танка. Гитлер ничего не хотел слушать о размерах танковой армии противника, а ведь по приблизительным оценкам в ней было десять тысяч танков. Когда ему называли такие цифры, он только отмахивался, заявляя, что этого просто не может быть. Ни Гитлер, ни Генеральный штаб ничего не знали о существовании советского танка «Т-34». Гитлер признался в письме к Муссолини, что этот танк стал для него «сюрпризом», одним из многих в войне с Советским Союзом.

Концепция восточной кампании вызвала серьезные разногласия между Гитлером и Генеральным штабом. По мнению Гальдера, основной целью была Москва, центр транспортной системы СССР. 3 февраля Гальдер особо подчеркнул свое мнение, но Гитлер заявил, что Москва совсем ни при чем; Генеральный штаб мыслит старыми категориями. Ленинград, от которого рукой подать до Финляндии, и юг с его промышленными зонами — вот что имеет значение, в чем он заинтересован в первую очередь. Однако, хотя теоретически основной вес нападения должен был пасть на фланги, в первоначальном варианте тактическая схема предполагала нанесение основного удара в центре. Высшее армейское командование действовало в соответствии с тактической схемой, придерживаясь мнения, что основной удар следует нанести по Москве.

Нападение планировалось на май. В марте Гитлер, собрав всех командующих армиями, выдвинул перед ними лозунг: «Уничтожение армии — распад государства». Он хотел, как только будет достигнута эта цель, создать оборонительный рубеж, который будут удерживать от пятидесяти до шестидесяти дивизий. После чего остальная часть вооруженных сил займется другими вопросами. К примеру, захватом Гибралтара.

Поначалу в Генеральном штабе превалировала идея поделить всю территорию Советского Союза на отдельные государства. Прибалтийские республики, Белоруссия, Украина станут «свободными от Сталина» государствами с

собственными правительствами; немецкие военные представители будут выступать в качестве советников. Эти государства образуют защитный кордон.

На инструктивном заседании все эти идеи были выброшены за борт, проще говоря, признаны негодными. Гитлер заявил, что указанные территории станут протекторатами рейха. Интеллигенция будет уничтожена. Правящая немецкая каста будет использовать население завоеванных территорий в качестве дармовой рабочей силы. Ни о каком благородстве не может идти речи, только жестокость и еще раз жестокость. Гитлер требовал слепо повиноваться его приказам, нравятся они кому-то или нет. Командовать тыловыми районами будет не армия, а СС и гестапо. «Особые задания» — тогда еще никто не представлял, каким кошмаром обернутся эти «особые задания», — будут выполнять «специальные формирования» СД.

VII

Гитлер надеялся локализовать итало-греческий конфликт, втянув в свою систему Румынию, Венгрию, Болгарию и Югославию, но он был не в состоянии помешать Британии вторгнуться в Грецию. Как только правительство Югославии присоединилось к Берлинскому пакту, вспыхнул военный переворот, и Югославия вошла в лагерь союзников.

Ответом Гитлера на действия югославов стала операция «Марита». Германские и венгерские армии вторглись в Югославию. Одновременно Лист начал наступление во Фракии.

Генеральный штаб опять приступил к кропотливой работе, составляя схему взаимодействия танковых формирований с авиацией. Браухич и Гальдер в нарушении приказа Гитлера направили в Албанию войска в помощь оказавшимся в трудном положении итальянцам. Дальнейшие события подтвердили правильность их решения. Британские войска были выбиты из Греции, и уже 27 апреля над Акрополем развевался флаг со свастикой.

Ряд «незначительных» событий послужил прелюдией к восточной кампании. Немецкие парашютисты захватили Крит, который защищали греческие и британские войска, но тяжелые потери не позволили немцам захватить Кипр. Революция в Ираке, не без участия Германии, потерпела

неудачу, в основном по той причине, что Турция, хотя и подписала с Германией договор о дружбе, отказалась пропустить немецкие войска через свою территорию. Вскоре французские войска под командованием генерала де Голля вошли в Сирию, и, несмотря на то что правитель Ирана Реза-шах Пехлеви был дружески настроен к государствам оси, Германия оказалась в довольно невыгодной позиции.

Призывы Муссолини о помощи после поражения в Ливии заставили Гитлера направить три лучшие танковые дивизии в Африку. Новой операции, которую возглавил генерал Эрвин Роммель, было дано поэтическое название «Подсолнечник» («Sonnenblume»). Роммель практически коренным образом изменил ситуацию, выбив английские войска из Ливии, после чего английские журналисты увидели в нем нового Зейдлица или нового Мюрата. Он уже отличился как командующий 7-й танковой дивизией во Франции, являлся автором книг по военной тактике, которые пользовались большим успехом. Он был представителем армии в штабе гитлерюгенда и в начале войны отвечал за бронепоезд фюрера, обязанность, от которой был досрочно освобожден, поскольку слыл невероятным интриганом. Он не заканчивал школы Генерального штаба и, вероятно, поэтому не пользовался уважением своего начальства, зато пришелся по вкусу Гитлеру.

VIII

Опасность открытия фронта на востоке, благодаря чему Германия может оказаться перед необходимостью вести войну на два фронта, как в 1914 году, вызвала в офицерском корпусе революционные волнения. Генерал Томас вместе с Герделером составил для Гальдера отчет о смертельной опасности, связанной с ведением восточной кампании, противоречащей доктрине Секта, чьим учеником был Томас. Витцлебен, командующий Западным фронтом, и фон Фалькенхаузен, главнокомандующий в Бельгии, были старыми врагами Гитлера. Витцлебен никогда не отбрасывал идею о государственном перевороте. Члены оппозиционной организации «Молодые консерваторы», в особенности лейтенант фон Шлабрендорф, который служил в штабе фон Бока в Посене, стремились повлиять на Бока, чтобы он помог отменить восточную кампанию.

В центральной группе армий образовалась небольшая оппозиционно настроенная группа. Полковник фон Тресков, офицер контрразведки, фон Герздорф, бывший адъютант фон Бока, полковник Шультце-Бюргер, и графы Лендорф-Штайнорт и Гарденберг-Нойхарденберг, в то время адъютанты Бока. Сам Бок был настроен весьма скептически, но признавался, что не знает, как можно выиграть войну. Фон Хассель как-то сказал капитану фон Сальвиати, адъютанту Рундштедта, что фельдмаршал прекрасно понимает, как далеко все зашло.

Вне всяких сомнений, авторитет Гитлера в армии к весне 1941 года достиг наивысшей точки. Теперь, когда старый Генеральный штаб, и прежде всего «Heulboje» (буй-ревун), как Гитлер прозвал Бека, доказали свою несостоятельность, переоценив силу французской армии и неприступность линии Мажино, Гитлер практически перестал с ним считаться.

Бисмарк, сын великого канцлера, служивший министром-советником в Риме, откровенно объяснил Чиано, что сегодня, когда Гитлер оказался прав в отношении линии Мажино, генералы не смеют раскрыть рта. Лучшие из них находятся на фронте, а не в окружении Гитлера.

Теперь Гитлер принимал в штыки любые предложения Генерального штаба. Он отклонил планы генштабистов создать из стратегического резерва новые формирования и заявил, что нет смысла запасаться зимней одеждой, поскольку все операции будут закончены до начала зимы. Казалось, никто не мог повлиять на его решения, объяснить, насколько сложная задача поставлена перед армией и как сильно он недооценивает будущего противника.

Конечно, в то время немецкие армии проявляли себя с наилучшей стороны. Победы в Польше, Норвегии, Франции, Бельгии, Сербии и Греции подняли общий настрой в армии. Даже в Генеральном штабе воцарилась атмосфера приподнятости и оптимизма. Немецкая армия, чье превосходство до настоящего времени в значительной степени зависело от высокого уровня ее техники, должна была теперь сражаться в стране, которая обладала неистощимыми запасами людских ресурсов.

Два вопроса были предметами особенно острых дискуссий: насколько русские готовы к войне и предпочтут ли они наступательную или оборонительную тактику. По полученной Гитлером информации, на западе Советский Союз сконцентрировал двести дивизий. Он принял во

внимание эти серьезные цифры, но считал, что немецкие вооруженные силы в состоянии подавить врага. По мнению Генерального штаба, завоеванные территории (Прибалтика, Белоруссия и Украина) могли бы сослужить хорошую службу, когда дело дойдет до мирных переговоров. Со своей стороны полковник Кребс (он станет последним начальником Генерального штаба), который сменил Кестринга на должности военного атташе в Москве, сообщил, вернувшись в мае в Берлин, что русские сделают все, что угодно, только бы избежать войны, и что он не заметил никакой концентрации войск на западных границах, когда возвращался домой.

Рундштедт тоже не верил в агрессивные намерения СССР, а вот у генерала Винтера во время вторжения в Советский Союз создалось впечатление, что Гитлер был прав, русские собирались напасть на Германию. Они развернули подозрительно сильные, оснащенные танками армии в Карпатах. Кроме того, в русских штабах имелись карты Западной Германии и Австрии. Вероятно, прав все-таки был Рундштедт, а не Винтер, поскольку Йодль был вынужден признать, что русские не ожидали нападения Германии.

Безотносительно от всего, по свидетельству Йодля и Гальдера, Гитлеру не легко далось принятие решения относительно восточной кампании. Не то чтобы его одолевали сомнения морального плана, конечно нет, просто его преследовал призрак Наполеона (у Гитлера была слабость сравнивать себя с Наполеоном). Гальдер не знал, когда Гитлер принял решение, но был склонен считать, что это произошло после Балканской кампании. Полет Гесса в Англию в 1941 году с целью выяснить, что последует после заключения англо-германского альянса против Советского Союза, является лишним доказательством того, что решение начать наступление в июне утверждено. Поднявшаяся в партийных кругах паника является еще одним признаком принятого Гитлером решения. Что касается союза с Британией, то нам известно, что министерство иностранных дел приказало Папену обсудить этот вопрос с британским послом в Турции в первый день нападения на СССР.

Чтобы усыпить подозрения советского правительства, Геббельс опубликовал в «Volkischer Beobachter» статью под заголовком «Пример Крита», из которой можно было понять, что оккупация Крита парашютными войсками была

всего лишь подготовкой к крупномасштабным операциям, которые будут проводиться в другом месте (Геббельс намекал, что Германия собирается вторгнуться в Англию). Йодль немедленно изъял весь тираж (что еще больше усилило эффект от статьи Геббельса). В Берлине усердно распространялись слухи, что в скором времени ожидается приезд Сталина. Тем временем закончились последние приготовления к вторжению в Советский Союз.

Точно так же, как Гитлер провел сложную подготовительную работу с целью размещения своей ставки во время войны с Францией и перед предполагаемым вторжением в Англию, так и теперь он очень серьезно подошел к проблеме сооружения штаба в Восточной Пруссии, неподалеку от Растенбурга. Ставка называлась «Волчье логово» («Volfsschanze»). Это было крайне дорогостоящее подземное сооружение, поверху огражденное колючей проволокой. Что самое интересное, Генеральный штаб не был размещен в ставке Гитлера. Он размещался в убежище, находившемся в получасе езды. Большая часть армейского командования, в том числе и первый обер-квартирмейстер, остались в Цоссене.

IX

Ранним утром 22 июня сто двадцать немецких дивизий неожиданно вторглись в Советский Союз. Силы были распределены следующим образом. В Восточной Пруссии базировались армии фон Леeба, 16, 18 и 4-я танковые армии под командованием генерал-полковников Буша, фон Кюхлера и Гепнера соответственно. В Варшаве базировались армии фон Бока, 2, 4, 9-я, и 2-я и 3-я танковые армии, под командованием генералов фон Вейхса, фон Клюге, Штрауса, Гудериана и Гота соответственно. Группа армий «Юг» под командованием фон Рундштедта базировалась в Галиции. В ее состав входили 6, 11 и 17-я армии под командованием Рейхенау, фон Шоберта, фон Штюльпнагеля соответственно и 1-я танковая армия под командованием Клейста. С воздуха армии поддерживала авиация.

Нельзя обойти вниманием такой факт. Не поставив в известность Генеральный штаб сухопутных войск, ОКВ направил дивизию из Норвегии в Финляндию и тем самым создал новый «театр военных действий ОКВ», нахо-

дившийся вне юрисдикции Генерального штаба сухопутных войск. Предполагалось, что на подходах к Ленинграду финские войска объединятся с армиями фон Лееба, чтобы окружить Ленинград. В это время румынская армия двигалась в направлении Днепра. Секретные службы тоже не сидели без дела; они установили контакт с Бандерой и Мельником, руководителями военно-политических формирований украинской повстанческой армии. И наконец, для выполнения особых заданий и осуществления диверсионной деятельности был сформирован полк специального назначения «Бранденбург»; беспрецедентный случай в истории немецкой армии.

Вторжение Германии в Советский Союз привело к созданию англо-советского альянса. Обе страны ввели в Иран свои войска. Оккупация Ирана и падение шаха нанесли тяжелый удар по планам Германии в этой части мира.

На территории Советского Союза кампания со скрупулезной точностью следовала плану Генерального штаба. Группа армий «Север» наступала на Ленинград, группа армий «Центр» — на Москву, а группа армий «Юг» — на Киев. После первой крупной победы под Минском, когда попавший в окружении враг понес существенные потери, Гальдер, как следует из его записей, поверил, что с первого удара удалось сломить сопротивление русских и кампания выиграна, хотя еще и не закончена. Даже Варлимонт признался, что ошибся в оценке способности русских оказывать сопротивление. Но, несмотря на успехи немецкой армии, Гитлер нервничал; он по-прежнему испытывал недоверие к армии и ее командующим. В своих записях Гальдер время от времени язвительно намекает на состояние общего кризиса и напряжения, охватившее ставку Гитлера.

Резко возросли случаи дезертирства из советской армии. Украинские националисты решили, что пробил их час. Знаменитые белогвардейские генералы, такие, как Краснов и Шкуро, предлагали немцам свои услуги в качестве советников.

Между тем Гитлер обращался с дезертирами как с военнопленными и запретил отправлять советских военнопленных в лагеря рейха. Он приказал размещать их во временных лагерях в Польше. Число пленных росло в геометрической прогрессии. Не было возможности обеспечить всех продовольствием, поэтому многие умирали от голода. Скоро поток

беглецов иссяк. Вышел печально известный «Приказ о комиссарах», по которому все захваченные в плен политработники советской армии подлежали немедленному уничтожению. Многие генералы ужаснулись, узнав об этом приказе. Некоторые из них, такие, как Лееб, Гепнер, категорически отказались выполнять приказ. Браухич официально сообщил ОКВ, что высшее командование сухопутных войск не будет отдавать подобные приказы. Однако немецкие генералы быстро утрачивали иллюзии в отношении советских людей, враждебно относившихся к нацистскому режиму. Вскоре борьба с большевизмом превратилась в истребление и порабощение славянских народов, и это было роковой ошибкой восточной кампании.

X

Недоверие, испытываемое Гитлером к своим генералам, заставляло его активно вмешиваться в ведение операций. Политика Гнейзенау и Мольтке-старшего, которая оставляла за командирами свободу принятия собственных решений в рамках основных директив и являлась основой традиционной военной политики, была как нельзя более кстати на огромных просторах Советской страны. Гитлер питал иллюзии, что может объезжать армии, словно они были батальонами, выстроившимися на параде. Он практически лишил командующих возможности принимать решения. Между Генеральным штабом и Верховным главнокомандующим наметились серьезные расхождения относительно целей кампании. Своим поведением фюрер только усугублял сложившееся положение.

С середины июля фон Бок, добившись огромного успеха в центре фронта, решил, что наступил момент для танкового удара по Москве, пока враг не успел перевести дыхание. Но фон Лееб все еще пытался прорваться к Ленинграду и отбивал контратаки советских войск, а Рундштедт застрял на юге. Вероятно, учитывая сложившееся положение, 19 июля Гитлер отдал директиву № 33 группе армий «Центр» — продолжить наступление на Москву только пехотой. Часть армий повернуть в направлении северо-запада, а другую часть в южном направлении. Москва все еще не была основной целью Гитлера. 28 июля Гальдер констатировал, что приказы фюрера приводят к

рассредоточению сил, и движение на Москву приостановлено.

Недавний опыт ведения войны во Франции в новых условиях оказался бесполезен. Немцам приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не утратить инициативу. Враг сдавал территорию, но, отступив, тут же шел в атаку. Советские танки прорывали немецкое окружение, и дело осложнялось тем фактом, что немцы испытывали недостаток в танковых дивизиях второй линии, а нехватка транспортных средств приводила к тому, что пехота не могла двигаться с необходимой скоростью. Русские постоянно ускользали из расставленных ловушек.

Наконец, 1-я танковая армия прорвала фронт на юге и в тяжелых боях окружила и разгромила советскую армию под Уманью. Однако этот бой не имел решающего значения, и в августе, несмотря на огромные потери, противник по-прежнему оказывал решительное сопротивление. Гальдер сформулировал знаменательный вывод: «На всех участках фронта, где ведутся наступательные действия, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же самое время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне... Общая обстановка показывает все очевиднее, что колосс России... был недооценен нами... К началу войны мы имели против себя около двухсот армий противника. Теперь мы насчитываем уже триста шестьдесят вражеских дивизий». Встал вопрос: прекратить наступление и подготовиться к защите того, что уже удалось завоевать, или продолжить наступление вперед к непонятной цели.

Решение было принято. Группа армий «Центр» должна быстро продвинуться на девятьсот километров в глубь страны. Группа армий «Север» должна окружить Ленинград и соединиться с финскими войсками. Но каждый шаг вперед означал для Германии расширение фронта, а некоторые дивизии в тяжелых боях и изнурительных переходах понесли значительные потери.

Тем временем новая колониальная политика национал-социалистов, мечтавших превратить славянский Восток в немецкую Индию, праздновала первые гибельные победы. Альфред Розенберг был сделан рейхсминистром оккупированных территорий. Его мать была латышкой, и это стало основным аргументом выбора фюрера. В Прибалтику, Белоруссию и на Украину были назначены рейхскомиссары.

Заранее был определен рейхскомиссар для Кавказа, хотя этот район пока еще находился в руках неприятеля.

Ни о какой разумной восточной политике речи не шло. Скоро в дело вступили гаулейтеры и специальные подразделения СС, полиции и СД. Мало того, «отряды ликвидаторов» СД, которые прикомандировывались к группам армий для решения административных задач (командующие группами армий не руководили этими подразделениями), являлись мощным стимулом для партизан, ведших войну в тылу врага. Советский Союз с удвоенной энергией обращался с призывами к партизанам.

Специальные подразделения СС и СД, с одной стороны, и Центральный штаб партизанской войны (действовавший в Москве. — *Примеч. ред.*) — с другой изменили облик войны, придав ей новые, внушающие ужас черты. Руководство Генерального штаба, как и большинство немецких командующих, чувствовало свою беспомощность в сложившейся ситуации. Генеральный штаб оказался между двумя диаметрально противоположными проявлениями терроризма. Ярчайшим примером служит событие, которое произошло с фон Боком. СС провели так называемую «полицейскую демонстрацию» в Борисове, где располагался штаб группы армий «Центр», и, воспользовавшись моментом, устроили еврейский погром. Возмущенные представители штаба обратились к своему главнокомандующему фон Боку, требуя принять меры и сообщить Гитлеру о творящихся безобразиях. Но фон Бок, скорее всего, просто испугался, а кроме того, как большинству ставленников фюрера, ему хотелось продемонстрировать свои способности и удержаться на занимаемом месте. Это объясняет нежелание Бока отделять себя от творящихся беззаконий и обращаться в ставку.

XI

Победа следовала за победой, но Гитлер не добился поставленной цели. Ему не удалось уничтожить советские армии к западу от Днепра. Большая часть армий под командованием маршала Тимошенко перекрывала историческую дорогу Смоленск—Москва. Маршал Буденный сражался на Украине, а Ленинград яростно защищал старый товарищ Сталина по оружию в годы Гражданской войны Ворошилов, некогда тесно сотрудничавший с рейхсвером. Генеральный

штаб получил информацию о новых формированиях, поспешно переброшенных к востоку от Москвы.

В течение нескольких недель Гальдер и Браухич пытались убедить Гитлера начать мощное наступление на Москву, чтобы завладеть советской столицей до наступления зимы и тем самым нанести решающий удар по авторитету советского правительства. Браухич подробнейшим образом изложил свои мысли в письменной форме и направил Гитлеру. Ответом послужила директива № 34, гласившая: «Развитие обстановки в последние дни, появление крупных сил противника перед фронтом и на флангах группы армий «Центр», положение со снабжением и необходимость предоставить 2-й и 3-й танковым группам около десяти дней для отдыха и пополнения их соединений требуют пока отложить дальнейшие задачи и цели, поставленные директивой № 33». Гитлер официально отменял решение о немедленном захвате Москвы и требовал сосредоточить внимание на Крымской и Донецкой областях. Браухич с Гудерианом, который решительно поддерживал главнокомандующего сухопутными войсками, безуспешно пытались повлиять на Гитлера, чтобы заставить его изменить решение. Когда им стало ясно, что они потерпели поражение, генералы всерьез задумались об отставке. В конечном счете они остались на занимаемых должностях, понимая, что армия вправе потребовать этого от них.

Приказ Гитлера повернуть армий группы «Центр» и 2-ю танковую армию Гудериана на юг стал причиной грандиозного сражения на окружение в период с 17 по 19 сентября. Киев пал. 26 сентября 11-я армия прорвала линию обороны в районе Перекопа и двинулась в Крым. Остальная часть армии Рундштедта готовилась к наступлению на линии Ростов—Харьков. В последних событиях Гитлер разглядел доказательство того, что сопротивление противника наконец-то смято, и все больше и больше убеждался в собственном гениальном руководстве и в нерешительном, но крайне упрямом характере руководства Генерального штаба. Он считал, что наступил тот момент, когда надо со всей силой обрушиться на врага.

Не завершив операции, определенные директивой № 34, Гитлер поспешил издать директиву № 35. Согласно этой директиве, армии группы «Центр» должны были начать наступление на Москву и захватить ее до наступления зимы. Танковые армии Гудериана, Гота и Гепнера,

двигаясь с севера и юга, должны были взять столицу в клещи. Операция должна была начаться через восемь—десять дней, и то, что Гудериан находился в это время на Украине, не принималось во внимание. Столь непродуманное руководство вызывало растущее раздражение Гудериана.

Только 30 сентября танковая армия Гудериана смогла принять участие в осуществлении нового плана и двинуться в направлении Орел—Тула. Операция, руководство которой было возложено на фон Бока, получила кодовое обозначение «Тайфун». Это должна была быть «последняя битва восточного похода», ураган, сметающий все на своем пути. В боях на направлении Вязьма—Брянск Бок захватил в плен шестьсот тысяч солдат противника; Гитлер хвастался, что советские армии брошены на землю и уже никогда не поднимутся. Даже Гальдер обрел душевное равновесие. Согласно его записям, Гальдер считал, что в случае относительно умелого руководства и при благоприятной погоде Москву удастся захватить. Как видим, его прогнозы не оправдались.

В двадцатых числах октября сложилась следующая ситуация. 4-я армия фон Клюге и 4-я танковая армия Гепнера находились к востоку от линии Калуга—Можайск. 3-я танковая армия Гота — на линии Тверь—Старица. Завязшие в грязи танки Гудериана смогли добраться до Тулы только в начале ноября. Несмотря на это, Гитлер купался в лучах славы.

Фон Рундштедт получил приказ начать наступление на Ростов-на-Дону, а затем продолжить движение в направлении Майкопа, Армавира. Фон Лееб стоял на подступах к Ленинграду. В тот момент казалось, что город не устоит; победа неминуема. Армии Ворошилова понесли немыслимые потери, и последние оборонительные рубежи удерживались с помощью курсантов, жителей города, среди которых находились женщины, старики и дети.

Теперь в полной мере проявились все «лучшие» черты характера фюрера. Предписывалось все закончить разом. Лееб должен был не только захватить Ленинград, но и соединиться с финнами, захватить железную дорогу на Мурманск. Бок должен был захватить Москву, одновременно направив танковый корпус в помощь Леебу. Рундштедт должен был победить врага в Крыму, в бассейне Дона и в нефтяных районах.

Гитлер вновь поверил, что война уже выиграна. Он отдал приказ о частичном расформировании резервных дивизий в Германии и дал указание о переходе ряда промышленных предприятий на выпуск гражданской продукции. В это время Советский Союз предпринимал лихорадочные усилия, стремясь перебросить дальневосточную армию на Западный фронт.

Жуткое состояние российских дорог серьезно мешало проведению намеченных операций. Впоследствии англичане сделали вывод, что плохое состояние дорог и сложные погодные условия стали решающим фактором, повлиявшим на ход войны. Особенно трудно пришлось армиям Рундштедта. Клейст не мог двигаться в направлении Ростова-на-Дону; 6-я армия застряла под Харьковом, а 17-я под Донецком.

XII

Остро встал вопрос с резервом. В сентябре Гальдер уже упоминал об этой проблеме. Фромм, обстоятельно разобравшись с этим вопросом, посоветовал Гитлеру, прежде чем предпринимать попытку взять Москву, выйти с мирным предложением. Рундштедт, вероятно как наиболее опытный, считал, что надо прекратить наступление и заняться подготовкой к зиме. Бок и Браухич, которые помнили о Марне, где недостаток решимости лишил немцев победы, были за наступление на Москву. Временное улучшение погоды в середине ноября убедило их в своей правоте.

Резкие перепады настроения, от истерических припадков оптимизма до приступов пессимизма, характеризуют поведение Гитлера в тот период. Вероятно, его непонятные действия в отношении Ленинграда можно отнести за счет этих перепадов настроения. Неожиданно фюрер распорядился притормозить наступление армий Лееба. Говорят, он нашел старый меморандум Людендорфа, в котором генерал подробно остановился на проблеме снабжения продовольствием крупных городов. Лееб вдруг получил приказ (без всякой на то причины) не вступать в Ленинград, а взять его в кольцо и сконцентрировать усилия в направлении Тихвина и железнодорожной ветки на Мурманск. Позже Лееб отметил, что в тот момент он был готов считать, что Гитлер союзник Сталина.

21 ноября танковая армия Клейста взяла Ростов. Продолжилось наступление на Москву. В столице началась паника. Правительство эвакуировали. Наблюдались случаи ограбления магазинов. Велась лихорадочная подготовка к обороне города; формировались рабочие батальоны, жители, включая женщин и детей, рыли заградительные траншеи. С востока медленно двигалось подкрепление.

На других участках фронта тоже произошли изменения. На юге Тимошенко, сменивший Буденного, отбросил танки Клейста, и через неделю Ростов был освобожден. Рундштедт просил позволить отвести войска на Миус и расквартировать их на зиму. Гитлер ответил отказом и, вопреки обыкновению, приехал в сопровождении Браухича и Гальдера в штаб Рундштедта в Полтаву.

Когда Гитлер решил возложить вину за потерю Ростова на Рундштедта, старый фельдмаршал холодно ответил, что ответственность лежит на тех, кто придумал восточную кампанию. Всем показалось, что Гитлер с кулаками готов броситься на Рундштедта. У Браухича, который давно уже разрывался между воинским долгом и угрызениями совести, случился сердечный приступ.

Ряд командующих армиями группы «Юг» во главе со Штюльпнагелем были сняты с занимаемых должностей. Тем временем Рундштедт упорно добивался большей свободы в принятии решений и, получив очередной отказ, попросил освободить его от обязанностей. При последней встрече Гитлер заявил Рундштедту, что в дальнейшем он не станет принимать от генералов просьбы об отставке. Он, заявил Гитлер, уже сыт по горло и хочет все бросить, но его вышестоящий начальник сам Господь Бог, так что ему некого просить об отставке.

Неудача сменялась неудачей, и с каждой неудачей росла нервозность Гитлера. 1 декабря Бок объяснил Гитлеру, что армии исчерпали все свои возможности. Следует признать, что Генеральный штаб придерживался другой точки зрения и считал, что Москву можно и нужно взять. Однако даже ОКВ разделял мнение Бока, и Кейтель предложил фюреру отвести войска на зимовку.

Этот демарш закончился для Кейтеля весьма плачевно. Гитлер обозвал его болваном, после чего глубоко оскорбленный Кейтель удалился. Йодль нашел Кейтеля в кабинете, где он писал заявление с просьбой об отставке; на столе лежал пистолет. Йодль забрал пистолет и убедил Кейтеля остаться.

Кейтель и Браухич были не единственными, кто считал службу при Гитлере невыносимой. Фон Бок был в отчаянии, но, как и многие, боялся выступить против Гитлера. Но вместе с тем однажды, когда полковник Тресков, один из его штабных офицеров, предложил предпринять решительные действия против фюрера, Бок выскочил из комнаты, заявив, что не желает слушать подобные разговоры и будет защищать Гитлера от всякого, кто решится поднять на него руку. Чуть позже Бок вышел в отставку по состоянию здоровья.

Клюге сменил Бока, Рейхенау — Рундштедта. Вскоре Рейхенау понял, что не остается ничего другого, как последовать плану предшественника и отвести войска к Миусу. Клюге продолжал наступление на Москву, хотя и сильно сомневался в успехе.

XIII

В начале декабря танки Гепнера вплотную подошли к Москве, и пехота уже видела очертания Кремля. Казалось, что подготовка к уличным боям ведется совсем рядом. И тут неожиданно ударили морозы, пошел снег. Немцы растерялись. Не было зимней одежды, не было свежих армий, которые могли бы прийти на помощь. Создалось катастрофическое положение. 27 ноября Гальдер записал высказывание генерал-квартирмейстера Вагнера, что у Германии закончились и людские и материальные ресурсы. При этом Генеральный штаб делает вид, что ничего страшного не происходит.

Внезапно все меняется. 30 ноября Гальдер пишет, что в окружении Гитлера нет понимания происходящего, там словно живут в вакууме. 6 декабря Гальдер принимает решение отвести группу армий «Центр» на линию Осташков—Ржев на зимние квартиры. Гитлер отказывается санкционировать решение Гальдера. В тот же день контрнаступление противника прорывает центральный участок фронта. Немецкие войска несут серьезные потери. Спустя два дня фронт прорван в районе Тулы, а 10 декабря советские войска крушат линию наступления 2-й немецкой армии.

В других обстоятельствах возросшая опасность должна была бы привести к формированию командного аппарата, который с легкостью предоставлял бы максимальные возможности талантливым военачальникам.

К сожалению, процесс разложения зашел слишком далеко и не было придумано ничего лучшего, как продолжить дискредитировать людей, которые действительно могли спасти положение.

С Браухичем обошлись так, словно он один нес ответственность за то бедственное положение, в котором оказались немецкие армии. На него обрушили град обвинений. Двумя днями раньше Браухич сказал Гальдеру, что хотел бы уйти в отставку. 7 декабря он ушел в отставку по состоянию здоровья. Между тем подполковник фон Лоссберг, представитель армии в штабе ОКВ, попытался уговорить Йодля сформировать единый Генеральный штаб для всех родов войск и поставить во главе этого штаба лучшего стратега, а именно Манштейна. Йодлю не понравилась эта идея. Гитлер и Манштейн, ответил Йодль, слишком разные люди и не смогут работать вместе.

В то время Гальдер опять начал жаловаться на отсутствие у Гитлера представления об истинном положении армии. Гальдер имел в виду категорический запрет Гитлера, который последовал за просьбами командующих о предоставлении им свободы маневра. Фон Лееб поддерживал идею глубокого отступления к Польше, чтобы перегруппироваться и продолжить наступление. Гитлер, возможно, видел большую опасность в предложениях Генерального штаба, чем в реально сложившейся ситуации. Он был уверен, что любое отступление наносит непоправимый удар по его авторитету. Фюрер с какой-то неистовой одержимостью отказывался от любых предложений, и его решимость не могла не восхищать таких, казалась бы, непохожих людей, как Йодль и Рундштедт. Но чего он мог этим добиться? Не более чем временной отсрочки. Разрекламированная победа была оплачена четырьмя годами непрерывных жертв.

Тайный страх, сопутствующий комплексу неполноценности, который охватил Гитлера по отношению к офицерскому корпусу, заставлял его безжалостно отправлять в отставку старых, проверенных генералов, вроде Рундштедта, Штюльпнагеля и Гепнера, особенно когда те пытались настаивать на своем. Он требовал рабского повиновения, которого не требовали даже прусские короли. 19 декабря Гитлер принял отставку Браухича. После этого он вызвал Гальдера и объявил ему, что решил принять на себя командование сухопутными войсками. Браухич, заявил фюрер, не смог реализовать его идеи.

Кроме того, Гитлер обвинил руководство Генерального штаба в том, что оно заранее не позаботилось о зимней одежде. Он словно забыл, что сам утверждал, будто в этом нет никакой необходимости. Армия, сказал Гитлер, слишком консервативна. Совсем иначе обстоят дела с Герингом и его люфтваффе.

Любой может заниматься оперативным планированием, продолжил фюрер. Задача Генерального штаба воспитать армию в духе национал-социализма. Я не знаю ни одного армейского генерала, способного выполнить эту задачу, поэтому решил взять на себя командование армией, заявил фюрер. В соответствии с традицией Гальдер должен был последовать примеру Браухича и объявить об отставке. Но Гальдер решил, что его долг остаться в армии, чтобы, по крайней мере, помешать Гитлеру совершить самые серьезные ошибки.

На следующий день Гудериан попытался объяснить Гитлеру свои трудности, надеясь, что в откровенном разговоре удастся разрешить возникшие недоразумения. Гудериан сказал, что все ключевые посты должны занимать люди, имеющие опыт ведения войны, и что пропасть разделяет тех, кто ведет войну из кабинетов штаба ОКВ и Генерального штаба, и тех, кто командует войсками на фронте. Гитлер ответил, что он не отделяет себя от своего военного окружения.

В результате Гудериан, теоретик и практик танковой войны, человек, которого русские боялись больше, чем кого-либо из командующих танковыми армиями, был отстранен от командования за то, что по собственной инициативе отдал приказ об отступлении от Москвы. В течение какого-то времени он оставался не у дел, а затем его назначили инспектором танковых войск. Гудериан слабак, у которого сдали нервы, говорили в близких Гитлеру кругах.

Сложилась тяжелая атмосфера, вызванная критическим положением, в котором оказались немецкие армии. Эта же атмосфера, только во много раз тяжелее, пронизывала в последние годы жизни Гитлера ставку. Казалось, люди там полностью оторвались от реальности. Гитлер целыми днями не покидал этих катакомб, испытывая страх приближающегося конца и все-таки не теряя надежды, что все еще может измениться к лучшему и ему удастся обмануть судьбу.

На Нюрнбергском процессе Йодль и Варлимонт рассказали о некоторых любопытных особенностях жизни в штабе с его «запретными зонами», с двумя внешними зонами

для офицеров ОКВ и внутренней зоной для близкого окружения фюрера. По рассказам Йодля, штаб представлял собой странное сочетание монастыря с концентрационным лагерем: офицеры были в нем гостями, которых с трудом терпели. Не просто, сказал Йодль, было в течение пяти с половиной лет ощущать себя непрошеным гостем.

Варлимонт был особенно потрясен нездоровым образом жизни Гитлера, долгими чаепитиями, иногда заканчивавшимися за полночь. Гитлер мучился бессонницей, однако редко бывал на свежем воздухе, не делал никаких физических упражнений. Офицеры встречались с Гитлером только за столом и во время ежедневных обсуждений положения. В ближний круг офицеры не допускались. Исключение было сделано только для адъютантов. Среди адъютантов особенно выделялся Шмундт, который постепенно стал играть все более важную роль и, наконец, стал генералом.

Здесь, в святая святых Гитлера, огромное влияние имел Мартин Борман. К ближнему кругу относился двоюродный брат любовницы Гитлера, офицер СС, два врача-консультанта, профессор Морель и профессор Брандт, некая темная личность, фрейлейн Манциали, повариха-вегетарианка, и слуги фюрера, один из которых, Хайнц Линге, стал майором в ваффен СС.

В декабре произошли небольшие административные изменения. Два офицера Генерального штаба, генерал-квартирмейстер и генерал по особым поручениям подчинялись теперь напрямую Гитлеру. В целом структура Генерального штаба осталась прежней, но добавился отдел технических специалистов.

Был создан новый отдел, осуществлявший связь между Гитлером и армией, в состав которого входили один генерал и два офицера. Руководство этим отделом было возложено на генерал-майора Буле, который умудрился придать необыкновенную значимость своему отделу. В результате Гитлер увидел в Буле кандидата на должность начальника Генерального штаба.

XIV

Декабрь 1941 года стал поворотным моментом не только в жизни Гитлера, но и всей войны в целом. В то время как фюрер отчаянно пытался переломить ход событий,

японцы напали на Пёрл-Харбор. Эта новость явилась полнейшей неожиданностью для Генерального штаба. Гитлер и сам не знал о намерениях японцев, хотя Япония заверила его, что станет союзником Германии в случае возникновения осложнений с Соединенными Штатами.

Так началась война Германии с США, о которой Риббентроп сказал, что, даже если начнется война, американцы не смогут вести ее, поскольку никогда не переправят свою армию через Атлантику. Если верить в приметы, то незадолго до Пёрл-Харбора было предзнаменование. Эрнст Удет, генерал авиации, начальник технического управления люфтваффе, застрелился: запущенные им в серию самолеты разваливались в воздухе. Провалившийся проект Удета обошелся рейху в миллионы марок и несколько сотен жизней опытных летчиков.

Вторым предзнаменованием было то, что приблизительно в это же время война достигла стадии деградации. Этого не отрицал даже Кейтель. Партизанская война перекинулась на Балканы, и в первую очередь в Югославию, где поднялись на борьбу и монархисты и коммунисты. 12 декабря Кейтель подписал пресловутый декрет «Ночь и туман» («Nacht und Nebel Erlass»), вероятно названный так потому, что СС проводили аресты, как правило, по ночам. В декрете говорилось, что лиц, представляющих угрозу для «германской безопасности», можно отправлять в немецкие концентрационные лагеря без уведомления их родственников.

Все высокопоставленные офицеры сходились во мнении, что метод негибкой обороны был основной ошибкой Гитлера зимой 1941 года. Гитлер хотел сохранить каждый сантиметр захваченной земли. Однако на огромных российских пространствах система траншей, применявшаяся в Первую мировую войну, не могла защитить фронтовую линию. Поэтому Гитлер издал приказ, предписывающий устанавливать проволочные заграждения и в случае прорыва противника оставлять эти «крепости» во вражеском тылу, в расчете использовать их в качестве опорных позиций, когда возобновится наступление.

Генеральный штаб был сторонником гибкой обороны, которая позволяла отступать и тут же переходить в контрнаступление. В 1914 году такую тактику применил Жоффр в битве на Марне. Подобную тактику будет преследовать Манштейн в 1943 году. Но Гитлер выговаривал генералам за их страсть к маневрированию.

Постоянные конфликты закончились отставкой Лееба. Сохранилась запись телефонного разговора Лееба и Гальдера после разгрома группы армий «Север», когда Гитлер приказал любой ценой удерживать завоеванные территории.

Лееб. Вы понимаете, Гальдер, что так можно потерять армейский корпус?

Гальдер. Да.

Лееб. Вы понимаете, что так можно потерять целую армию?

Гальдер. Да.

Лееб. Вы понимаете, что так можно проиграть войну?

Гальдер. Да, я знаю это, как и вы, герр фельдмаршал. Но сегодня не имеет никакого значения то, что знаем мы с вами.

Лееб видел в Гальдере свою последнюю надежду и призывал его оставаться на своем посту. Когда сложилось критическое положение, Лееб неоднократно просил «освободить ему руки», чтобы отступить за Волхов. Теперь, после разгрома под Тихвином, Лееб явился к Гитлеру и попросился в отставку. Гитлер заявил, что Лееб должен оставаться на своем посту. Но, выйдя от Гитлера, Лееб пошел к Кейтелю и заявил, что уходит в отставку. Отставка была принята. Отчеты гестапо, которое давно вело наблюдение за Леебом, не оставляют сомнений в его антинацистских настроениях. Ушел последний из трех командующих сухопутными войсками, который начинал восточную кампанию.

К концу зимы Геббельс приехал в штаб фюрера. Гитлер рассказал ему, что неважно чувствует себя в последнее время, страдает сильными головокружениями. Геббельс решил, что всему виной долгая русская зима, а это были первые признаки расстройства здоровья. Когда вскоре после этого разговора Гитлер поехал в Оберзальцберг поправить здоровье и в Альпах пошел снег, он поспешно сбежал оттуда. Как заметил Геббельс, он больше не мог видеть снега.

Глава 15
МЯТЕЖ

I

Рундштедт и Клейст относили провал наступления на Москву на счет раннего прихода зимы, но уже после войны Блюментрит, начальник штаба фон Клюге, в разговоре с капитаном Лиддел-Гартом признал, что наступление началось слишком поздно; август и сентябрь были потрачены впустую. Неудача связывается и с другими причинами. Часто ломалась техника; плохо обстояло дело с ремонтными работами, поскольку не хватало квалифицированных кадров; зачастую случались перебои с поставкой запчастей. В ходе восточной кампании обнаружились изъяны проводимой Гитлером политики. Он ставил невыполнимые задачи, но жестко требовал их выполнения.

Поставки по ленд-лизу поступали не только в Англию, испытывавшую сильное давление со стороны Германии, но и в обессиленный Советский Союз. Вскоре Англия смогла перевести дух, и весной 1942 года королевские воздушные силы перешли в контрнаступление.

Атаки на Любек и Кельн стали ответом на «блиц» против Лондона. Росток стал жертвой пяти успешных ночных атак; большая часть города лежала в руинах. Хвастливое высказывание Гитлера, что в случае нападения британских бомбардировщиков он «сотрет» вражеские города с лица земли, обернулось против немцев, которые слепо верили своему фюреру.

В ноябре 1942 года Риббентроп заверил японских дипломатов, что весной немецкая армия займет Кавказ, перейдет Урал и оттеснит Сталина в Сибирь. В 1942 году даже молодые офицеры Генерального штаба верили в ве-

роятность захвата Кавказа и нефтяных месторождений Ирака. Несколько иной настрой был в Риме. «Мы участвуем в пятом акте трагедии», — заметил Бисмарк-младший в разговоре с заместителем-Чиано. Но Бисмарк ошибался. Следовало отыграть еще несколько актов до того, как должен был опуститься занавес.

Похоже, Гитлер серьезно верил, что он одержит победу, если благоприятная погода продержится хотя бы шесть дней. На самом деле зима и контрнаступление противника привели к огромным потерям и в людских ресурсах, и в боевой технике.

Остро встал вопрос пополнения. Требовалось порядка двух с половиной миллионов человек. Если миллион человек мог обеспечить мобилизационный план, полмиллиона можно было вернуть в армию из госпиталей, то еще один миллион человек требовалось призвать в армию с промышленных предприятий. Их места должны были занять военнопленные и иностранные рабочие, угнанные в Германию с завоеванных территорий.

Установилась диктатура имперской службы труда. Поиск людей был поставлен на деловую основу. В первую очередь было предложено несколько сократить непомерно раздутые ряды люфтваффе, военно-морских сил и ваффен СС. Однако ни Геринг, ни Гиммлер не могли пойти на сокращение численности своих подразделений армии, которые в любое время могли понадобиться для ведения закулисных сражений.

После вступления Америки в войну эффективность военно-промышленной отрасли превратилась в еще более решающий фактор, чем прежде. «Государственные чиновники пребывают в состоянии хаоса», как очень точно охарактеризовал генерал Варлимонт положение, в котором находилась ведущая отрасль промышленности. Армия, ВМФ и люфтваффе отчаянно отстаивали собственные интересы. Конфликт между министерством экономики и руководителем четырехлетнего плана начался еще перед войной.

Постоянное вмешательство Гитлера только усугубляло ситуацию. Осенью 1941 года фюрер приказал осуществить перевод военной промышленности, за исключением авиационной, на выпуск гражданской продукции. В 1942 году ситуация изменилась. На первый план вышло производство танков, железнодорожных составов и подводных лодок. Считалось, что война скоро закончится, поэтому разработ-

ка технических новинок, которые промышленность не могла освоить в ближайшем будущем, была приостановлена. Это непродуманное решение отрицательно отразилось на развитии ракетостроения и атомных исследованиях.

Гитлер категорически отказывался смотреть фактам в лицо. Когда Генеральный штаб попытался убедить его, что Советский Союз выпускает по шестьсот—семьсот танков в месяц, а скоро выпуск достигнет тысячи двухсот, Гитлер заявил, что этого просто не может быть. По заявлению генерала Томаса в 1942 году были сформированы еще четыре немецкие танковые дивизии, но полностью укомплектованы были только десять из двадцати пяти уже существующих танковых дивизий.

В феврале 1942 года в авиационной катастрофе при невыясненных обстоятельствах погиб Тодт, незадолго до этого предостерегавший Гитлера против продолжения восточной кампании. Министром вооружений был назначен тридцатишестилетний Альберт Шпеер, до этого технический советник Гитлера. Несмотря на резкое истощение сырьевых ресурсов, Шпеер с невероятной энергией взялся за решение поставленных перед ним задач. Он предпринимал отчаянные усилия, стремясь увеличить объемы производства, и пытался равномерно обеспечивать необходимой техникой все рода войск. Он по возможности избегал бюрократических процедур и изо всех сил старался удержать лучших людей, каких только мог найти, независимо от их партийной принадлежности.

Ему удалось добиться определенных успехов. Производство вооружения достигло огромных размеров. Прогресс был очевиден, но, к сожалению, он нивелировался разбомбленными союзниками коммуникациями и потерей румынских нефтяных месторождений. Таким образом, усилия Шпеера сводились на нет. Это доказывало правильность рассуждений Бека, что в эпоху воздушной войны Германия потеряет стратегическое превосходство, которым обладала в эпоху Мольтке-старшего и Шлифена.

II

Как-то Бек сказал Шлабрендорфу, что эта война будет проиграна прежде, чем раздастся первый выстрел. Теперь, выйдя в отставку, он с душевной болью наблюдал за про-

исходящими событиями из своего дома в Берлине. Он предвидел все, что должно было произойти: захлебнувшееся наступление на Восточном фронте, англо-американское вторжение в Италию и нападение союзников на Францию. Он старался поддерживать переписку с командующими армиями, но его авторитет среди молодых офицеров сильно пошатнулся после ставшей очевидностью неправильности его оценки французской армии и пророчества в отношении провала наступления на Западе. Гальдер навещал изгнанника, ведь Бек по-прежнему оставался тайным наставником старшего поколения генштабистов.

Бек считался руководителем подпольного сопротивления, в которое первоначально входили Герделер, Хассель, Попитц и Гаммерштейн-Экворд и которое теперь установило связи с бывшими социал-демократами и профсоюзами. Кроме того, к сопротивлению примкнули социалисты, такие, как доктор Юлиус Лебер, Карл Мирендорф, Теодор Хойбах и Лойшнер, бывший министр внутренних дел Гессена.

Зимний кризис 1941/42 года, как это обычно и бывает, заставил участников сопротивления активизировать свою деятельность. Первый план покушения на Гитлера обрел конкретную форму в феврале 1942 года; его авторами были фон Халем и фон Шварценштайн. Выполнение плана, который, к сожалению, был скоро раскрыт, было возложено на бывшего руководителя добровольческих отрядов.

Тем временем Витцлебен заканчивал план похода на Берлин. Идея заключалась в том, чтобы воспользоваться помощью западных сил для восстановления государства на новой основе, государства, в котором будет соблюдаться закон и права человека. Адъютант Витцлебена, граф фон Шверин-Шваненфельд, который поддерживал отношения с небольшой группой социалистов и консерваторов, собравшихся вокруг старшего внука Мольтке-старшего, графа Гельмута фон Мольтке, теперь служил в контрразведке. Вместе с фон Вартенбургом, Фрицем фон дер Шуленбургом, сыном начальника штаба кронпринца, и другими представителями науки и духовенства Мольтке работал над программой радикальных реформ, которая должна была вступить в силу после окончательного краха. Этот круг людей не верил, что можно предотвратить неизбежную катастрофу с помощью государственного переворота или покушения на Гитлера, в то время как Витцлебен,

представитель старой школы, считал, что надо не рассуждать, а действовать.

Но план Витцлебена так и остался всего лишь планом. Витцлебен серьезно заболел и был вынужден лечь на операцию. Место Витцлебена на фронте занял Рундштедт, которого призвали из запаса, поскольку Гитлер опасался высадки на западе союзников. Полковник Цейтцлер, начальник штаба Клейста, был назначен начальником штаба главнокомандующего Западным фронтом.

Рундштедт считал, что во время войны, независимо от качества плана, невозможно осуществить государственный переворот. Рундштедт питал не меньшее отвращение к национал-социализму, чем Витцлебен, но его не оставили равнодушным воззвания Гитлера к его патриотическим чувствам. Гитлер не раз отправлял в отставку и снова призывал Рундштедта, и это убедило Рундштедта в собственной незаменимости.

III

Гитлер объявил, что благодаря непрерывным немецким атакам Россия «мертва». Осталось разгромить жалкие остатки советской армии. Гальдер и генерал-квартирмейстер Вагнер придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Впрочем, как и обер-квартирмейстеры Генерального штаба. Все были против возобновления наступления. Гальдер и Вагнер считали, что после трагический неудачи немецкие армии должны просто выпрямить линию фронта, тем самым ликвидировав прорывы и сократив фронт. Тогда немецкие армии окажутся в более выгодном положении и смогут сдержать наступление противника.

Гитлер, естественно, придерживался другого мнения. Осенью Германия должна завладеть нефтяными скважинами Закавказья, в противном случае будет невозможно продолжать войну. Клейст обратил внимание Гитлера на то, что в случае наступления фланги, обращенные к Дону, окажутся незащищенными. Фюрер успокоил Клейста. Итальянские и венгерские войска, заверил он, будут прикрывать фланги.

Фельдмаршал Кюхлер сменил Лееба на посту командующего группой армий «Север», фон Клюге по-прежнему

командовал группой армий «Центр», а вот Рейхенау, командующий группой «Юг», в феврале выбыл из строя; у него случился удар. Его место занял вернувшийся в строй фон Бок, но вскоре из-за бесконечных разногласий с Гитлером и по причине ухудшения здоровья его опять отправили в отставку.

Предложенная стратегия летней кампании потребовала переформирования вооруженных сил. Были сформированы две группы армий: «Б», под командованием фельдмаршала фон Вейхса, и «А», под командованием Листа. Группа армий «Б», в которую входили 2-я и 6-я армии и 4-я танковая армия, должна наступать из района Курск—Харьков через Дон на Сталинград. Группа армий «А» состояла из 11-й и 17-й армий, 1-й танковой армии Клейста, 3-й румынской армии и, поначалу, итальянского экспедиционного корпуса. Эти армии должны были наступать с низовьев Дона на Кавказ. Перед 11-й армией, а после смерти Шоберта командование 11-й армией принял Манштейн, была поставлена отдельная задача — взятие Севастополя.

Генеральный штаб не мог уклониться от ясно выраженных приказов Гитлера начать подготовку к наступлению. По последнему плану Гальдера следовало, удерживая центральный участок фронта, нанести внезапный удар по Крыму, тем самым провоцируя русских на преждевременное наступление. Тогда немцы, оказавшись в более выгодном положении, могли бы нанести удар по флангам противника, двигаясь в Донецкую область.

Гитлер, находясь под влиянием идеологических соображений, решил, что его основной целью является Сталинград. После захвата Сталинграда он хотел развернуть армии на север и уничтожить войска противника, сосредоточенные восточнее Москвы. Лист должен был занять оборонительную позицию вдоль Дона, армия Манштейна, захватив Севастополь, — двинуться к Волге.

Наступление Тимошенко, плохо рассчитанное по времени, всего двумя группами армий и одной танковой армией, доказало, что Россия, несмотря на заявление Гитлера, ни в коем случае не «мертва». Тем не менее бой между Волгой и Доном значительно ослабил противника. Поэтому когда 28 июня 1942 года Германия начала летнее наступление от Курска до Черного моря, то смогла уже в начале июля дойти до Дона. 4-я танковая армия через низовье Дона двинулась к Сталинграду. Успех операций,

в которых немцы впервые использовали ракетную артиллерию, позволил Гитлеру в очередной раз обвинить Генеральный штаб в некомпетентности и слабости и заявить о себе как о «величайшем генерале своего времени».

На участке между Доном и Волгой 6-я армия Паулюса встретила сопротивление. Но Гитлер не хотел отказываться от иллюзии, что уничтожил силы противника. Он решил перебросить большую часть танков Паулюса в южном направлении. Это могло помочь Листу и Клейсту энергично двинуться в направлении Батуми и Баку. Самое удивительное, что Гитлер в качестве основной цели выбрал Батуми, а не Баку.

Составлять план подготовки двух боевых операций, которые должны были проходить одновременно, причем на огромном расстоянии друг от друга, одна на Волге, другая на Кавказе, казалось любому профессионалу сущим безумством. Гальдер был категорически против; история военного искусства не знала таких прецедентов. Но Гитлер был уверен, что может как угодно обращаться с уроками истории; хоть поставить все с ног на голову. Тогда Гальдер обратил его внимание на то, что русские сосредоточили значительные силы восточнее Волги и на Кавказе, а Вагнер заявил, что не может гарантировать обеспечение обеих операций.

Не помогли никакие доводы. Гитлер не только перевел свой штаб в Винницу, но и принял на себя командование южной группой войск. Листу и Клейсту было приказано двинуться через Кубань на Северный Кавказ, а Паулюсу и 6-й армии продолжать наступление на Сталинград. 3-я румынская, 2-я венгерская и недавно сформированная 8-я итальянская армии должны были защищать слишком растянутый северный фланг группы армий «Б». Солдаты-иностранцы не могли не выполнять приказов, но в то же время они не могли понять, почему должны проливать кровь в степях на юге России ради немца, страдающего манией величия. Когда генерал Блюментрит совершил выборочную инспекционную поездку в итальянские и румынские части, он был неприятно поражен состоянием итальянской армии. Тем не менее немцы начали наступление. Победа на Волге досталась Паулюсу тяжелой ценой; он понес огромные потери в людях и технике. 9 августа Лист и Клейст, двигаясь на Северный Кавказ, захватили Майкоп.

IV

Гитлер в очередной раз одержал победу. В конце лета 1942 года немецкие армии стояли на Крите, в Финляндии и на побережье Ла-Манша. Роммель получил звание фельдмаршала; его называли революционным «народным маршалом». 1 сентября войска Паулюса подошли к западным окраинам Сталинграда, где встретили отчаянное сопротивление дивизии под командованием Родимцева. Немцы водрузили флаг со свастикой на Эльбрусе.

Роммель попросил разрешения отвести войска, чтобы дать передышку измученным, уставшим от боев солдатам. Но Гитлер отдал приказ начать наступление на Каир. Муссолини готовился лично войти в Каир во главе итальянской армии.

Генерал Маррас, итальянский военный атташе в Берлине, еще в марте предсказал, что территория между Сталинградом и Астраханью станет могилой для немецкой армии. Впоследствии секретарь посольства граф Ланца под псевдонимом Леонардо Симонди опубликовал содержащие большое количество интересной информации мемуары. Он слышал, что в то время в партийных кругах высказывалась критика в адрес Гальдера, а в других кругах ходили слухи о готовящемся перевороте. Ланца пишет, что внешне Гальдер напоминал мелкого служащего, но это только внешне. Он считает, что Гальдер был лучшим стратегом своего времени, человеком, обладавшим высочайшим интеллектом.

Ходившие по Берлину слухи были всего лишь реакцией на растущие разногласия между Гитлером и Гальдером. В ночь на 18 августа британские, канадские и американские войска провели широкомасштабную разведывательную операцию в районе Дьепа. Гитлер пришел к выводу, что готовится вторжение, и приказал перебросить мобильные элитные формирования из Советского Союза во Францию. Армия Манштейна, взявшая Севастополь, была направлена к Ленинграду. Для бомбардировки Ленинграда использовались те же зенитные орудия, что и в Севастополе. Большая часть армии Клейста должна была поддерживать Паулюса. Эти командующие оказались в опасном положении; своими действиями Гитлер просто затыкал одну дыру, тут же создавая другую. У Блюментрита создалось впечатление, что Гитлеру не давала покоя «мысль о Вер-

дене». Другими словами, Гитлер хотел, чтобы армии противника умерли от потери крови на огромном плацдарме к западу от Волги.

Пока 6-я армия с боями входила в Сталинград, отбивая улицу за улицей, дом за домом, наступление Листа и Клейста на Северном Кавказе, лишенное основных мобильных частей, постепенно зашло в тупик. Гитлер набросился с упреками на начальника Генерального штаба, обвинив офицеров в трусости и лени. Гитлер отмахнулся от донесений, в которых говорилось о формировании новых советских армий, заявив, что это фальшивки. Только наивный теоретик мог поверить в этот большевистский блеф, заявил Гитлер. Когда Гальдеру все-таки удалось доказать, что новые формирования противника, одно в полтора миллиона человек, а второе в полмиллиона, сосредоточены у Сталинграда и на Кавказе, Гитлер пришел в неописуемую ярость. Он бросился на Гальдера, сжав кулаки и брызгая слюной, и начал кричать, что запрещает заниматься в его присутствии «идиотской болтовней».

24 сентября, поскольку Гальдер продолжал упорно настаивать, чтобы ему объяснили, чем закончится сталинградская операция, если новые формирования противника пойдут в наступление, он был отправлен в отставку.

Согласно записям Гальдера, фюрер припомнил ему все происходившие между ними споры, причем называя точные даты, и сказал, что постоянная борьба с Генеральным штабом отняла у него полжизни, а это, с его точки зрения, слишком высокая цена. Чтобы решать вопросы, связанные с армией, не требуется высокой профессиональной подготовки. Главное, по мнению фюрера, привить «национал-социалистические взгляды», а этого ему никогда не добиться от офицеров старой школы.

«Плохой признак», — написал Чиано 28 сентября в дневнике, узнав об увольнении Гальдера. Закончился период, в течение которого старый Генеральный штаб руководил операциями. Закончился период, в течение которого немецкие армии праздновали успех.

Между 1939-м и 1942 годами целью планирования было уничтожение вражеских армий и восстановление оборонительных позиций. Тактика основывалась на взаимодействии больших танковых формирований и авиации, которая выполняла функции воздушной артиллерии. Война вступила во вторую фазу.

V

Преемником Гальдера стал генерал-лейтенант Курт Цейтцлер, начальник штаба главнокомандующего Западным фронтом. Цейтцлер родился в 1895 году. Его отец был протестантским пастором. По мнению Гитлера, Цейтцлер обладал качествами, необходимыми для начальника Генерального штаба. В Первую мировую войну он был пехотным офицером. Конечно, тогда ему было далеко до членов Генерального штаба или ведущих руководителей Войскового управления. В 1934 году он перешел в танковые войска, служил подполковником в штабе ОКВ при Варлимонте, а затем начальником штаба танковой группы Клейста во Франции. Зимой 1940/41 года он, переодевшись в гражданскую одежду, провел рекогносцировку в Родопах перед развертыванием армий Листа.

Гальдер, внешне очень напоминавший школьного учителя (именно таким видел его Гитлер), был уравновешенным, эрудированным человеком. Цейтцлер, энергичный, подвижный, был человеком действия. Он великолепно разбирался в вопросах танковой войны, но не слишком уверенно чувствовал себя в пронизанной интригами атмосфере гитлеровского штаба. Будучи по сути прагматиком, Цейтцлер считал, что не стоит слишком откровенно высказывать свое мнение Гитлеру.

Гитлер не доверял Генеральному штабу, и с этим ничего нельзя было сделать. Цейтцлеру было поручено проведение операций на Восточном фронте, которым руководил непосредственно фюрер. Как отмечал один из наиболее выдающихся членов старого Генерального штаба генерал-лейтенант Ганс Шпайдель, в тот период начальник Генерального штаба превратился в главнокомандующего Восточным фронтом, но со значительно меньшими полномочиями, чем имели Гинденбург и Людендорф. Остальные театры военных действий находились в ведении ОКВ и его штаба, который даже в численном отношении был слишком слаб, чтобы справиться с подобной задачей. Все вопросы, связанные с поставками, были возложены на генерал-квартирмейстера сухопутных войск.

Кто действительно оказывал влияние на ведение войны, так это Йодль, Варлимонт и генерал-лейтенант фон Буттлар-Бранденфельс, начальник штаба оперативного руководства ОКВ. Какое-то время Йодль находился в немилос-

ти, поскольку попытался убедить Гитлера оставить Гальдера начальником Генерального штаба. Йодль рассказывал, что Гитлер пришел в бешенство, выслушав его совет. Он кричал, что заменит Йодля Паулюсом, как только тот войдет в Сталинград. Долгое время Гитлер вел себя, словно невоспитанный школьник, отказываясь здороваться с Йодлем и есть с ним за одним столом. Когда фюрер наконец решил вернуться за общий стол, то пришел в сопровождении эсэсовцев, словно боялся, что кто-нибудь из офицеров будет угрожать ему оружием.

То, что ведение практически всех операций было возложено на ОКВ, на самом деле стало началом конца. Варлимонт видел всю абсурдность создавшегося положения. Генеральный штаб, по мнению Варлимонта, должен был руководить операциями, а в задачу штаба ОКВ входит координация всех действий. Теперь штаб ОКВ занимался решением несвойственных ему задач. Однако Варлимонт не смог отговорить Йодля от руководства своего рода дополнительным (лишним, с его точки зрения) Генеральным штабом. Йодль горячо верил в гениальность Гитлера.

Цейтцлер посчитал необходимым внести некоторые изменения в структуру Генерального штаба; первый обер-квартирмейстер теперь не выполнял функции заместителя начальника штаба. Гитлер сделал гораздо более серьезные перестановки. Он забрал у Генерального штаба управление личного состава сухопутных войск и назначил начальником этого управления Шмундта, своего шеф-адъютанта. Можно сказать, что произошло второе рождение старой всемогущей генерал-адъютантской службы.

Гитлер предпринимал «героические» усилия, стремясь лишить армию ее традиционной особенности, аполитичности, и превратить ее в политическое орудие национал-социализма. С этой целью он создал штаб национал-социалистического руководства» (Nationalsosialistische Fuhrungsorganisation), который в действительности был своего рода шпионской организацией, а ее члены — нечто средним между политическими комиссарами и политическими пропагандистами. В их задачу входило обучение новых «солдат революции». Гитлер часто подчеркивал, что советская армия пропитана коммунистической идеологией и он хочет, чтобы немецкая армия была пропитана национал-социалистической идеологией.

Последние стадии этого процесса растянулись на последующие два года. В мае 1944 года большая часть абвера вошла в состав Главного управления имперской безопасности СС (РСХА). Сформированные добровольческие гренадерские дивизии и добровольческие артиллерийские корпуса должны были заложить основу будущей революционной армии мирного времени. Было созданы такие военизированные формирования, как «фольксштурм» («Volkssturm») и «вервольф» («Wehrwolf»). Гиммлер был назначен командующим резервной армией, и на его ведомство возложено руководство разработкой и испытаниями «Фау» — «оружия возмездия».

В последние дни войны было принято решение заменить штаб национал-социалистического руководства под руководством генерала Рейнеке новой организацией под руководством Мартина Бормана. Армия лежала в руинах, а идеология праздновала победу.

VI

Мы уже говорили, насколько остро стоял вопрос о пополнении и какая борьба разгорелась между воинскими формированиями. Фактически арбитром в решении вопроса с распределением пополнения выступил штаб ОКВ. Гитлер, естественно, оказывал предпочтение ВМФ, люфтваффе и ваффен СС. Поскольку в данный момент количество самолетов сократилось, Генеральный штаб попросил пополнить армейские ряды. Геринг тут же стал убеждать Гитлера, что будет неразумно отправить людей, воспитанных в духе национал-социализма, к реакционным генералам, которые захотят подчинить их своему влиянию. В результате были созданы двадцать две так называемые «полевые дивизии люфтваффе», которые, не имея опыта ведения войны на суше, понесли немыслимые потери. В конце войны сформированные из освободившихся в люфтваффе людей парашютные подразделения, которые в конечном итоге превратились в армию, приобрели статус элитных частей.

Упрямство Гитлера нанесло большой ущерб армии. Генеральный штаб установил, что максимальная численность дивизии должна составлять триста человек. Гитлер установил цифру четыреста пятьдесят. Стремясь помешать воз-

рождению в армии любых традиций, новые формирования комплектовались людьми иного сорта, далекими от старых представлений, заложенных Генеральным штабом. Ранее сформированным подразделениям, которым было отказано в пополнении, не оставалось ничего другого, как извлекать выгоду из имевшегося у них боевого опыта.

В соперничество и преследование разных целей различными ведомствами впутывалась проблема использования русских, украинцев и людей других национальностей, враждебно относившихся к Советскому Союзу. В 1942 году появились формирования, состоявшие из дезертиров советской армии и добровольцев, ненавидевших советский строй. В свою очередь, ОКВ санкционировал формирование добровольческих легионов туркмен и кавказцев. Эта идея нашла поддержку в Генеральном штабе. Особенно ее поддержали майор фон Штауффенберг, сотрудник оперативного отдела, и его друг подполковник фон Ренне, начальник сектора восточных армий в отделе иностранных армий. Ни тот ни другой не были сторонниками нацистского режима.

По инициативе Штауффенберга генерал Гельмих был назначен в Генеральном штабе «генералом по восточным армиям». Во время зимней кампании 1941 года Гельмих, командующий дивизией, вызвал неудовольствие Гитлера. Однако Гельмих прекрасно знал Восток. Назначение прошло без ведома Гитлера и штаба ОКВ. Цейтцлер одобрил кандидатуру Гельмиха, поскольку связывал с его приходом разумное проведение восточной политики.

Вскоре отдел пропаганды ОКВ предложил на эту должность своего кандидата. Им оказался генерал Власов, военнопленный, которому предлагалось возглавить русскую освободительную армию из захваченных в плен русских. Замечательный пример дублирования и противоречий, которые были настоящим бичом Германии. Для полноты картины следует добавить, что усилия Штауффенберга и Власова были сведены на нет колониальной политикой национал-социалистов на Востоке.

Отодвинув Генеральный штаб как можно дальше от большинства театров военных действий, Гитлер еще активнее стал вмешиваться в ведение войны. Нельзя сказать, что он только ошибался, но многое делал слишком поздно, и все чаще хорошие идеи чередовались с грубейшими ошибками. Гитлер был страстно увлечен поиском новых видов

оружия. Ряд важных разработок можно смело поставить ему в заслугу: создание тяжелого танка «тигр», сверхтяжелого танка «королевский тигр», тяжелого танка «пантера», увеличение калибра противотанкового оружия.

Мы уже говорили, что Гитлер вникал во все детали военных операций. С такой же дотошностью он вникал в процесс разработки и испытаний управляемого ракетного оружия дальнего действия, так называемого «Фау», «оружия возмездия», которое должно было стать ответом Германии на британские удары с воздуха. Занятия по использованию нового «чудо-оружия» в артиллерийских полках проводил генерал Хейнеман.

Приказы, исходившие из ставки, были отмечены печатью строжайшей секретности. Командующие группами армий получали только ту информацию, которая имела отношение непосредственно к их действиям. Командующим запрещалось не только выяснять, что происходит на других фронтах, но даже просто интересоваться вопросами, связанными с внешней политикой. По свидетельству Блюментрита, уровень отдаваемых приказов был чрезвычайно низок (виной тому «недисциплинированность ума» Гитлера), хотя со времен Гнейзенау четкие, осмысленные приказы были источником гордости прусской армии. Однако следует заметить, что неопределенность формулировок этих «гибких приказов» зачастую позволяла командующим принимать собственные решения. Гитлер, сам того не ведая, предоставлял командующим определенную свободу действий, поскольку приказы можно было трактовать поразному.

VII

Война выходила на тот уровень, когда, казалось, уже не существовало никаких ограничений. 18 октября Гитлер издал приказ, что все диверсанты и парашютисты, захваченные в немецком тылу, должны быть расстреляны. С другой стороны, партизанская война на Балканах и, особенно, в Советском Союзе приобрела такой небывалый размах, что поставила под угрозу систему снабжения армии. Партизанская война была ответом на расстрелы заложников, массовую депортацию, голод и разруху. Ужасы, творимые нацистами, вся система террора, противоречащая офицерским традициям,

не могла не оказать влияние на офицерский корпус. Одним из самых страшных преступлений нацистов было истребление евреев Восточной Европы в газовых камерах Верхней Силезии и Польши.

Вскоре Цейтцлер понял, что перед ним стоит неразрешимая проблема. Что делать с главнокомандующим, который, изучив карты Генерального штаба, указывает участки фронта, которые надо выпрямить, поскольку они раздражают его «художественный вкус»? Незадолго до этого Гитлер пришел к мнению, что Цейтцлер никакой не «революционный генерал», тем более когда он отказался от подарка фюрера (Гитлер любил одаривать своих фельдмаршалов, особенно Кейтеля и Клюге).

Но с Генерального штаба нельзя целиком снять ответственность за неблагоприятно складывавшуюся ситуацию. Несмотря на то что при Гальдере большая часть высокопоставленных офицеров поняла несостоятельность Гитлера как военачальника, Генеральный штаб никогда не оказывал действенного сопротивления. Офицеры твердо придерживались принципа коллективной ответственности, впервые сформулированного Массенбахом, отчаянно цепляясь за раз и навсегда установленные правила. В результате они навлекли на себя позор как исполнители приказов Гитлера.

Вот такое наследство получил Цейтцлер, заняв пост начальника Генерального штаба, и такой была ситуация, сложившаяся в начале зимы 1942 года, когда кампания, против которой Генеральный штаб предостерегал Гитлера, но с планом которой, тем не менее, согласился, привела к катастрофическим последствиям. В одном из последних публичных выступлений Гитлер хвастливо объявил, что немцы уже в Сталинграде и никто и никогда не вернет территорий, по которым ступала нога немецкого солдата.

А в это время в Сталинграде русские все еще оказывали отчаянное сопротивление. Сталинград стал скорее для немцев, чем для русских, вторым Верденом, уничтожившим две немецкие армии. Летняя кампания была успешнее, но не принесла решающей победы. Можно с уверенностью сказать, что Сталинград окончательно разрушил иллюзии и авторитет Гитлера.

На других фронтах складывалась, мягко говоря, неудовлетворительная ситуация. Турция отказалась стать союзником Германии. Наступление на Кавказе зашло в тупик, и

Лист попросил разрешить ему начать отступление. Йодль, что было ему несвойственно, лично приехал к Листу, чтобы оценить ситуацию, и был вынужден признать, что главнокомандующий прав. Несмотря на это, в ноябре Лист был снят с поста главнокомандующего и на его место назначен Клейст. В это же время один из командиров дивизии Клейста генерал Шпонек был уволен из армии и заключен в тюрьму за отступление, предпринятое по собственной инициативе. Примерно за год до окончания войны фон Клейста отправили в отставку.

В начале ноября поражение в Эль-Аламейне стоило Роммелю почти всех танков. 8—9 ноября союзники высадились в Марокко, и Роммель оказался зажатым между двух фронтов. Положение итальянцев в Средиземноморье становилось все отчаяннее. Поспешная оккупация Южной Франции, Корсики и Туниса немецкими и итальянскими дивизиями и отправка 5-й танковой армии под командованием генерал-полковника фон Арнима в Тунис не внесла серьезных изменений в сложившуюся ситуацию. Все эти действия привели к еще большему растяжению фронта и отвлечению сил, которые можно было бы с большей пользой использовать в другом месте.

Сталинградская битва вступила в новую фазу. Получив подкрепление, русские, как предсказывал Гальдер, начали наступление на открытый немецкий фланг. После сильной артиллерийской подготовки, введя в бой большое количество танков, советские войска стали продвигаться на юг. Первый удар, нанесенный по 3-й румынской армии, уничтожил ее. 48-й танковый корпус, в который входили одна немецкая и одна румынская дивизия, оснащенный устаревшей, захваченной у французов техникой, не смог оказать должного сопротивления противнику. Гитлер грозился расстрелять командующего армией, уволил его из вооруженных сил, но это не спасло ситуацию. Вскоре весь Донской фронт лежал в руинах; 6-я армия Паулюса (триста двадцать тысяч человек) попалась в ловушку между Волгой и Доном.

Первым порывом Гитлера было забрать 4-ю танковую армию, входившую в группу армий «А», с Кавказа и направить ее на освобождение армии Паулюса, но группа «А» сама находилась в крайне стесненных обстоятельствах. Фон Вейхс, командующий группой армий «Б», и Цейтцлер считали, что 6-я армия должна выбираться из «котла» и пробиваться к

немецкой линии фронта, в случае необходимости — оставив тяжелую технику.

Пока армия Паулюса боролась за жизнь в жутких погодных условиях, не менее жестокие бои велись в ставке Гитлера. Генеральный штаб, понимая, что вместе со всеми понесет ответственность за дальнейшее развитие событий, пытался отстоять законное право влиять на принятие решений. Цейтцлер открыто сказал Гитлеру, что это преступление — бросать 6-ю армию в Сталинграде. В ночь на 24 ноября, решив, что ему удалось убедить Гитлера отдать приказ Паулюсу отводить армию, Цейтцлер проинформировал об этом Вейхса. Утром 24 ноября Вейхс принял решение отдать необходимые приказы. Неожиданно поступила директива, строго запрещающая предпринимать какие-либо действия в отношении 6-й армии.

Гитлеру даже не приходило в голову, что 6-я армия может выйти из боя. По его мнению, Паулюс обязан был удерживать свои позиции в Сталинграде; он него зависела судьба Донского и Кавказского фронтов. Авиация понесла серьезные потери, в не меньшей степени пострадал авторитет Геринга, а потому он решил воспользоваться случаем выдвинуться на передний план. Геринг гарантировал, что организует снабжение окруженных войск, обеспечив армию Паулюса всем необходимым. Аргументы Геринга были весомее предложений Цейтцлера. Таким образом, Генеральный штаб проиграл сражение на внутреннем фронте.

Зимой было уволено еще несколько «неудобных» генералов, и в их числе командующие 2-й и 17-й армиями и командующий танковым корпусом фон Витершайм. От попыток помочь Паулюсу с воздуха пришлось отказаться. Боеприпасы, горючее и хлеб в 6-й армии были на исходе. Дело явно шло к концу.

Гитлер решил поручить задачу восстановления Донского фронта и освобождения Паулюса лучшему стратегу Восточного фронта Манштейну. Была сформирована группа армий «Дон» под командованием Манштейна, в которую входили 6-я армия, остатки 4-й танковой армии, 3-я и 4-я румынские армии.

Армии Манштейна сражались в пятидесяти километрах от Сталинграда, но танкам Паулюса не хватило горючего, чтобы соединиться с Манштейном. Все усилия оказались тщетны. Потеряв венгерские и итальянские части, груп-

па армий «Дон» была вынуждена отступить. Такой ход событий усилил отчаянное положение группы армий «А», действовавшей на Кавказе. Вскоре Манштейну пришлось поддерживать Клейста, который начал отступать с Кавказа.

VIII

Голод, болезни, нехватка продовольствия истощили силы 6-й армии. У несчастного Паулюса был единственный выход — вопреки приказу Гитлера попытаться вырваться из окружения, то есть совершить шаг, на который его толкали некоторые генералы. Паулюс был первым обер-квартирмейстером штаба и свидетелем бессмысленной борьбы Гальдера за влияние. Кроме того, Паулюс был типичным представителем старшего поколения офицеров Генерального штаба и, как солдат, должен был подчиняться приказам. Его не интересовала политика, но он не мог не понимать, насколько бессмысленно продолжать держаться за Сталинград, от которого сейчас зависела судьба Генерального штаба и всего немецкого народа.

Из-за одного человека, чрезмерно заботящегося о сохранении собственного престижа, следовало пожертвовать целой армией. Эта бессмысленная жертва подтолкнула к решительным действиям военную оппозицию. Бек предложил следующий план. Паулюс попытается выбраться из окружения, и это станет сигналом для совместных действий всех «мятежных» фельдмаршалов, которые должны потребовать отставки Гитлера. Бек исходил из того, что все фельдмаршалы придерживаются одного мнения. Но, как выяснилось, он глубоко заблуждался. Хотя эти фельдмаршалы и были членами Генерального штаба, понятие «единства взглядов» уже давно отошло в прошлое. Ни Роммель, ни Рундштедт, ни Манштейн не были готовы предпринимать решительные действия. В особенности Манштейн, который не мог думать ни о чем, кроме как о боях на Южном фронте. Перед его мысленным взором вставала страшная картина, как наводнение, хлынувшее с востока, сметает немецкую плотину и заливает Центральную Европу. В такой ситуации, как считал Манштейн, «коней на переправе не меняют». Старый прусский аристократ Рундштедт, противник нацистского режима, считал, что

положение можно спасти, если предоставить Генеральному штабу свободу действий.

В самом Генеральном штабе самым пылким сторонником «выступления фельдмаршалов» был майор фон Штауффенберг. По роду службы Штауффенберг часто общался с командующими и, пользуясь случаем, старался выяснить их отношение к Гитлеру. Штауффенберг был убежден, что надо принимать срочные меры, пока еще что-то можно сделать. Он считал, что наступил решающий час (возможно, последний) не только для Генерального штаба, но и для армии в целом.

Зондирование почвы закончилось для Штауффенберга жестоким разочарованием. Манштейн объяснил молодому штабисту, что подобные действия не предпринимают без соответствующего приказа сверху; кто-то обязательно должен отдать приказ. Можно предположить, что он так своеобразно пошутил.

Высший генералитет считал, что спасти положение можно с помощью сокращения линии Восточного фронта, отвода немецких армий на позиции, где они смогут вернуть себе инициативу; затем предлагалась стратегия наступательной обороны. Таким образом, со временем, несмотря на большую численность, удастся вымотать врага частыми отвлекающими ударами, экономно используя собственные ресурсы.

Для этих людей Гитлер был непреодолимым препятствием. Он не понимал потенциальных возможностей гибкой обороны. Нет, победа любой ценой; никаких отступлений! Гитлер упрямо считал, что любое отступление — это поражение. Он ни во что не ставил человеческую жизнь. Утверждал, что долг солдата умереть, но не сойти с захваченной территории.

Цейтцлер не видел другого пути спасти положение на Восточном фронте, как провести полную реорганизацию командной структуры. Он запланировал целый ряд серьезных изменений. Командующий Восточным фронтом должен иметь полную самостоятельность. Кейтеля следовало заменить более влиятельной личностью. Штаб сухопутных войск и штаб ОКВ предлагалось объединить в единый Генеральный штаб вермахта. СС должны подчиняться этому штабу. Руководство военной промышленностью будет осуществлять генерал-квартирмейстер. Одним словом, Цейтцлер стремился к полной перестройке штаба фюрера. В этом

случае Гитлер оставался главнокомандующим, но не занимался бы непосредственно ведением войны.

Такая коренная реформа не устраивала не только самого Гитлера и его окружение, но и командующих ВМФ, люфтваффе и СС. Яростными противниками восстановления в любом виде большого Генерального штаба были в первую очередь адмирал Дёниц, преемник Редера, и Гиммлер. Предложение Цейтцлера было встречено в штыки. В результате многие офицеры Генерального штаба пополнили ряды оппозиционеров.

Генерал-лейтенант Хойзингер, начальник оперативного отдела Генерального штаба, который решительно возражал против политики массового уничтожения славян и евреев, стал откровенным врагом Гитлера. Такую же позицию заняли генерал-майор Штифф, глава организационного управления сухопутных войск, генерал Фриц Линдеман, начальник артиллерийско-технического управления, генерал Вагнер, генерал-квартирмейстер Генерального штаба.

События в Сталинграде даже на Риббентропа произвели гнетущее впечатление, и он принялся уговаривать Гитлера заключить сепаратный мир с Советским Союзом. Но Гитлер, несмотря на то что у Риббентропа были люди, готовые начать переговоры, заявил, что до тех пор, пока не наступит улучшений в боевой обстановке, ни о каких переговорах не может идти речи.

22 января произошло событие, о котором нельзя не упомянуть. В этот день в Берлине в доме графа Йорка фон Вартенбурга состоялась встреча двух основных оппозиционных групп. Одна группа, в которую входили доктор Герделер, профессор Попитц, фон Хассель, открыто поддерживала государственный переворот, другая, кружок Крейсау (имение Мольтке находилось в Крейсау), которую составляли Мольтке, Шуленбург и фон Зольц, придерживалась реформаторских идей. Герделер упорно цеплялся за идею регентства кронпринца или его сына и наследника принца Фердинанда Прусского, после принудительного смещения Гитлера; но монархия, похоже, утратила свое значение для масс, будущее принадлежало умеренным социалистам. На следующий день после этой встречи Рузвельт и Черчилль завершили переговоры в Касабланке, сойдясь на «безоговорочной капитуляции стран оси. Это решение нанесло смертельный удар по всем надеждам, которые, вероятно, лелеяло «тене-

вое правительство» и оппозиционеры Генерального штаба. С кем должны союзные правительства вести переговоры? Геббельсовская пропаганда тут же объявила: Гитлер это и есть Германия, и судьба Гитлера — эта судьба немецкого народа.

IX

2 февраля девяносто тысяч человек, все, что осталось от 6-й армии, сдались в плен. Незадолго до капитуляции, когда Паулюс неоднократно отклонял ультиматумы о сдаче, предъявленные маршалом Рокоссовским, Гитлер произвел командующего 6-й армией в фельдмаршалы. Гитлер склонялся к мысли назначить Паулюса начальником штаба ОКВ. Теперь новоиспеченный фельдмаршал вместе с двадцатью четырьмя генералами и примерно двумя тысячами пятьюстами офицерами был взят в плен. Сталинград стал второй Йеной, самым серьезным поражением немецкой армии.

Теперь Гитлер заявил, что 6-я армия была принесена в жертву, чтобы стабилизировать положение на Восточном фронте. Геббельс сразу объявил «тотальную войну» и обратился к немецкому народу с призывом приложить максимум усилий для достижения победы, хотя все возможности были уже давно упущены. Стало очевидным преимущество Советского Союза в количестве артиллерийских систем, а к 1944 году соотношение советских и немецких танков было пять к одному.

Ливия стала следующей потерей. Войска Монтгомери и Эйзенхауэра зажали с двух сторон немецкую армию в Тунисе. Роммель заболел желтухой, и его отправили домой. Он попросил, чтобы его место занял Гудериан, но даже такой специалист в области танковой войны, как Гудериан, не смог бы спасти положение. Гитлер отказал в просьбе и назначил командующим в Северной Африке генерал-полковника фон Арнима. Варлимонт лично летал в Тунис, хотя поездки на фронт сотрудников штаба ОКВ были весьма необычным явлением. Впечатление, которое он вынес из этой поездки, было далеко от оптимистического, и когда он поделился своими соображениями, то Гитлер, естественно, не пришел в восторг.

Сталинградская катастрофа оказала серьезное воздействие на военную оппозицию. Борьба Цейтцлера за ре-

формирование структуры командования вступила в решающую фазу. В армии начала формироваться новая оппозиционная группа, состоявшая, скажем так, из офицеров в ранге генерал-майора и молодых штабных офицеров, продолжателей традиций Генерального штаба. С 1939-го по 1942 год теневое правительство занималось поисками вооруженных формирований для осуществления переворота. Теперь группа армейских офицеров искала правительство, такое правительство, которое могло бы вести переговоры с врагом и обеспечить конструктивный мир не только для Германии, а для всего континента. Наиболее выдающейся личностью в этом движении был, бесспорно, Штауффенберг.

Граф фон Штауффенберг родился в 1907 году. Его отец был гофмейстером последнего вюртембергского короля. В 1926 году Штауффенберг пошел на службу в армию и служил в прославленном 17-м Бамбергском кавалерийском полку. В 1936 году он был направлен в Военную академию в Берлине. С блеском закончив академию, Штауффенберг получил назначение в Генеральный штаб. Принимал участие в Польской и Французской кампаниях. В начале 1940 года получил назначение в организационный отдел.

Во время учебы в Военной академии его блестящая эрудиция привлекла внимание профессора, преподававшего военную историю. Профессор разглядел в Штауффенберге человека, который в один прекрасный день сможет внести свежую струю и в деятельность Генерального штаба, и в повседневную жизнь армии. Со стороны матери Штауффенберг приходился праправнуком Гнейзенау, и это обстоятельство, как считал молодой человек, накладывало на него особые обязательства.

Штауффенберг был прекрасно сложен, красив и обладал блестящим пытливым умом, рассудительностью, отлично разбирался в политике. Все эти качества выделяли его среди коллег и современников. Он признавал важное значение традиций, но был убежден, что одних традиций мало, новая эпоха требует новых методик и новых идеалов. Он находился под влиянием гуманистических идей Стефана Георга, но, тем не менее, был настоящим солдатом и лидером. Кроме всего прочего, он был невероятно обаятельным человеком, дружелюбным, отзывчивым, готовым выслушать любого, кто бы к нему ни обращался. Впервые злой гений, каким являлся Гитлер, столкнулся в

Генеральном штабе с человеком не просто порядочным, что являлось отличительной чертой старшего поколения офицеров Генерального штаба, а с человеком, наделенным в самом лучшем смысле этого слова страстностью и силой. Штауффенберг отдавал себе отчет, какое влияние он оказывает на людей.

Штауффенберги всегда были ревностными католиками, и их великий сын был истинным христианином и отличался невероятной душевной чуткостью. Многие товарищи, как некогда и сам Штауффенберг, закрывали глаза на деяния Гитлера, но теперь фюрер стал для Штауффенберга олицетворением зла, нарушителем миропорядка. Штауффенберг восстал против режима. Но в то же время он был солдатом. Он гордился победой на Западе, но считал эту победу бессмысленной, поскольку она не могла положить конец нацистской политике, которая обрекла Европу на самоуничтожение.

В феврале 1943 года он попросил направить его на фронт и был назначен в штаб 10-й танковой дивизии в Тунисе. 1 апреля автомобиль, в котором ехал Штауффенберг, был атакован низко летящим самолетом. Штауффенберга тяжело ранило. Он потерял правую руку, получил ранение в голову и, похоже, полностью ослеп. Все, что он видел в Тунисе, и то, что произошло лично с ним, еще больше укрепило в нем уверенность, что и армии и рейху грозит неминуемая катастрофа, если только какая-то сильная личность не возьмет на себя бразды правления.

Вскоре после Сталинградской битвы появился конкретный план убийства Гитлера. Авторами плана являлись полковники фон Тресков и фон Герсдорф из группы армий «Центр», личный адъютант, лейтенант фон Шлабрендорф, генерал Ольбрихт и генерал-майор Остер. План заключался в том, чтобы подложить в самолет фюрера бомбу с дистанционным управлением, когда он приедет в штаб группы армий «Центр». Авиационная катастрофа станет сигналом к восстанию. Гитлер приехал в штаб 13 марта 1943 года, и бомбу, пока Гитлер находился в штабе, под видом бутылки с бренди тайком пронесли в самолет. Но бомба не взорвалась. К счастью, после приземления самолета заговорщикам удалось незаметно вынести бомбу. Попытка не удалась, но заговорщики продолжали разрабатывать дальнейшие планы. Было предпринято несколько попыток покушения на жизнь фюрера, и все они, по той

или иной причине, оканчивались неудачей. Смерть уже незаметно подкрадывалась к Гитлеру.

Фюрер, конечно, знал о враждебном отношении со стороны офицерского корпуса. Весной 1943 года Геббельс записал в дневнике, что Гитлер отмечал, что ни один из генералов не говорит ему правду. Все они бесчестные, говорил фюрер, и враги национал-социализма. Гитлеру делалось плохо, даже когда он просто думал о них.

X

В 1943 году сошли со сцены два основных члена теневого правительства, причем один из них навсегда. Бек перенес серьезную операцию, после которой полностью уже не смог восстановиться, а Гаммерштейн-Экворд умер от рака. А вот Штауффенбергу медики помогли и даже вернули зрение одного глаза. К концу сентября 1943 года он прибыл в Берлин и получил назначение на должность начальника штаба у генерала Ольбрихта. Цейтцлер навестил Штауффенберга, когда тот еще лежал в госпитале в Мюнхене, что, безусловно, говорит о многом. Ольбрихт намеренно назначил Штауффенберга на должность начальника штаба, чтобы у одного из главных заговорщиков появилась возможность действовать.

1 ноября Штауффенберг приступил к исполнению новых обязанностей, а движение сопротивления обрело новые перспективы. Штауффенберг работал с некоторыми старыми друзьями по Военной академии и за несколько месяцев стал человеком, на которого возлагали надежды истинные патриоты. О нем всерьез заговорили как о будущем главнокомандующем армией, и дело зашло так далеко, что карьеристы прилагали все усилия, чтобы поближе познакомиться с ним, пребывая в уверенности, что он «будущий начальник».

Штауффенберг и его ближайшие сослуживцы стали разрабатывать развернутый план государственного переворота. Сам того не подозревая, им очень помог адмирал Канарис, который изо всех сил пытался объяснить Гитлеру, что критическое положение на фронтах может вызвать беспорядки среди миллионов военнопленных и подневольных иностранных рабочих, находящихся в рейхе. Необходимо подготовить резервную армию, уверял Канарис, которая сможет восстановить порядок.

Фюрер с готовностью ухватился за идею возложить на резервную армию задачу обеспечения внутренней безопасности рейха. Разработка плана «Валькирия» (по иронии судьбы план Штауффенберга тоже назывался «Валькирия») была поручена общему управлению сухопутных войск. В подготовке плана Штауффенбергу помогал Ольбрихт, а затем подключились Фриц Линдеман, начальник артиллерийско-технического управления, Эрих Фельгибель, начальник службы связи ОКВ, Пауйль фон Хазе, начальник берлинской комендатуры, а также группа офицеров из штаба 3-го военного округа (Generalkommando III) в Берлине. Начальником штаба был генерал-майор фон Рост.

На этой стадии еще не было полной уверенности, стоит ли арестовать Гитлера или убить, но избавиться от него следовало немедленно. План «Валькирия» предполагалось использовать для установления режима военной диктатуры, чтобы затем приступить к формированию конституционного правительства на основе свободных выборов. Перед генералом Линдеманом была поставлена задача войти в контакт с командующим резервной армией и его начальником штаба. Эти люди относились к поколению рейхсвера, считались старыми друзьями и просто не могли не прийти на помощь, когда родина оказалась в опасности.

Предметом жарких споров был не только сам Гитлер, но и нацистская система в целом. В числе заговорщиков были демократы, социалисты и баварские легитимисты (приверженцы свергнутой монархии), имевшие различные точки зрения. План обрел конкретность с военной точки зрения благодаря усилиям Штауффенберга, Линдемана, Роста и Трескова. Жена Трескова печатала необходимые секретные распоряжения; в этом ей помогала Маргарет фон Овен, бывший секретарь Фрича и Гаммерштейна-Экворда. Таким образом, кодовое наименование «Валькирия» явилось для заговорщиков прекрасной маскировкой, позволяя в открытую разрабатывать планы по захвату Берлина и других городов после ликвидации Гитлера.

Для реализации основной части плана, захвата Берлина, в распоряжении заговорщиков были части резервной армии, полицейские подразделения Берлина и курсанты военных училищ. Основная трудность заключалась в том, что в численном отношении армия заговорщиков значительно уступала формированиям СС.

Штауффенберг детально изучил диспозицию действующих и резервных формирований ваффен СС, которые вместе с латышской, богемско-хорватской, датско-валлонской и скандинавской насчитывали порядка семнадцати дивизий. Большая часть дивизий СС находилась на фронтах, но были еще и части люфтваффе, которые дислоцировались в Берлине и окрестностях и наверняка выступили бы в защиту нацистского режима даже после смерти Гитлера.

Круг заговорщиков ограничивался штабами резервной армии, армейского командования в Цоссене и в Мауэрвальде. В самом Берлине, помимо уже перечисленных офицеров, следует упомянуть лиц из окружения генерал-майора Остера, таких, как, полковники Георг Хансен и Фрейтаг-Лорингхофен. В Генеральном штабе в число заговорщиков входили генералы Адольф Хойзингер и Гельмут Штифф, начальники оперативного и организационного отделов, друг Штауффенберга, полковник фон Ренне, в 1943 году возглавивший отдел иностранных армий; генерал Фельгибель со своим заместителем генерал-майором Тилем. Ну и конечно нельзя оставить без внимания полковника Мейхснера из штаба верховного командования вермахта.

В группе армий «Центр» фон Тресков упорно пытался склонить на сторону заговорщиков фон Клюге, но тот был ни за, ни против. Клюге соглашался принять участие в перевороте только после ликвидации Гитлера. В группе армий «Север» заговорщики вели переговоры с Кюхлером. Аполитичный Кюхлер мало того что был близким другом Фрича, в 1939 году выступал против бесчинств, творимых эсэсовцами в Польше. В критической ситуации на него можно было рассчитывать.

В группе армий «Юг» ведение переговоров было поручено полковнику Шультце-Бюргеру. Манштейн, прекрасно зная обо всех недостатках Гитлера, был категорически против восстания. Он был уверен, что в разгар войны подобные планы обречены на провал. Герделер встретился с Гудерианом, но получил отрицательный ответ. Гудериан довольно часто был недоволен действиями Гитлера, но считал, что «солдат не имеет права восставать против главнокомандующего во время войны», а уж тем более убивать его.

Зато заговорщики имели серьезную поддержку в лице вышедших в отставку генералов, которые всегда враждебно относились к нацистскому режиму. Это Бек, которого

прочили на пост главы нового государства, Витцлебен, предполагаемый главнокомандующий вермахтом, Хопнер и Рабенау.

Фон Рабенау, бывший сотрудник Секта, был начальником архива сухопутных войск. В начале войны он опубликовал биографию создателя рейхсвера, которая, несмотря на то что Рабенау тщательно подбирал выражения, вызвала серьезные разногласия между офицерами Генерального штаба и национал-социалистами. Рабенау попал в немилость к партийным лидерам.

В Париже тоже сформировалась группа сопротивления, когда бывшему обер-квартирмейстеру Карлу фон Штюльпнагелю удалось привлечь к делу своего родственника Отто фон Штюльпнагеля, главнокомандующего во Франции. Штюльпнагель и Фалькенхаузен были яростными врагами Гитлера и не могли дождаться дня, когда сумеют рассчитаться с нацистским режимом. Родственник Штауффенберга, подполковник Хофакер, служивший в штабе Штюльпнагеля, наводил мосты с Берлином и заручался поддержкой офицеров, служивших на западе.

Три четверти года заговор хранился в тайне; в течение этого периода удалось отладить сеть, и оставалось только дождаться удобного момента, чтобы начать действовать. Можно сказать, что сеть охватывала огромное количество офицеров, среди которых были люди, занимавшие почетные места в немецкой, и прежде всего прусской истории. Все они придерживались разных точек зрения в отношении методов спасения своей страны. Заговор был той сферой деятельности, в которой большинство генералов и офицеров Генерального штаба чувствовали себя не слишком уверенно. Только Штауффенберг и небольшая группа его соратников были в ней как рыба в воде.

Представители духовенства и консервативных кругов, пребывая в нерешительности, сильно осложняли жизнь заговорщиков. Фон Рабенау в биографии Секта писал, ссылаясь на кризис 1923 года, что прусские генералы никогда не нарушали клятву. Он даже не представлял, что спустя несколько лет сам окажется перед выбором: нарушить клятву или не подчиниться голосу совести.

Ни Штауффенберг, ни члены кружка Крейсау не соглашались с идеей простого восстановления старого порядка. Многих высокопоставленных офицеров вполне устроило, если бы Гитлер воздержался от непосредственного

ведения войны. Но Штауффенберг был настоящим революционером, человеком талантливым и имеющим собственное мнение. Как мы помним, он не поддерживал идею восстановления монархии, предложенную Герделером. Новое государство должно быть демократической республикой, и немцам должна быть предоставлена возможность решать свою судьбу в ходе свободных выборов. Предложенный Беком—Герделером режим не более чем режим переходного периода. Доктор Юлиус Лебер, лидер молодых социалистов, в порыве ненависти назвал Штауффенберга «немецким Лениным». Что касается временного правительства, то Штауффенберг одобрительно относился к возвращению Шахта и не возражал против Папена, который в качестве министра иностранных дел вел бы переговоры с Западом. Тем более, что это предложение поддерживали Гельдорф и граф фон Бисмарк-Шонхаузен, внук первого канцлера Германии.

В ходе совещаний был выработан план дальнейших действий. Он включал: немедленное заключение перемирия с Западом (а не безоговорочная капитуляция), отвод немецких войск на западе в пределы границ Германии. Таким образом, появлялась возможность надежно защитить восточные границы. По мнению Штауффенберга, сохранение мощи армии было необходимо для ведения переговоров с Западом на равных. Ему представлялось необходимым заключить временное соглашение с Советским Союзом с помощью территориальных уступок. Но переговоры с Западом являлись наипервейшей задачей, поскольку, в отличие от членов кружка Крейсау, Штауффенберг ясно представлял, какую опасность таит в себе Восток.

Другой способ избрали немецкие генералы во главе с фон Зейдлиц-Курцбахом, взятые в плен в Сталинграде. Они исходили из традиционной связи рейхсвера и Красной армии. С помощью немецких коммунистов-эмигрантов они создали вместе с русскими комитет «Свободная Германия». Эти люди, безусловно, верили, что в случае краха Германии (или государственного переворота) они смогут контролировать ситуацию. Однако дальнейшие события показали, что немецкие генералы испытали заметное разочарование. Они не были готовы перевернуть свои представления с ног на голову и признать марксистскую доктрину, которую русские ухитрились подстроить под себя.

XI

В конце лета 1942 года, когда 6-я армия подошла к Сталинграду, а Роммель собирался захватить Каир, Гитлер был близок к победе. Однако после поражения Роммеля и Паулюса, разгрома немецких армий на Дону и контрнаступления советских войск в феврале 1943 года война вступила в новую фазу. Инициатива перешла к союзникам. Отравленный победой Геббельс писал, что трагедия Гитлера как государственного деятеля и генерала заключается в том, что у него просто плохие партнеры (по его собственному выражению — «сапожники»). На самом деле в лагере союзников появились такие люди, как Эйзенхауэр, Монтгомери, Ватутин, Конев, Жуков, к которым совершенно не подходило определение «сапожник».

Особенно интересны в нашем случае такие военачальники, как Ватутин и Жуков, поскольку они придерживались тактики гибкой обороны, к применению которой Генеральный штаб безуспешно пытался склонить Гитлера. Все труднее оправдать решения Гитлера, особенно после успешно продемонстрированной тактики Манштейна: когда советские армии подошли к Днепропетровску и Запорожью и могли отрезать Крым, Манштейн с помощью хитрого маневра превратил свое отступление в контрнаступление на незащищенные фланги передовых частей противника.

Германия начала отставать и в воздухе, и под водой. Разработанные британцами радары расстроили планы немцев в отношении подводной войны, а что касается бомбежек, то Германия постепенно начала занимать оборонительную позицию. Уже в 1942 году британская авиация бомбила Эссен и Кельн и ввела тактику массированного бомбометания. 23 июля 1943 года на Гамбург было сброшено восемьсот тонн фугасных бомб, сто пятьдесят тонн зажигательных бомб и полоски металлической фольги, которые парализовали бортовые радиолокаторы немецких ночных истребителей. Согласно официальным данным, погибло пятьдесят шесть тысяч человек, и девяносто тысяч остались без крова. Потери англичан составили семнадцать самолетов из восьмисот вылетевших на задание. Удары на Гамбург были своего рода репетицией перед бомбежкой Берлина. Налеты английской бомбардировочной авиации нанесли не только жестокие удары по Германии, вызвав серьезные разрушения городов, но и ока-

зали воздействие на моральный дух воюющей немецкой армии.

В связи с высадкой английских и американских войск на Сицилии и ростом партизанского движения в Югославии и Северной Греции образовались два новых фронта. В это же время Венгрия зондировала почву на Западе. В том же 1943 году Турция направила военную миссию в ставку Гитлера с желанием выяснить состояние дел на Восточном фронте и в результате отвернулась от Германии.

За союзнической высадкой Сицилии последовала капитуляция итальянских войск, оборонявших побережье. Появление врага на Апеннинском полуострове было теперь всего лишь делом времени. На встрече с Муссолини в Вероне Гитлер потребовал, чтобы ему была передана Италия до долины По, но перспектива превратить страну в поле битвы усилила антифашистские настроения в Италии. Итальянскую оппозицию возглавил бывший начальник Генерального штаба маршал Пьетро Бадольо. Муссолини созвал Большой фашистский совет, но большинство членов совета было против продолжения войны, и в полдень 23 июля полковник карабинеров арестовал Муссолини. Позже в тот же день Йодль сказал Гитлеру: «Фашизм пал». Гитлер взревел: «Фашизм пал! Только офицер мог сказать такую глупость. Это говорит о том, что генералы ничего не понимают в политике».

Что бы ни говорил Гитлер, но первая из европейских диктатур рассыпалась словно карточный домик. Маршал Бадольо сформировал новое правительство из солдат и чиновников, бросивших Муссолини. Хотя в Германии было официально объявлено, что война будет продолжаться, начались секретные переговоры о перемирии.

Гитлер ясно представлял, что творится вокруг, хотя не знал о заговоре, зреющем в собственном лагере. Заговорщики, которых последние события застали врасплох, еще не закончили все приготовления, а потому упустили удачный момент. Геббельс, как следует из его дневника, отчаянно стремился убедить себя и остальных, что фюрер предвидел такой поворот событий. Но из его записей можно понять, что события в Италии вызвали замешательство в ставке фюрера. Вдруг и у них найдется свой «немецкий Бадольо»? Гитлер с гневом обрушился на аристократию и королевские фамилии. Большинство членов королевских семей — Гогенцоллернов, Брунсвиков, Виттельсбахов — были уволены из

армии. Геббельс потребовал экспроприировать их дома. Гиммлер стал министром внутренних дел и начал свою деятельность на новой должности с кампании, направленной против пораженцев. Первой его жертвой стал действительный тайный советник в Ростоке, который заявил, что только с появлением собственного Бадольо положение Германии может улучшиться.

XII

Пока происходили описанные выше события, Восточный фронт превратился в театр решающих военных действий, и к этому событию имеет непосредственное отношение долгая, но бесполезная борьба Цейтцлера за перераспределение сил. По мнению Варлимонта, последняя война была проиграна из-за политики в отношении флота, а нынешняя — из-за политики в отношении армии. В результате непонятного разделения полномочий Генерального штаба и ОКВ любые попытки сконцентрировать войска на решающем участке фронта оканчивались неудачей. Огромные армии находились на второстепенных театрах военных действий только потому, что Гитлер хотел одновременно наступать на всех фронтах. Тринадцать дивизий находились в Норвегии, всего триста восемьдесят тысяч человек; в Дании — сто шесть тысяч, в Греции — сорок семь тысяч, на Балканах — сто двенадцать тысяч человек.

Такое распределение сил связывало Генеральному штабу руки. Руководство Генерального штаба, являясь инструментом Гитлера, могло только наилучшим образом использовать директивы фюрера. Когда они пытались идти своим путем, как это иногда делали Цейтцлер, Хойзингер, Штифф и Вагнер, то тут же вступали в противоречие с Гитлером. Фюрер и его окружение с каждым днем все больше отрывались от действительности, мало того, если требовалось присутствие Йодля или его сотрудников в конкретных местах, чтобы оценить создавшееся положение, Гитлер косо смотрел на такие инспекционные поездки. В результате Йодль превратился в типичного «кабинетного генерала».

Основными сторонниками теории, предписывающей «защищать каждую пядь земли», как назвал Дёниц стратегию Гитлера, был сам Дёниц, чьи советы высоко оценивались фюрером, и Гиммлер, хотя он совершенно не

разбирался в стратегии. Правильная оценка сил противника, которой всегда добивался Генеральный штаб, рассматривалась руководителями государства как пораженчество; вошло в привычку по делу и без дела говорить о «саботаже генералов».

Теперь давайте проследим за продвижением таких личностей, как Модель, Шернер и Рендулик, первые двое из которых были особенно ревностными исполнителями желаний Гитлера и очень скоро стали фельдмаршалами. Модель, прошедший школу Войскового управления, был, несомненно, искусным импровизатором. Кроме того, он искренне верил Гитлеру, что новое оружие изменит ход войны. Шернер был выходцем из среднего класса и намеревался стать школьным учителем. Отличился в Первой мировой войне и был принят офицером в рейхсвер. Он провалился на экзаменах в Войсковом управлении и затаил злобу на офицерский корпус рейхсвера, этих высокородных аристократов, закрывших перед его носом дверь. Его не случайно потянуло к Гитлеру, который испытывал те же чувства.

Рендулик был человеком совершенно другого склада. Происходил из австрийской офицерской семьи, служил в австрийском Генеральном штабе. Когда он был военным атташе в Париже, его выгнали из австрийской армии за национал-социалистическую деятельность. Рендулик глубоко проникся идеями национал-социализма, но имел слабость: обожал смотреть в штабе фильмы, а затем с удовольствием обсуждать их. В такие моменты он казался скорее представителем отживающего свой век строя, чем национал-социалистом.

В действительности руководство Генерального штаба считало, что Германия уже не сможет перейти в крупномасштабное наступление и будет только растрачивать последние резервы немецких вооруженных сил, как это случилось в 1918 году. Выступая в 1943 году перед гаулейторами, даже Йодль признал, что советская армия, общей численностью пять с половиной миллионов человек, имеет триста двадцать семь пехотных и пятьдесят одну танковую дивизии. Советская военная промышленность выпускала танки, пушки и гранатометы в количествах, которые Гитлер считал нереальными. К тому же в Советский Союз непрерывным потоком шли поставки из США.

Германия в то время имела примерно двести пехотных и танковых дивизий, в том числе десять румынских и шесть

венгерских, и приблизительно сто шестьдесят «восточных» батальонов, ряды которых таяли прямо на глазах из-за большого количества дезертиров. Несколько действительно боеспособных формирований из туркмен и казаков под командованием генерала Панвитца никогда не сражались на Восточном фронте; они принимали участие в боевых действиях на Балканах и в Италии.

XIII

Летом 1943 года, пренебрегая таким фактором, как малочисленность своей армии, Гитлер решил предпринять широкомасштабное наступление под кодовым названием операция «Цитадель». Планировалось вклиниться в особенно большой выступ советских войск между Орлом и Белгородом и окружить приблизительно девятьсот пятьдесят тысяч человек, две группы армий, сконцентрированных в районе Курска, последние, по мнению Гитлера, резервы противника. После этого переправиться через верховье Дона, а затем либо восстановить Волжский фронт, либо угрожать Москве с юга.

В очередной раз предполагалось зажать противника в клещи: с севера группой армий «Центр» под командованием Клюге, а с юга — группой армий «Юг» под командованием Манштейна. В операции принимали участие 17-я танковая и 3-я танково-гренадерская дивизии, 2-я и 3-я танковые армии и танковый корпус СС, оснащенные приблизительно на шестьдесят процентов тяжелыми танками «тигр».

В операции было задействовано порядка пятисот тысяч человек. Гитлер был убежден, что основная часть войск противника находится в районе Курска, и поэтому решил нанести удар по самому укрепленному участку фронта. Само собой разумеется, Гитлер проявил полное пренебрежение к доводам начальников штабов, а полковника фон Шлейнитца просто уволил.

Наступление началось 5 июля. После незначительных успехов оно было остановлено командующим Степным фронтом Коневым, который разгадал намерения немцев. Было уничтожено приблизительно сорок пять процентов немецких танков.

На северном участке фронта все закончилось в середине июля. На южном участке Манштейн упорно сражался с

группой армий Донского фронта и в нескольких местах прорвал линию фронта, но ему не хватило сил, чтобы добиться решающей победы. На этом участке фронта бои шли до середины августа и в конечном итоге закончились поражением немецких армий. Совершенно ясно, что Германия была не в состоянии вести войну на нескольких фронтах.

Контрнаступление советских войск в конце лета привело не только к потере Орла и Белгорода, но и к окончательной потере Харькова и Донецкого угольного бассейна. Фон Клейст, удерживавший Кубань, был вынужден отвести армии. Гитлер объявил, что Днепр сам по себе является естественной оборонительной линией, и запретил Манштейну вести какие-либо подготовительные работы.

Теперь группы армий «А» и «Б» были переименованы в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина». Манштейн применил тактику гибкой обороны, а в ответ услышал от Гитлера, что половина его дивизий, вместо того чтобы наступать на врага, постоянно болтается на дорогах.

XIV

В начале сентября британские и американские армии высадились на юге Италии, и 8 сентября итальянское правительство объявило о подписании перемирия. За считаные дни немцы заняли всю Италию и разоружили итальянские дивизии на юге Франции, а также в Хорватии, Албании и Греции. Рим находился в руках Германии. Бадольо и король сбежали на юг. Муссолини освободили из заключения (активное участие в операции по освобождению дуче принял гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени). На итальянский фронт под командованием маршала Кесселькринга были брошены двадцать дивизий, около четырехсот тысяч человек.

В сентябре советские войска заняли Полтаву и Смоленск, 29 сентября подошли к Кременчугу. Спустя пять дней, 4 октября, Гиммлер, выступая в Посене перед группенфюрерами СС, повел атаку на старый офицерский корпус. Сталин, заявил он, правильно сделал, что расстрелял Тухачевского и группу бывших царских генералов. С такими офицерами Советский Союз никогда не продержался бы в войне два года. Сталин превратил комиссаров в офицеров. Вот в чем сильная сторона русских. Говоря о Восточном

фронте, Гиммлер заявил, что надо просто «зарезать свинью, чтобы она умерла от потери крови».

Спустя несколько дней он позволил себе еще более сильное высказывание в адрес «пораженца из высших слоев», который видел спасение в немецком Бадольо, и добавил, что война будет продолжаться до победы Германии. Самое любопытное, что в то время Гиммлер уже знал о существовании заговора в высших военных кругах. В разговоре с Попитцем, прусским министром финансов, Гиммлер попытался выяснить намерения оппозиционеров, особенно группы Бека—Герделера. Создается впечатление, что в то время он был склонен закончить войну, вопреки желанию Гитлера или вообще без него.

В этом нет ничего удивительного, поскольку даже Геббельс понял безвыходность ситуации. Он записывает в дневнике, что Германия не в состоянии вести войну на два фронта. Геббельс советовал Гитлеру найти общий язык или с Западом против Востока, или с Востоком против Запада. Его мнение разделял Риббентроп, который предлагал заключить сепаратный мир с Советским Союзом.

Гитлер, состояние здоровья которого, по словам Геринга, сильно ухудшилось, знал одно: он утратил влияние, и никто не будет вести с ним переговоры. Гитлер надеялся на какой-то неожиданный поворот судьбы. 7 ноября Йодль произнес речь перед гаулейтерами, суть которой сводилась к тому, что «капитуляция означает конец нации, конец Германии». Как и Гитлер, Йодль не мог дать лучшего совета, чем совет «стоять до конца». Любое «политическое разрешение ситуации» является проявлением трусости. Положительный итог восточной кампании, сказал Йодль, заключается в том, чтобы защитить границы рейха от большевистской заразы. Германия победит. Все эти заявления были не чем иным, как заявлением о стратегической несостоятельности, в которой расписался ведущий немецкий военачальник.

Выступая в Веймаре, Дёниц заявил, что территория Советского Союза нужна только для того, чтобы разместить на ней военно-морские базы, и поэтому выходы к Балтийскому морю и Крым нужно удерживать любой ценой. Йодль, как и Гиммлер, лелеял надежды, что русские исчерпали свои силы.

Между тем все офицеры видели единственную надежду в ослаблении наступления советских войск, в использовании

гибкой обороны и в сокращении линии фронта. Это был единственный способ парализовать наступление противника. Цейтцлер, Манштейн, Клейст, Кюхлер руководствовались только этими соображениями. Их мнение разделяли генерал-лейтенант фон Типпельскирх, четвертый обер-квартирмейстер, командующие 4-й и 8-й армиями. Манштейн прилагал все усилия, чтобы удержать фронт на Днепре. Несмотря ни на что, он верил, что можно подавить наступление советских армий на их территории, но только в том случае, если Гитлер согласится действовать в соответствии с рекомендациями Генерального штаба и передаст командование профессиональному военному. Он откровенно сказал об этом фюреру. Гитлер прекрасно понимал, что Манштейн, как никто другой, подходит на пост главнокомандующего. Многие офицеры считали, что только Манштейн может спасти положение на Восточном фронте.

Если удастся парализовать наступление советских войск, считал Манштейн, то война может закончиться восстановлением территорий. Действительно, американцы уже неофициально зондировали почву через Турцию, что давало основание предполагать, что пункт «безусловная капитуляция» вполне может быть нарушен. Кроме того, было очевидно, что советские власти пребывают в большом сомнении относительно того, что союзники действительно собираются открывать второй фронт, а значит, не станут возражать против переговоров.

В конечном итоге пришлось признать, что надеяться особенно не на что. В любом случае, Гитлер и Риббентроп не обладали необходимыми способностями для ведения дипломатических переговоров. Однако Гитлер все еще надеялся, что новое секретное оружие положит конец периоду неудач, надо только еще немного продержаться. Он всех сбивал с толку своими рассказами о «чудо-оружии».

XV

Зимой 1943 года советские армии перешли в генеральное наступление. В нем приняли участие 1, 2 и 3-я армии Украинских фронтов под командованием Ватутина, Конева и Малиновского, войска Белорусского фронта под командованием Рокоссовского и Южного под командованием Толбухина. В это время немецкая группа армий под командо-

ванием Манштейна стремилась удержать позиции на Днепре. Оказалось, что это выше их сил. Немцы потеряли Киев; Крым оказался отрезан. После тяжелых боев, в которых были уничтожены двадцать две немецкие дивизии, советские войска пробились к Житомиру. Немецким войскам удалось отбросить противника, но 3 декабря в ходе наступления русские окончательно захватили Житомир и Бердичев.

В начале января 1944 года советские войска оттеснили немцев с занимаемых позиций на Днепре. 8 февраля пал Никополь. Две группы немецких армий под командованием Лееба и Штуммермана были окружены в районе Черкассы—Корсунь-Шевченковский. Впервые фон Зейдлиц и офицеры из комитета «Свободная Германия» призвали офицеров и солдат вермахта сложить оружие (правда, их усилия не увенчались успехом). Гитлер приказал окруженным войскам стоять насмерть. Чтобы избежать второго Сталинграда, командование армии дало команду начать отступление. Десять дивизий были уничтожены, но удалось сохранить жизнь примерно тридцати пяти тысячам человек.

В этот период на Восточном фронте произошли очередные кадровые перестановки. Командные посты заняли люди вроде Шернера и Моделя, истово верящие в Гитлера. Последние представители старшего поколения расстались со своими должностями. На смену фон Кюхлеру в январе 1944 года пришел Модель. Фон Клюге погиб в автомобильной катастрофе, и его место занял фельдмаршал Буш. В марте Гитлер сообщил Манштейну и Клейсту, что лишает их занимаемых постов. Манштейн предпринял последнюю попытку уговорить фюрера отказаться от командования. Преемником Клейста стал Шернер, а Манштейна — вездесущий Модель.

Советские войска продолжали наступление на Днестр. Возникла необходимость создать сильную оборонительную позицию по реке Прут, чтобы защитить нефтяные месторождения в Румынии. Несмотря на энергичные требования со стороны Генерального штаба, время было упущено. Отчаянно сражалась отрезанная в Крыму 17-я армия. Возрожденная в 1943 году 6-я армия отошла к румынской границе, где уже стояла 8-я армия. Ленинград по-прежнему находился в кольце окружения.

За декабрь 1943-го — январь 1944 года на Берлин было сброшено порядка двадцати двух тонн бомб. Весной тяже-

лые американские бомбардировщики бомбили уже Польшу и Восточную Германию.

В мае советские войска заняли Крым. Группы армий под командованием Моделя и Шернера были отброшены в Восточную Галицию и Бессарабию. Вскоре Моделя и Шернера заменили генерал-полковником Харпе и Фриснером, давно воевавшим на Восточном фронте. Они не переставали верить в гениальность фюрера. Группа армий «Север», которой теперь командовал Линдеман, была вынуждена отступить на территорию Прибалтийских государств. Кессельринг оставил Рим и отступил на позиции в Апеннинах.

XVI

На Восточном фронте по-прежнему оставался многокилометровый выступ между Витебском, Полоцком и Ковелем. На этом участке фронта располагалась группа армий «Центр» под командованием Буша, 2, 4, 9 и 3-я танковые армии, всего сорок две дивизии. Ситуация сильно осложнялась активными действиями партизан, причем установить местоположение партизанских отрядов с воздуха практически не представлялось возможным. На этом участке фронта противник наверняка мог перейти в наступление и окружить немецкие армии. Гитлер даже не удосужился обратить внимание на предупреждения Генерального штаба. Командующие отчетливо понимали опасность создавшегося положения и слабость своего фронта; на один километр приходилось порядка двадцати семи человек.

22 июня советские войска перешли в наступление, имея сто свежих дивизий и две тысячи самолетов. В этот критический момент Кребс был вынужден уехать в Германию, хотя его присутствие вряд ли могло повлиять на происходящее. Группа армий «Центр» была полностью уничтожена. Эта была трагедия не слабее сталинградской. Порядка трехсот тысяч человек были убиты или взяты в плен. Двое командующих погибли, защищая свои штабы. Советские войска взяли Витебск, Бобруйск, Минск. Советские танки решительно продвигались вперед и невероятно быстро вышли к Висле и границе с Восточной Пруссией.

Теперь опасность оказаться в окружении нависла над группой армий «Север». Гитлер орал на командующих, обвиняя их в бездействии. Модель опять вышел на первый план,

сменив Буша. Модель изо всех сил стремился создать линию обороны в Литве, но не достиг особых успехов. Несмотря на протесты со стороны командования группы армий «Юг», танковые дивизии оттянули с румынского фронта и направили на центральный участок фронта. Впрочем, это не спасло ситуацию. Модель безуспешно пытался освободить группу армий «Север», но в результате бросил войска в критический момент жесточайшего сражения. В июле 1944 года по улицам Москвы под конвоем провели пятьдесят тысяч немецких солдат, офицеров и генералов, захваченных в плен Красной армией.

XVII

Начался последний акт трагедии. Генерал Варлимонт так объясняет причины провала на Восточном фронте: «хаос в руководстве» (мы уже цитировали эту фразу Варлимонта) и, что особенно важно, функции главнокомандующего взял на себя дилетант, не желавший хотя бы прислушаться к советам профессионалов. Далее. Политика удерживания боеспособных дивизий на второстепенных театрах войны. Многие неудачи, как давно понял Варлимонт, были связаны с войной на нескольких фронтах. Штаб Верховного командования вермахта был подчинен стратегическим методам Гитлера и до конца остался личным инструментом фюрера.

После трагедии, постигшей группу армий «Центр», Цейтцлер предпринял последнюю попытку убедить Гитлера в необходимости реорганизации всего Восточного фронта и внесения принципиальных изменений в методику ведения военных действий. Гитлер никак не отреагировал на требования начальника Генерального штаба. Все надежды на то, что здравый смысл возобладает над идеологией, были напрасны. А в это время советские дивизии двигались к Польше.

Не менее четырех раз Цейтцлер, этот честнейший человек, который уже впал в отчаяние, просил Гитлера об отставке; увеличивалась пропасть между командованием армией и Верховным командованием вермахта. Теперь на ежедневных оперативках, когда Варлимонт или Йодль докладывали о положении на театрах войны ОКВ, Цейтцлер с коллегами демонстративно покидали помещение. Единственное, чего

ему удалось добиться подобными демаршами, так это вспышек ярости фюрера.

Тогда Цейтцлер принял отчаянное решение отказаться от дальнейшего сотрудничества. Он сказался больным, и в этот критический момент Генеральный штаб остался без начальника. Выполнение его функций взял на себя Хойзингер, хотя Гитлер, который продолжал работать с оперативным отделом, предполагал сделать начальником Генерального штаба генерала Буле.

В это время началось вторжение (высадка союзных войск. — *Примеч. ред.*) на Западе, которое, естественно, оказало серьезное влияние на положение на всех фронтах и в самой Германии.

Решение новой задачи было возложено на штаб Верховного командования вермахта. Вторжение наглядно продемонстрировало, что происходит, когда люди, не имеющие опыта ведения войны, стремятся с помощью современных средств связи отдавать приказы, находясь за тысячи километров от передовой. В то время как союзники предпринимали максимум усилий, чтобы действовать согласованно, в рядах немецкого руководства царил хаос. Однако следует признать, что в тот момент даже лучший в мире Генеральный штаб едва ли добился многого. Союзники имели явное преимущество в воздухе и на земле. В этих условиях штаб ОКВ был абсолютно беспомощен. Работу, которую Гитлер взвалил на его плечи, можно было смело отнести к разряду невыполнимых.

Глава 16
СУМЕРКИ БОГОВ

I

Шестьдесят три дивизии защищали трехтысячекилометровый участок побережья между Ривьерой и Северным морем. На Западном театре военных действий большинство немецких солдат были слишком стары. Один батальон был сформирован из людей, страдавших болезнями уха. Целая дивизия укомплектована солдатами, имевшими желудочные заболевания и нуждавшимися в специальной диете. Ощущался острый недостаток тяжелых видов вооружения. Частично использовалось оружие, захваченное в Польше, Франции и Югославии.

Распропагандированный Западный вал, состоявший из нескольких опорных пунктов, находился в жалком состоянии, и его нельзя было рассматривать как укрепленный оборонительный рубеж. Силами населения, привлекаемого к работам в порядке так называемой «трудовой повинности», возводились оборонительные сооружения, которые в техническом и тактическом отношении не отвечали условиям современной войны.

Поскольку Западный фронт был одним из военных театров ОКВ, Гитлер нес за него персональную ответственность. Главнокомандующим Западным фронтом был Рундштедт, а начальником его штаба Блюментрит. Эйзенхауэр считал Рундштедта самым талантливым немецким генералом, но, помимо того что Рундштедт был стар и состояние его здоровья оставляло желать лучшего, он не обладал всей полнотой власти.

Командующие группами армий «А» и «Г» Роммель и Блашковиц подчинялись Рундштедту. В состав группы ар-

мий «Б» входила 7-я армия под командованием генерал-полковника Дольмана, 15-я армия под командованием генерал-полковника фон Зальмуса и 88-й армейский корпус в Голландии, состоявший из двадцати четырех пехотных дивизий и пяти дивизий люфтваффе. Группа армий «Г» удерживала территорию от Луары до Ривьеры. Вся бронетанковая мощь состояла из двух дивизий СС и трех танковых дивизий, которые поступили в распоряжение командующего группой армий «Б». Для руководства танковым сражением был сформирован штаб танковой группы «Запад» во главе с генералом фон Швеппенбургом, бывшим военным атташе в Лондоне. На деле объединить все танковые части в единый бронированный кулак так и не удалось, и деятельность Швеппенбурга ограничивалась решением организационных вопросов.

Некоторые армии вообще не подчинялись главнокомандующему Западным фронтом. Военно-морской флот под командованием адмирала Кранке подчинялся приказам адмиралтейства, а 3-й воздушный флот под командованием фельдмаршала Шперле — приказам командования люфтваффе. Если союзники имели на период вторжения семнадцать тысяч самолетов, то в распоряжении 3-го воздушного флота было пятьсот самолетов, в основном тренировочных. Только девяносто истребителей и семьдесят бомбардировщиков являлись боевыми машинами. Гитлер обещал поставить тысячу боевых машин на Западный фронт, но это были пустые слова. Объектами бомбардировок союзников были не только железные дороги Франции и Бельгии, но и авиационные заводы. Роммель, помимо того что был командующим группой армий «Б», являлся еще и инспектором Западного вала. С присущей ему энергией он принялся за укрепление оборонительных сооружений. В районах, считавшихся удобными для посадки, вкапывались столбы, а в прибрежных водах устанавливались подводные препятствия. Но дело осложнялось тем, что формально Роммель не имел права отдавать приказы, поскольку Западный вал находился в ведении и люфтваффе, и сухопутных войск, и ВМФ.

Не только деятельность маки причиняла беспокойство в оккупированной Франции. Велась скрытая война между Штюльпнагелем, генералом СС Обергом и специальным представителем Германии в Виши. Оберг держал под наблюдением ведущих генералов, а штаб Штюльпнагеля был одним из основных центров «сопротивления». Закулисная

борьба шла и между штабом главнокомандующего Западным фронтом в Сен-Жермен-ан-Лайе и штабом Роммеля в Ла-Рош-Гюйон. Два фельдмаршала, Рундштедт и Роммель, расходились во взглядах в отношении обороны. Рундштедт, офицер Генерального штаба старой школы, свысока смотрел на Роммеля, который не принадлежал к его кругу. Впоследствии Рундштедт в разговоре с Лиддел-Гартом назвал Роммеля человеком, способным проводить незначительные операции. По мнению Рундштедта, Западный вал, который Роммель считал жизненно важным, играл незначительную роль. Рундштедт рассматривал Западный вал всего лишь как первую оборонительную линию. Всю надежду он возлагал на стратегический резерв, состоящий из лучших пехотных дивизий и танков, и считал, что сможет остановить наступление врага. Гудериан, естественно, разделял его взгляды.

В отличие от Рундштедта Роммель придавал Западному валу первостепенное значение и критиковал Рундштедта за то, что он не может оценить достоинства позиционной обороны. К тому же Роммель сильно сомневался, что превосходящие силы авиации союзников дадут возможность осуществлять маневры большим танковым армиям. Роммель считал, что все решится в течение суток после начала вторжения, а потому все танки должны быть сконцентрированы в прибрежной полосе.

Гитлер в значительной степени разделял точку зрения Роммеля, хотя его мнение основывалось на несколько иных соображениях. Он зашел так далеко, что запретил подготовку планов на случай успешной высадки союзников. Мало того, он сохранил за собой исключительное право вводить в бой танковые войска. Это он предполагал сделать из своего штаба, расположенного в Восточной Пруссии.

В конечном итоге Рундштедт и Роммель пришли к компромиссному решению — оставить на берегу только усиленную пехоту и артиллерию. Оба командующих сошлись во мнении, что лучшее, что может сделать Гитлер, это закончить войну. Им хватило ума предложить Гитлеру приехать во Францию, чтобы они могли изложить ему свою точку зрения, но их предложение не имело успеха. В своих воспоминаниях Монтгомери высказал мнение, что успешность высадки союзников обеспечили два момента. Во-первых, немцы затянули с введением танков, а во-вторых, не сумели мгновенно нанести контрудар.

II

Хотя Генеральный штаб считал Роммеля чужим, но факт остается фактом: благодаря нацистской пропаганде Роммель был самым популярным немецким командующим со времени своей победы в Африке. Тем более интересно, что центр заговорщиков сформировался в его собственном окружении. Начальником штаба группы армий «Б» был генерал-лейтенант Шпейдель. Он служил в Войсковом управлении, затем перешел в люфтваффе, из которого был изгнан за невыполнение приказов Гитлера. Его понизили в чине и опять взяли в Генеральный штаб.

Нельзя обойти вниманием Шпейделя, считавшегося одним из самых резких критиков режима. Роммель попал под сильное влияние Шпейделя и старого приятеля Вюртембергера доктора Штролина, мэра Штутгарта, поддерживавшего тесный контакт с Герделером. Кроме того, после посещения ставки фюрера Роммель засомневался, способен ли Гитлер привести войну к какому-нибудь другому концу, кроме гибельного для Германии. Роммель переговорил с Цейтцлером, который высказал свое мнение относительно необходимости проведения изменений в командной структуре. Приблизительно тогда же Роммель вошел в контакт с Беком и Герделером, и в мае 1944 года у него состоялся разговор со Штюльпнагелем. Есть основания верить, что Роммель и Штюльпнагель сошлись на том, что западные армии должны положить конец гитлеровскому режиму. Вагнер изложил Роммелю план Штауффенберга, но ничего не сказал о предложении убить Гитлера; обсуждался только арест фюрера. Штауффенберг объявил о намерении встретиться с Роммелем, впрочем, встреча не состоялась.

Создается впечатление, что Роммель хотел разработать собственный план. Суть плана заключалась в обращении к жителям Германии. Обращение должно было стать сигналом для группы сопротивления в Генеральном штабе. После чего резервная армия должна была провести арест Гитлера и передать руководство группе Бека—Герделера. Роммель предполагал удерживать фронт от Мемеля вдоль Вислы и Карпат на востоке, а в это время на Западе начнутся переговоры о перемирии. Вопрос только в том, как бы к этому предложению отнеслись западные державы.

III

Поскольку Штауффенберг вопреки намерениям не встретился с Роммелем, план Роммеля, каким бы он ни был, в любом случае не отвечал планам Герделера и Генерального штаба. Кроме того, когда началось вторжение, Роммель еще не закончил отработку плана. В начале 1944 года германское командование знало, что противник перебросил лучшие дивизии из Италии в Англию. А если еще учесть, что в южных портах Англии сконцентрировалось огромное количество грузов, союзники усиленно бомбили мосты и коммуникации, усилилась подпольная деятельность во Франции, то не возникало сомнений, что высадка союзников произойдет в ближайшее время. И Роммеля и Рундштедта занимали предположения, в каком районе произойдет высадка.

Позже Блюментрит заявил о полной несостоятельности немецких разведывательных служб (абвера). Заключение в тюрьму Остера и одного из его сотрудников в 1943 году нанесло серьезный удар по этому учреждению. Положение не улучшилось, когда один из агентов Канариса в Турции перешел на сторону англичан. Канарис был тут же переведен на незначительную работу в экономический отдел ОКВ. Эрнст Кальтенбруннер, преемник Гейдриха, тут же прибрал к рукам абвер. Впредь СС использовали разведку в собственных интересах.

Рундштедт считал, что союзники высадятся между устьем Соммы и Кале, в то время как командование ВМФ полагало, что высадка произойдет в районе Гавра. Роммель ближе всех подошел к истине, предположив, что увидеть союзников предстоит между Шербуром и устьем Сены. Гитлер был уверен, что союзников обнаружат на берегу Па-де-Кале, однако приказал усилить оборону Нормандии.

В штабе Роммеля выражали недовольство информацией о происходящем на вражеской территории, получаемой от главнокомандующего Западным фронтом, отдела иностранных армий ОКВ и штаба ОКВ. Кроме того, Верховное командование вермахта ничего не сообщало о степени готовности нового оружия. Во всяком случае, Рундштедт возлагал огромные надежды на эффективность «чудо-оружия».

IV

Вторжение началось около двух часов ночи 6 июня десантированием парашютистов в Нормандии. Парашютистов поддерживали планерные части. В трех местах были выброшены крупные десанты. Тысячи самолетов начали бомбить немецкие батареи и укрепления. Ранним утром под прикрытием авиации и при мощной артиллерийской поддержке союзники начали высадку, в которой участвовало сто тридцать тысяч человек, двадцать тысяч танков и другой техники. Немецкое командование оказалось застигнутым врасплох и до шести часов утра не предприняло никаких контрмер.

Гитлер в это время находился в Оберзальцберге. Он имел привычку поздно вставать по утрам и поэтому узнал новости только в полдень. Даже Йодль не посмел разбудить его, чтобы сообщить о высадке союзников. Таким образом, распоряжение о введении в бой учебной танковой дивизии и 12-й танковой дивизии СС было получено только во второй половине дня, зато со строжайшим приказом к вечеру «очистить» район высадки от противника.

Цейтцлер заявил, что это сделать невозможно, и оказался полностью прав. К вечеру 6 июня ситуация с высадкой прояснилась. Противник занял два плацдарма, один размером двадцать пять километров в ширину и десять в глубину в районе восточнее реки Орн и второй на полуострове Котантен размером пятнадцать километров в ширину и четыре в глубину.

Из-за тумана, накрывшего огромный район от Нормандии до Парижа, движение по дорогам было крайне затруднено. Кроме того, французские партизаны взрывали мосты, железнодорожные станции. В результате в сражении смогли принять участие только три танковые дивизии. Штаб командования танковых войск был уничтожен во время воздушной атаки.

Гитлер был абсолютно уверен, что следующая высадка произойдет в районе пролива Па-де-Кале, поэтому большая часть войск, сконцентрированных на берегу Па-де-Кале, все это время оставалась на месте. Так что нет ничего странного в том, что, несмотря на сложные метеорологические условия, первый этап высадки прошел успешно, практически без сопротивления со стороны немцев.

В период между 7 и 12 июня союзники смогли объединить захваченные плацдармы и теперь удерживали фронт протя-

женностью около девяноста километров. Союзники заблокировали полуостров Котантен с крепостью Шербур. Рундштедт и Роммель настаивали на встрече с Гитлером, желая, чтобы он сам оценил создавшееся положение. Командующие прекрасно понимали, что им не удастся «сбросить противника в воду», как этого требовал Гитлер. Наконец настоятельные требования фельдмаршалов были удовлетворены. 17 июня Гитлер принял Роммеля и Рундштедта вместе с начальниками их штабов в Марживале, где располагался старый командный пункт, хорошо укрытое сооружение, построенное на случай вторжения Англии. Гитлер, по словам Шпейделя, был бледен. Его лицо носило явные признаки бессонницы. Он нервно вертел в руках карандаш и бросал упреки в лицо командующим. Теперь фюрер во время чтения надевал очки, но об этом никто не должен был знать. У фюрера не могло быть никаких слабостей.

Роммель с предельной откровенностью доложил о подавляющем превосходстве противника и едко заметил, что бессмысленно удерживать укрепленные позиции во вражеском тылу. Не испытывая ни малейших угрызений совести, Роммель оценил стратегию ОКВ как «стратегию игорного стола», полностью оторванную от действительности. Он заявил, что враг прорвется к Парижу, а, как доказала история, кто владеет Парижем, тот владеет Францией. Уже высадилось порядка двадцати пяти моторизованных и танковых дивизий. Союзники явно не собираются высаживаться на берегу Па-де-Кале. Роммель потребовал предоставить ему свободу маневра. Гитлер молча выслушал обвинения Роммеля в том, что он доверяет кому угодно, только не своим генералам. А затем фельдмаршал спросил, как фюрер представляет себе окончание войны. Гитлер сердито ответил, что Роммелю следует заниматься военными, а не политическими проблемами.

Оба фельдмаршала настаивали на применении нового оружия против союзников. 13 июня, ровно через неделю после того, как войска союзников высадились во Франции, немцы впервые применили против Англии самолеты-снаряды «Фау-1». Генерал Хейнеман, отвечавший за разработку и испытания нового оружия, объяснял, что «Фау» еще не отработано; точность попадания в цель плюс-минус восемнадцать километров. Получив эту информацию, Гитлер, запретив использовать «Фау-1» против английских портов, решил сосредоточиться на Лондоне, полагая, что в этом случае Англия станет более сговорчивой и захочет прийти к соглаше-

нию. Похоже, он сильно ошибался в отношении эффективности «оружия возмездия».

Рундштедт попытался объяснить, что необходимо существенно перегруппировать Западный фронт. Он попросил разрешения отступить, чтобы группа армий «Г» могла бы, объединившись с девятью пехотными и четырьмя таковыми дивизиями, превратиться в новую стратегическую силу. «Вы должны стоять, где стоите», — заявил Гитлер. Вскоре после совещания в Марживале Кейтель позвонил Рундштедту из Восточной Пруссии. «Что нам делать?» — с отчаянием спросил он у Рундштедта. «Заканчивать войну. Что же еще?» — ответил фельдмаршал.

Упрек Роммеля в отношении политики, проводимой ОКВ, обидел Гитлера, и он заявил, что на следующий день, то есть 14 июля, намерен лично посетить участок фронта, где произошла высадка союзников. Но вечером 13 июня выпущенный против Англии «Фау-1» сбился с курса и взорвался неподалеку от командного пункта. Гитлер в сопровождении мощного эскорта истребителей немедленно вылетел в ставку.

19 июня борьба вступила в новую фазу. Союзники захватили Шербур и создали плацдарм на реке Одон. Теперь немцы кинули в бой большие танковые формирования. Две танковые дивизии СС, несмотря на бедственное положение на Восточном фронте, подошли из Венгрии. Немцы отчаянно стремились оттеснить противника с занятого плацдарма. В жестоких боях были практически полностью уничтожены три бронетанковые дивизии и пять понесли тяжелые потери. Таким образом, дивизии, которые Рундштедт хотел использовать в качестве оперативного резерва, были уничтожены. Эта фаза закончилась 1 июля, когда враг прорвался на равнины Северной и Центральной Франции.

После совещания в Марживале Роммель имел более или менее откровенный разговор с Дольманом, который не был фанатичным приверженцем режима.

V

29 июня, в день, когда Дольман прямо в своем штабе умер от сердечного приступа, Роммель и Рундштедт были вызваны к Гитлеру в Оберзальцберг. Гитлер пространно распространялся о будущей победе и тех огромных изменениях, к которым приведет «чудо-оружие». Он категорически не хо-

тел слушать никаких возражений. Генералы уехали в прескверном настроении.

Вернувшись во Францию, Рундштедт узнал, что с позором уволен. Его преемником стал фон Клюге, который был приглашен в Оберзальцберг, где выслушал многочасовые наставления фюрера. Роммель знал, что Клюге посвящен в планы заговорщиков, и был невероятно удивлен, когда Клюге потребовал неукоснительно соблюдать все директивы Гитлера и подверг критике пессимистичные настроения, царившие на Западном фронте. Клюге относился к тому типу людей, которые легко меняют точку зрения. Когда Клюге находился на Восточном фронте, Тресков сумел убедить его в необходимости переворота. Теперь уже Гитлер убедил Клюге, что вина за успешное вторжение союзников целиком лежит на Роммеле и Рундштедте, и выразил уверенность, что Клюге способен правильно подойти к решению проблемы. Роммель был в шоке. Однако как только новый главнокомандующий поговорил с армейскими командующими, с преемником Дольмана и с генералом Эбербахом, командующим 5-й танковой армией, он полностью изменил свое мнение и был вынужден извиниться перед Роммелем, признав правильность его оценки. Он осознал безнадежность создавшегося положения.

Роммель решился на отчаянный шаг. Он направил Клюге отчет, который тот переслал Гитлеру. В нем Роммель призывал Гитлера посмотреть в лицо фактам и положить конец войне. Если Гитлер откажется действовать, заявил Роммель в своем штабе, я сам приму соответствующие меры. Он не знал, что группа Штауффенберга планировала 16 июля совершить покушение на Гитлера.

17 июля на обратном пути в штаб автомобиль Роммеля был обстрелян вражеским истребителем. Водитель погиб. Сам фельдмаршал был тяжело ранен в голову и в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь недалеко от Парижа. Фон Клюге принял на себя командование группой армий «Б», чтобы помешать Гитлеру назначить на эту должность генерала СС.

VI

Этим закончилась последняя попытка положить конец войне с помощью армий Западного фронта. Безусловно, поддержка такого популярного человека, как Роммель, оказалась

бы весьма кстати 20 июля, хотя всегда существовала опасность, что войска Западного фронта, имевшие свою, достаточно специфическую точку зрения, могли расценить план переворота как удар в спину. Тем не менее уход Роммеля со сцены не снизил накал страстей. В январе 1944 года Гитлер признался Варлимонту, что, если вторжение будет успешным или если будет потеряна Румыния, войну выиграть не удастся. Теперь уже было ясно, что вторжение прошло успешно, а советские войска подошли к Румынии. Заговорщики оказались перед альтернативой: либо немедленно приступать к осуществлению плана, либо вообще отказаться от его выполнения. Заговорщики понимали, что время работает против них. Гестапо подбиралось все ближе. Уже был арестован Гельмут фон Мольтке и члены кружка Крейсау. Гиммлер сказал Канарису, что прекрасно осведомлен о перевороте, планирующемся в высших военных кругах, и, назвав Бека и Герделера, заявил, что у них ничего не выйдет, потому что он вовремя вмешается.

Последний план был, по сути, детищем ближайшего окружения Штауффенберга, Бека и Линдемана и заключался в следующем. Штауффенберг вызвался сам уничтожить Гитлера и Гиммлера на совещании в ставке с помощью бомбы с часовым механизмом, которую он взялся пронести в портфеле. Его должен был сопровождать еще один заговорщик с запасной бомбой. В решающей момент генерал Фельгибель, начальник войск связи, отрезает ставку от внешнего мира. Тогда же в Берлине командующий резервной армией приступает к выполнению операции «Валькирия». Войска должны занять и удержать в своих руках национальное управление радиовещания, радиостанции столицы, телеграф, телефонные узлы, рейхсканцелярию, министерства и штабы СС и гестапо. Заговорщики предполагали выпустить из концентрационных лагерей всех политических заключенных, а сами лагеря уничтожить.

Затем по радио, телефону и телеграфу будет передано сообщение, что в Берлине сформировано новое, антинацистское правительство во главе с Беком (временным руководителем государства), канцлером Герделером и фон Хасселем или бывшим послом в Москве фон Шуленбургом в качестве министра иностранных дел; у Шуленбурга были хорошие отношения со Сталиным. Министерство пропаганды возглавит Линдеман, а Витцлебен примет на себя командование вооруженными силами. Заговорщики были убежде-

ны, что немцы путем свободных выборов сами должны решить, каким будет их государство. Военная диктатура и временное правительство рассматривались в качестве временной меры в условиях переходного периода.

Оставался вопрос установления контактов с вражескими державами. Перспективы были весьма обнадеживающими. Осенью 1943 года через шведского банкира Валленбурга был установлен контакт с Черчиллем. Кроме того, предпринимались попытки через Карла Бурхарда установить связи с западными державами в Швейцарии. Правда, возникла проблема в отношении Советского Союза, поскольку не удалось выйти на комитет «Свободная Германия». Было непонятно, как СССР отнесется к новому правительству, состоящему по большей части из представителей германского правящего класса. Фактически, этот же вопрос относился и к США. Что касается военных вопросов, то Штауффенберг хотел оттянуть все войска к Рейну и перебросить боеспособные дивизии на Восточный фронт.

Особые меры были предусмотрены в отношении Берлина. Войска должны были изолировать район, в котором располагались правительственные учреждения, и провести аресты. Полковник Гронау должен был руководить захватом министерства пропаганды.

VII

Конечно, все зависело от того, насколько успешной окажется попытка покушения, причем обязательным условием было одновременное устранение Гитлера и Гиммлера. Штауффенберг пришел к этому решению, только когда понял, что убийство — единственный выход из создавшегося положения. Он не считал себя человеком, способным сыграть роль Брута, но понимал, что надо действовать, пока еще можно спасти Германию. В его представлении, он должен это сделать не только ради себя и своих товарищей из Генерального штаба, но и ради всех немцев. Эта трагическая дилемма стояла и перед его предшественниками, немецкими идеалистами. Вина за пролитую кровь, которой куплена свобода, ляжет на инициатора восстания и крайне затруднит его будущую роль как солдата и государственного деятеля. Но это неразрешимая проблема, и мы можем только

восхищаться человеком, который стремился любой ценой спасти свою страну от гибели.

1 июля, благодаря содействию одного из заговорщиков из высшего командования сухопутных войск, Штауффенберг был назначен начальником штаба резервной армии. Как всегда в таких случаях, возникла небольшая задержка. Один из основных заговорщиков генерал-майор фон Рост, командующий 3-м военным округом, в мае был переведен на итальянский фронт, где вскоре погиб. Его преемником на должности командующего 3-м военным округом стал генерал-майор Герфурт, которого посчитали неразумным посвящать в заговор. Штауффенберг принял решение поговорить с генералом Фроммом, командующим внутренней армией, который мог, не вызывая подозрений, отдать приказ приступить к выполнению плана «Валькирия». Штауффенберг сказал Фромму, что, по его мнению, война проиграна, и Фромм даже не попытался оспорить его мнение.

Нити заговора, тянувшиеся от высшего командования сухопутных войск через Генеральный штаб и Общее управление сухопутными войсками, затягивали в сеть все большее количество людей. Свои люди были уже в штабах военных губернаторов во Франции, Бельгии и Югославии и в группе армий «Б» в зоне вторжения. Понятно, все эти люди, добровольно влившиеся в ряды заговорщиков, по-разному воспринимали происходящее, и, безусловно, существовала опасность, что кто-то может повести себя неблагоразумно. Все в конечном счете зависело от того, какой эффект произведет сообщение о смерти Гитлера и как поведут себя в этом случае генералы.

Но, помимо генералов, сеть охватывала гражданских лиц. Многие бывшие высокопоставленные чиновники, известные в прошлом политики, такие, как Гесслер и Носке, и землевладельцы из Восточной Пруссии поддерживали заговорщиков.

Гитлер не знал, как близко подобралась к нему смерть. Он подписал приказ на арест Герделера и большинства молодых социалистов из окружения доктора Лебера, и это только укрепило Штауффенберга в принятом решении. Дополнительным стимулом послужило ухудшающееся положение на Западном фронте. 16 июля Штауффенберг предпринял первую попытку пронести бомбу в зал заседаний в Оберзальцберге. Приказ о «положении боеготов-

ности» был направлен в военные училища. В Вюнсдорфе и Крампнице танки были приведены в боевую готовность. Все это вызвало нежелательные пересуды. Однако Гитлер не пришел на совещание, и Штауффенберг вернулся ни с чем. 18 июля план был опять приведен в действие, на этот раз в «Волчьем логове», но Гитлер неожиданно покинул помещение.

Нервы заговорщиков были на пределе. Герделер скрывался от гестапо. Время поджимало. Когда было решено, что Штауффенберг предпримет третью попытку, выяснилось, что невозможно вовремя предупредить всех лиц, задействованных в операции. Появилась опасность, что сотрудники Генерального штаба, принимавшие участие в заговоре, но которых не успевали предупредить о начале операции, не вызывая подозрений, могут погибнуть вместе с Гитлером.

20 июня Штауффенберг должен был прийти в ставку Гитлера в Растенбурге, чтобы доложить о ходе формирования новых дивизий. Присутствие Гиммлера было под вопросом. Офицера, который должен был сопровождать Штауффенберга, неожиданно отозвали по месту службы. Предполагалось, что совещание будет происходить в подземном бункере, но, что довольно странно, местом совещания был выбран деревянный барак. Погода стояла жаркая, и окна в бараке открыли. Во второй половине дня в Растенбург в ставку Гитлера должен был приехать Муссолини, поэтому совещание у Гитлера началось на полчаса раньше обычного времени. На совещании присутствовали Кейтель, Йодль, Буле, Шмундт, генерал Шерф, военный историк из ОКВ. Командование сухопутными силами и Генеральный штаб представляли Хойзингер и полковник Брандт. Среди присутствующих находились полковник Кортен, начальник штаба люфтваффе, адмирал фон Путткамер и ряд других высокопоставленных офицеров.

VIII

Штауффенберг вошел в комнату для заседаний. Ничего не подозревавший Гитлер пожал ему руку. Штауффенберг спокойно поставил портфель со смертоносным содержимым у ножки стола с разложенными картами, поближе к фюреру. Под предлогом неотложного телефонного звонка Шта-

уффенберг, извинившись, вышел из комнаты. В 12 часов 28 минут раздался взрыв. В воздух полетели щепки. Клубы дыма и пыли заполнили помещение, вернее, то, что от него осталось. Поднялись крики. Штауффенберг решил, что Гитлер погиб, и быстро пошел на выход. Он беспрепятственно прошел посты, сославшись на срочный приказ фюрера, сел в самолет и полетел в Берлин. Пришло время начинать операцию «Валькирия».

Все смешалось в штабе фюрера. Кейтель, черный от копоти, выскочил на улицу с криками: «Где фюрер?» Поначалу он решил, что это работа одного из строительных рабочих, которые постоянно что-то доделывали и переделывали в бункере. В результате взрыва погиб стенографист Бергер, были смертельно ранены Шмундт, полковники Брандт и Кортен. Серьезно пострадал генерал Буле. Йодль и Хойзингер (один из заговорщиков) получили легкие травмы. Варлимонта серьезно контузило, но в тот момент он не придал этому значения. У Гитлера были незначительные ожоги правой руки и ноги и шок от удара. Ему невероятно повезло; незадолго до взрыва он встал с места, чтобы посмотреть карту, висевшую на стене. В тот же день Гитлер, после осмотра доктора Морелля, который дал ему успокоительное, отправился встречать Муссолини на железнодорожный вокзал. Гитлер выглядел абсолютно спокойным, но был смертельно бледен. Он, показывая итальянскому гостю обломки барака, заметил, что его хранит само Провидение, поскольку он обязан завершить начатое им великое дело.

Постепенно стала вырисовываться картина происшедшего. Телефонист запомнил «одноглазого штабного офицера», который с подозрительной поспешностью покинул штаб сразу после взрыва. Но подозреваемый офицер не знал, что не сумел уничтожить Гитлера и тем самым не выполнил непременное условие предполагаемого переворота. Поскольку Фельгибель не успел отключить связь, Гитлер какое-то время пребывал в уверенности, что действовал террорист-одиночка.

Примерно в половине четвертого Штауффенберг прилетел в Берлин. Прямо из аэропорта он позвонил Ольбрихту и сообщил, что все прошло удачно. В кабинете Ольбрихта на Бендлерштрассе собрались Бек, Витцлебен, Хопнер, Йорк фон Вартенбург, который должен был стать госсекретарем министерства иностранных дел, и Гизевиус, нелегально приехавший из Швейцарии.

Ольбрихт сообщил о смерти Гитлера Фромму. Этот типичный профессиональный военный, очень сдержанно относившийся к национал-социалистам, испытывал огромное уважение к Гитлеру из-за его удивительной способности оказывать влияние на массы. Фромм, истинный служака, решил подтвердить полученную информацию. Недолго думая он позвонил в «Волчье логово», и Кейтель сказал, что Гитлер остался жив, только слегка ранен. Фромм отказался подписывать приказы по «Валькирии».

IX

Но дело уже завертелось. Гельдорф, начальник полиции, и фон Хазе, комендант Берлина, прибыли на Бендлерштрассе за дальнейшими распоряжениями. Хазе было приказано арестовать находящегося в Берлине Геббельса, хотя первоначально эта обязанность была возложена на Гронау. Как выяснилось, замена себя не оправдала. Хазе был приятным, высоконравственным человеком, но абсолютно неподходящим на роль участника государственного переворота. Он действовал строго по правилам: приведенный в боевую готовность батальон караульной службы перегородил Вильгельмштрассе.

Незадолго до этих событий Гитлер наградил начальника этого батальона, майора Ремера Железным крестом. Ремер не поверил известию о смерти Гитлера. Лейтенант Хаген, национал-социалист, служивший у Ремера, вмешался и предложил позвонить в министерство пропаганды Геббельсу, чтобы он подтвердил информацию о смерти Гитлера.

В это время Штауффенберг появился на Бендлерштрассе и заверил Фромма, что Гитлер погиб. Он сам заложил бомбу и видел, что она взорвалась. Кейтель просто не мог сказать правду, объяснил Штауффенберг Фромму. Тут Ольбрихт объявил, что приказ о начале операции «Валькирия» все равно уже отдан. Фромм пришел в ярость и приказал арестовать офицера, отдавшего приказ от его имени.

Штауффенберг заявил, что если Гитлер жив, то ему не остается ничего другого, как немедленно застрелиться. Переворот обречен на провал, фюрер остался жив, решил Фромм. Ольбрихт попытался убедить Фромма не мешать движению, цель которого спасти страну. Фромм стал угрожать Ольбрихту арестом. Завязалась драка. Заговорщи-

ки связали Фромма и заперли в кабинете. Хопнеру поручили охранять командующего резервной армией.

Бек и Витцлебен так и не поняли, удалась попытка или нет, но, независимо от этого, Бек решительно настаивал на осуществлении задуманного плана. Когда Хопнер с некоторой тревогой заметил, что могут начаться народные волнения, Бек уверенно ответил, что готов пойти на риск. Теперь все зависело от армии, успеет ли она захватить намеченные объекты (правительственные учреждения, радиостанции и т. п.). Бек утверждал, что необходимо срочно, пока этого еще не успел сделать Гитлер, объявить народу о перевороте. Бек связался с командующими различными армейскими формированиями, и в первую очередь с Клюге.

После его звонка Клюге позвонил Кейтелю, Варлимонту и Штифу. От них он узнал, что Гитлер жив. Витцлебен, который годами ждал решающего часа, на глазах постарел и поседел. Он сомневался, что удастся быстро захватить столицу. Бек чувствовал себя не лучше. После тяжелой операции он сильно сдал, а последние события буквально доконали его. Молодые офицеры начали сомневаться, действительно ли Бек является тем человеком, который может спасти Германию.

Штауффенберг выглядел единственным, кто не потерял присутствия духа. Он уговаривал Ольбрихта и Бека не опускать руки и продолжать действовать. Звонил по всем военным округам Германии и требовал приступить к выполнению операции «Валькирия». Подбадривал одних, кричал на других, взывал к чувствам третьих, напоминал о присяге, о любви к отчизне. Он был великолепен, страстен, убедителен. Но уже ничего не мог поделать. Бек, ожидая подхода к столице танков, неподвижно сидел в кабинете Ольбрихта, повторяя любимое изречение: «Хороший генерал должен уметь ждать». Ольбрихт, как всегда, сохранял самообладание. Когда Бек поинтересовался у него, станут ли стрелять часовые, если внезапно появится гестапо, Ольбрихт сухо ответил, что не знает.

Минуты складывались в часы, но ничего не происходило, хотя танки давно уже должны были войти в Берлин. Наконец, в 19 часов по радио было передано сообщение о неудачном покушении на жизнь фюрера. Гитлер остался жив и тем же вечером обратился с речью к народу. Создатели плана государственного переворота полностью утратили инициативу.

X

Как оказалось, случай сыграл в этом деле решающую роль. Лейтенант Хаген пошел к Геббельсу, и Геббельсу не стоило большого труда убедить лейтенанта, что Гитлер жив и приказ о том, что высшее командование армии взяло власть в свои руки, не имеет юридической силы. Геббельс мгновенно понял, что начался военный переворот, поскольку солдаты перегородили Вильгельмплац. Он приказал Хагену привести командира. Геббельс заверил Ремера, что фюрер жив, и лично связал его по телефону со ставкой. Ремер услышал такой знакомый голос, который всегда вызывал у немцев взрыв восторга.

Гитлер уже осознал всю серьезность нависшей над ним угрозы и, испытывая крайнее возбуждение, приказался Ремеру принять командование всеми войсками, находящимися в самом Берлине и в его окрестностях. Ремер понял, что наступил величайший час в его жизни. Переворот, начавшийся с приказов, отданных по телефону, закончился телефонным разговором.

К вечеру заговорщики поняли, что ситуация вышла из-под контроля. Им не удалось совершить задуманное. Группенфюрер СС, который вместе с двумя высокопоставленными офицерами пришел арестовать заговорщиков, был, по предложению Штауффенберга, сам арестован. Правда, тут же встал вопрос, что произойдет, когда будут приведены в действие подразделения СС. На этой стадии полковник Мюллер, начальник Общего управления Верховного командования сухопутных войск, решил обратиться с призывом к пехотному училищу и учебному пехотному батальону, находившимся с 7 часов 30 минут в Доберице. Решив, что его страстное обращение не осталось без внимания, Мюллер вернулся в Берлин. Каково же было его удивление, когда он увидел, что улицы пусты, ограждения сняты. Это была работа майора Ремера. Волшебные слова, произнесенные фюрером, упали на благодатную почву. Когда Мюллер увидел вооруженных солдат, идущих по Бендлерштрассе, он решил, что это было распоряжение заговорщиков. На самом деле решение принял майор Ремер, этот диктатор на час.

Тем временем в министерстве происходило что-то наподобие контрреволюции. Офицеры, которые были верны Гитлеру или считали, что стоит воздерживаться от реши-

тельных действий, вооружившись пулеметами, пистолетами и гранатами, заняли телефонный узел, освободили Фромма и стали ходить по комнатам, объясняя, что всех ввели в заблуждение, и грозно вопрошали каждого, «за или против Гитлера». Штауффенберга арестовали. Фромм заявил Ольбрихту, Хопнеру и Беку, что теперь он сделает с ними то, что днем они сделали с ним, то есть арестует. Бек отказался отдать пистолет. Тогда Фромм предложил ему застрелиться на глазах присутствующих. При первой попытке пистолет дал осечку. Бек, выстрелив опять, был ранен в голову, но рана оказалась несмертельной. Фромм приказал одному из офицеров прикончить бывшего начальника Генерального штаба, словно он раненое животное. Офицер отдал приказ сержанту, который и сделал смертельный выстрел.

Фромм поспешно собрал трибунал, который приговорил Штауффенберга, Ольбрихта, Квиринхейма и Хефтена к расстрелу. Фромм руководствовался не только и даже не столько страхом, что его могут заподозрить в связях с заговорщиками, а традицией рейхсвера, по которой армия — это государство в государстве, и нельзя выносить сор из избы. Следовало срочно замести следы, избавиться от свидетелей обвинения, пока не вмешались СС. Четырех заговорщиков расстреляли во дворе военного министерства, в роли палачей выступали солдаты. Штауффенберг прокричал: «Да здравствует свободная Германия!», но солдаты выполнили приказ. Эти слова ничего не значили для них. Позже эсэсовцы погрузили тела убитых в грузовик. Место их захоронения неизвестно.

XI

А вот в Париже события приняли совсем иной оборот и продемонстрировали, что могло произойти, если бы военные округа действовали более решительно. Как только Штауффенберг позвонил фон Хофакеру, одному из заговорщиков, и сообщил о смерти Гитлера, Штюльпнагель распорядился арестовать членов гестапо и СС, а коменданту Парижа, генерал-лейтенанту Ленгфельду, было приказано привести в боевую готовность полк боевого охранения. В 18 часов полк был приведен в боевую готовность, а в 21 час 30 минут командир полка приказал приступить

к операции. Без единого выстрела были схвачены гитлеровские прислужники. Генерал СС Оберг и штандартенфюрер СС, глава разведки (которого нашли в ночном клубе), не оказали сопротивления при аресте.

Фон Клюге ничего не знал о запланированном на этот день покушении и, когда вечером вернулся с фронта в штаб, попал в атмосферу некоторой растерянности. Блюментриту, его начальнику штаба, один из заговорщиков, полковник Финк, сообщил, что Гитлер убит. Незадолго до этого Шпейдель сообщил Блюментриту, что против Гитлера будет предпринята какая-то акция. Тогда Блюментрит связался по телефону с генерал-майором Штифом, который, зная о том, что заговор провалился, и беспокоясь, как бы не выдать себя, поинтересовался, откуда идут слухи о смерти фюрера. Затем добавил, что «фюрер абсолютно здоров и в прекрасном расположении духа». У Блюментрита создалось впечатление, что была предпринята какая-то попытка, закончившаяся провалом. Выслушав начальника штаба, Клюге сказал, что, если бы попытка удалась, он бы немедленно направил «Фау-1» на Англию и попытался начать переговоры с союзниками.

В тот же вечер Клюге пригласил Штюльпнагеля и Шперле, чтобы обсудить положение. Первыми в штаб группы армий «Б» пришел Штюльпнагель с подполковником Хофакером, чуть позже подошел Шперле. Штюльпнагель изложил планы Штауффенберга. Итак, господа, попытка провалилась, сказал Клюге. Причем во всех отношениях. Господин фельдмаршал, сказал Штюльпнагель, я считал, что вы были ознакомлены с планами. Надо что-то делать. Нет, ответил Клюге, сделать ничего нельзя, ведь фюрер все еще жив.

Согласно записям Блюментрита, Шперле не выказал желания участвовать в бессмысленном обсуждении, и Шпюльпнагель, по всей видимости испугавшись, переговорил с Клюге с глазу на глаз. Он сообщил фельдмаршалу, что перед отъездом из Парижа предпринял «первые меры предосторожности», арестовал генералов СС и гестапо. Клюге мгновенно отреагировал, заявив, что Штюльпнагель должен взять на себя ответственность за эти действия, поскольку никто не отдавал никаких приказов. Блюментрит позвонил полковнику фон Листову, начальнику штаба Штюльпнагеля, который объяснил, что выполняет приказ Штюльпнагеля и ничего уже нельзя остановить. Тогда Клюге сказал, что

Штюльпнагелю лучше переодеться в штатское и исчезнуть. Но Штюльпнагель был не из тех, кто бежит с тонущего корабля.

Ситуация становилась все более критической. Адмирал Кранк, который после длительного телефонного разговора с Витцлебеном почувствовал неладное, пригрозил направить отряд из пяти тысяч матросов, чтобы освободить офицеров СС, арестованных в Париже. Встревоженный слухами командующий 1-м танковым корпусом СС Дитрих выступил с аналогичной угрозой, заявив, что двинется на Париж. Когда Гитлер выступил по радио и обвинил «клику страдающих манией величия, преступных офицеров» в попытке покушения на его жизнь, офицеры, арестовавшие эсэсовцев в Париже, были отданы им же на растерзание. Вернувшись в Париж, Штюльпнагель приказал освободить арестованных эсэсовцев.

Поздно вечером 20 июля на командующего воздушными силами рейха были возложены самые высокие военные полномочия в отношении войск, находящихся в пределах рейха. Вышел приказ, что выполнять распоряжения можно только в том случае, если их отдают офицеры, имеющие отношение к данным войскам. Поскольку генерал Буле был серьезно ранен при взрыве бомбы, руководство Генеральным штабом возложили на генерал-полковника Гудериана. Решение было принято чисто случайно. Гудериан ничего не знал о планах заговорщиков. 20 июля он инспектировал танковую дивизию и только по возвращении в Берлин узнал о попытке покушения. В этот момент Гитлер с советниками посчитали его единственным высокопоставленным офицером, который хоть как-то разбирался в восточных проблемах и наверняка не имел никакого отношения к взрыву.

21 июля Генрих Гиммлер, бывший член одного из «добровольческих корпусов», затем студент сельскохозяйственного факультета, банковский клерк, знаменосец во время «пивного путча», а ныне рейхсфюрер СС, принял командование резервной армией. Кейтель сказал Штюльпнагелю, что он поставил не на ту лошадь и теперь должен расплачиваться. В штабе Клюге, по распоряжению Геббельса и Кейтеля, выступили представители отдела пропаганды вермахта, которые потребовали отправить Гитлеру поздравительную телеграмму и выступить с обращением по радио, чтобы положить конец всем слухам. Клюге был

уже конченым человеком и согласился с этими требованиями.

Когда Гудериан в тот же день пришел принимать на себя руководство Генеральным штабом, то застал весь штаб в смятении. Цейтцлер был уволен из армии и лишен права носить форму. Некоторые офицеры были ранены при взрыве бомбы. Кто-то ждал, что будет арестован. Гудериан обнаружил в штабе единственного спокойного человека, по должности — телефонного оператора, который, как выяснилось, просто заснул на рабочем месте.

Гудериан всю жизнь был солдатом. Он родился в 1888 году на востоке Германии. Его отец был прусским офицером, а дед землевладельцем. Гудериан не переставая думал о страшной опасности, нависшей над Восточной Пруссией; в любой момент советские войска могли прорвать слабую прусскую границу. Он никогда не верил, что заговор против правительства может всерьез изменить положение, в котором оказалась Германия, хотя, по его мнению, осуществление плана Штауффенберга могло дать возможность советским войскам вторгнуться в страну, пока союзники вели тяжелые бои на Западном фронте. Ему была одинаково чужда атмосфера, царившая в ставке фюрера, и идеализм, двигавший людьми вроде Штауффенберга. Гудериан считал, что только упорство и бесстрашие могут исправить стратегические ошибки Гитлера. Зимой 1941 года он был отстранен от командования войсками, но теперь мог показать, на что способен.

Гудериан испытывал жуткую злобу к этим людям, которые стремились защитить традиции Генерального штаба, и в одном из первых приказов он возложил вину на тех, кто содействовал подготовке заговора. Все офицеры Генерального штаба, говорилось в приказе от 29 июля, должны стать «национал-социалистами». Имеющие возражения должны ходатайствовать о переводе. Защитники военной оппозиции так никогда и не простили ему этот приказ. Как мы уже говорили, Гудериан был солдатом и всеми силами стремился установить дисциплину.

В своей ставке Гитлер бесился от злобы, проклиная Генеральный штаб и старый офицерский корпус. Брызжа слюной, он орал, что повесит своих врагов, как подвешивают на крюках говяжьи туши. Четыреста офицеров гестапо занялись расследованием. Число арестов и самоубийств высокопоставленных офицеров росло пропорционально степени

раскрытия заговора. Через два дня после вступления Гудериана в должность был арестован начальник оперативного отдела Хойзингер. Его судьбу разделил Штиф. В Цоссене, когда за ним пришли гестаповцы, покончил жизнь самоубийством Вагнер.

Штюльпнагеля сняли с должности и вызвали в Берлин, чтобы он объяснил свое поведение. На пути в столицу он попытался покончить с собой. Однако остался жив, но ослеп и в бессознательном состоянии был помещен в госпиталь. Как только он пришел в себя, его приговорили к смертной казни через повешение. Витцлебен был арестован в собственном поместье. В состав суда чести, учрежденного вермахтом, вошли Кейтель, Рундштедт и Гудериан. Все офицеры, принимавшие участие в заговоре, были уволены из вооруженных сил, и рассмотрение их дел передано в гражданские суды. Первыми приговоренными к смертной казни через повешение оказались Витцлебен, Хопнер, Хазе, Штиф и Йорк фон Вартенбург.

Все старые враги, Шахт, Фалькенхаузен, Томас, Гальдер, были арестованы. Жену и невестку Гальдера (сын Гальдера был подполковником Генерального штаба, принимавшим участие в заговоре) отправили в концентрационный лагерь.

Фромму не помог поспешно устроенный им 20 июля трибунал. Он был арестован и казнен. Фельгибель, Финк, Ренне и многие, многие другие, всех не перечислишь, были приговорены к повешению. Шпейдель был арестован в сентябре, и тогда выяснилось, что Роммель, который совсем недавно пошел на поправку, был причастен к заговору. Два генерала из ОКВ принесли ему яд и объяснили, что лучшим выходом для него будет самоубийство, поскольку в противном случае он предстанет перед судом. Роммель принял яд и был похоронен за государственный счет. Согласно официальной версии, он умер от ран. Арестованный в Восточной Пруссии Герделер был повешен.

Гнев Гитлера постепенно улегся. Витцлебена и остальных преступников казнили через повешение, а этот способ, как известно, продлевает агонию. Казни были засняты на кинопленку, и Гитлер в своем личном кинозале смотрел этот страшный фильм. Он хотел, чтобы фильм демонстрировали солдатам, но даже национал-социалистам эта идея показалась оскорбительный, и фюрер отказался от своего намерения. Такие люди, как Варлимонт,

считали невозможным для себя продолжать служить человеку с явно садистскими наклонностями, и Варлимонт под предлогом ухудшившегося состояния здоровья в связи с контузией, полученной при взрыве бомбы, вышел в отставку.

XII

Можно сказать, что Генеральный штаб как независимый организм перестал существовать после того, как Гиммлер принял командование резервной армией. Гудериан считал, что его основная обязанность состоит в том, чтобы стабилизировать положение на Восточном фронте.

Военная карьера Гудериана началась с Ганноверского егерского батальона, которым командовал его отец. Он прошел школу Генерального штаба, служил в Войсковом управлении, но, по сути, никогда не принадлежал к избранному кругу офицеров Генерального штаба. Бек весьма сдержанно относился к революционным теориям Гудериана, что зачастую приводило к недоразумениям. Многие офицеры Генерального штаба затаили злобу на Гудериана за то, что он продолжал спокойно работать, в то время как их товарищи сидели в подвалах гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе или закончили жизнь на виселице.

Попытка Гудериана открыть Гитлеру глаза на настоящую причину катастрофы потерпела неудачу. Он оказался не более успешен, чем его предшественники, когда стал настаивать на реорганизации командного аппарата и создании Генерального штаба вермахта во главе с Манштейном. Само собой разумеется, что и Генеральный штаб, и армия претерпели целый ряд изменений. Генерал Альфред Топпе стал генерал-квартирмейстером, а генерал танковых войск Вальтер Венк начальником штаба оперативного руководства. Полковник фон Бонин возглавил оперативный отдел, подполковник фон Кнезебек стал заместителем фон Бонина. Начальником отдела восточных армий был назначен генерал Гелен.

Преемником Варлимонта на должности заместителя начальника штаба ОКВ стал генерал Винтер, а один из фанатичных приверженцев Гитлера, генерал Вильгельм Бургдорф, занял место Шмундта (тот умер от ран, полученных при взрыве бомбы в штабе Гитлера).

Гудериан осознавал, что конец близится. Несмотря на то что производство боевого оружия достигло небывалого уровня (к весне 1944 года было оснащено сто тридцать пехотных и сорок танковых дивизий), что велась лихорадочная работа по отработке и изготовлению нового «чудо-оружия» — «Фау-2», турбореактивных самолетов и подводных лодок, Шпеер признался, что война была проиграна, когда авиация союзников начала уничтожать нефтеперерабатывающие заводы в Германии. Германия полностью обессилела к концу осени 1944 года, но Шпееру не удалось объяснить это Гитлеру. Фюрер морочил ему голову, рассказывая о стремлении Японии выступить посредником между Германией и Россией; точно так же он вводил в заблуждение Йодля и Кейтеля разговорами о новом оружии.

Начался прорыв Западного фронта, о котором предупреждал Роммель. 24 июля Гитлер решил наконец-то бросить в бой немецкие войска, оставленные в районе Па-де-Кале. Они прибыли слишком поздно и к тому же понесли тяжелые потери. Авиация противника не оставляла их в покое на всем пути следования. 25 июля американские танковые войска прорвали германский фронт в Авранше. Клюге, вспомнив о маневре, который Жоффр применил в битве на Марне, когда он отступил к Сене, а затем пошел в контрнаступление, попросил Йодля организовать ему встречу с Гитлером.

Но фюрер не желал слушать ни о каких «маневрах с отступлениями». Он отдал категорический приказ перейти в контрнаступление без всяких маневров. Ответственность за операцию возлагалась на командующего 5-й бронетанковой армией генерала Эбербаха. Дитрих решил оспорить приказ Клюге, на что фельдмаршал холодно ответил, это «приказ фюрера».

Наступление провалилось. Немецкие танки, сконцентрированные в одном месте, явились великолепной мишенью для вражеской авиации. В результате действий союзников 5-я танковая и 7-я армии попали в окружение, в так называемый Фалезский котел, ставший для немцев вторым Сталинградом. Когда-то немцы весьма нелестно отзывались о талантах американских генералов, которые теперь, правда после тяжелых и продолжительных боев, безжалостно уничтожали немецкие армии.

12 августа фон Клюге решил съездить в 7-ю армию, еще не полностью окруженную в Фалезском котле. Сей-

час невозможно установить, что произошло с его рацией, но в течение дня с главнокомандующим не было связи. Гитлер заподозрил, что Клюге перешел на сторону союзников, и отдал приказ перехватывать все радиограммы. Ночью Клюге пришел пешком в штаб Эбербаха, но его судьба уже была решена. 16 августа в штаб Клюге в Ла-Рош-Гюйон прибыл фельдмаршал Модель с приказом о смещении генерала с должности командующего войсками Западного фронта и группы армий «Б» и с письмом от Гитлера, в котором фюрер писал, что Клюге слишком переутомился, а потому для восстановления здоровья на некоторое время переводится в резерв. Полный мрачных предчувствий, Клюге отправился домой. В пути, приняв яд, он покончил счеты с жизнью. Клюге оставил для Гитлера письмо, в котором заклинал его либо использовать новое оружие, либо закончить войну.

20 августа последняя попытка вырваться из Фалезского котла потерпела неудачу. Немецкие потери составили тысячу пятьсот танков, три тысячи пятьсот орудий, двести сорок тысяч убитыми и ранеными; двести десять тысяч попали в плен. В общей сложности начиная с 6 июня было уничтожено пятьдесят три дивизии и двадцать два корпуса.

15 августа 7-я американская армия высадилась в Марселе. Одна группировка войск двинулась по направлению к Тулону, а другая стала пробиваться к долине Роны. Фон Клюге оставил часть войск группы армий «Б» на юге Франции. Маневр союзников с целью окружения немецких войск на юге Франции угрожал всей системе немецкой обороны в Западной Европе. Но, несмотря на мощные атаки противника, немецким войскам удалось завершить отступление. Армии союзников устремились к Парижу.

Париж был потерян навсегда. Фронт распадался. Началось разложение в армии. Солдаты двигались на север без оружия, продавая французам форму. Они объясняли, что война закончилась и они идут домой. Грузовики, заполненные офицерами, их любовницами, ящиками с шампанским, ухитрялись доезжать до Рейна. В срочном порядке создавались военные трибуналы. Позже Моделя обвинили в том, что он правил «железной рукой». В сентябре Рундштедт был опять назначен главнокомандующим Западным фронтом, получив в качестве начальника штаба генерала кавалерии

Зигфрида Вестфаля, человека, обладавшего огромным опытом. Перед Рундштедтом была поставлена задача заново сформировать фронт, временно протянувшийся от Нижнего Рейна, вдоль Мааса, через Южную Голландию, Брабант, Лотарингию до Бургундии. Монтгомери считал, что пришло время нанести удар по Берлину, и, если бы он это сделал, сердце Центральной Европы оказалось бы в руках западных союзников. Однако Эйзенхауэр придерживался другой точки зрения; принятое им решение дало немецкому командованию возможность перевести дыхание. Воспользовавшись моментом, фельдмаршал Модель разгромил 1-ю английскую воздушно-десантную дивизию в районе Арнема.

В это время Гиммлер начал штамповать новые формирования из бывших армейских дивизий. Им были созданы пехотные дивизии народного ополчения, танковые, гренадерские, артиллерийские добровольческие дивизии СС. Тем временем Гудериан делал все возможное для усиления Восточного фронта. Он планировал забрать тридцать дивизий у фельдмаршала Шернера и использовать вновь сформированные дивизии СС для защиты Польши. Кроме того, он задумал создать сильную оборонительную систему с помощью подразделений ландвера. Гитлер отвергал его планы один за другим, поскольку сосредоточил все свое внимание на Западном фронте. Он приказал Шернеру оставаться на прежнем месте, а укрепление Восточного фронта возложил на национал-социалистическую партию и восточных гаулейтеров. С этой целью Борман создал «инспекторат крепостей». Дивизии СС были распределены по всему Восточному фронту, и теперь Гиммлер носился с идеей боевых отрядов фольксштурма, в которые будут призваны все без исключения, как только вражеская нога ступит на немецкую землю.

Неизбежность катастрофы на Востоке становилась все очевиднее. Тяжелые бои в Польше и на границе Восточной Пруссии, бои, которые велись одновременно и против советских войск, и против польского подполья, постепенно приближались к Варшаве. Немцы были вынуждены перераспределить свои силы. Линию фронта от Восточной Пруссии до Нарева удерживала группа армий «Центр» под командованием генерал-полковника Рейнхардта, в которую входили 2-я и 4-я армии и 3-я танковая армия. Между Модлином и Кассау находилась группа армий «А» под командованием генерал-полковника Йозефа Гарпе, состоявшая из

17-й и 4-й армий и 4-й и 1-й танковых армий. Численное соотношение немецких и советских дивизий было один к девяти, танков один к шести, орудий один к десяти. Большинство немецких танковых дивизий были укомплектованы всего на треть. Полностью укомплектованными оказались только дивизии СС.

Самым слабым участком был румынский фронт под командованием генерала Фришнера, у которого в июне Гитлер забрал почти все танки. В августе Антонеску нанес Гитлеру последний визит и выразил удивление, что столько высокопоставленных генералов принимало участие в заговоре. Он, заявил Антонеску фюреру, может полагаться абсолютно на всех генералов. В это время король Румынии Михай планировал перейти на сторону союзников в надежде найти у них поддержку, поскольку опасался приближения советских войск, несших угрозу монархии. Большинство генералов поддерживало короля.

Гитлер отмахнулся от предложений Фришнера и запретил ему отводить войска за Прут. Наступление советских войск 20 августа на Днестре привело к ожидаемому результату. Группа армий под командованием Димитреску была уничтожена. 6-я немецкая армия, переформированная после трагедии 1943 года, попала в окружение. Остатки 8-й армии отошли к Трансильвании. 23 августа король Михай выполнил задуманное, и Румыния перешла на сторону врага (т. е. союзников. — *Примеч. ред.*).

Советские войска под командованием Малиновского и Толбухина ворвались в Венгрию. Вскоре Балканы были полностью очищены, а в это время в Венгрии контр-адмирал Хорти попробовал одновременно начать переговоры с американцами, русскими и Тито. Хорти был смещен и взят немцами под арест. В Венгрии было сформировано марионеточное правительство Салаши. Однако в середине сентября советские войска уже стояли в Банате. Начались бои на Дунае.

XIII

От смело задуманного плана Гудериана по защите Восточного фронта остались рожки да ножки, Гитлер никак не реагировал на его постоянные запросы. Все батальоны и трофейную технику, которые Гудериан хотел использо-

вать на Восточном фронте, он отправил на Западный вал. Гаулейторы Восточной Пруссии, Померании и Силезии самым безжалостным образом эксплуатировали труд населения, включая женщин и детей, на земляных работах по укреплению Западного вала, хотя с самого начала было ясно, что это напрасная трата сил. Мы уже отмечали, что Западный вал не отвечал условиям современной войны.

Гудериану было совершенно ясно, что его план не может повлиять на исход войны. Единственное, что он мог сделать, это изменить взгляды Гитлера на истинное положение военных потенциалов западных и восточных врагов. Он боролся за свой план со всей решимостью и упрямством, на какие был способен. Он был готов даже пожертвовать собственным здоровьем, но плану не суждено было выжить в атмосфере, царившей в ставке фюрера. Гудериан, как и Цейтцлер, не сумел понять, что такие люди, как Гитлер, редко руководствуются здравым смыслом.

В отличие от Генерального штаба, для которого местом решающих боевых действий был Восточный фронт и который боялся победы большевизма гораздо больше, чем победы западной демократии, Гитлер по-прежнему основного врага видел в Англии и вернулся к мысли уничтожить эту державу. А уж тогда, считал фюрер, он займется восточным направлением. Потрясающая оторванность от действительности! Гитлер, сконцентрировав оставшиеся ресурсы, собрался продолжить наступление в Арденнах, начатое в 1940 году. Танковые дивизии, объединенные с 6-й танковой армией под командованием Дитриха, оснастили новым оружием; фронты в Польше и Венгрии подверглись безжалостному «разграблению». Гитлер лелеял мысль прорваться через Арденны и отрезать англичан от портов на Ла-Манше, устроив им «второй Дюнкерк». Позже Монтгомери назвал это смелым планом. Гитлер правильно выбрал место нападения, поскольку Арденны удерживали только четыре американские дивизии. И все-таки Гитлер не рассчитал силенок.

Старый фельдмаршал Рундштедт, вновь назначенный главнокомандующим Западным фронтом, был последним представителем той плеяды фельдмаршалов, которые привели немецкие армии к победе в Польше, Франции, Югославии и России. Рундштедт допускал, что если поставить перед собой какую-то локальную цель, то наступление вполне может быть успешным. Однако, как всегда, он в

конце концов уступил, прекрасно понимая, что Германии уже не по силам претворить в жизнь гитлеровский план наступления через Арденны. Рундштедт больше не относился к любимцам фюрера. Теперь эту роль исполняли другие люди, такие, как Модель, Мантейфель и Дитрих.

Но особое место среди нынешних фаворитов занимал штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, человек, спасший Муссолини. Теперь перед ним была поставлена новая задача. Он должен был дезорганизовать работу в тылу американских войск с помощью диверсионных подразделений. Переодетые в форму американской армии, говорящие по-английски немецкие диверсанты уничтожали склады боеприпасов, нарушали коммуникации, взрывали транспорт противника. Скорцени был сторонником партизанской войны в духе Тито, всегда привлекавшей Гитлера. Кроме того, фюреру нравился этот человек, имевший с ним много общего.

Гитлер решил, что наконец-то у него появились настоящие «революционные генералы», Дитрих и Мантейфель, несмотря на то что Мантейфель был выходцем из старейшей прусской аристократической семьи. После обучения в кадетской школе Мантейфель был направлен в кавалерию. Принимал участие в Первой мировой войне. Весной 1941 года Мантейфель получил 7-ю танковую дивизию, которой раньше командовал Роммель. Его суждения о Гитлере ничем не отличались от суждений других военных. Он признавал невероятный магнетизм фюрера и считал, что временами его озаряли интересные идеи, но категорически отвергал наличие у Гитлера стратегического и тактического таланта.

В ноябре 1944 года Гитлер перевел свой штаб из «Волчьего логова» в Зигенберг. Генеральный штаб располагался в Цоссене. Переезжая в новый штаб, Гитлер впервые увидел лежащий в руинах Берлин; до этого он тщательно избегал бывать в разбомбленных городах. Итак, новый план Гитлера заключался в следующем. Танковые армии Мантейфеля должны прорываться к Брюсселю, а дивизии СС Дитриха наступать на Антверпен. На третий-четвертый день наступления 15-я армия под командованием Блюментрита тоже должна прорваться к Антверпену. Модель, Мантейфель и, в особенности, Рундштедт весьма скептически отнеслись к предложенному. Позже они рассказывали капитану Лиддел-Гарту, что не могли убедить Гитле-

ра усомниться в его плане. Но ни одному из них не пришла в голову мысль отказаться от выполнения приказа. На войне солдаты обязаны подчиняться приказам главнокомандующего.

Удивление противника не поддается описанию. Ни Эйзенхауэр, ни Монтгомери не предполагали, что Германия найдет силы для контрнаступления. Ранним утром 16 декабря без предварительной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление. Скоро стало совершенно ясно, что не удается действовать согласно намеченному плану, и это несмотря на то, что нелетная погода не позволила союзникам провести воздушную разведку.

В то время как в 15-й армии (предназначалась для второй волны наступления) ходили нелепые слухи, что Намюр взят воздушно-десантными войсками, 6-я танковая дивизия СС попала в окружение. Бастонь стала местом ожесточенного сражения 47-го бронетанкового корпуса Мантейфеля и американской военно-воздушной дивизии. Скорцени с его диверсионными группами доказал полную несостоятельность разработанных им планов. Мантейфель вместе с народными гренадерскими дивизиями окружили Бастонь. 24 декабря к Бастони подошла танковая дивизия генерала Леера. Неожиданно установилась ясная погода, и авиация союзников тотчас взмыла в небо и нанесла удар по немецким коммуникациям. В контрнаступление перешли 30-й британский армейский корпус и 3-я американская армия под командованием выдающегося генерала Паттона.

В тот же день, 24 декабря, Мантейфель потребовал подкрепление, горючее и прикрытие с воздуха. Мантейфель считал, что ему следует обойти Льеж и закрепиться на Маасе вместе с 6-й танковой дивизией СС и резервом Верховного командования вермахта. Два дня Гитлер не мог принять решение. Впоследствии Мантейфель резко отозвался в отношении «капральской войны». 26 декабря фюрер впал в другую крайность и принял решение о генеральном отступлении к Рейну.

XIV

Когда 24 декабря Мантейфель обратился за помощью, в Зигенберг поступила просьба Гудериана. Поскольку наступление в Арденнах потерпело неудачу, Гудериан просил на-

править все имеющиеся в наличии дивизии на Восточный фронт. Линию фронта между Мемелем и Варшавой удерживали, растянувшись на восемьсот километров, двенадцать немецких дивизий, хотя было известно, что противник готовит крупномасштабное наступление. Без всякой пользы простаивала четырехсоттысячная армия под командованием Фалькенхорста в Норвегии. В Курляндии оказалась в изоляции трехсоттысячная армия Шернера. Гросс-адмирал Дёниц настаивал, чтобы Шернер не сдавал позиции; ему были необходимы выходы к Балтике, а Гитлер надеялся использовать Курляндию для отвлечения советских войск. Гудериан требовал отказаться от Курляндии и направить освободившиеся войска для усиления других фронтов.

Но Гитлер решил возобновить наступление в Арденнах и «оживить» Восточный фронт наступлением в Венгрии. Он надеялся отвоевать румынские нефтяные месторождения, а затем с помощью обходного маневра нанести удар по южному флангу советских войск. Первым делом следовало отвоевать Будапешт. Три лучшие танковые дивизии были переброшены из Польши в Венгрию. Германия, считал Гитлер, может позволить себе терять территории на востоке, но только не на западе.

Чтобы сохранить видимость единства, Гудериан в конце года выступил с публичной речью, отмеченной невероятным оптимизмом. Несмотря на это, он с упорством маньяка настаивал на выполнении своих требований. Гитлер приходил в ярость от его упорства. Позже Кейтель говорил, что в то время Гитлер был очень плох, и действительно, от фюрера осталась только тень. Мертвенно-бледный, сгорбленный, с дрожащими руками, он производил гнетущее впечатление.

Опять произошло то, что и должно было произойти. План наступления в Арденнах провалился. Союзники перешли в контрнаступление. Будапешт, последняя столица на пути к Берлину, пал. В Вене члены австрийского движения Сопротивления установили контакты с советским командованием. Руководителем движения Сопротивления был майор Карл Соколль (русские называли его Соколом). На передней линии обороны находились части, которые должны были без сопротивления пропустить к Вене советские войска.

В это время Жуков, командующий 1-м Белорусским фронтом, собрал триста свежих дивизий для решающей бит-

вы. Армии 2-го и 3-го Белорусского фронтов под командованием Черняховского и Рокоссовского сконцентрировались на границе Восточной Пруссии и перед Варшавой для наступления на Берлин. В Галиции находились армии 1-го Украинского фронта под командованием Конева, а армии 2-го и 3-го Украинских фронтов угрожали Австрии.

И вот советское наступление началось. 4-я немецкая танковая армия была полностью уничтожена, и русские прорвали оборону группы армий «А». Через несколько дней Гарпе был отстранен от командования, и его место занял Шернер, а вскоре эта группа армий стала называться «группой армий Силезии». А тем временем порядка сорока советских мобильных и танковых дивизий готовились нанести удар по Силезии.

13 января Жуков атаковал Восточную Пруссию. Враг опрокинул 3-ю армию, 2-ю танковую армию, в то время как 9-я армия, оборонявшая Варшаву, была разделена надвое. Все попытки Гудериана вырвать инициативу оказались безуспешны. Начальник оперативного отдела фон Бонин и его заместитель подполковник фон Кнезебек были арестованы за преждевременное объявление о падении Варшавы. Гудериан, пытавшийся защитить подчиненных, был вынужден смириться, поскольку сам мог оказаться на допросе у шефа полиции Кальтенбруннера. Гитлер к этому моменту был ослеплен яростью, но он хотел нанести удар не по конкретному офицеру, а по всему Генеральному штабу.

Но даже Гитлер не мог обойтись без хорошо обученных офицеров Генерального штаба, поэтому преемником Бонина стал бывший заместитель Венка генерал-майор фон Трот. Он продержался всего два месяца. По всей видимости, Гитлер считал, что подобные перемещения могут переломить ситуацию.

Советские войска вторглись в Восточную Пруссию. Никто даже не подумал об эвакуации мирного населения. Большинство офицеров — членов национал-социалистической партии — бросились бежать сломя голову. Было ясно, что русские собираются отрезать Восточную Пруссию от запада. Хоссбах, обнаружив угрозу с фланга, решил, с разрешения командующего группы армий, отойти к Висле и там объединиться с потерпевшей поражение 2-й армией. В этом случае население Восточной Пруссии могло бы уйти на запад. Пока он добивался претворения своего намерения в жизнь, Гитлер снял с должностей не только Хоссбаха, но и

командующего группой армий Рейнхардта, и командование группой войск принял Рендулик (о нем мы уже упоминали ранее).

Гитлер покинул последнее убежище и переехал в Берлин в полуразрушенную рейхсканцелярию. Террор вспыхнул с новой силой. Жертвами террора становились не только гражданские лица. Полковник Генерального штаба граф фон Риттберг, заявивший, что война проиграна, был расстрелян. Гиммлер, словно фокусник, создавал все новые и новые формирования: добровольческие гренадерские, пехотные, танковые, кавалерийские дивизии СС, полицейские полки и вспомогательные полицейские батальоны СС. Небезызвестный нам генерал (бывший майор) Ремер командовал дивизией «Фюрербеглейт» («Fuhrerbegleit»). Но все это не могло остановить советские танки, неудержимым потоком хлынувшие на территорию Силезии, Восточной и Западной Пруссии, Померании. В Верхнюю Силезию, вторую по величине индустриальную область Германии, советские танки, прорвав оборону 17-й армии и 1-й танковой армии, ворвались 23 января 1945 года.

XV

Советские войска шли по дорогам Германии, уничтожая все на своем пути. Огромные колонны беженцев двигались на запад; много людей погибло под гусеницами танков. Советские подводные лодки торпедировали суда, перевозившие отступавшие войска и беженцев. За все преступления, которые творили эсэсовцы в Советском Союзе, расплачивалось теперь ни в чем не повинное население Восточной Германии. Культура, формировавшаяся столетиями, была похоронена в течение нескольких дней.

Под прикрытием советской армии начался еще один процесс: аграрная революция, уничтожение прусских землевладельцев, юнкеров Восточной Эльбы, что, естественно, положило конец военной аристократии, формировавшей основу прусской армии. Многие прусские семьи, пострадавшие во время войны, стали жертвами преследования. Теперь они должны были либо бежать из страны, либо пройти через все ужасы, которые несла в себе революция. Если они не могли убежать или предпочитали ничего не делать, их депортировали, а в худшем случае расстреливали и веша-

ли. Многие заканчивали жизнь самоубийством. Кто-то погибал, защищая свои земли и дома.

Пришел конец многим старинным фамилиям. Фон Арнимы потеряли порядка девяноста восьми поместий. Тридцать сыновей этой семьи погибли в ходе войны, один умер в концентрационном лагере, двое были убиты советскими солдатами, трое высланы из страны, восемь наложили на себя руки. В семье фон Шуленбургов было три фельдмаршала и тридцать пять генералов. Двое из них принимали участие в заговоре и были казнены. Четырнадцать погибли во время войны. Семеро покончили жизнь самоубийством, когда советские войска ворвались в Германию. Эта семья потеряла двадцать три поместья в Восточной Германии, но, к счастью, у них сохранилась собственность в Западной Германии. Список можно продолжать до бесконечности.

Теперь на ежедневных совещаниях у Гитлера основное время отводилось обсуждению двух вопросов: сокращение численности людских ресурсов и уменьшение промышленного потенциала из-за потери территорий (выпад в адрес генералов). Тем временем формирования Жукова уже вышли к Бранденбургу. Над Берлином нависла серьезная опасность. Шернер, не жалея ни себя, ни других, собирал остатки группы армий «А», стремясь укрепить фронт, поскольку Конев и Жуков, вынужденные заняться налаживанием связи, дали немцам временную передышку.

Гудериан, воспользовавшись благоприятным моментом, подготовил контрнаступление, которое если и не остановит врага, то, по крайней мере, на какое-то время помешает его продвижению. Он предложил Гитлеру собрать вместе все войска, расположенные между Вислой и Одером, в одну группу армий под командованием Вейхса, штаб которого после разгрома группы армий на Балканах оказался не у дел. Вейхс должен был принять командование курляндской армией и пришедшей с запада 6-й танковой армией. Таким образом, у него было бы порядка сорока дивизий и тысячи пятисот танков, и он из Померании смог бы нанести удар по растянутому северному флангу Жукова. Другой вариант: попробовать зажать врага в клещи и отбросить от Вислы. Можно было даже попытаться отвоевать Силезию. План наступления в Померании был последним планом Генерального штаба, имевшим хоть какое-то военное значение.

Успех операции зависел от фактора внезапности. Гитлер и Йодль были против назначения Вейхса, поскольку он был

католиком. Гитлер заявил, что подобная задача по плечу только истинному национал-социалисту. После жарких дебатов Гудериан вынужден был согласиться с назначением на должность главнокомандующего Генриха Гиммлера. Кроме того, Гитлер внес изменения в план Гудериана в соответствии с собственными представлениями. Курляндская армия оставалась на своем месте, поскольку должна была использоваться на последней стадии для нанесения флангового удара. Только незначительная часть этой армии перебрасывалась в Померанию. 6-я танковая армия направлялась не в Померанию, а в Венгрию, откуда фюрер планировал еще одно наступление на южный фланг противника, в тайной надежде вернуть румынские нефтяные месторождения. Невольно напрашивается вывод, что главнокомандующий полностью утратил ощущение реальности.

Гиммлер в качестве командующего доказал свою полную несостоятельность (Гудериан называл Гиммлера не иначе, как «военное ничтожество»). Ничего не понимая в военном деле, он, как это ни парадоксально, не желал иметь военных советников. Начальником штаба Гиммлера был бригадефюрер СС, заместителем которого выступал офицер Генерального штаба, единственный генштабист, которого Гиммлер согласился иметь в своем штабе. Мало того, Гиммлер явно не собирался находиться рядом с линией фронта. Гудериан упорно настаивал, чтобы начальником штаба Гиммлера Гитлер назначил Вейхса. Много драгоценного времени было впустую потрачено на споры между Гитлером и Гудерианом, которые продолжались с 9 по 13 февраля. Внезапно фюрер изменил свое решение, согласился назначить Вейхса начальником штаба и приказал начать наступление 15 февраля. «Начальник Генерального штаба выиграл это сражение», — заметил Гитлер, принимая решение о назначении Вейхса. Это было последнее сражение, выигранное Гудерианом.

С самого начала операция не задалась. Возвращаясь из ставки фюрера, Вейхс попал в автокатастрофу и получил серьезные травмы. Теперь наступление вне всяких сомнений было обречено на провал. 17 марта после десятидневных боев пал Кольберг; когда-то Гнейзенау создал себе имя благодаря успешной обороне Кольберга. Советские войска подошли к Штеттину.

Грипп подкашивает Гиммлера, и он уезжает на лечение. Ему не терпится отказаться от командования, и Гудериан,

приехавший навестить больного, убеждает его передать командование генерал-полковнику Хейнрици, который в то время командовал 1-й танковой армией на севере Венгрии. Фронт на Одере защищала 3-я танковая армия генерала Мантейфеля и 9-я армия под командованием Бюссе. В них заключалась последняя надежда нации.

XVI

Пошел активный процесс распада, и при этом на свет рождались самые фантастические проекты. Бригадефюрер СС Шелленберг, глава разведки, разработал план назначения канцлером Гиммлера, а также хотел добиться изоляции Гитлера в Оберзальцберге. В этом случае Гиммлер мог свободно начать переговоры с западными державами и заключить с ними альянс против Советского Союза. Кстати, многие офицеры Генерального штаба лелеяли на это надежду. Основанием были споры западных держав с СССР о будущем Греции, в которой Британия предупредила попытку коммунистов захватить власть. Однако Ялтинская конференция ясно показала, что независимо от разногласий в отношении Греции союзники проявляют полное единодушие в отношении Германии.

Когда Гудериан понял, что Гитлер пытается отожествить судьбу немецкого народа с собственной судьбой, он обратился к Риббентропу с просьбой попытаться начать переговоры с западными державами. Но Гитлер не желает начинать дипломатические переговоры с противником, отвечал Риббентроп. Как вы будете чувствовать себя через три-четыре недели, когда русские окажутся у ворот Берлина? — поинтересовался в ответ Гудериан. Неужели вы верите в это? — вскричал Риббентроп. Конечно, Риббентроп сообщил об этом разговоре фюреру, приведя его в бешенство. Обсуждение с министром иностранных дел положения на Восточном фронте с целью заключения перемирия является актом открытой измены, заключил Гитлер.

Дни Гудериана были сочтены. Его преемник, генерал Ганс Кребс, не утратил веру в гениальность Гитлера. Фюрер заявил, что наконец-то ему удалось найти идеального начальника Генерального штаба: Гальдер вечно лез не в свое дело, у Цейтцлера не было мозгов, а Гудериан просто олух. С момента ухода Венка должность первого обер-

квартирмейстера оставалась свободной. Теперь ее вообще упразднили. Оставили только оперативный отдел, который возглавил полковник Деттлеффсен. Штаб Верховного командования вермахта праздновал пиррову победу.

Силы армии шли на убыль, и это не могло не сказаться на Генеральном штабе. В тяжелейших боях в Сталинграде и в Тунисе, в Фалезском котле и в Румынии были уничтожены целые армии, но серьезный урон был нанесен и Генеральному штабу, лишившемуся крепких профессионалов. Нехватка штабных офицеров, обнаруженная в период перевооружения Германии, стала еще более очевидной в начале войны. 20 июля явился роковым днем для Генерального штаба. Пострадало почти все старое армейское командование. Кого-то отправили в отставку, кто-то получил ранения, многие были убиты, расстреляны или казнены; их отправляли в концентрационные лагеря, они сами кончали счеты с жизнью. Теперь уже не шла речь об отборе элиты из офицеров, прошедших школу Генерального штаба. К примеру, в таких формированиях, как народные гренадерские дивизии, не всегда вообще были штабы. То же самое можно сказать о последних, собранных наспех дивизиях со звучными названиями «Клаузевиц», «Рейхсмаршал». Зачастую дивизии могли похвастаться наличием одного-единственного штабного офицера. Теперь молодые офицеры-фронтовики, пройдя курсы Генерального штаба, тут же получали ответственные посты. В этом не было их вины. Просто теперь считалось, что мало быть просто профессионалом; все зависело от личных качеств офицера. Эти молодые офицеры действовали решительно, но руководствовались зачастую интуицией, а не знаниями, которыми отличались офицеры старой школы Генерального штаба. Настоящие генштабисты отдавали свое сердце армии, а голову науке. Эти люди не боялись ответственности и имели смелость высказывать собственное мнение. Но их становилось все меньше и меньше. На их место приходили простые исполнители приказов, которых устраивало создавшееся положение. И вот их-то, в отличие от истинных офицеров Генерального штаба, становилось все больше и больше. Национал-социалистическая партия одержала последнюю победу над прусским консерватизмом. В апреле фюрер возложил руководство национал-социалистической рабочей партией (НСДАП) на Мартина Бормана.

В феврале на западе началось последнее решающее наступление. Опять Рундштедт был отправлен в отставку. Ушел со сцены самый старый фельдмаршал немецкой армии. На его место пришел переведенный из Италии Кессельринг. Из фельдмаршалов остались только Кейтель и Буш и более молодые Модель и Шернер. Вместе с дочерью и женой погиб фон Бок; его машину обстрелял вражеский самолет. Витцлебен и Роммель расстались с жизнью после событий 20 июля. Клюге покончил жизнь самоубийством. Паулюс был взят в плен. Браухич, Лееб, Манштейн, Клейст, Лист, Кюхлер и Вейхс вышли в отставку, запятнав репутацию. Из тридцати шести генерал-полковников, которые имели это звание к началу войны, семеро пали в бою, трое были казнены после 20 июля, двое уволены из армии, двадцать один уволен с позором. Примерно сто пятьдесят офицеров Генерального штаба нашли свою смерть на внутреннем фронте.

В марте началась агония. Американцы с невероятной легкостью захватили город Ремаген и к вечеру создали прочный плацдарм на правом берегу Рейна. По приказу Гитлера офицеры, защищавшие город, были расстреляны. Порядка шестидесяти дивизий, в их числе были парашютные части, гренадерские дивизии и фольксштурм, пехотные дивизии, удерживали линию фронта на Рейне. 23 марта союзническая армия под командованием Монтгомери форсировала Вислу и устремилась к линии Гамбург—Магдебург. Американские войска хлынули в Германию. Группа армий «Б» попала в окружение в Руре и была уничтожена. Когда фельдмаршал Модель понял, что Гитлер сознательно ввел его в заблуждение и ему не приходится рассчитывать на «чудо-оружие», он застрелился.

XVII

Гитлер отдал приказ об уничтожении всех промышленных предприятий и коммуникаций. В одной только Западной Германии было взорвано десять тысяч мостов. Шпеер, министр вооружений, делал все, что было в его силах, чтобы помешать выполнению этого безумного приказа. Он даже планировал убить Гитлера, запустив в его комнату отравляющий газ, но в последний момент отказался от своих планов. Ответом на налет на Дрезден, унесший жизни ше-

стидесяти тысяч человек, был приказ Гитлера о расстреле десяти тысяч пленных американских и английских летчиков. В это время Геббельс настаивал на применении двух новых газов, табуна и зарина, но Гитлер посчитал это слишком опасным, учитывая явное превосходство союзников в воздухе.

В группе армий под командованием генерал-полковника фон Витингофа, расположенной в Италии, возник новый военный заговор. С полного одобрения обергруппенфюрера СС Карла Вольфа был установлен контакт с командованием союзников и начаты секретные переговоры о сдаче германских войск в Италии. В это время Гиммлер лихорадочно искал полезные связи, заботясь исключительно о собственном спасении. С помощью графа Бернадота, представителя шведского Красного Креста и племянника шведского короля, Гиммлер предложил западным державам заключить сепаратный мир. В качестве первого шага к договоренности с Западом Бернадот предложил Гиммлеру передать концентрационные лагеря в ведение международного Красного Креста. Однако очень быстро Гиммлер понял, что союзники не готовы вести переговоры не только с Гитлером, но и с ним. Этот путь спасения для него был закрыт.

На Востоке Хейнрици (начальником штаба у него был полковник Кинцлер) удерживал последний барьер, фронт на Одере, но все его усилия были напрасны. В присутствии Геринга, Кейтеля, Йодля, Дёница и Кребса, нового начальника Генерального штаба, Гитлер забрал большую часть танков с Одера. Гитлер считал, что концентрация вражеских войск на линии между Кюстрином и Франкфуртом-на-Одере не более чем уловка. Цель русских — Дрезден и Прага, заявил фюрер, а не Берлин. Несмотря на протест со стороны Хейнрици, ему так и не вернули танки.

В начале апреля примерно двухмиллионная советская армия начала наступление от Балтики до Богемии. Советские войска подошли к Вене, где 5 апреля СС раскрыли заговор майора Сокола. Майор, ставший к этому моменту помощником коменданта Вены, был арестован вместе со всем штатом оперативного отдела. Сокола и еще двух заговорщиков повесили на Флоридсдорфском мосту, а двенадцать офицеров Генерального штаба расстреляли во дворе бывшего военного министерства. Заговор Сокола потерпел неудачу, но все же ему удалось привести эсэсовцев в замешательство. 13 апреля армии 4-го Украинского фронта взяли Вену.

Днем раньше, 12 апреля, ураганным огнем началось новое наступление на Одере. 9-й армии, имевшей в своем распоряжении всего двести танков, противостояли две танковые армии и четыре корпуса быстрого реагирования из двух тысяч танков. До 18 апреля немецкая группа армий оказывала отчаянное сопротивление, пока советские войска с двух сторон не прорвались к Кюстрину. В тот же день Конев прорвался через фланг Шернера и двинулся на Берлин. Пять тысяч советских танков, столько же самолетов и две тысячи орудий были готовы вступить в бой за столицу Германии. 23 апреля Генеральный штаб был вынужден переехать в Цоссен. На следующий день передовые части советской армии появились на дороге, ведущей к южной части Берлина.

XVIII

В Берлине Геббельс призвал немецкий народ «бросить в лицо врагу не белый флаг, которого он ожидает, а свастику». «Берлин останется немецким! Вена вновь станет немецкой, а Европа никогда не будет русской», — заявил в обращении к народу Геббельс, но его слова потонули в грохоте орудий. Гитлер объявил Кейтелю и Йодлю, что будет лично руководить защитой города и, когда наступит конец, застрелится, чтобы не попасть в руки врага (он имел в виду Советский Союз). Последний план Йодля заключался в том, чтобы бросить все войска против русских и тем самым показать западным державам, что Германия готова бороться с большевизмом.

Внезапная смерть президента Рузвельта, наступившая 12 апреля, возродила самые фантастические надежды, но в скором времени советские и американские солдаты уже обменивались рукопожатиями на Эльбе.

Дёниц и большинство рейхсминистров уехали из Берлина в Шлезвиг-Гольштейн, во Фленсбург. Верховное командование вермахта под командованием Кейтеля и штаб ОКВ по главе с Йодлем нашли укрытие в лесах Мекленбурга.

Геринг скрылся на юге Германии, откуда прислал Гитлеру письмо, спрашивая, может ли он как официальный представитель фюрера начать переговоры с Западом. Гитлер приказал СС немедленно расстрелять Геринга. Когда фюрер узнал о попытках Гиммлера начать переговоры с

западными союзниками, он потребовал расстрелять и его. Фактически, руководители национал-социалистической партии, которые одновременно являлись руководителями государства, чувствовали себя как преступники в ожидании ареста.

3-я танковая армия, поддерживаемая гитлерюгендом, полицейскими полками и подобными формированиями, не смогла удержать фронт на Одере и отошла к Штеттину. Часть 9-й армии отступила в предместья Берлина, остальная попала в окружение в районе Люббена и Фюрстенвальда. Начальник штаба 9-й армии Кинцлер договорился со Шпеером, что отведет войска, чтобы не превратить Берлин в поле боя, но обстоятельства сложились таким образом, что ему не удалось осуществить свои намерения. Гитлер принял решение до конца оставаться в Берлине. Хейнрици был снят с должности, и командование войсками должен был принять генерал фон Типпельскирх. Но поскольку с ним не удалось связаться, командование принял Карл Штудент, создатель немецких парашютных формирований. Борьба стала бессмысленной, надо было капитулировать.

Гитлер приказал разделить Берлин на две части, северную и южную. Дёниц принял командование северной частью столицы, а Кессельринг южной. Гитлер, выпустив из рук бразды правления, передал командование над остатками немецких армий адмиралу военно-морского флота и маршалу военно-воздушных сил.

Ни о каком планировании, естественно, не шло речи. Оперативный отдел Генерального штаб не знал даже о расположении большинства формирований. Йодль возлагал последние надежды на контрнаступление. В районе Эльбы Венк умудрился сформировать новую группу из двенадцати дивизий. Теперь Гитлер видел в Венке своего последнего спасителя, но идея восстановить 11-ю танковую армию под командованием группенфюрера СС Штейнера так и осталась на уровне мечты.

XIX

25 апреля генерал Венк перешел в наступление. На улицах Берлина уже шли бои. Последними защитниками столицы были несколько отрядов вермахта, фольксштурма, маль-

чики из гитлерюгенда и жители столицы. В городе все еще царил террор. Людей вешали и расстреливали на улицах просто за то, что они не хотели умирать за фюрера, который в это время обсуждал с приближенными наиболее подходящий способ самоубийства.

«За трусость и слабость» расстреливали одного за другим «боевых командиров». За генералом Хауеншильдом последовал генерал-майор Кунц, за ним Рейман, затем генерал-майор Кетнер. Наконец командование принял генерал Вейдлинг, несмотря на то что однажды Гитлер хотел расстрелять его за трусость.

27 апреля Венк ухитрился пробиться почти до Потсдама, но в двенадцати километрах от города был остановлен советскими войсками. Гитлер сразу же связался по телефону с начальником штаба формирований Шернера и попросил его двинуться на помощь Берлину. Это было абсолютно невыполнимо, и никаких попыток предпринято не было.

28 апреля при попытке ускользнуть в Швейцарию итальянские партизаны застрелили Муссолини. Гитлер в присутствии Геббельса и Бормана сочетался браком со своей любовницей Евой Браун, после бракосочетания молодожены покончили жизнь самоубийством. В завещании Гитлер назвал в качестве своего преемника Дёница.

Британские и американские войска двигались на Мекленбург и Хольстен, а советские танки рвались к Кильскому каналу. Американцы наступали из Баварии в Богемию. Восстали чехи. С оппозицией было покончено.

Следы последнего начальника Генерального штаба генерала Кребса затерялись в Берлине. Вместе с генералом Бургдорфом он планировал покончить с собой, когда русские появятся в столице. Но возможно, его взяли в плен. Что касается Верховного командования вермахта, то его последняя задача заключалась в том, чтобы как можно меньше немецких солдат попало к русским.

Немецкие армии капитулировали одна за другой. Первыми сдались защитники Берлина. В тот же день, 2 мая, их примеру последовала юго-западная группа армий. 5 мая все немецкие армии в Германии, Австрии, Голландии, Дании и Норвегии сложили оружие. Исключение составила только группа армий Шернера. 7 мая адмирал Дёниц вступил в переговоры с союзниками, а 8 мая с формальностями было покончено. Йодль подписал документ о капитуляции с западными державами, а Кейтель — с Советским Союзом.

Закончилась вторая война на несколько фронтов, второй неудачный опыт в военной истории Германии в XX веке, и вместе с окончанием войны прекратил свое существование немецкий Генеральный штаб. Дважды перед офицерами этой военной организации стояли задачи, требовавшие колоссального напряжения. В первом случае, перед Первой мировой войной, воспоминания об успешном ведении войн в прошлом столетии, возможно, могли заставить членов Генерального штаба поверить, что им вполне по силам решить поставленную перед ними задачу, но перед Второй мировой войной самые проницательные умы ясно осознали, что эта война потребует сделать невозможное в рамках возможного.

Обвинение против Генерального штаба, что он играл одну из главных ролей в развязывании Второй мировой войны, было выдвинуто еще до международного суда в Нюрнберге. Невозможное свершилось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ИСТОКИ 5
Глава 2. ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ. Шарнхорст и Гнейзенау, идеалисты 19
Глава 3. ФИЛОСОФ ВОЙНЫ. Генеральный штаб в эпоху Клаузевица 55
Глава 4. ЧЕЛОВЕК-ТАЙНА. Гельмут фон Мольтке 74
Глава 5. ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА ИЛИ *COUP D'ETAT.* Вальдерзе 105
Глава 6. ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЛАН. Шлифен 128
Глава 7. ВОЙНА БЕЗ ГЕНЕРАЛОВ. Мольтке-младший и Фалькенхайн. 1906—1916 143
Глава 8. БЕСШУМНАЯ ДИКТАТУРА. Гинденбург и Людендорф. 1916—1918 177
Глава 9. ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА. Сект и «Truppenamt» 200
Глава 10. «ДЕЛАТЕЛЬ» КОРОЛЕЙ. Курт фон Шлейхер — Гаммерштейн-Экворд 233
Глава 11. НЕНАДЕЖНОЕ ПАРТНЕРСТВО. Людвиг фон Бек — Рейхенау 263
Глава 12. БОРЬБА ПРОТИВ ВОЙНЫ. Фрич — Бломберг — Браухич 293
Глава 13. ТРИУМФАТОР 328
Глава 14. НАЧАЛО ПОРАБОЩЕНИЯ 363
Глава 15. МЯТЕЖ 395
Глава 16. СУМЕРКИ БОГОВ 435

Гёрлиц Вальтер

ГЕРМАНСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

История и структура 1657—1945

Редактор *М.М. Подзорова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.02.2005.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Уч.-изд. л. 26,83 + 1 альбом = 27,26.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 4503028

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

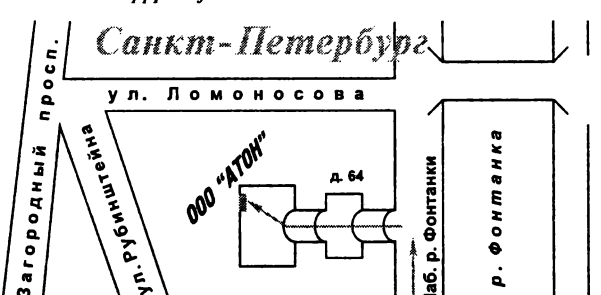

Москва – ул. Октябрьская, д. 18, *тел. для справок: 684-49-89,* ***мелкооптовый отдел*** *— тел. 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00,* ***курьерская доставка книг по Москве.***

Ростов-на-Дону – Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), *тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.*

Официальный дистрибьютор издательства ООО "АТОН". *Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 162-52-80, (812) 162-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net*

Герхард Шарнхорст

Фон Клаузевиц

Фон Гнейзенау

Фон Мольтке-старший

Фон Роон

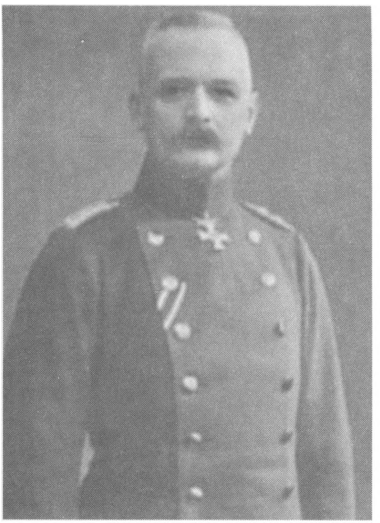
Фон Вальдерзе

Фон Шлифен

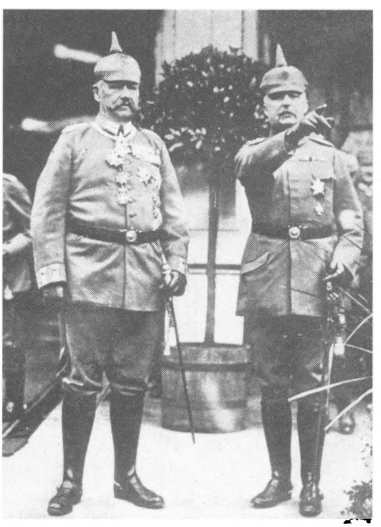
Фон Мольтке-младший

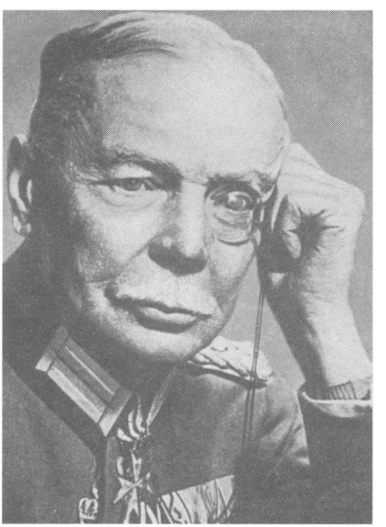
Фон Фалькенхайн

Фон Гинденбург, лейтенант,
1871 год

Фон Гинденбург и Людендорф
во время Первой мировой войны

Фон Сект

Генерал Вильгельм Хейе

Генерал Гронер, преемник Людендорфа во время Первой мировой войны

Фон Гаммерштейн-Экворд

Фон Шлейхер

Гитлер с фельдмаршалом Кейтелем, генералом Гальдером и фельдмаршалом фон Браухичем *(слева направо)*

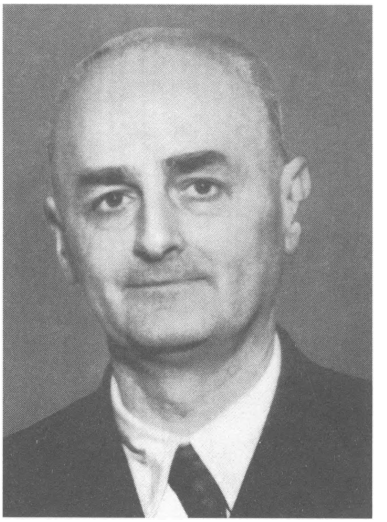
Фон Бломберг

Фон Фрич

Фон Клюге

Гюнтер Блюментрит

Фон Штюльпнагель, в период командования оккупационными войсками во Франции

Генерал Людвиг Бек

Фон Рундштедт

Ганс Шпейдель, в период пребывания в должности начальника штаба Роммеля

Генерал Курт Цейтцлер

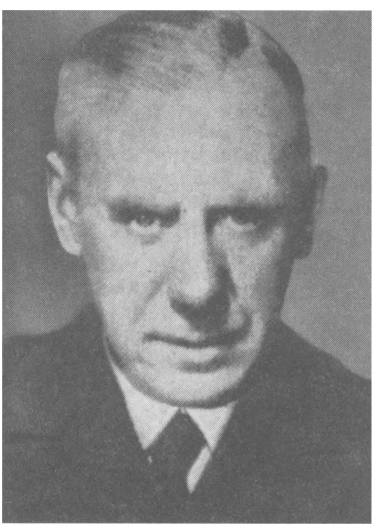
Генерал Гудериан во время русской кампании

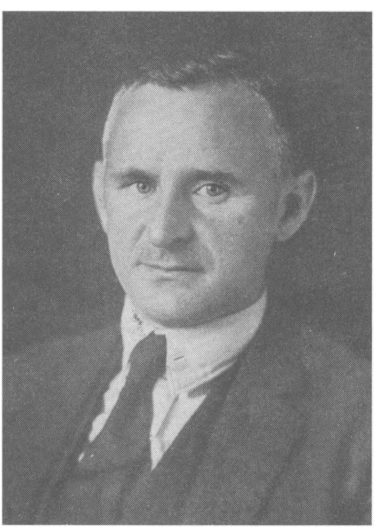
Фон Хассель

Генерал Ольбрихт

Адмирал Канарис

Доктор Герделер, обербургомистр Лейпцига

Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА

1657—1945

Автор с блеском выполнил уникальную по сложности задачу. В относительно небольшой по объему книге он увлекательно и подробно осветил всю историю создания германского Генерального штаба, начиная с XVII века, периода зарождения прусско-бранденбургской армии, когда впервые упоминается Генеральный штаб, и до окончания Второй мировой войны. Надо понимать, что, когда речь идет о германском Генеральном штабе, всегда имеется в виду штаб сухопутных войск.

Автор рассказывает, как складывалась каста генштабистов, подчеркивает особое значение связки начальник штаба — командующий, детально рассматривает «управленческую триаду»: штабы — полевые командиры — верховное командование, рисует яркие портреты офицеров Генерального штаба, объясняет сложную структуру командования немецкими войсками во Второй мировой войне.

ISBN 5-9524-1591-1

9 785952 415911

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

Германский Генеральный штаб

В. Гёрлиц